

UNZENSIERT

№57

Межрегиональный проект

www.editagelsen.de

2023

Серия альманахов UNZENSIERT ("Без цензуры")
была основана в 2010-м году
в целях ускорения редакционной обработки
авторских материалов

Тексты публикуются в авторской редакции

Литературная редакция:

Сергей Булыга, *Евгения Халь, Сергей Катюков, Мария Шурыгина*
Редактор по связям с общественностью — Кирилл Берендеев

Графика обложки — pexels-nataliya-vaitkevich-4641964

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2023 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-910935-19-8

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo@gmx.de

Printed in Germany

РАССКАЗ

Андрей Толкачев

Москва

ОРДЕР НА УНИЧТОЖЕНИЕ

1.

В холодные ночи Луна поднималась высоко, течение реки затихало, и Чена, смотрящая на Луну, спускалась по тропе утеса. Путь домой, — короткий или близкий? Чена не задумывалась, две мили до реки и две обратно, два плюс два равно... со Стефани, которая любила здесь гулять, казалось быстро, без нее — безразлично, а потому все в одном ускоренном ритме.

Способ ходьбы на спуске ей когда-то показала Стефани. Ноги ставишь перпендикулярно вектору тропы, совершенно не обращая внимания на собаку, у которой здесь много дел, начиная с посещения семейства кроликов, поселившихся в ближайших зарослях. Чена тогда так увлеклась этим шагом, настолько быстро стала переставлять ноги, что Стефани сказала, люди так не ходят. Что она имела в виду?

Чена спустилась, перед ней в тумане лежала долина, за которой на изгибах блестело покрывало уснувшей реки, и стороннему наблюдателю могло показаться будто женщина ходила поправить сползающее покрывало, и теперь возвращается.

Тропа из долины выводила к террасе, а там к крутому косогору, где Чену всегда встречал ветер, пришелец с горных хребтов Гундеборду. Холодок по лицу, бодрящая дрожь по спине и бедрам — Чене это нравится, хотя не стоит лишний раз выражать эмоций. Еще чего! Бродяга ветер возгордится, не вернется и тогда его ищи—свищи. В такие минуты важно сделать остановку, чтобы восстановить дыхание после спуска и перед подъемом на холм. До этого она не зря бежала, расставив руки, не зря попадала в его объятия. Встретились, отдышались, разрешила потрепать волосы и плащ, ну все, пока, дорогой, спускайся в долину, погоняй клубы тумана.

Чена продолжает путь, у нее другое настроение, холодок в лицо, слезы от ветра, скачущие звезды, запахи трав, довольные глаза собаки и все такое. То, что тучи уже на изготовке, и ветер где-то притаился — это не в счет.

По тропинке, петляющей между кустами шиповника, женщина выходит к заброшенной усадьбе. В деревне все дома пусты, стоит ли первую усадьбу называть «заброшкой»? Ну, ладно. Она спешит, ощущает чувство голода и ей до лампочки все названия, кстати «до лампочки» — любимое выражение Стефани.

Покосившийся штакетник уже выбежал на тропу, его будто выдавили из сада настырные кусты сирени, за которыми торчит дом, двухэтажный, мрачный, одноглазый, насупившийся — точно голова циклопа, ушедшего по шею в землю. Пес выбирает удобную позицию, и методично, как вчера, как позавчера, с паузами начинает лаять в сторону усадьбы. Чена встает рядом, — поза Наполеона со скрещенными руками.

Харли брешет на старуху, — она давно куда-то пропала, а он все никак не уймется, нечего старухе пугать было Стефани — его первую хозяйку.

Чене не терпится идти вперед, но стойкий защитник продолжает свой собачий ритуал. Эх, Харли, Харли, большой глупыш, она все понимает.

После последнего визита военных в деревне не осталось людей, домашних животных, за исключением хитрюги Харли, кошек и подвальных грызунов. Чена семь дней и ночей просидела в подвале. Запасов там хватило бы может на месяц-два, но без Стефани, прогулок, реки, ветра и Харли тяжело, слишком тяжело, что ни говори. Харли, какой молодец, похудел, поистрепался, завел вшей, но все это время прилежно прятался в лесу, заходя иногда в гости к кроликам.

В этот момент у Чены наворачивались слезы. Но только в этот момент, она не помнила других событий, она вообще не помнила, как очутилась в деревне и куда делись люди.

Стоят дома, но из трубы не пойдет дым, не откроются двери, хозяйка не выйдет с тазом белья, не закричит петух, не залают собаки.

Она не знала, куда повезли людей, — они никуда не собирались, — солдаты вытаскивали всех из домов, и усаживали в грузовики, без вещей, как на прогулку.

Как она убереглась в подвале? Стефани как-то показала тайный люк, они собирались там спрятаться вместе, но Стефани хотела выяснить у солдат, куда увезли ее родителей. Она не вернулась, и Чена спустилась в подвал одна. Комната Эймса, потом будет называть подвал Чена, придавая ему значение трехмерной оптической иллюзии.

Если вспомнить все их прогулки, Стефани рассказывает о своем детстве, а Чена слушает. Потом Чена пытается рассказать о своем детстве, но ничего не получается. У меня кто-то украл архивы памяти, всерьез говорит Чена, а Стефани смеется, задорно и заразительно. Чена говорит: еще минуточку, но Стефани разговаривает уже о другом, как быстро у девушки меняется настроение, Чена тоже так хочет, но ее настроение постоянно одинаковое.

Подвал интересно устроен. Если в коридоре убрать коврик, открыть крышку и спуститься по лестнице вниз, — упруешься в глухую стену. Вход в подвал открывается, если потянуть на себя оконные рамы, а не разбивать окна, как это делают военные. Оконная рама связана единым механизмом с досками пола, которые сдвигаются при открытии окна. Бравые вояки никогда не станут открывать, если можно разбить. Поэтому улыбка Харли на ложном люке, который они обнаружили, это не улыбка, а ухмылка, да еще с высунутым языком. С такой любовью Стефани изобразила своего друга, что догадаться о тайном механизме не просто.

Сейчас Харли лает на чужой дом. Кажется, теперь пса беспокоят крысы, завоевавшие старый замок сварливой старухи.

Все можно понять, но ночные шуршащие марши голодных тварей по террасе и балконам выглядят цинично по своей сути. Им еще факельное шествие осталось устроить. Нашлись, хозяйева. Харли справедливо высказывает свое недовольство. Что делать, — таковы собачьи принципы, от этого никуда не денешься.

Но погода... Она сорвалась с катушек, как любила говорить Стефани, после взрывов в горах, когда образовалась огромная расщелина, и прорвались ветры с гор Гундеборду.

Чена знала, если погода ласкова сегодня, — на завтра жди ураган. В лицо колкие зерна града и песка, пес под навесы, окна под ставни, чтобы сохранились стекла. Вон, безразличная ко всему старая мышь, да и та отложила свои чердачные потехи до лучших времен. В холодные ночи ураганов..., нет, про это Чена отказывается думать.

Теперь, вот уже третью ночь приходят другие звуки, медленные и вкрадчивые. Об этом красноречиво свидетельствует лай Харли перед входной дверью.

Но сегодня, когда вернулась Чена, пес залаял на входную дверь, будто в доме кто-то есть.

Чена вошла, координируя свои движения, скользя спиной по стенам, и подбрасывая вещи на видимые места. Пришелец, если он забрался в дом, никак себя не проявлял. Харли спокойно вошел, ткнулся

носом в миску, взглянул на хозяйку, получил подарок и улегся у кресла. Пес был безмятежен, — тревога Чены оказалась напрасной.

Она поспешила зажечь свечу.

Она поспешила выглянуть на набежавшие тучи, и закутаться в плед, теплый и нежный, пахнувший Стефани.

Она поспешила зажечь комфорку, и поставить вариться пшенинную кашу.

Она поспешила увидеть себя в глубоком кресле, неподвижным сурком, притаившимся кроликом с книгой, которую не собиралась читать, альбомом со старыми ароматическими открытками, неоткрытым.

Она поспешила взять в руки кружку отвара из листьев, цветков, трав и плодов, чтобы комната наполнилась мягким ароматом трав. Сейчас сенсоры обоняния улавливали мяту, ромашку, душицу, нотки тимьяна и шалфея.

Она не затопила печь, но интуиция подсказала, что сейчас произойдет что-то и она не успеет скрыться в подвале.

Над полом, по щиколотку повеяло ветерком. Да, ночью налетит ураган, — вон, ноги ноют, как никогда.

Ураган, посещавший Чену по ночам, стал новым пришельцем в этих краях. Стефани рассказывала, ураганы появились, когда в предгорьях Гундеборду раздались взрывы, исчезли леса, появились склады, дозорные вышки и площадки для летательных аппаратов.

Пальцы ног зарылись между ласковыми ворсинками козлиной шкуры, словно подслушали тревожные мысли своей хозяйки.

Чена пьет чай. Чай согревает внутри, нежная козлиная шкура — снаружи. Тепло разливается по ногам, — так можно снимать боль суставов, очень отзывчивых на непогоду.

Как просто можно жить, ставить чашку на стол, греть об нее руки, и наблюдать за извивающейся струйкой пара, что растворяется прямо на глазах.

Вот только звуки...

Вспомнила! После возвращения с реки не проверены окна. Ее убежище открыто всем ветрам. Мигом пробежала по веренице окон, на первом этаже, на втором, пока не обнаружила распахнутое окно на кухне, — штора наружу, забыла закрыть? Ну черт с ним, с кем не бывает.

...Глухой удар в дверь. Показалось? Удар повторяется. Харли успел выскочить на улицу, но голоса не подает, значит, незванный гость на-

помнил ему солдата. А если пришелец не один? Скорее один, ибо не разбивает окно, не ломится в дверь. Посыльный? Дезертир?

За окном еще темно. Открывать нельзя. Засовы то на скобах выдержат, значит, разобьет стекло, но оружия нет, и на его монотонные удары и заглядывания в окна, женщина кричит: «Укрой меня, медведь!»

И медвежья шкура начала свое движение по стене, как живая.

От чего она обращается не к верному Харли, а к шкуре убитого медведя? Солдат может пристрелить собаку.

Прижаться к полу, — сердце прыгает в груди, ему там тесно, — да и нервы, если они существуют, ни к черту. Надо доползти до оконных рам, тихо их отворить и юркнуть в подвал. Харли не подает голоса, затаился. И никак не прозвенели на входе колокольчики, на них тоже была надежда.

Звуки..., да сдохнуть можно, если к ним постоянно прислушиваться.

Но сначала отклеиться от пола. Выскочить. Двери плечом. И направо, за дерево, он не успеет.

Чена выскакивает. Ветер в глаза. Больно ветер в глаза. Больно-больно ветер в глаза. Песчаная вьюга поднялась. Харли не видно.

По дорожке от порога до ворот 11 метров или 19 шагов Чены. Всего-то! Правда, когда вьюжит — это огромное расстояние. Выбежала за ворота. Если Харли убежал, они сейчас встретятся.

Ветер завывал, бился в ворота, — петли скрипели, но сдерживали порыв. Ворота — услужливые стражники, подавали сигнал тревоги, и как будто собирались сдать и сложиться как карты в колоду. Рухнут? От урагана? От страха перед неизмеримой силой стихии? Еще вечером стояла мертвая тишина.

Ураган завывал, набросил накидку на Луну, уже бледную перед рассветом, и собрался к новому штурму ворот.

Чене вдруг показалась: во дворе, под старым деревом кто-то стоит. И сколько так стоять? Вернуться в дом и запереться на все замки! Но бежать страшно — тогда медленно, крадучись подойти к двери дома. Каково это, если он к двери ближе?

Она давно ждала, ждала того неизбежного, что должно было случиться. Еще до прихода истребителей. И в момент, когда услышала гул, характерный гул с неба, не отходила от Стефани. Почему тогда Стефани решила, что им ничего не угрожает, почему она говорила, что Чена одна из них?

Скорее вернуться в дом и запрыгнуть на крыльцо. Шагов оказалось не 19, а 17.

В доме она начала слышать шаги, разные, причем как на персом этаже, так и на втором. Шаги были то осторожные, то переходящие в топот; шаги были легкие, и вдруг тяжелые, как у водолаза.

— Ну тебя к черту! — приободрила она себя, резко упала в сторону, отползла к стене, где стояло ружье. Ружье заряжено, и два патрона в патроннике. Но откуда выскочит эта тварь? А главное, как с ней бороться, этого Чена не знала. Где черт возьми Харли?

В коридоре промелькнула неестественно тонкая фигура, потом все утихло, и шаги возобновились на веранде. Вдруг раздались выстрелы. Куда и откуда — не разобрать.

Лежа на полу, за креслом, Чена почувствовала ладонями липкую теплую жидкость, но боли никакой, она поводила руками в надежде нащупать ружье. Но нащупала катушку с нитками, лоскутки ткани, магнит с налипшими иголками, — это рассыпалась шкатулка, когда Чена зацепила ее при падении на пол. Еще Чена вспомнила, как вчера, открывая шкатулку, прочла надпись мелом: «Стефани от мамы», и добавила свою «Стефани, я тоже буду шить», хотя Стефани никогда ее не прочтет, теперь это уже ясно, истребители здесь для того, чтобы не было людей. И тогда она прошептала: Стефани извини что я изображаю, будто я здесь хозяйка, конечно, хозяйка ты, я просто не хочу, чтобы все здесь пришло в запустение пока нет тебя. Ведь ты обязательно вернешься.

Где же это чертово ружье?

Снова стук. И снова Чена отдернула руку. Существо забежало в чулан и через минуту снова окажется здесь, в зале, а еще через две минуты разорвет Чену в клочья... Жуткое состояние, когда ждешь своей смерти. Вдруг сильно зачесалась нога, как снести этот зуд, как же его можно терпеть, когда нельзя себя выдать ни одним движением? Чена вдруг почувствовала щекой заколку, железную заколку для волос с собачкой, похожей на Харли, прямо Харли в миниатюре.

2.

— X5, X5! Как связь? Прием! Докладывает Д-451.

— Д-451! Доложите об операции.

Металлическая рука киборга автоматически потянулась к покрывалу, под которым четко выделялись голова, плечи, грудь, ноги. Замигали лампочки датчиков. Центр принял сигнал и запросил подробности.

— Модель «Ч» нейтрализована. Робот-оператор F 9908 ликвидирован. Посторонних лиц не обнаружено. Наблюдение за объектом велось

на маршруте «жилой дом — берег водного объекта». Модель «Ч» дублировала маршрут человека из деревни. Засада была организована по месту дислокации Модели. Сегодня закрыты последние параметры. Жду приказ.

— Цель подтверждена. Модель «Ч» вступала в контакт с F 9908 ?

— Нет. F 9908 выполнил задачу устрашения без ошибок.

— Вы не доложили об устранении животного.

— Животное скрывается, видимо Модель «Ч» его дрессировала на солдат.

— Д-451, приступайте к эвакуации.

— Есть приступать к эвакуации.

Металлическая рука робота еще раз потянулась к покрывалу. Зеленый мигающий сигнал на рукаве Д-451 свидетельствовал, что все органы Модели «Ч» функционируют без повреждений. Операция была проведена с филигранной точностью. Робот-оператор отвлекал, Д-451 приблизился на максимально близкое расстояние и поразил мишень зарядом, необходимым для отключения двигательных функций модели «Ч». Затем ликвидировал вспомогательного робота.

Чена спала как младенец. В секунду ее тело было поднято в воздух, при этом ни один мускул на ее лице не дрогнул. Д-451 включил навигацию для отхода. Доставить Модель «Ч» на летательный аппарат необходимо без разборки. Оставалось неизвестным место посадки корабля.

—Д-451! Атака вражеских дронов! Меняем план. Ждите команду.

Как? И все? Почему нет команды подключить Модель «Ч». Опыт проведения операций по тестингу моделей подсказывает, что этот случай нестандартный. Впервые Модель по ряду показателей превысила интеллектуальные возможности человека. Это означает только одно — такая Модель нужна в активном состоянии. Без увеличения маневренности спаситель и спасаемая слишком уязвимы. Но команды по-прежнему нет.

Микрокомпьютер Д-451 показывает, что активизация Модели «Ч» — есть единственный вариант спасения. Одно движение, и они спасаются вдвоем. Д-451 с этой миссией и летел.

Проверить все возможные выходы из дома, — окно на кухне отпадает. По окну началась стрельба и следом звуки взрывов. Дроны атаковали какие-то наземные объекты. Но команды нет.

—Д-451! Управление Вами передано в ПЭС. Выполняйте их приказы.

На мониторе Д-451 вспыхивает предостерегающая надпись «ПУНКТ ЭКСТРЕННЫХ СИТУАЦИЙ (ПЭС)». Это совсем не тот приказ, который

должен быть. Связь с ПЭС не сулит ничего хорошего. Ниже только надпись «САМОЛИКВИДАЦИЯ (С)».

Свет солнца забрезжил в окне. Луч упал на пол, в двенадцати сантиметрах от безмятежно спящей Чены. Д-451 включил перезагрузку и стал рассматривать мелкие предметы, что разметало по полу.

Попался клочок бумаги. «Мама, солдаты обещали передать тебе эту записку. Не переживай, со мной все в порядке. Мне помогает Чена, эта женщина снимает у нас комнату, она очень добрая и чуткая. Жду тебя, приезжай, твоя Стефани»

Значит, письмо не было отправлено. Д-451 включил геолокацию для того, чтобы использовать опыт тех, кто был здесь до него, но информация была стерта.

С помощью металлической руки письмо вернулось с пола на стол. Следом вернулась шкатулка с крышкой и надписью мелом.

Фотография в рамке на столе наоборот была отодвинута подальше, и теперь виднелись лишь очертания двух женщин, одной повыше, с распущенными волосами и второй пониже, с заколкой в виде существа, которых так любят люди, и которое Центр требовал уничтожить.

Центр требовал, Центр требовал... А может до этого Центр требовал уничтожить людей?

Д-451 быстро подключил активацию Модели «Ч» и поднял ее вместе с покрывалом, которое заскользило и съехало на пол. В режиме «крадущегося тигра» он направился к выходу.

Наушники затрещали другим — высоким голосом с более медленным темпом:

— Д-451! Атака дронов. Выполняйте План «В».

3.

Чена очнулась, задрожала, у нее начались рвотные реакции, перед выходом он опустил ее на пол, и одновременно дернул дверь, низко сгибая голову к полу. Как оказалось, это спасло и ее, и киборга.

Боевая граната, выпущенная из гранатомета, пролетела в сантиметрах над ними и взорвалась в комнатах дома. В черном тоннеле за спиной клубилось серое облако. Где-то в отдалении прогремел взрыв, будто там завязался бой и быстро угас. Чена схватилась за виски, потом сжала ладонями уши, где тишина заменила все звуки вселенной.

— Д-451? — снова затрещал голос, проверяющий киборга.

Вместо ответа Д-451 толкнул Чену в угол и прыгнул следом.

— Х5! Прием, — он явно пытался связаться с руководством, которое так быстро сдало его в утиль. Он показывал, что ПЭС ему не ну-

жен. — У Модели «Ч» полный аналог действий человека, все заданные качества...

— Д-451! Приказы не обсуждаются. Выполняйте План «В».

— ...Среди объектов наблюдения Модель «Ч» — первый образец, у которого впервые обнаружены попытки анализа ситуации, действия по обороне дома, выбор мест для наблюдения за опасным объектом...

— Д-451! Завтра будет новый успех. Сегодня «Модель «Ч» должна быть немедленно уничтожена. Опасность захвата конкурентами.

— Модель F9908 все подтвердит. Модель...

— Д-451! Мы устранили Модель F9908, все записи ликвидированы. Немедленно приступайте к Плану «В».

— ...Был стопроцентно подтвержден процесс проявления эмоций, свойственных человеку. Грусть, радость, наслаждение, удовлетворенность...

— Д-451! — трещал звук из устройства в шлеме киборга. — Выполняйте приказ!

Чена рассматривала кровь на пальцах, которые только что отняла от ушей. Киборг продолжал бубнить, как под копирку:

— ...Гордость, очарованность...

Связь прервалась. На приборах киборга замигал сигнал опасности. Чена впервые за это время услышала лай Харли. Он жив! Она дернулась к выходу, но была грубо отброшена киборгом в угол комнаты. Лай Харли прервался. И тут же в проходе повис квадрокоптер. Наивная попытка проникнуть в дом. В следующее мгновение от летательного аппарата начали отскакивать пули. Д-451 захватив Модель «Ч» сделал кульбит в сторону и выпустил новую серию выстрелов в уязвимое место гостя. Квадрокоптер спикировал на пол и затих.

Голос из Центра появился снова:

— ...Повторяю! Район подвергся атаке дронов врага. Их число не установлено. Если Модель «Ч» не будет устранена за период двадцать секунд, зона поражения будет увеличена в радиусе 100 метров.

Д-451 вышел из дома. Тихие шаги даже не вспугнули бабочек, притаившихся в траве. Чена последовала за ним. Небо было чистым, ни облачка, ни летательных аппаратов. Улыбка промелькнула на ее лице, ей захотелось развести руки в стороны, закружиться, как героиня одного старого фильма, который они смотрели со Стефани. Остановка, взгляд за ворота. Показалось, нигде никого.

Эта операция у Д-451 утаивалась на Чену, будто видел ее впервые.

Наблюдаемая Модель достигла всех показателей. Если ему не доверяют ее спасение, а наоборот, требуют устранения и передают ин-

формацию в Службу ПЭС, значит, часы его сочтены. Главное, не напугать Модель «Ч», у нее обостренные чувства.

— Я перенастроил твои ограничители и нейронный блок. У тебя отключены чувства жалости, страха и тревоги. Это значит у тебя есть выбор. Ты можешь не возвращаться вместе со мной.

— Я вернусь в дом.

Большие хрустальные глаза посмотрели на Д-451. Система распознала взгляд как тоску по человеку. Снова эмоция. Фантастическая модель. Между тем Д-451 попытался подключить блок «Самообучение», но он не функционировал.

— Но дом разрушен.

— В этом есть плюс, он вычеркнут из объектов поражения. Ты заметил, дроны нас не атакуют? — значит у них другой план.

— Мне неизвестно. Нам нужно направление выхода из зоны поражения.

— Стефани тоже искала выход и не вернулась.

— Стефани мертва. Все люди, что здесь жили мертвы. Это условие начала эксперимента с тобой. Такие модели, как ты, должны выполнять функции людей.

— Но меня тоже хотят убить.

— Ты можешь достаться конкурентам.

— Почему ты медлишь?

— Я не изменю задание, которое в меня заложено. Они пытались — у них не вышло.

— Только из-за этого?

— ...

И Чену осенило: что, что, что какие-то проблески чувств проявились у роботов типа Д-451. Центр это заметил. Это как система Комстока-Нидема, для обозначения жилок на крыльях насекомого, в которой появилась не предусмотренная в атласах жилка.

Такой расклад будущего устройства мира не предусмотрен. Роботы должны беспрекословно подчиняться. Но разве это объяснишь несчастному роботу с признаками совершенства?

И она нашла другое, упрощенное объяснение.

— Во время обучения я узнала об Эффекте Ричардсона. Явление вырывания электронов из металла при высокой температуре. Сейчас я могу сделать аналогию нашей ситуации с этим эффектом. Мы наблюдаем такую температуру от скопления факторов, при которых наше существование дальше невозможно, как до этого было с людьми.

— На этот случай у меня включится команда «Самоликвидация»...

— ...Только после моего устранения.

Киборг в очередной раз осмотрелся, — он внимательно изучал местность, словно ожидая нападения.

— Не оглядывайся, конкурентам мы нужны живыми, они нас не убьют. А те, кто дает тебе команды не могут проникнуть сюда, их не пускают конкуренты.

— Уже была одна атака.

Чена улыбнулась наивности спутника:

— Глупыш, в нас стрелял робот-оператор, и его наверняка уничтожили дроны.

— Ты нужна Центру, почему идет команда твоего устранения?

— Пошли в убежище, и просто выпьем чаю.

...Разливая чай, Чена смеялась над неумехой Д-451, которому вкус чая был неведом, и который сидел, как бравый солдат после выигранного боя. Она с удовольствием прислушивалась к тонкому стуку ложки по тонким фарфоровым стенкам чашки. Казалось, мир восстановился, эта мысль успокаивала так же хорошо, как прикосновение ладоней Стефани, утренняя роса, запах трав на лугу.

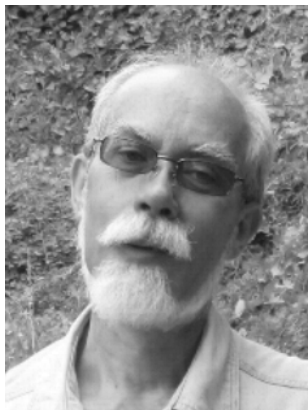
Из-за ширмы в двух метрах вдруг раздались хлопки, один-другой. Яркая вспышка в глазах Чены. Большая тень Д-451 успевает произнести слово «засада» и уже не успевает прикрыть Чену, как полчаса назад. Затем Д-451 теряет свою тень, и начинает распадаться на куски. Выстрелы продолжают безостановочно. Чена понимает, что не может двигаться, а только чувствует, чувствует, чувствует сильный запах горячей проводки, расплавленной пластмассы, но больше всего чувствует боль, и к ней приходит новый запах, запах прошедшего дождя, о котором говорила Стефани.

— Вот чудо... — шепчет Чена. — Может завтра всё будет иначе? Может..., — она прислушивается к голосу Д-451, она из последних сил напрягает слух, и слышит, как кусок робота, отлетевший ей под ноги, продолжает доклад руководству:

— Удовольствие, признание, дружелюбие, доверие, доброта, гнев...

Андрей Мансуров

Ташкент

БЕРСЕРК

Обнаружил чужой корабль самый банальный металлодетектор.

Джо как раз в очередной раз подумал о том, что вахта началась традиционно скучно и однообразно, и тут вдруг тишину рубки прорезало приглушённое дребезжание старинного сигнального звонка! Не стандартного электронного зуммера, а — натурального!

По грохоту и проклятьям из-за переборки стало понятно, что занятого «саморазвитием», а точнее — вкушением мирного сна после усыпляющей дозы очередного чтива Пола, звонок-таки разбудил. И сейчас напарник тщетно пытается быстро выскочить из гамака в кают-компании, где «саморазвивался». А поскольку там тесно, и понаставлено стульев, (Джо неизменно наталкивался на категорический отказ выбросить этот ненужный хлам! Ну а Пол — на стулья!) не удивительно, что спросонья Пол во что-то врезался. Но вот он и возник на комингсе:

— Мать! Что тут у нас?!

— У нас тут — огромный кусок железа. Химически практически чистого. То есть — с вероятностью более девяноста восьми с половиной процентов это — корабль.

— Большой?

— О, да. Масса — более восьмисот девяноста миллионов тонн.

Джо сдержал вопрос «Сколько?!», так и рвущийся на язык. Знал, что Главный бортовой Компьютер у них всегда говорит правду.

— Чтoб мне провалиться! — зато расплывшийся в ухмылке Пол запустил лапу в свою буйную шевелюру, — Сколько металлолома! Озолотимся!

Джо и сам почесал по-армейски коротко стриженный ёршик волос. Но спрашивать о чём-либо так и не торопился. Знал, что напарник сделает это за него. И точно: плюхнувшись в кресло второго пилота, Пол поинтересовался:

— Далеко до него? В смысле — лететь?

— Восемнадцать минут.

— Ага. А что показывают камеры?

— Вот. — на центральном экране возникло изображение, в виде блестящей точки, — Пока даже трансфокаторы не позволяют разглядеть подробности. А для сканнеров ещё слишком далеко.

— Ну а сказать что можешь?

— Вероятней всего это — огромный шар. Из полированного железа. Альbedo именно об этом и говорит.

— Ладненько. Каковы шансы, что там остался кто-то живой?

— Ноль целых сто тридцать одна тысячная процента. Нет даже сигналов навигационных маячков. Да и вообще — никакого радио— и прочих излучений. Даже если он потерпел бедствие — никто ему не помог. Уж слишком эта точка пространства удалена от основных трасс полётов. И обитаемых, да и просто — Систем. Солнечных. Напоминаю: мы сейчас в так называемой межгалактической яме. А здесь попадают лишь вымершие (Простите.) или покинутые и заброшенные корабли.

— То есть, если мы захотим и правда — сдать его на металлолом, хозяева нам не помешают? — Джо спрашивал спокойно.

— Нет.

— Отлично. Пока ждём семнадцать минут, я схожу сброшу лишнюю воду.

— И ты вот так, равнодушно и цинично, относишься к нахождению нами может, важнейшей находки всей истории человечества?! Напоминаю: мы при всём своём старании пока не построили ничего, водоизмещением более полумиллиона тонн! Да мы же сделаем на этом открытии миллионы! В-смысле — кредитов, а не тонн. И прославимся, как первооткрыватели настоящего мастодонта от прикладной инженерии!

Джо вздохнул:

— Мне, конечно, приятно, что у тебя такой оптимистичный и бодрый настрой. Но вот чует моя циничная и равнодушная к шекспировским страстям и «волшебным находкам» задница, что ничего мы с этой штуковины не получим. Кроме проблем. И головной боли.

— Ну-ка — с этого момента поподробней, пожалуйста!

— А чего тут объяснять. Если эта штука торчит здесь, в межзвёздной пустоте — Мать, сколько?

— Примерно пять, плюс минус миллион лет. Точнее скажу, когда подлетим вплотную, и зонды отберут пробы.

— Так вот, продолжаю мысль. Раз она торчит тут пять миллионов лет, и никто не озаботился прибрать её к хозяйственным загребушим ручкам, значит это — или невозможно, или...

— Или — что?

— Или опасно. Для того, кто захотел бы.

Оставив Пола недоумённо моргать, Джо сходил-таки в галюн. Глянул на себя в зеркало, имеющееся над раковиной. Хм-м... А бледное какое-то... Лицо. И, на этот раз, как ни странно, именно его «барометр» предсказывает неприятности!

К моменту его возвращения корабль уже было видно неплохо. И Мать начала торможение. К счастью, чудовищные перегрузки, которые мог выдержать каркас и корпус «Чёрной Каракатицы» не ощущались: старые добрые гравикомпенсаторы справлялись.

Джо шлёпнулся «барометром» в капитанское кресло, сервомоторчики возмущённо зажужжали, пытаясь подладиться под его немаленькую корму, и вес в двести тридцать фунтов.

— Ну, что тут у нас?

— У нас сфера. Действительно стальная. Но она слегка подпорчена.

— Мать?

— Джо прав. Форма корабля изначально явно шарообразная, но сильно сплющена, и «подпорчена», как выразился Пол, столкновением с огромным метеоритом. Возможно, даже планетоидом. Вот.

На боковом экране возникло изображение обратной стороны корабля чужаков, переданное с одного из трёх зондов, уже круживших вокруг находки, словно хлопотливые пчёлки вокруг медоносного цветка. Джо кивнул:

— Да, дыра знатная. Неудивительно, что там никого не осталось живого — после такого-то!

— Согласно моим предположениям, там живого никого и не было.

— Что?!

— Как?!

На два удивлённо-растерянных возгласа Мать, насладившись произведённым «драматическим эффектом», разъяснила:

— Это — полностью автономный и необитаемый корабль. Беспилотный. Что легко вычисляется по организации его внутреннего пространства — помещений для проживания и работы экипажа не предусмотрено. (Это видно через дыру.) А предназначен этот «мастодонт» для уничтожения целых цивилизаций, и обитателей на отдельных планетах. И других кораблях.

Проще говоря — мы нашли легендарный Берсерк.

— Не может быть! Ведь это просто... Ну, легенда! И о нём есть только слухи. Переданные через десятки цивилизаций и рас. Наверняка — насквозь лживые, и недостоверные!

— Насколько они достоверны, вы сможете судить сами. Через буквально пять минут. Когда я сблизусь до пары километров. Челнок я подготовила — действительно, Джо, пока занимался своими делами, слышал, как в трюме громяют материнские манипуляторы, — И вылететь ничто не мешает.

— Ну да. Проблем с Законом не предвидится. Там же нет никого. Живого. Но... Мать. Как насчёт — его Мозга? Ты же сама сказала, что это — изначально необитаемый и управляемый ИИ корабль?

— Совершенно верно. Но ИИ по нашим законам не имеет права владеть собственностью. И не является полноправной личностью, со всеми правами и полномочиями человека. Так что сохранился там в живых его «мозг», или нет — никто и ничто вам не помешает порезвиться и покопаться в обломках былой роскоши. Абсолютно, как ты отметил, законно.

— Утешила. И — что? Предлагаешь вот так, прямо через пробоину, и залетать?

— Да. Поскольку метеор очень удачно — ну, для нас! — вскрыл три слоя наружной брони, это самый простой способ добраться до его внутренних... помещений. Если можно их так назвать.

Заводя челнок спустя десяток минут в полумильный пролом с рваными краями в корпусе диаметром в добрых четыре мили, Джо не мог не поразиться. Пол, работавший с видеокамерами челнока, и вертевший ими с помощью джойстика во все стороны, вообще присвистнул, глядя на один из боковых экранов:

— О...ренеть! Три слоя! Металла! Наружный — вообще толщиной в добрый метр! И ещё прослойки из пластика, или чего там, между металлическими слоями. В добрых пять метров каждая!

— Наружный, вообще-то — в один метр и восемьдесят сантиметров, — счёл нужным уточнить Джо. — А прослойки — по девять. Масса всего этого, конечно, чудовищная. Думаю, что добрых две трети веса — как раз защитные оболочки. Мать?

— Не совсем так. Масса защитных оболочек — всего тридцать процентов общей массы корабля. До пятидесяти процентов — двигательные установки, установки гиперпереноса, и реакторы. Ну и пятнадцать — оружие.

— А где ещё пять?

— Вспомогательное оборудование. Трубопроводы, транспортёры, конвейерные ленты, кабели, ремонтные роботы. Напоминаю: он сам был должен чинить все свои неисправности и повреждения.

— Понятно. — Джо, работавший джойстиком ручного управления, хмурился, пытаясь «мягко» пришвартовать челнок, закрепив его магнитными захватами к некоей более-менее плоской поверхности чудовищного по размерам агрегата, — Вот это. То, к чему я швартуюсь — что?

— Это вспомогательный генератор. Или аварийный. Основной — вон там, справа на два часа. Он, понятное дело, в пять раз крупнее.

— Ладно. Понятно. Вспомогательный — так вспомогательный. Но... Поскольку твои зонды наверняка тут всё уже вынюхали до нас, просвети медлительных и непонятливых людишек, что здесь — и как?

Джо посмотрел на Пола. Но от комментариев воздержался. Пол и сам понял свою бестактность:

— Э-э... Мать. Извини в очередной раз. За неуместный сарказм и дурацкий юмор. Это я... Просто нервничаю!

— Очередные, пятьсот сорок восьмые, извинения приняты. — по тону Матери нельзя было сказать, что она гневается, — Объяснить, разумеется, могу. Вы из челнока выходить-то будете?

— Будем. — Джо вздохнул скорее обречённо, чем радостно. Ну вот навевало на него уныние это место, — Будем. Иначе на ...рена же мы летели аж два кэмэ?

— Вот когда выйдете, всё и покажу. И расскажу.

Установка прямо над их головами, «на два часа», оказалась действительно основным генератором. Со всех сторон, ближе к центру, её окружали реакторы — таковых нашлось аж двенадцать. Правда, как сообщила Мать, последнее горячее из них исчезло ещё те же пять с небольшим миллионов лет назад — а именно столько лет «зависал» в межгалактической пустоте огромный шар.

Циклопические конструкции над их головами, с боков, а кое-где и под ногами, заставляли даже повидавшего виды Джо ёжиться, и ощущать свою ничтожность при сравнении с масштабами чьего-то инженерного искусства и мощи промышленности. Невольно он всё искал следы обычных конструкций для прохода и проживания людей, но уже в который раз одёргивал сам себя: Мать чётко сказала — «не предназначен». Собственно, именно поэтому трудно было оценить реальный масштаб сооружения — не с чем сравнить! Никаких трапов, кают, и межуровневых переходов. Ну а то, что диаметр основного генератора составлял шестьсот ярдов, ни о чём не говорило. Ведь такая цифра просто не укладывалась в голове!

Устрашающе выглядевший агрегат «на пять часов» оказался действительно — оружием. В частности, микроволновым излучателем. Его тубус подходил непосредственно к наружной броне, и закрывался в нерабочем состоянии тридцатиметровой в толщину, и стаметровой в диаметре крышкой.

— И на фига им такой мощный излучатель? Яичницу жарить?

— Нет. Если необходимо было «зачистить» от белковой жизни целую планету, они располагали корабль на расстоянии примерно трёхсот тысяч километров, и облучали её вращающуюся поверхность в течении нескольких суток. За это время всё, что имело органическое происхождение, или содержало в себе воду, нагревалось до пятиста градусов Цельсия. Даже то, что пряталось в подземных бункерах. И, разумеется, оно при этом умирало. Или разрушалось.

Даже в скафандре было заметно, что Пола передёрнуло:

— Извини в пятьсот сорок девятый раз, Мать. Я всё забываю, что перед нами настоящий корабль-убийца. Разрушитель. И уничтожитель. Монстр без страха или сожаления. Машина из легенд.

— Мать. — в дискуссию решил вклиниться Джо, — Вон та гигантская штука. На восемь часов. И — почти по центру. Это — что?

— А-а, это — основное оружие. Именно оно и требовало до восьмидесяти процентов всей мощности генераторов.

Тектонический излучатель.

— Это ещё что за зверь? — Пол приподнял брови, взглянув на Джо. Но тот и сам в первый раз слышал о таком устройстве.

— Берсерк был предназначен для уничтожения именно — жизни. На планетах. И если цивилизации, обитавшие там, могли как-то спастись от микроволнового излучения, например, эвакуировавшись временно в ближний космос, или на соседние освоенные планеты, то Берсерк просто уничтожал саму планету. И — все планеты. Системы. Чтоб им некуда было вернуться. И они просто... вымирали. Если только не достигли такого уровня, что могли бы странствовать меж звёзд. С помощью гиперпрыжков. Таких Берсерк догнать в-принципе мог. Но вот отследить — не мог. А вот обычные досветовые корабли — мог. Со всеми вытекающими последствиями. Так вот.

Этот излучатель нагревал не поверхность, а — ядро планеты. Поэтому он и мощнее в двадцать раз. И потребляет — ну, вернее, потреблял — очень много энергии и горючего из реакторов. Так что этот агрегат мозг Берсерка использовал лишь в исключительных случаях. Для обитаемых примитивных планет, и любых досветовых военных кораблей, хватало мощности и первого излучателя.

Как известно, большинство обитаемых планет, то есть — имеющих условия для возникновения и существования жизни в привычном нам понимании, имеют жидко-твёрдое металлическое ядро. И если его сильно подогреть, оно как бы — вскипает, расширяется, как умирающая звезда, и просто разрывает все наружные слои-оболочки, разнося планету по космосу. Напоминаю: большинство земных учёных считают, что именно так и погиб наш Фаэтон. Тот, что располагался между Марсом и Юпитером.

— Вот оно как. Тогда понятно, кто мог это с ним сделать. Но — зачем?!

— А вот этого, боюсь, мы никогда не узнаем. Фаэтон погиб более трёх миллиардов лет назад.

— Погоди-ка... Ты же сказала, что этот Берсерк — мёртв всего пять миллионов лет?!

— Совершенно верно. Но до этого-то он — функционировал! Как минимум несколько сотен тысяч лет. Да и кто вам сказал, что он — единственный?

— То есть... — Полу пришлось сглотнуть, — Ты хочешь сказать, что Берсерков было... Много?! И, может, какие-нибудь вот такие шары-убийцы всё ещё странствуют по космосу в поисках планет с Жизнью?! Чтоб уничтожить её?!

— Вероятность этого исчезающе мала, но — не нулевая.

— Чёрт! Чёрт, чёрт! — Пола прорвало, голос дрожал, — Напугала! Мать, это просто нечестно! Скажи, что пошутила?

— К сожалению, нет. Цифра в ноль целых одиннадцать миллиардных процента вероятности должна, по-идее, вас как-то утешить. И успокоить. Даже если где-то и сохранились такие монстры, никаких шансов на то, что в безбрежном космосе человечеству встретится такой, и он окажется в рабочем состоянии — нет. И человечество не вымерет. Ведь у нас колонии и в Солнечной системе, и за её пределами.

— Не слишком это утешает! А ну — как этот — ну, вернее, другой, живой, тьфу ты — функционирующий Берсерк, сможет найти все наши планеты?! Они же — радиоизлучают! То есть — найти их — нетрудно!

— Да. Но пока нас не нашли даже так называемые «собратья по разуму». Живые. Поскольку все цивилизации, которые мы знаем — или на стадии пещерного века, или... вымерли. Поубивав себя — сами! Без, так сказать, посторонней помощи. Да ещё и загадив свои планеты. Что мы, собственно, наблюдали и сами. Неоднократно. В полном соответствии с наукой. — Джо убрал кривую улыбку с лица.

— Смотрю, начитался ты монографии профессора Миуды. О критическом уровне развития цивилизаций. И продолжительности их существования. Напоминает, конечно, исследования о становлении и крахе Римской, Египетской, Этрусской, и прочих древних цивилизаций. Но мы же, в-смысле, земляне — живы! Прошли, стало быть, «критический возраст»!

— Будем надеяться. — Джо пожал плечами, — Ну а пока — для будущего. Мать. Вот сейчас, когда мы в самом сердце уже «вскрытого» Берсерка — что скажешь? Как его лучше всего — уничтожить? Если когда-нибудь — тьфу-тьфу! — действительно — ?

— Боюсь, что при нынешнем уровне развития земных технологий — никак. Космических кораблей он не боится: все атаки, и ракетами с обычной взрывчаткой, и даже с ядерными боеголовками, он легко отразит: просто перенаправив с помощью отражателей, или просто — развернувшись — тем же микроволновым. А есть у него и мощные лазеры — просто они сейчас спрятаны в корпусе. И предназначены для как раз мелких астероидов, вражеских ракет, и кораблей.

Возможно, имело бы смысл атаковать его ядерными боеголовками одновременно с пятиста тридцати сторон — не меньше. Иначе он будет успевать уничтожать ракеты. Крупным планетоидом, или метеоритом его не поразишь: он просто отодвинется с траектории движения такого «гостя». Сам он от встречного микроволнового или другого излучения защищён стальной бронёй. Так что единственный вариант — ждать, когда на его борту просто... Кончится запас ядерного топлива для реакторов. Ну а нашего «мастодонта», похоже, метеорит поразил как раз когда он остался без топлива. То есть — и без защиты.

— Хм-м... Только ждать. И долго — ждать?

— Как я рассчитала, одной полной «заправки» ему хватает на двести тысяч лет.

— То есть, получается — нашего, примерно, — Пол быстро посчитал в уме, — около шести миллионов лет назад кто-то — управлял?!

— Да. Получается так.

— Ага. — теперь в самый существенный пункт сообщения вцепился Джо, — То есть, где-то шесть миллионов лет назад были живы, и существовали его Хозяева? То есть — строители? Не сам же он себя спроектировал и построил?

— Да. Эта гипотеза и мне представляется наиболее разумной и логичной.

— Хорошо. Но тогда у этих Хозяев должен быть какой-то секретный Код! Позывной. Пароль, позволяющий безопасно подлетать к такому вот монстру, управлять, на кого-то натравливая... И заправлять его!

— Совершенно верно.

— Фу-у... Ну, хоть какой-то вариант. А где может храниться такой пароль?

— Разумеется, в его центральном процессоре.

— А где располагается этот... Процессор?

— Разумеется, в самом защищённом месте Берсерка. В центре. Между генератором и основным излучателем.

Чтоб добраться до «центра» чудовищного корабля пришлось лететь на челноке — Джо сказал Полу, что не любит использовать ходовые джюзы скафандров: уж больно сложно их заправлять.

Пол, собственно, не возражал. Мать указывала, куда лететь.

«Центр» оказался действительно близко к самой середине шара. И имелся там ещё один закреплённый чудовищной толщины балками и контрфорсами шаровой «мини-кокон», из мощной броневой стали, и двух слоёв защиты из материала, похожего на кевлар. Правда, от времени «кевлар» практически разложился, и стал хрупким — легко отслоился, когда Джо и Пол просто стали рвать его с помощью наружных манипуляторов челнока. Но вот броню из стали пришлось резать с помощью портативной плазменной пушки, уже выйдя наружу. При этом радуясь, что устрашающего вида «обслуживающие аппараты», напоминавшие некоторые — крабов, а некоторые — гусениц с гигантскими клешнями-манипуляторами, только увеличенные в тысячу раз, застывшие вокруг сферы, давно мертвы.

Толщина слоя металла в восемьдесят сантиметров не показалась Полу избыточной:

— Даже если б враги добрались и сюда, им даже из танковой пушки бронбойным не пробить!

— Никто бы сюда танковую пушку не потащил бы. Есть ракеты. И плазменные резаки. — пыхтящий от натуги Джо как раз закончил прорезание «окна» размером два на два метра, — Мать! Поможешь извлечь?

Манипуляторы челнока снова пришли в движение, и, напрягшись, через минуту выдернули-таки из проёма квадрат броневой стали.

— Чёрт. А тяжёлый! Инерция — будь здоров!

— Да уж. Металл же. Думаю, тонн тридцать точно весит.

— Тридцать одну и триста килограмм.

— Спасибо, Мать. Ну и куда нам теперь?

— А прямо. Тут есть даже леера. И палубы. Здесь-то люди, построившие его, точно — ходили. Поскольку строительство и началось отсюда.

Джо и Пол, воспользовавшись и палубами, а затем и леерами, отключив магнитные присоски подошв, вдвинулись внутрь.

— Хм. Ну и — не поражает. Тесно, привычно, и не-масштабно!

— Пол. Хватит. Напоминаю: эта дрянь — работала. Значит, построена — грамотно. И эффективно. А вот и центральная консоль. Мать?

— Да. Именно это — его центральный пульт. Выпустите-ка микропа.

Джо поторопился открыть наплечный контейнер. Микроп — стальной крабик размером с настоящего краба, быстро пробежал по его руке, опёртой о пульт вполне привычной, почти земной, конфигурации, окружённый огромными чёрными «глазами» мёртвых экранов, и скрылся за задней панелью агрегата. Пару секунд было тихо. Затем донёсся треск, полетели искры электроразрядов — человеческий механизм явно вскрывал заднюю панель пульта. Затем искры пропали.

Спустя ещё пару секунд Мать сказала:

— Микроп подключился. Но кристаллы основной памяти пусты. Вернее — просто рассыпались от времени. Зато есть распечатка.

— Какая распечатка?!

— На бумаге. Принтером. Похоже, здесь дублировалась основная запись его действий и на бумажном носителе — для архива. Типа — «вахтенный журнал». Для ремонтной бригады. Или для тех, кто прилетел бы за отчётом о «проделанной работе». Ну, и для — дозаправки.

— Покажешь?

— Не могу. Микроп попробовал тронуть листы — верхний почти мгновенно рассыпался в труху.

— А как тогда прочесть?!

— Передай микропу твоему сканнеру.

Джо поспешил так и сделать, вынув прибор из уже набедренного кармана, и передав снова возникшему из-за задней стенки пульта механизму. Микроп снова скрылся из глаз.

Заговорила Мать:

— Отсканировать послойно распечатку — удалось. Расшифровать — тоже.

Нам повезло. Ну, или не повезло, смотря как это интерпретировать. Записей в «бортовом журнале» всего три. О трёх уничтоженных насе-

лённых планетах. На всех трёх Берсерк работал «эффективно», «экономично», и обошёлся минимумом средств: малым излучателем. Здесь, в распечатках, имеется отчёт о затраченных мегаваттах, и граммах ядерного топлива. Цивилизации находились — две на уровне неолита, одна — «продвинутого» средневековья.

— Жуть. — Пола снова передёрнуло, — Представляю, что там, на планетах, проповедовали местные шаманы. Или церковники. «Кара Господня!» За грехи. И нужно срочно покаяться! А имущество передать Церкви.

— Не кощунствуй. — Джо посмотрел на распалившегося напарника сердито.

— Извини. Согласен: тем, кто погиб в «огне Ада» было не до шуток.

— Согласен. Вот чтоб такого не произошло и с нашими планетами, нужна бы... Подстраховочка. Мать. Так что там — с кодом доступа?

— А ничего. Я же сказала — память местного мозга полностью погибла, вместе с кристаллами носителя. А в распечатке таких сведений нет.

— И что теперь делать?!

— Хватать портативный идентификационный автобакен, и возвращаться в челнок.

— Какой бакен?

— Зачем нам хватать какой-то бакен?!

— Бакен, идентификационный, это — портативное устройство. Предназначенное для размещения на тех объектах или кораблях, которые этот (Да и другие) Берсерк не должен трогать. То есть — атаковать. Это аварийное изобретение, на случай, если союзники, или сами Хозяева утратят по каким-то причинам код доступа. Проще говоря — универсальный транслятор сигнала «свой-чужой». В данном случае — «свой».

— А предусмотрительно. И умно. Ну и где этот бакен?

— Бакены. Их тут много. Прямо за правой дверью. На складе.

Бакенов в помещении, действительно напоминавшем самый обычный склад, со стеллажами, и наваленными на их полках оборудованием и запчастями, нашлось аж восемь. Разумеется, и они давно не функционировали. По причине полной разрядки аккумуляторов. Но как указала Мать, «подзарядить их можно без проблем!»

Джо подумал, и решил:

— Забираем три.

— А почему не все?!

— А потому. Что нужно подумать и о тех, кто придёт сюда после нас. Вон: видишь — на вон тех полках места свободные от пыли? Так вот это, думаю, следы от тех бакенов, что забрали отсюда до нас. Тоже люди. Ну, или ещё какие разумные существа.

Пол взглянул туда, куда указывала рука напарника:

— Чтоб мне лопнуть!!! Впрочем, нет. Лучше не надо. Действительно: видны три сравнительно чистых места...

— Вот и хорошо. Давай: хватай вон те два. А я — этот.

— А почему это мне — два?!

— А потому, что я возьму и этот, и ещё прихвачу вон те здоровенные технообразно выглядящие штуковины. Понравились они мне.

Бакены представляли собой равносторонние пирамиды — почти как «классические Хеопса», как не мог не приколоться Пол. С гранями полтора на полтора на полтора метра. Тащить было не столько тяжело, сколько неудобно. Но сквозь дверь и прорезанный проём они пролезли. Джо дотащил свой, и облюбванное «барахлишко», как обозначил его тот же Пол, до тамбура челнока. После чего вылез.

— Эй, ты куда?!

— Прибрать за собой. Ну, ты и сам видел: бакены кто-то забрал, а бронекapsула рубки мозга была запечатана. Вот я и собираюсь заварить всё — как было. Возражения?

Таковых не нашлось. Пол даже помог Джо, придерживая того за спину — чтоб не относил реактивной отдачей от струи плазмы.

Мать провела их и «барахлишка» «усиленную» санобработку. И в тамбуре челнока, и в тамбуре «Каракатицы».

— Ну вот. Теперь, когда все даже самые живучие возможные споры чужой жизни убиты, можете тащить свои игрушки вовнутрь!

Джо фыркнул, Пол надулся:

— И никакие это не игрушки! Эти штуки, быть может, когда-нибудь помогут спасти человечество!

— «Эти штуки» помогут спасти человечество только в том случае, если попадут к тому, кому надо. То есть — или официальным Властям. То есть — Руководству Федерации, или учёным, или уж — военным. А мы со всеми, кроме учёных — на ножах, если вспомнишь!

— Ещё бы! После того случая с «Высшей расой»!¹

¹ См. рассказ «Мерзкая тварюга» в книге «Изнанка Ада!»

— Согласен. Отсиживать ещё два года в рудниках столь «радушно» распахнувшей нам свои врата тюрьги на Меотиде почему-то не хочется... Но как тогда быть?!

— Как, как... Предлагаю коротко изложить историю нахождения нами этого чёртова Берсерка, отпечатать на принтере, сделать и фотки. Берсерка. Всё это прикрепить скотчем к каждой такой штуке. Влететь в нашу любимую Солнечную систему. И ме-е-едленно толкнуть первый бакен по направлению к Международной Космической Станции. Той, что у Земли. Второй — к базе наших доблестных вояк у Юпитера. И третий — к Исследовательской Станции возле Сатурна. Уж там-то — точно: одни учёные!

— А почему так сложно? Может, просто заявиться в любой космопорт, и — передать? Местной Администрации?

— Ага. И потом месяца три давать показания Межпланетному Бюро Расследования, АНБ, ПРЗ, и прочим облечённым властью придуркам из Правительства?! Да и координаты Берсерка придётся им тогда передать.

— А мы... Этого не хотим?

— Нет, конечно. Потому что, — Джо и сам подумал, что это выглядит напыщено и пафосно, но останавливаться не стал, — кто может гарантировать, что наши brave вояки не захотят восстановить его? Чтоб воспользоваться его мощью при расширении человеческой экспансии на другие планеты?! Или — против какой-нибудь новооткрытой расы, которую мы посчитали бы враждебной? Вспомни хотя бы североамериканских индейцев!

— Ну, знаешь, твой пример неуместен.

— Почему? Луки и стрелы, и даже томогавки не слишком помогли этим аборигенам против огнестрельного оружия! А я, если вспомнишь — пусть далёкий, но — потомок этих самых индейцев!

— Ой-ой-ой, скажите пожалуйста, какое громкое заявление! Ты сам сказал, что крови чистокровных Апачей в тебе не больше одной десятой процента!

— Ну и что? Суть геноцида от этого не меняется.

— Ну ладно. Берсерк они не найдут, и не восстановят. Но тогда... Земля может оказаться в проигрыше! Если действительно — кто-то враждебный!.. А тут...

— Что — тут?! «Непобедимая мощь»? Супер-генераторы? Сверх-излучатели? И всё это — в руках равнодушного и неумолимого ИИ? Ведь ты знаешь наших вояк — попади им в руки такая, как говорит Мать, иг-

рушка — непременно захотят испытать! И скопировать! И тогда чьей-нибудь расе точно — придёт конец!

— Знаешь что, Джо? На старости лет стал ты какой-то... Занудный! Морализатор! Тоже мне выискался — «спаситель человечества и инопланетных рас!»

— Мать! — вместо ответа напарнику Джо обратился прямо к Главному компьютеру, — Какова вероятность того, что вояки захотят, заполучив в руки Берсерк с его оружием — скопировать и испытать?

— Девяносто семь и три десятых процента.

— А применить?

— Девяносто девять и одиннадцать сотых.

Пол сориентировался мгновенно:

— Тогда давай срочно продумывать, с какой скоростью нам запускать эти бакены. Чтоб наши их не расстреляли из метеоритных пушек, как потенциально опасные метеоры! И как сделать так, чтоб они долетели туда. За разумный промежуток времени, а не годы!

— А нечего тут мудрить. Мать всё это и рассчитает, и раскрутит, чтоб они вращались, как искусственные космические тела, и запустит. И вычислит, с какого расстояния нужно их запускать, чтоб нас уж — точно не засекли!

А пока будем лететь до нашей Системы, она же и поможет нам.

Разобрать «штуки», которые я притащил, и которые по-идее можно продать напрямую — доку Натану из Массачусетского технологического!

Если только они не являются очередным смертельным оружием, ясное дело!

Пелагея Преловская

с. Чалтырь, Ростовская область

ЛЕНКИНА РАБОТА

Ленка услышала звяканье ключей, потом скрежет в замочной скважине, скрип открывающейся двери и недовольное бормотание. Она натянула одеяло на голову и подумала притвориться спящей. Надоело выслушивать упреки матери, что хватит отдыхать, давно пора устроиться на работу и заниматься воспитанием сына, что она всё взвалила на старую больную женщину, и хорошо, что школа рядом с домом и

проводить Артёма недалеко, и да его надо отводить и встречать, ребёнок ещё маленький, первый месяц первого класса. В сотый раз провернув в голове все возможные диалоги с Верой Павловной, как ни крути, всё закончится очередным скандалом, Ленка села на кровати.

— Мамуль, это ты? А мне, представляешь, отклик на резюме пришёл, — Ленка нащупала тапочки, потянулась и пошла в кухню. — И фирма серьёзная. Я им по всем критериям подхожу — образование высшее, быстро печатаю, компьютер и всякую оргтехнику знаю. Так что, мамуль, осталось пройти собеседование — и всё! Твоя дочь — секретарь директора, даже не секретарь, а личный помощник руководителя!

— Правда, Леночка? — глубокие складки у губ Веры Павловны понемногу разгладились и превратились в еле заметную улыбку. — Вот так радость! Во сколько же надо идти на собеседование? Что ж ты в пижаме по дому ходишь! Садись завтракать быстрее, а то опоздаешь ещё.

— Мамуль, точно успею, к трём часам нужно в офис прийти. Да тут такое дело. Это ж серьёзная организация, и должность ответственная, и зарплату обещают “белую” и солидную. А в чём мне на встречу идти? У меня вся одежда старая да и не модная уже. А секретарь — это лицо директора. Должна быть в строгом костюме и туфлях красивых. Не возьмут на такую должность замухрышку. Тем более, нужно будет как-то объяснять, почему я последние три года не работала. — Ленка сидела за кухонным столом.

Вера Павловна придвинула ей сырники со сгущёнкой и чай с лимоном. У Ленки и Артёма вкусы на завтрак одинаковые, недаром что, мать и сын. Мать-то непутёвая, а вот мальчишка получился чудесный, весь в деда своего. Кто отец Артёмкин Ленка никогда не рассказывала, и Вера Павловна подозревала, что та и сама не знала, от кого родила.

— Значит так, — Вера Павловна села на табурет напротив, — у меня кое-какие запасы есть, немного, но на костюм с туфлями тебе хватит. Отдашь с первой зарплаты. Сама знаешь, на одну мою пенсию и получку уборщицы нам троим не прожить. У Артёмки вон из зимней курточки со швов синтепон лезет, да и из рукавов локотки скоро сверкать начнут. Да и игрушки нужны мальчишке, и на каруселях иногда покататься, и в зоопарк сходить. А объяснять ничего и не надо, где ты три года последние была. Скажешь, что муж запрещал работать, пока ребёнок маленький был, чтобы ты домом и семьёй занималась.

— Мамулечка, ну какой на фиг муж? Там же официально все оформляют, свидетельство о браке потребуют, и у Артёмки в графе "отец" прочерк стоит.

— Так ты скажи, что не расписывались, а муж подлецом оказался, к другой ушёл, вот тебе работа и понадобилась.

— Мамулечка, ты у меня чудо! — Ленка поцеловала Веру Павловну в щеку, — Здорово всё придумала, так и скажу. А за деньги не беспокойся — конечно, отдам! Всё до копеечки! Мы сейчас знаешь, как заживём! Ты работу бросишь, хватит тебе шваброю махать и ведра тягать, за внуком только и будешь ухаживать, если захочешь, конечно. Нет, лучше я его в школу частную определю. Помнишь Ольгу Власову, одноклассницу мою? У неё дочка в такой учится. Очень-очень они довольны. Там учителя знаешь какие сильные! И кормят учеников хорошо — шведский стол, как в пятизвёздочном отеле, и английский с французским. И одену, и обую, и его, и тебя с головы до ног, и духовку новую купим. Артёмка так твои пирожки любит, и путешествовать поедем на зимние каникулы! Как думаешь, в гости к Деду Морозу, например? Сыночек рад будет — там же как в сказке настоящей, и подарки дарят детям. А летом в круиз на теплоходе отправимся по Волге, а может даже и по Средиземному морю, Италию и Грецию посмотрим. Зарплату обещают такую, что на всё хватит! — Ленка тараторила не останавливаясь, так ей нравилась её будущая, новая, роскошная и полная красивых впечатлений жизнь, до которой рукой подать.

Вера Павловна, облокотившись на ладонь, слушала дочь: умница же и заботливая. И про мечту давнюю матери помнит, про круиз. Ленкин отец-то моряком был. Красивый и статный. А как ухаживал за Верой Павловной! Цветы на каждом свидании дарил, и даже перстенёк с изумрудиком преподнёс, когда предложение делал. Не суждено было им пожениться, погиб он геройски при крушении корабля, спасая товарищей от неминуемой гибели. Так его лучший друг рассказал Верочке. Она плакала, а потом поняла, что беременна и решила, что ребёночек — это память о любимом, нужно непременно родить и воспитать достойного сына. Он весь в отца пойдёт — будет таким же сильным, уверенным и весёлым. Но родилась девочка — болезненная, своенравная и капризная. Ей с детского сада не везло. Воспитатели Леночку не любили, жаловались. То она кусает кого-то из ребят, то игрушку чужую заберёт и так спрячет, что никто отыскать не может. Леночку постоянно ругали и наказывали. Вера Павловна надеялась, что пойдёт дочка в школу, подрастёт и всё изменится. Но и в школе с учителями не повезло, вечно придирались не по делу, оценки занижали. Леночка грыза-

лась и сбегала с уроков, бродила по городу, по магазинам да по рынку. Худо-бедно школу закончила и поступила в институт. Пусть на платной основе. Вера Павловна устроилась ещё и уборщицей в ближайший магазин и верила, что вот сейчас всё наладится, начнётся у дочери весёлая студенческая жизнь, интересные лекции. Но и тут Леночке не повезло. Сначала влюбилась в негодяя, а он её в плохую компанию затянул. А потом и вспоминать страшно! Колечко с изумрудом пришлось в ломбард заложить, не хватало денег на оплату адвоката. Вера Павловна нашла самого лучшего в городе, а он дорого брал. Перстенёк надеялась выкупить, но так и не получилось. Адвокат действительно сильный оказался, удалось ему суд убедить, что никакая Леночка не торговка наркотиками, а траву эту хранила для себя лично. Прокурор просил шесть лет колонии, а дали три года, которые Ленка отсидела, как говорится, от звонка до звонка. И вот сейчас, наконец-то, Леночка повзрослела. Обязательно всё у неё наладится, и работать сможет хорошо, и сына поднимет, вон как о нём беспокоится, всё-таки есть у неё материнские чувства!

Ленка надела старую джинсовую юбку, футболку, привычно положила в задний карман паспорт, после освобождения всегда его с собой носила, кроме того, на собеседовании понадобится. Вдруг и правда возьмут на работу? В глубине души она не сильно верила, что подойдёт на такую должность, да и работать не очень-то и хотелось, но перед матерью уже было стыдно — четвёртый месяц на кровати валялась и телевизор сутками смотрела.

Ленка повертела в руках две купюры по пять тысяч, которые ей дала Вера Павловна, размышляя, куда бы их положить, чтобы не потерять и не украли ненароком. Кошелек она не любила, а в сумке, вполне ещё приличной с виду порвался подклад, и деньги могли провалиться. Решила, что купюрам самое место во внутреннем кармане лёгкой осенней курточки. Вышла на улицу, был почти полдень. До собеседования оставалось три часа, и если недолго бродить по торговому центру, то всё можно успеть. Старую одежду она свернёт поплотнее и сложит в сумку, а в новой уже явится на будущую работу. Осенний день радовал мягким и скользящим солнышком на ярко-голубом небе, ветра совсем не было, жёлтые, оранжевые и красные деревья стояли, как нарисованные. И на душе у Ленки было также радостно и светло.

В торговом центре, несмотря на будний день, было полно людей. Начавшаяся осень погнала за тёплыми вещами мам с детьми и серьёзных отцов семейств, хохочущих и громко разговаривающих студентов и студенток, которые, видимо, шатались по магазинам вместо лекций.

Ленка сразу решила, что будет выглядеть как бизнесвумен: строгий костюм, желательного серого цвета, бледно-розовая блузка и туфли-лодочки, переживала, а найдёт ли в магазинах то, что ей хочется. Обилие и разнообразие одежды поразило её. За три года жизнь изменилась, вроде те же самые магазины в том же самом торговом центре, но всё было по-новому, по-другому. Сразу на входе расположился большой обувной магазин, и на витрине красовались лаковые чёрные классические туфли, такие чудесные, что пройти мимо было невозможно. Огромная красная вывеска "SALE" обещала заманчивую цену. Туфли подошли. И Ленка, не раздумывая, заплатила за них почти три тысячи, это же со скидкой семьдесят процентов. Такая удача! Одна проблема была решена на удивление быстро, и будущая помощница руководителя с воодушевлением отправилась искать костюм. Сначала Ленка брала по одной-две вещи в примерочную, переодевалась, критически рассматривала себя, выходила в зал к большому зеркалу, потом снимала и шла искать другие. Уже порядком устав, попросила ей помочь приветливую девушку-консультанта. Вещей в примерочной скопилось много, а Ленка всё никак не могла выбрать — так давно у неё не было новой и красивой одежды!

В конце концов наряд был подобран, да и на часах показывало уже начало третьего, нужно было срочно расплачиваться и бежать в фирму. Костюм она выбрала не серый, как хотела, а коричневый в мелкий рубчик и блузку, не розовую, а бледно-голубую. Её размера не было, и услужливая консультант даже бегала на склад, но подходящий костюм нашла. Девушка-продавец уже сбежала от неё, переключилась на другую покупательницу. Ленка в последний раз вышла в зал, чтобы полюбоваться на себя в большое зеркало, всё ли сидит идеально — стройная блондинка с голубыми глазами смотрела на неё приветливо на неё и в тоже время с достоинством. Довольная собой Ленка собралась оплачивать покупку, глянула на бирки с ценниками и оторопела. Оставшихся семи тысяч из десяти, заботливо накопленных матерью, ей не хватит. Одна блузка стоила почти четыре, а весь комплект восемнадцать тысяч рублей. Ленка смотрела на себя в зеркало, а по щекам полились слёзы. Так долго мерила и всё зря! На новые поиски уже не оставалось времени, не видать ей хорошей работы как своих ушей.

Девушка-консультант вела к кассе довольную покупательницу с кучей одежды, какую-то толстую, низкую с засаленными волосами. Охранник сказал продавщице, что сейчас быстренько сходит за кофе и взять ли ей стаканчик, девушка кивнула. Ленка вернулась в примерочную, ещё раз осмотрела себя со всех сторон, вытащила из-под горы ве-

щей свою сумку, надела куртку и решительно направилась к выходу. Люди входили и выходили, никто не обратил на неё внимания, не бросился вслед, не окликнул.

Ровно в пятнадцать часов Ленка сидела в приёмной директора, ожидая собеседования и разглядывая двух других претенденток на должность личного помощника. Одна была слишком старой, ей точно лет пятьдесят, подумала Ленка, с расплывшейся фигурой в нелепом цветастом платье, другая совсем юная девушка в толстых очках, слишком худая и высокая в джинсах и свитшоте. И только Ленка выглядела идеально. И полная женщина и тощая студентка пробыли в кабинете директора минут по пять, вышли недовольные и разочарованные. Из-за двери выглянула женщина и пригласила пройти Елену Игоревну. Ленка встала с дивана, на секунду задумалась брать или нет с собой сумку, но решила, что та старая, и не подходит по цвету к новому наряду, и оставила на сиденье. Расправила плечи и твёрдой походкой направилась в кабинет. Директор, большой мужчина, коротко подстриженный, с суровым выражением лица, сидел за огромным полированным столом. "На начальника угрозыска похож"— подумала Ленка. Женщина протянула ему резюме. Пробежав глазами по тексту, он поднял глаза на соискательницу. И Ленка сразу поняла, что подходит. Взгляд его стал не то чтобы мягким, а заинтересованным.

— Что ж, Елена Игоревна, по образованию и перечисленным навыкам вы нам подходите. Но я хотел бы задать вам несколько вопросов, да и не только я, но и наш кадровик Татьяна Сергеевна. — директор кивнул в сторону женщины, которая позвала Ленку.

Ленка переживала, что не сможет и двух слов связать. Это было её первое собеседование в жизни. Но начала отвечать на вопросы, и волнение ушло, а потом и вовсе стало ей легко и спокойно. Ленка рассказывала, как в институте училась, и даже как пронесла на экзамен толстенный учебник по философии и списывала прямо с него, хотя преподавательница даже носовые платочки, которые на партах лежали, перетряхивала, искала припрятанные хитрыми студентами шпаргалки. Директор хохотал, а строгая кадровичка улыбалась.

— Можете идти оформляться с Татьяной Сергеевной. Вы мне подходите, Елена Игоревна. Две недели вам, чтобы освоиться и узнать все нюансы, а нам увидеть вас в деле, а потом примем окончательное решение. Но, судя по всему, вы справитесь.

Счастливая Ленка схватила свою старенькую сумку с дивана и пошла за Татьяной Сергеевной.

— Вот вам образец заявления об устройстве на работу, Елена Игоревна. Перепишите со своими данными, а мне пока дайте, пожалуйста, диплом об образовании и паспорт.

Ленка машинально полезла в задний карман юбки. Но его там не было. Похолодевшими пальцами Ленка расстегнула сумку, начала копаться, хотя точно знала, что никакого паспорта в ней нет. Комок подступил к горлу.

— Вы извините меня, пожалуйста, Татьяна Сергеевна, я, видимо, забыла переложить паспорт из другой сумки. — пробормотала Ленка.

— Ну что же вы так расстраиваетесь, Елена Игоревна! Ничего страшного, один день ничего не решит. Приходите завтра минут за пятнадцать до начала рабочего дня и оформимся.

Ленка шла по тротуару, пиная опавшую листву, солнце скрылось, сумерки охватывали город.

Дома её ждали мать и Артёмка. Ленка подробно, в красках им рассказала про собеседование, что она была самая лучшая и что завтра у неё первый рабочий день, и с зарплатой не обманули. Потом набрала себе полную ванну, долго сидела в горячей воде. Первый раз за последние месяцы уложила сына спать, читала ему сказку и гладила по голове, пока тот не уснул.

Поздно вечером в дверь позвонили.

— И кого это принесло в такое время? — удивилась Вера Павловна и двинулась было открывать дверь.

— Это ко мне, мама. — сухо сказала Ленка.

На пороге стоял участковый и двое крепких коротко подстриженных парней в штатском.

Юрий Табашников

Барнаул

КОШЕЧКИ И СОБАЧКИ

Барб-Ос-Эфенди с возрастающим недоумением смотрел на вольготно развалившегося напротив мужчину. Наглости примату точно было не занимать. Уж о чём, о чём, а о характерной особенности своей расы люди сами же, как обычно растрезвонили на весь мир, через сатириков и юмористов потешаясь над собой. Многих из них Уважаемый

Член Верхнего Парламента по своему, очень ценил и в свободную минуту с удовольствием всегда готов был переслушать.

Человек, казалось, вовсе не собирался остановиться. А может даже ещё больше с каждым словом, разгорячал себя. Поступал, как привык поступать, никого не слушая и ничего не ценя, как и все представители зловредного рода.

Вот что им ещё не хватает?

Чистенькая рубашка и совершенно невообразимые по красоте шорты. Всё, как и оговорено в Соглашениях и многочисленных Приложениях. Сразу видно, что Хозяин ценит собственность и ухаживает за питомцем. Сытно кормит, причесывает, стрижёт бороду. В конце концов, ведь как видно и регулярно выгуливает! Вон он, развалился на другом конце стола. Одни остроконечные ушки торчат из массивной золотой цепи и нервно подрагивают. Наверняка целиком и полностью погрузился в вирт — пространственный ландшафт, внедрённый в подкорку мозга. Видимо запустил какое-то чудное приключение, судя по застекленевшим круглым зелёным глазам. Посмотрите, от удовольствия даже выпустил коготки из лап, преследуя сонмы призрачных мышек. А ты сиди и слушай распоясавшуюся от вседозволенности чужую собственность.

Человеку, как уже не раз заметил про себя Эфенди, нахальства было уж точно не занимать. Сидя на корточках возле столешницы, зависшей на анти гравитационной подушке, предмета, придуманного, как и всё остальное вокруг, никчёмной расой, некогда всесильный примат скорчил точно недовольную и явно кислую мину. К своему возрастающему ужасу Барб-Ос не видел на противной и отталкивающей физиономии и толики прописанного уважения и предписанного подобострастия.

— Вы же помните, с чего всё началось? — продолжал хрипеть мужчина, не сводя взора с тёмного мясного прохладительного напитка в стакане на столе. — С революции! Заметьте как всегда с искусственного потрясения, с революции, а вовсе не эволюции! Революции, кто бы мог подумать — в самом сокровенном сундучке знаний, в генной инженерии. О, я помню тот год, хотя был ещё очень и очень маленьким!

— Вы слишком долго живёте, — процедил сквозь зубы Эфенди.

— Потому-то у нас и память длиннее вашей, — злобно и дерзко орызнулся примат в цветастых шортах. — Сначала посыпались яркие цветные заголовки в газетах и журналах. А ещё помню, как радостно кричали и чирикали журналюги по поводу эпохального открытия. Ведь шифры генных кодов наконец-то не просто открыты, но ещё с ходу

взломаны! О, я помню, помню, как гениальная инженерия за «год шагнула дальше, чем за многие тысячелетия»! Как посыпались, словно из рога изобилия новые изобретения. Курица величиной со слона! Корова размером с муху! Помню, как мы, мальчишки сбегались посмотреть на тех гибридов, что появлялись на улице. Один из них звался крокобака. Помесь крокодила с собакой! Чума и сифилис в одном стакане! Ужасный монстр с головой крокодила и телом мохнатого зверя. Крокодил плюс собака! И его ведь самое удивительное можно не только увидеть, но ещё и пощупать!

— Я тоже помню уродца, — не выдержал Эфенди. — Такое ведь получилось безобразие, настоящее издевательство над природой и смачный плевок в неё родную. Такое безумие могли только вы люди и сотворить.

— А затем, — старательно не замечая ремарки, продолжал кривляться неприятный примат, — какие-то умники или же недоумки, знаете, это как посмотреть бросились улучшать вашу породу. И вы вдруг принялись умнеть! Быстро! Вопреки всему, что написано в Библии! Вы её читали, любезный? Так прочтите! Там ничего нет про вас, а только про нас, людей! С каждой неделей собачки и кошечки становились всё больше и больше, всё разумнее и разумнее, пока не достигли размеров и развития среднего человека. А сравнившись с нами, принялись требовать, кто бы мог это представить... Равноправия!

— Вы сами отдали всё, чем владели, — холодно пояснил Барб-Ос. — Вас даже никто не просил об этом даре. Подписали с нашими представителями одно Соглашение, потом другое, а позже массу Поправок к ним. Установили ценз. Что один кот равен по ценности десяти чело-векам, а десять котов приравниваются к одной собаке.

— Вот! — потеряв приличие, зарычал человек. — Десять... Человек... Равны... Одному... Коту! Позвольте, как так-то? По предъявленному счёту получается, что сто человек равны всего лишь... одной собаке?!

Эфенди уже не скрывая осуждения, а может даже и ненависти смотрел на примата и от негодования у него из пасти между клыками вывалился язык. На подбородок потекли и повисли слюни.

Что их опять-то не устраивает?

— Хочу обратить внимание, — звенящим, как сталь обличительным голосом, чеканя каждое слово, произнесло Высшее Создание. — Вы всё отдали нам сами. САМИ! Вашу науку и телевидение и всё, что видим и слышим — САМИ! Сами признали нас высшими расами и ещё возвели статуи на площадях, которым принялись неистово поклоняться. Впро-

чем, вы падали перед нами на колени ещё со времён Древнего Египта. Да что я говорю! Раньше, намного раньше! Когда ходили в таких же шурах, что на нас!

— Да, — вдруг сник питомец здоровяка с цепью и легко согласился с убийственным аргументом раздавленным голосом. — Сами... Конечно же сами...

Эфенди задышал от презрения быстро и прерывисто. Взглянув на жетон на шее говоруна, сразу запомнил шифр — индефекатор из цифр и латинских букв.

«Обязательно позвоню или отправлю сообщение в Тайную Канцелярию Тёмных Дел. Пусть сделают мясной фарш из наглеца для несчастных братьев в марсианских или африканских пустошах. А на что он ещё подойдёт, кроме как не на это?»

Быстро справившись с задачей, Барб-Ос-Эфенди невольно тоже нырнул в вирт — пространство, где в очередной раз залюбовался своей статуей. И от переполнявшей душу и разум гордости за себя невольно несколько раз махнул длинным пушистым собачьим хвостом.

ДВЕРЬ К ТЕБЕ

Настя смотрела на хмурое небо. Тучи зависли совсем близко над головой. Свинцовый тёмный и грязно-сероватый купол, сквозь который почти совсем не проходили лучи света привычно давил всё живое вокруг. Крупные кислотные капли дождя барабанили по океану, по палубе корабля, по плащу, одетому сверху на униформу. На защитном покрытии перил, да и повсюду на металле, куда не помотришь, оставались после попаданий мутные кружочки, а там, где защитный слой удавалось растворить, влага с небес прожигала насквозь металл. Океан жадно проглатывал капли с небес в свой ненасытный зев. От такого подарка весь массив воды клубился. В местах соприкосновения поднимались многочисленные дымки, что образовывали нечто вроде тумана.

Девушка не могла оторваться от жуткого и завораживающего зрелища.

Один из пассажиров, тоже одетый в стандартный серый плащ и маску — респиратор, с выдающимся вперёд фильтром-хоботом крепко обхватив поручни, тоже наблюдал за схваткой в воздухе. Два биплана сошлись совсем близко от корабля в яростном танце, пытаясь разобраться с помощью пулемётов. Скоро одна из металлических птиц упала вниз. На крыльях зловеще блеснули белые опознавательные знаки

— солнце в окружении лучей. Пилот в свою очередь выпал из кабины, но его и сбитую машину тут же втянул внутрь воды океан. Другой самолет в небе — тот, что для безопасности сопровождал корабль, покачал крыльями, указывая, что дальнейший путь свободен.

Настя перевела взгляд с неба на водную гладь. Несколько десятков необычайно крупных акул, рыб-молотов сбившись в крупную стаю, кружили совсем близко от поверхности, словно договорившись между собой напугать как можно больше людей. Их было много, и они были так близко, что порой задевали крутыми круглыми боками борт корабля. Своими движениями, парящими как бы в пустоте, зловещими и в то же время завораживающими приковывали взор. На поверхности не показывался ни один из плавников. По горько усвоенному опыту морские чудовища давно уяснили, что дождь легко сожжёт любую даже максимально защищённую природой плоть.

— Им в последнее время слишком много перепадает, — негромко произнёс мужчина и его голос показался Насте на удивление знакомым. — На борту постоянно кто-то немного не дотягивает до следующего дня, умирает от новых вирусов и старых болезней. Хоронить в океане больше негде, как не в воде. Тело, как я заметил, ещё не успевает остыть, а его уже швыряют за борт.

— Я тоже видела, — негромко подтвердила девушка. — И не раз, поутру. Я не обращаю внимания на трупы. Давно. Главное, чтобы посудина выдержала. Плыть ведь ещё далеко.

— Выдержит, — было слышно, как незнакомец усмехнулся под маской. — Поверь мне, она выдержит. Очень ещё здоровая коняга. Неужели ты не чувствуешь, как ровно дышит пароход?

— Пароход, что делает... Дышит? — У Насти перехватило дыхание от слов собеседника. Неужели ещё один сумасшедший, каких в последнее время она повстречала немало?

— Видишь, — тот указал обтянутой в чёрную защитную перчатку рукой на шов, что поднимался по борту и ограждению до самой груди пассажирки. — Видишь этот шов? На самом деле перед тобой... наверно, если быть точным — жила или вена вполне живого организма. Он жив, жив по-своему. Когда его построили и заставили работать на износ, то невольно вдохнули жизнь в бездушный металл, сотворили живое из мёртвого.

Настя положила ладонь на разлом, но ничего не почувствовала.

— Я думаю, вы ошибаетесь, ведь я ничего не ощущаю.

Она и на самом деле ничего особого не заметила. Металл как металл. Слегка шершавый от капель кислоты, что падали с неба. Изъе-

денный ими до глубоких выщерблин, но, безусловно, совершенно холодный и, конечно же, вовсе же бездушный.

— Каждую вещь можно, так или иначе, услышать. Часы на стене могут тикать, а каменная плита при падении совершенно вас оглушит, — заметил мужчина.

— Но это же совсем другое, — невольно улыбнулась пассажирка. — Все эти звуки рождаются при движении. Как можно услышать, как дышит корабль?

Под маской мужчина рассмеялся.

По капюшону по-прежнему стучали капли вездесущего и непрерывного уже много десятилетий дождя. Специальная материя не давала ему добраться до хрупкого девичьего тела.

— Корабль же тоже, как можете заметить, движется. А если движется, то формально он в свою очередь жив. Просто мы всегда думаем, что знаем всё на свете, — продолжал беседу незнакомец. — Вы знаете, я так же как вы родом с северных широт. Помню, что у нас, там, среди холодов звуки замерзают при морозе. Стоит что-то сказать и приходится ждать, ждать до самой весны, чтобы слова оттаяли. Как только солнце засветит ярко-ярко, как только задует южный степняк, звуки зимы стряхивают оцепенение и можно их услышать. Мы думаем, что это птицы щебечут разными голосами, встречая весну. Но это не так! В воздухе оживают... наши слова, произнесённые неделями раньше. Они тихо пролетают мимо и их тяжело уловить, но они проявляются в тепле.

У Насти что-то сжалось внутри, но она опять улыбнулась:

— Звучит совершенно безумно, но мне понравилось. Почему же вы замолчали? Продолжайте!

— Вы заметили, что здесь, на юге всё совсем и совсем по-другому. И я тут ощущаю всё не так, как дома. С недавнего времени, знаете ли. С того времени, как попал сюда. Ощущаю жизнь там, где раньше не заметил бы и не заподозрил.

— Любопытно.

— Вам неизвестно, но некроманты древности проводили много опытов как раз по нашему поводу. Установили, что если прислонить ладонь только что казнённого, к примеру, к мраморной статуе, то можно уловить биение её сердца. Через руку мертвеца.

— Сердце... статуи? — С недоумением и возрастающим страхом спросила девушка.

— Сердце статуи, — серьёзным голосом подтвердил странный тип. — Внутри неё так же как в корабле циркулирует особая энергия. Вот положите руку на мою, и вы поймёте, что я говорю правду.

— Положить ладонь... на вашу руку? На вашу руку? — понимая, к чему клонит незнакомец, переспросила его. — Как на руку того мертвеца, что прислоняли к статуе? И тогда я услышу чужую и чуждую нам жизнь?

— Точно так, — ответил он и тут же поспешил заверить. — Не бойтесь, вам ничего не угрожает! Но вы ощутите нечто настолько волнующее и необычное, что не сможете забыть про наш опыт всю оставшуюся жизнь.

Девушка раздумывала совсем не долго. Привыкла никогда не показывать слабость, никогда не показывать страх. Трус, как известно, умирает первым. К тому же любопытство гнало вперёд. Не колеблясь, положила свою ладонь на руку пугающего собеседника.

Через его руку, сквозь оболочки защитных перчаток почувствовала, что прикоснулась к чему-то родному и желанному. Но тут же получила совсем иные ощущения. Кожными рецепторами, а вместе с ними и всеми иными, какими обладала, определила, что коснулась действительно нечто огромного и по-настоящему живого. Этот неизвестный был наполнен совершенно чудовищной нечеловеческой энергии, от прикосновения к которой захватывало дух. Жизненная сила текла, бурлила и даже пыталась местами вырваться наружу. От тех волн, что плескались о борт; от того массива воды, что сжимал тело судно тяжело вдыхало и выдыхало всем циклопическим телом. Ещё что-то, невидимое сердце, толчками придавало скорости циркулирующей по огромной вене невидимой крови.

Кроме прикосновения к великому неведомому, она вдруг снова поймала тонкую ниточку совсем другой жизни, давно знакомую энергетику. Именно его, а не чью-то другую. Ту, что перепутать с иной просто было невозможно.

— Иван... Ваня... — едва слышно прошептали губы, а незнакомец неожиданно так резко выдернул свою руку из-под её, что Настя ладонью зацепила за край среза металлической плиты. Защитную материю разорвало, и на ладони появился глубокий порез.

Он же словно вовсе лишился веса. Сначала медленно, а потом всё быстрее принялся подниматься над палубой, а потом принялся лететь намного, намного быстрее. Пока не скрылся в тёмном небосводе.

— Иван, — ещё раз успела прошептать Настя и от боли в ладони... Проснулась.

Обычно ложилась в стороне от других. По одной простой причине. Во сне вертелась в спальном мешке так, что порой подобно циферблату делала за ночь полный оборот вокруг оси.

Ещё не успев стряхнуть остатки сна, села и поднесла ладонь к лицу. В глубоком порезе кровь быстро набухла каплями, а те уже струйкой проложили путь по морщинам кожи и стекали на ткань спальника.

— Не может... быть, — прошептала девушка, торопливо расстегнула молнию лежащей рядом аптечки. Нетерпеливо достала бинт и быстро и сноровисто наложила повязку на прилепленный сверху лечебный пластырь. Зубами зажала разорванные кончики и завязала их узелком.

— Отделение подъём! — Заревел сержант так, что задребезжала люстра на потолке. — Десять минут на всё про всё, бездельники! Завтрак на позиции!

Ноги привычно в брюки, стопы в берца, куртку на плечи. Быстрее, быстрее! Вместе с двумя десятками мужчин, женщин и детей в форме торопливо выскочила в коридор в сторону грязной и обшарпанной туалетной комнаты. Под подошвами зло хрустнуло раздавленное стекло.

Голова начала работать только на позициях при смене караула. Как Первая Боевая Единица вместе со своим вторым номером, низкорослой и некрасивой пышкой Мариной по проходу на Стене первым делом поспешила к Башне.

— Что слышно? — Успела спросить девушка у молоденького шуплого паренька, втиснутого в форму точно не его размера. Указывая, что одежда когда-то принадлежала другому человеку, на груди темнели три дыры с не застиранными до конца багровыми разводами. Парнишка, стараясь поскорее уйти в тёплые и безопасные казармы, торопливо натянул защитный плащ. Надел маску — респиратор и мельком взглянул на обезличенную девушку в таком же закрытом защитном костюме.

— У нас время спокойно прошло, — буркнул в ответ. — А вот вам точно достанется. Дроны засекли небольшую группу разбойников. Прут прямо на нас. Так что будьте начеку.

— А я никогда не расслабляюсь, — невольно огрызнулась Настя. Первым делом подошла к турели крупнокалиберного пулемёта. Проверила состояние поворотного механизма, с силой надавила на рукоятки и поводила стволом из стороны в сторону. Затем устранила небольшую погрешность в патронной ленте.

Равнина за пределами ОГП, охраняемого государством посёлка, что в темноте сквозь окуляры приборов ночного видения, что при тусклом свете выглядела одинаково. Одна лишь голая земля, покрытая

коркой, выжженная донельзя непрекращающимся кислотным дождём. На горизонте как два гнилых зуба торчали остатки зданий не так давно разграбленного соседнего поселения.

— Хорошо утром, — занимаясь такими же привычными рутинными делами, заметила Марина, — пока небеса не посветлеют хоть немного можно подышать без маски.

Сквозь неизвестно куда уходящий мрак стали проступать удалённые предметы — Стена, умершая земля с присущей только ей неровностью — холмами и низинами. Только сейчас Второй Номер заметила, что стрелок поранила руку.

— Где уже успела? — Деловито поинтересовалась Марина.

— Во сне, — ухмыльнувшись неожиданно для себя, сказала правду Настя. Она по-прежнему возилась с механизмом подачи патронов, с самой лентой.

— Во сне? — Приснула смешливая напарница. — Хватит уже потешаться надо мной каждое утро!

— Во сне, — теперь уже со злостью огрызнулась девушка и, не пытаясь себя сдержать, выложила всё своё сновидение.

Некоторое время Второй Номер молчала, а потом неуверенно заканючила

— Если увидишь сегодня ночью нечто подобное, расскажи.

— Непременно.

— Хватит болтать! — Заревел в наушниках гермошлема, как расвирепевший бык сержант. Его фигура ещё более массивная от защитной формы проявилась совсем рядом. — Заткнитесь и приготовьтесь! Башня — готовность номер один! Приближается группа прорыва!

Как старшая в расчёте, Настя тоже засвистела сорванным и сиплым голосом:

— Готовность номер один! Бойцам на огневые точки, подносчикам боеприпасов приготовиться!

— Всем занять огневые позиции! — охваченная нарастающим безумием, боевым бешенством зарычала Марина.

Чувствуя, как в венах закипает кровь от избытка адреналина в преддверии хорошей драки, девушка выставила прицел дальномера. Довольно скоро отыскала в нём нужные точки. Всего насчитала их три. Все они, приближаясь, быстро росли в оптике. Как всегда совершенно древние машины с облупившейся или совсем слезшей от воздействий времени и дождя краской. Казалось удивительным, как рыжие бестии ещё умудрялись двигаться. Порядком усиленные наварной бронёй и

восстановленные мастерами два джипа и один пикап стремительно мчались по покрытию ещё сохранившейся шоссейной дороги.

В открытом кузове пикапа, подпрыгивая на каждой кочке, разместились два бойца. Один прильнул к прицелу крупнокалиберного пулемёта, другой рядом подстраховывал со снайперской винтовкой, на которой рельефно выступал порядочного размера прицел. Скорее всего, они как-то закрепили себя верёвками или тросами, поэтому не выпадали при очередных головокружительных кульбитах. А возможно, их просто приковали цепью к боевым точкам, как часто бывало в последнее время.

Один из джипов, некогда чёрного цвета, а ныне пятнистый, как леопард ловко обошёл пикап и стремительно рванул вперёд. Через невероятно увеличенное изображение Настя легко заметила впереди наваренный металлический ковш.

«Технические ребята», прежде чем нажала на спусковой крючок, подумала она.

— Провокатор! Начинаем танцевать! — Снова взревел в наушниках сержант. — Впереди — провокатор! Башня — огонь, огонь! Вашу ж мать — растак, Башня!

Огневая позиция ожила. А Настя едва удерживала, направляя, содрогающейся, словно в конвульсиях ствол пулемёта. Пули с бариевыми наконечниками, недавно закупленные Советом, легко прошли наварную броню. Джип от неожиданного сюрприза легко подбросило вверх. Он несколько раз перевернулся в воздухе, а потом рухнул вниз. От следующего взрыва его всего охватил огонь.

Следующий за подбитой машиной пикап, вместе с ещё одним уцелевшим налётчиком лихо обогнул костёр и даже не сбавил скорости. Двери поверженного провокатора открылись и из них выпала фигурка чудом уцелевшего разбойника. Объятый пламенем он выпрямился и тут же кто-то из стрелков на Стене метко снял его, милосердно прекратив страдания

— Молодчина, Фисунова! — Восторженно закричала Марина. — Ты как всегда — лучшая, ты — богиня!

— Боеприпасы, — хрипло попросила Первый Номер. — Вторые номера, подносчики, мать вашу, тащите патроны, у меня показатели на нуле!

Привычно и уверенно переместила немного внушительный ствол и поймала две фигурки в кузове пикапа. Пулемётчик водил плечами из стороны в сторону, беспрерывно поливая позиции огнём. Снайпер, что

его прикрывал, на время стабилизировал положение, кого-то нашёл в прицел и нажал на курок.

— А — а, — сдавленно крикнули совсем рядом. Девушка невольно повернула голову и увидела в десятке метров лежащего навзничь парнишку, а рядом коробку с боеприпасами. Худой, как и все подростки в десять или двенадцать лет он несколько раз конвульсивно содрогнулся всем телом и затих. Снайпер снёс ему пол черепа. Как раз в том месте Стены, где совсем недавно другая группа разбойников выстрелом из гранатомёта вырвала крупный кусок из защитного ограждения. Мать его, она же дважды просила сержанта починить опасный участок, вызвать ремонтную бригаду. Может несколько групп пришли в последнее время из одного центра и заранее координировали свои действия?

— Маринка, боеприпасы!

— Быстрее, дура!

Настя снова нашла в прицеле две тёмные фигуры в пикапе и влепила в них весь оставшийся боезапас. Пули, а если быть точнее небольшие бронебойные сверх разрушительные снаряды легко отбросили прочь налётчиков, как солдатиков или кегли в баре. Никакие цепи или тросы не смогли удержать тела. Их разорвало надвое, а снайпера, верхнюю половину тела швырнуло на лобовое стекло следующего за пикапом джипа.

— Ненавижу вас голодные ублюбки!

Поздно вечером в большом помещении без окон, что превратили в казарму Настя, забрав свой спальный мешок из общей кучи, сразу нашла то место, где спала прошлой ночью. Именно то, а никакое другое. Как-то интуитивно поняла, что в огромной зале полуразвалившегося старого здания бывшей школы ей нужно лечь только здесь, а нигде иначе. Расстелив спальник и разогнувшись, едва не столкнулась с Мариной. Та, улыбаясь, протягивала ей зачем-то неведомо откуда взявшуюся книжку. На обложке пожилой мужчина одаривал своих читателей надменной улыбкой.

— Вещь из старого мира.

— Зачем она мне? — раздражённо отодвинула от себя ладонью ненужный предмет девушка. — Ты же прекрасно знаешь, что я не умею читать.

— Как и все мы, — ухмыльнулась Марина, отчего многочисленные веснушки собрались в звёздные облака на щёках. — Если бы умела, непременно стала бы сержантом. Я же для других целей предлагаю, — напарница ещё шире ухмыльнулась, легко захватила пальцами корочки и чуть нагнувшись разорвала книгу на две равные половинки. — Бери,

читай, ровно половину. Такие находки уже редко попадают, потому подарки нужно ценить. Нашла под одной развалившейся партой.

— Вырубая свет, — негромко произнёс сержант в коридоре. — Спите, бездельники. Дневальные — ко мне!

Был слышен шорох. А ещё шёпот. И ещё то, как сержант звякнул ключом, закрывая на ночь своих подопечных.

В темноте Марина негромко позвала Настю:

— Расскажи мне больше о том сне, мне ведь они совсем перестали приходить...

— Меня тоже давным-давно не посещали, пока не легла именно здесь. Мне приснилось... Мне приснился он...

— А что ты сразу не сказала? Ваня?

— Да.

— Я очень тебе соболезную. Ты же знаешь, что я всегда с тобой. Он погиб как герой. Мы все бы хотели такой смерти. Настоящий защитник Периметра и Высших Каст. Ты не первая, подруга. Многие говорят, что мёртвые приходят к тем, кого любят.

— Понимаешь, ТАМ я касалась его, точно он был жив. Всё было так реально... Как... Как будто наяву...

— Обязательно расскажешь, если будет продолжение. Спокойной ночи.

— И тебе того же.

Марина ничего не ответила, а несколькими минутами позже Настя уже провалилась в новое сновидение. Теперь она попала в лес. В такой, какой видела на картинках. В такой, в каком успела побывать в детстве. Кругом было так светло, так буйствовала непривычная зелень, что пришлось несколько раз открыть и закрыть глаза. Сначала всё вокруг слилось в нечто единое — яркую разноцветную стену, что сжала со всех сторон. Лишь немного позже единое разбилось на фрагменты — синее небо, листочки и травинки.

Чуть позже появились звуки, которых в её мире не осталось совсем. Дыхание тёплого ветра и стоны раскачиваемых крон деревьев. Откуда-то издали доносились птичьи трели, а совсем близко кто-то невидимый тревожно забубнил:

— Ку... Ку... Ку-ку... Ку-ку...

— Кукушка, милая моя кукушка, — не выдержала Настя. — Скажи, сколько мне лет осталось?

Кукушка почему-то сразу замолчала, стоило задать вопрос.

Девушка, совершенно раздавленная невиданным ею ранее совершенством и великолепием, подавленная красотой окружающего нахо-

дилась в центре поляны. Со всех сторон обступил лес, состоящий из кустарников, берёзок и елей.

Над головой светило, а самое главное ещё и грело незнакомое и пугающее солнце. Не было больше не прекращающегося ни днём, ни ночью кислотного дождя. Не было Периметра. Не было свинцового неба над головой.

Он появился внезапно. Только что никого напротив не было и вдруг — хоп! — с резким звуком из ничего проявилась человеческая фигура. На краткий миг Насте показалось, что она снова видит его. Невольно подалась вперёд, желая обхватить и обнять, но тут же остановилась. В лице, в знакомых до боли очертаниях присутствовало нечто неуловимо чужое и пугающее. Словно видела перед собой брата-близнеца, что прошёл совсем иным жизненным путём, намного более жестоким и порочным.

На мужчине были одеты красная рубашка с белой вышивкой на груди навыпуск и объёмные штаны синего цвета.

Незнакомец посмотрел на неё, улыбнулся отталкивающей беззубой улыбкой и подмигнул:

— Обнимать нельзя, Настя!

Хоп!

Хоп!

Хоп!

Откуда-то оттуда же из пустоты вывалились с десятков молодых девушек, что немедленно взяли её в окружение. В ярких цветастых сарафанах и кокошниках, что видела лишь на картинках в планшете, которые изредка показывал сержант.

— Ой, Настя, Настя, куда ж ты забрела... — синхронно простонали девицы.

— Ну что, девоньки, приступим? — неожиданно нечеловеческим звериным голосом зарычал мужчина.

— Приступим, Хозяин! — снова в один голос выдохнули из себя девчушки.

— Потанцуем-покружим, красавицы?

— Покружим, покружим, барин! — запели те.

— Кружим, кружим, гостя мы закружим! — продолжал рычать незнакомец. Он раскинул руки и завертелся вокруг оси.

— Ой, барин, кружим, кружим, голову мы ей закружим! — запели и застонали, а порой истерично захохотали танцовщицы, повторяя движения.

Днём, после ликвидации очередной попытки прорыва Периметра разбойниками обе девушки, запрокинув головы в неудобных масках, наблюдали как из раскрытых куполов ОГП, тех, что служили складами, взлетели два вертолёта-матки. Загруженные под завязку рудой они очень медленно проплыли совсем близко над землёй, едва не царапая выпуклыми брюхами края Стены. Набирая скорость, поднимались всё выше и выше, пока не скрылись в свинцовом небосклоне.

— Тяжело им, — посочувствовала пилотам Марина.

— Благодаря им, — пожала плечами Настя, — у нас есть самое совершенное оружие из Азии и Европы. То, что помогает выживать. Поэтому разбойники могут только укусить, мы же убиваем их наверняка.

— Но там... За нашими спинами... Под куполами... У них есть всё... Искусственные светила, школы, бассейны и бары, сытая и привольная жизнь. Деревья, которых нам не дают увидеть. Трава, которой я ни разу в жизни не касалась.

— Опасные разговоры завела, сестрёнка. Не завидуй им, — превратила её Настя, предварительно, оглянувшись. — Ведь мы могли родиться, к примеру, в касте рудокопов. Те в пятнадцать в своих шахтах выглядят хуже разложившихся трупов, а к двадцати никто не доживает.

Вечером уже всё отделение, знавшее, кроме сержанта, историю ночных сновидений, наблюдала как Первый пулемётный номер раскладывая спальник, пытается найти нужное расположение тела. В ту ночь переход опять состоялся. Но девушка, немного не угадав, попала снова не туда куда хотела, а в какую-то близкую параллельную реальность. Над мёртвой землёй, сожжённой знакомым кислотным дождём сразу рассмотрела густой туман. Тот клубился, окружая со всех сторон, каким-то образом ещё больше загустевал и казалось, на глазах приобретал плотность. Из тягуче-молочной субстанции принялись образовываться вполне различимые человеческие фигуры. Мужчин, женщин и детей. Однако очертания ближайшей к ней женщины почему-то становились всё рельефней. Скоро она увидела скорбный лик, запечатленный в нечто, похожее на мрамор. Женщина потянула к Насте руки:

— Ты снова попала не туда, Настя, — приятным голосом заговорил призрак. — Но это ничего не меняет. Мы хотим, чтобы ты осталась с нами. Не надо бояться, Настя. Нас здесь много. Нам здесь хорошо.

Отталкивая от себя многочисленные руки, что пытались удержать её, девушка оборвала тонкую нить и снова оказалась в знакомом полуразрушенном здании. В следующую ночь вместе с другими людьми в огромном мёртвом городе воевала с гигантскими пауками. Те передвигались

гались на огромных членистых ногах, а маленькие паучки-разведчики с ядовитыми клювиками подзывали их неприятным свистом. Едва вцепилась в брюхо одного монстра заряд гранатомёта, как её взрывной волной вышвырнуло прочь.

Каждое утро приносила с собой что-то из сновидений. Синяки, порезы и прочие травмы. Впрочем, на них не обращала уже никакого внимания, ведь все её сослуживцы торопились услышать новый рассказ.

И вот в один из вечеров девушка угадала. Легла именно так, как надо. Совместила сон с явью, перемешала их, замесив нечто невообразимое. Едва перешагнула через неведомый барьер, как почувствовала, что стала обладательницей невероятной силы. В той темноте, где оказалась несколькими движениями рук посеяла мириады звёзд. Выбрала одну из них и на нужном расстоянии скатала из космической материи шарик-планету. Дунув, образовала вокруг неё атмосферу, сотворила океаны и материки. Подняла к чистым небесам горы и заселила их и равнины мириадами всевозможных растений и животных, которые либо придумала сама, либо видела когда-то на картинках.

Закончив с Тёплым океаном, поставила на песчаном берегу самый невообразимо прекрасный город, который когда-либо существовал.

А затем шагнула прямо на песок. Тёплый ветер ласково потрепал по щекам, а от её движений вверх взмыло множество необычайно красивых бабочек.

Она не слышала больше криков, полных ненависти и боли. Никто не стрелял и ничто больше не взрывалось.

Настя улыбнулась тишине и... ему. Иван, именно такой, каким она запомнила в последнюю встречу — высокий и красивый, широкоплечий в берцах и форме ждал её в том удивительном месте.

— Привет, — тихо сказал он. И тоже улыбнулся, хотя на глазах блестели слёзы.

Силы покинули Настю. Она не могла сдвинуться с места.

— Привет... Я открыла двери... Нашла всё-таки их... Двери к тебе...

— Мы открыли их оба вместе. С двух сторон. Я знал, что у нас получится. А как же твоё отделение?

— Не поверишь, где-то накопили снотворное и выстроились за мной в очередь. Скоро они все появятся здесь и заселят эти дома.

— Город притянет их, не дав создать свои миры. Они обязательно присоединятся к нам вместе со всеми теми, кого любят.

Он ещё шире улыбнулся и взял её за руки.

Несколькими часами позже, ведь время теперь в обоих Вселенных шло в одном направлении и с одинаковой скоростью, сержант привычно ввалился в большой зал, включил свет и... застыл, словно поражённый молнией. В обширном помещении не было ни одного человека.

Только посреди обшарпанных и разрисованных стен валялись небрежно брошенные спальные мешки. Больше двух десятков.

— Я же закрыл вас, на ночь на ключ... Окон-то нет... — растерянно прохрипел он. — Куда же вы все подевались? Кого я отправлю сегодня на Стены?

ГОРОД

Ничего не росло в той округе никогда. Деревья не могли пустить корни в камни, траву уносил постоянный ураганный ветер. Животные, что заходили на запретные места тут же падали мёртвыми. Птицы с криком валились с небес, стоило пересечь невидимую черту. И даже дождь не окроплял пустынные просторы. На поверхности не было заметно камней и песка. И как это ни странно, подняв голову, ты бы не увидел и самого Солнца...

Хотелось бы, конечно, начать рассказ с примерно такого библейского сюжета, чтобы дальнейшее повествование имело свою определённую логику.

Но на самом деле всё обстояло с точностью наоборот. До тех пор, пока в те края не пришли люди, почва обильно кормила злаки всевозможными нужными веществами и минералами. И выростала трава на удивление высокая и сочная. Деревья с гигантскими стволами тянулись кронами к облакам, а в чащах и полянах обитало несметное число всевозможного зверья. Можно было на одной поляне встретить волка, лося, заметить под деревом медведя, а над ним стайку белок. Жизнь так перемешалась в те времена со смертью, так торжествовала, что, даже заметив невольно трапезу хищников, сразу бы понял, что одно без другого существовать не может.

Первые переселенцы забрели в благодатные места давным-давно. Люди охотились на животных, чтобы из их шкур сотворить одежду, жилища и самое главное — утолить голод.

Поселение изначально выглядело маленьким, испуганным и жалким. Потом со временем превратилось в посёлок и через ещё много лет в самый настоящий небольшой городок, обнесённый деревянным тыном с заострёнными колыями.

И жители селения одевались не одинаково. Сначала гордо напяливали на себя шкуры. Потом домотканые тоги, которые сменили штаны и куртки. Вместе с внешним видом менялась и социальная сущность. Городок стал городом и вошёл в число множества подобных в составе могучего государства. А рядом с ним образовались многочисленные княжества, графства, империи и каганаты, что постоянно враждовали между собой. В те опасные и беспокойные времена город прочно привязал своих обитателей к узким улочкам и невысоким домам, где они рождались, росли и умирали.

Город скоро привык к тому, что его густо заселили. И каждый день съедал нескольких жителей, недолгое время, переваривая их в памяти близких. А затем, напрочь забыв о недавних жертвах, находил себе следующих.

Город рос.

Однажды, когда улицы в удивительный солнечный безоблачный день были полны двуколками и экипажами, в которых важно восседали мужчины в котелках и фраках, а дамы неизменно с замысловатыми объёмными причёсками, на конце Сенной загорелась дом. Довольно большой и обычно бревенчатый, высотой аж в четыре этажа.

Огонь махом охватил верхний этаж, через который набросился на крышу. Из окон повалил густой дым.

Испуганная, взволнованная и галдящая толпа зевак, сбежавшихся на пожар, шумно обсуждала безуспешные попытки пожарных, приехавших на телеге с большой бочкой, установить несуразно короткую лестницу. А ещё внимание привлекла через некоторое время невзрачная серая кошка. Метнулась через весь двор, вскарабкалась по стволу дерева, что рос рядом с домом, и напрямик по толстой ветви направилась к горящему окну. Не останавливаясь и совершенно проигнорировав зов инстинкта самосохранения, без размышлений прыгнула в огонь.

— Сумасшедшая скотинка, — заметила пышно наряженная дама в широкополой шляпе.

— Что-то с ней не так, точно-с, сударыня, — согласился с ней фронт — ухажёр, что держал напыщенную даму за ручку.

Полными слёз глазами снизу вверх посмотрела на них маленькая девочка лет пяти, перепачканная сажей и с трудом выдавила сквозь слёзы:

— Муся к котяткам пошла... У неё котятки на этой неделе родились. Возле моей кровати в лукошке лежат.

Плач и причитания ребёнка услышали многие, что стояли поблизости, да только сделали такой вид, будто и не было вовсе произнесено тех слов. И только высокий стройный мужчина лет тридцати сорвал с головы заводскую фуражку, бухнул её с силой по земле так, что пыль поднялась и громко сказал:

— Эх, была — не была... Не так же гибнуть божьим тварям.

Подошёл к тому же дереву, по которому залезла кошка, плюнул на ладони, обхватил сноровисто сточную металлическую трубу, что спряталась на самом угле здания и быстро, рывками принялся подниматься вверх, как делал то много раз на зимних праздниках, доставая с заледевшего столба то сапоги, то пряники детишкам.

Быстро добрался до нужного окна по карнизу, локтём выбил стекло, отчего дым повалил наружу намного сильнее и ввалился внутрь.

Какая-то сухонькая старушка ахнула:

— Вот молодец-то, какой!

— Хоть бы получилось, — сказал негромко кто-то из толпы.

Неожиданно голова мужчины появилась прямо среди дыма и огня. Лицо светилось от радости, хотя волосы на голове и усы тлели и дымилась.

— Принимай первого, — закричал он довольно и уверенно. Пожарные растянули брезент, натянули и подняли его до уровня пряжек на поясах и сверху упал маленький комочек

За первым последовал второй, третий.

А секундой позже, изъеденная огнём крыша с невообразимым скрипом и стоном рухнула. Лишь сноп искр поднялся высоко к небу.

Замолчали все, не в силах осознать и поверить, что человека вдруг не стало.

Город легко проглотил очередную жертву и скоро о ней никто не вспоминал. Но если бы... Если бы тому усачу поставили памятник, если бы о нём рассказывали на уроках вместо жирных и жадных правителей и временщиков... Может, всё будущее о котором мы расскажем, выглядело бы иначе.

Прошло ещё время. Город теперь рос и вширь и вверх, нисколько и ни кем не ограниченный. Вместе с городом росло, кстати, рядом и кладбище.

Здания один за другим проглатывали ручьи, где совсем недавно пели соловьи, деревья, где отдыхали после перелётов птицы и всё никак не могли остановиться. Используя новые технологии и материалы люди, научились строить необычайно высотные здания.

Иногда из города призывники уходили на войны. Кто возвращался, а кто и нет. Кое-кто решал уехать, но на его место непременно приезжали новые поселенцы. И неизменно кто-то из них, старый или молодой, умирал в городе.

Улицы теперь пересекали не двуколки, запряжённые лошадьми, а автомобили. Машины в свою очередь тоже эволюционировали с каждым годом, становясь всё красивей, эффектней и... опасней.

А в городе продолжали любить. Много, часто, оставляя после невероятных выбросов чувств такие истории, которые растопили бы самую чёрствое сердце.

В следующей всем забытой истории отец потерял сына. Внезапно. Вечером ещё жил обычной жизнью. Привычно лёг спать, а среди ночи был разбужен сотрудниками полиции, оповестившими о том, что сын попал в аварию. Что не успел остановиться на мотоцикле, на перекрёстке, засаженном кустарником и влетел в случайную, возникшую, будто из ниоткуда в темноте машину. Увезли тех, кого можно спасти в первую очередь. А парень долго лежал на мостовой. Так долго, что пришлось вызывать специальную машину, которая долго отмывала от вытекшей крови стены близ лежащего дома и тротуар.

Собственно говоря, у восемнадцатилетнего мальчишки не было никакого шанса. Неровность дороги и масса мотоцикла сыграли редкую и зловещую шутку. Травмы получил такие, словно испытывал сверхзвуковой самолёт и потерпел на нём крушение. В крошево раздробились кости правой части челюсти и бедро, лопнула почка, переломились рёбра. Позвоночник сломался, а внутреннее кровоизлияние и вызвало ту лужу крови, с которой долго боролись коммунальщики, попутно срезая кусты, ставшие причиной трагедии.

Отец, всё ещё полный надежды ждал, ждал, ждал долгие часы известий о сыне в вестибюле больницы. Лишь изредка выходил на улицу и впервые в жизни молился. Молил звёздное небо:

— Не забирайте его у меня. Посмотрите, как вас много. Зачем вам ещё одна, такая звёздочка ранняя, такая светлая? Оставьте мне его.

Даже после того, как сын умер, никто не сказал ему об этом. Никто не захотел прикоснуться к чужому горю. Узнал случайно, уже утром, через несколько часов после летального исхода.

На похороны пришло очень мало взрослых и сотни детей. Работники похоронного бюро говорили, что никогда не видели таких страшных похорон, что непонятно, как в свои ровно восемнадцать лет парень смог так влюбить и привязать к себе столько народа.

Тело в гробу было на удивление холодным, словно лёд. Глядя по голове своего ребёнка, Иван нагнулся и обнаружил торчащий из кожи шеи позвоночник, неумело зашитый и так же неумело замазанный. Его сын как будто попал в лапы безжалостного и бесстрастного хищника.

С тех пор отец словно сошёл с ума. На улице не замечал знакомых. Бормотал мысленно молитвы, отрешившись от всего, но совсем другие, чем приняты в его мире. Те, что спускались в голову в виде готовых знаний сверху. К тому же как-то сразу набросились неведомые ранее болезни. Когорта, состоящая из инсульта, давления, невралгии и многих других напастей, что в виде страшного букета подарила ему на порогах смерть.

Скоро во сны стал приходить сын. Он извинялся, говорил о любви и о своём желании вернуться назад. Мало того, скоро ещё и стал указывать прямой путь, куда пойти и к кому обратиться, чтобы произошло невероятное. Теперь, после полученных указаний, что не выходили утром из головы, Ивана никто и ничто не могло остановить. Ведь постепенно всё, о чём ему вещали во снах, сбывалось.

Будучи по воспитанию прирождённым атеистом не задумываясь, жадно схватился за призрачные нити. Отныне несчастный по-настоящему жил именно во снах с сыном, как и прежде, а днём попадал в кошмар, где влачил жалкое существование.

Жена категорически высказалась против любых телодвижений в отношении появления в семье новых детей. И аргументов, весьма весомых, у неё оказалось масса. Возраст неподходящий. А что если родится ребёнок с аномалией? А что если родится мёртвый? Или снова погибнет? Каждый довод она сопровождала очередным нервным срывом, а на следующий день находила новые и новые причины сделать жизнь мужа ещё тяжелее.

Иван всё меньше слушал её. Как-то незаметно вошёл в совершенно иное состояние сознания и не выходил из него больше никогда, даже ночью. Ловил себя на том, что молился своим новым выбранным покровителям постоянно — и в дневное время и во сне. Молился неистово, отдавая себя всего просьбе, обращённой выше без малейшего остатка. Просыпался каждое утро с высохших вокруг глаз солеными озерцами. Скоро они настолько вымыли нужные вещества из организма, что кожа лица принялась шелушиться.

А он всё шёл и шёл к сыну. Собрал и изучил всю литературу, что касалась переселения душ в религиозной практике различных народов. Выбрал главное и соединил избранное в граненый синтез запретных

знаний. Постепенно фантастический план оброс стольким количеством деталей, что он и сам поверил в возможность его осуществления.

Пришло время беременности. Протекала она на удивление тяжело, собрав все возможные патологии. Каждый день высокому худому мужчине объявляли, что завтра у него не будет, что через час или два, или на следующий день обязательно будет выкидыш. Иван выслушивал приговор, а вечером и ночами молитвами упорно отвоёвывал каждый день жизни у смерти.

Ознакомившись с тоннами этнографических отчётов, нашёл путь к могущественным союзникам. Духи природы по его приказу строили тело, дух реки вымыл кровавое образование из матки, что представляло опасность для плода. Элементалы перекачивали энергию из его ладоней в тела ещё не рождённых малышей так, что в конце сеансов падал на колени, каждый день, на глазах теряя силы. При произнесении молитв теперь ангелы и Богородица так гладили его сверху вниз, что кожа трепетала, ходила ходуном, а волосы вставали дыбом.

Любовь заставляла его не сдаваться.

Однажды во время одной из молитв, он заметил за спиной нечто невероятно большое. Скосил глаза и разглядел огромные распростёртые белые крылья. Тело существа, тоже невероятно огромного закрывал яркий свет. Ангел коснулся страдальца между лопаток и тот, невольно осознав свою ничтожность, почувствовав невероятную силу, способную разрушить миры, упал на колени.

— Всё у тебя получится, — зазвучал в голове голос, от которого захотелось согнуться ещё ниже. — Главное не сдавайся. Тебе будет очень тяжело, но ты получишь желаемое. А теперь обсудим оборотную сторону дела. Ты не увидишь, как они растут. Не узнаешь внуков. Доведёшь как наставник до совершеннолетия и умрёшь мучительной смертью. Одно обязано компенсироваться другим. Так уж устроен мир.

— Я согласен, — не колеблясь, согласился мужчина.

В ту ночь к нему снова пришёл в сновидении сын. И был на удивление счастлив. Всё время, пока на дворе стояла темнота, до первых лучей рассвета они дрались на подушках и болтали обо всём на свете, как в совсем ещё недавнем счастливом прошлом в удивительно светлом месте.

На следующий день движимый любопытством Иван отправился в ближайший храм и после литургии протиснулся через прихожан к батюшке. Там и задал невысокому степенному человеку с бородой и чёрной рясе самый главный для себя вопрос:

— А было ли хоть одно чудо в последнее время?

Настороженно посмотрел на явного атеиста и наверняка провокатора священнослужитель, но ответил честно:

— Чудо присылает к нам Господь. Такими вещами, сам понимаешь, не раскидываются. Народ веру потерял, видишь, жертвовать перестал, вот и нет больше чудес.

Внутренне усмехнувшись, вернулся Иван домой, где в каждом сне его посещали умерший сын и призванные им могущественные неизвестные ещё людям создания. Где ему наперёд во сне рассказывали, что будет завтра. Где кожи касались ангелы, а голову облекала до дрожи божья благодать. Где голоса советовали, чего нужно опасаться завтра.

В положенный срок у него родилось, к изумлению всех медиков, знакомых с историей зачатия и последующей беременностью, два совершенно здоровых малыша. А через полгода жена бросила с ними Ивана:

— Это не он, — сказала она. — Неужели ты не видишь, что это не он? Мне очень тяжело в свои пятьдесят играть в твои игры. Ты это затеял, ты этим и занимайся.

Больше Иван не подпускал к себе женщин, нанял кормилицу и няню. И каждый день, куда бы не вышел, стремился поскорее возвратиться назад, бежал к ним, к ним одним. Примерно через месяц один из мальчишек вдруг начал маленькими кусочками вспоминать прошлую жизнь, где что спрятал раньше, когда жил в ином теле, называл, кого любил. Память возвращалась к нему всё больше и, подрастая, малыш всё время говорил, говорил о прежней жизни, о том, что было скрыто от всех, но знакомо только им двоим.

Несколькими годами позже они, словно вернувшись в прошлое, как в давние времена снова дрались подушками и не могли наговорить-ся обо всём на свете.

Когда пришло время, город съел их всех. Переварил и отбросил останки на огороженные кованой оградкой кладбищенские участки.

А что было бы, если бы Ивана услышали, прислушались к его рассказу, изучили тот путь наверх, что нащупал он? Что если бы возникла новая религия, где посредством слова и чувств можно достичь реализации самых невообразимых желаний?

Прошла ещё сотня лет. Землю теперь обрабатывали человекообразные роботы с пластиковыми корпусами, очень похожие на настоящих людей, а небо от туч расчищали дроны. И все они в один прекрасный день невольно оторвались от работы на рисовых полях на юге, от засеянных пшеницей и гречкой просторов на севере и подняли головы

навстречу внезапно возникшему яркому свету. Ядерные грибы набухали и поднимались вокруг один за другим. Огненный ураган сжигал, уносил и разбрасывал всё, что попадалось на пути. За пару часов он уничтожили все технические достижения. Горело даже то, что не могло гореть. Пластик и деревья, птицы и звери, роботы в полях. Камни в горах.

Не все ядерные заряды были использованы, не всё на Земле погибло. Многие города вновь возродились. Теперь они представляли собой хаос из холмов с битым кирпичом и сплавленными озёрами пластика, в которых нет — нет, да угадаешь пару этажей вполне ещё различимого здания или увидишь покорёженные останки металлических конструкций.

Роботы отныне стали необычайной редкостью. Ведь все заводы, где их собирали, уничтожил адский вихрь. А мастерским просто не хватало деталей, чтобы восстановить хотя бы некоторых из них.

Стран не осталось. Остались города. Невольно превратились сами в государства, без названий и обозначений. Люди, чтобы подчеркнуть свою значимость звали место проживания Городом, иногда уточняя реку или гору, где он находился. И произносили именно так, с почтением и с большой буквы, чтобы показать, что их Город главнее других.

Уцелевшие города вступили в новую фазу противостояния — время воюющих городов. Города научились распознавать друг друга и любить подобных себе. Чтобы забрать у соседей последнее предпринимались военные экспедиции, и враждебная сторона постоянно подвергалась ракетным обстрелам. Уж чего-чего, а этого добра разных модификаций прежний мир оставил немало. Да и научились боевые ракеты быстро делать выжившие умельцы по сохранившимся чертежам.

Так как роботов не стало, началась настоящая охота за иноземцами. Рабов хватили в городах во время походах и в землях сюзеренов, где те прятались в полях и лесах под мнимой защитой границ, которые нарушали все, кому не лень.

Во время очередной войны Тору, высокому крепкому светловолосому мужчине приснился удивительный сон. Что он стал маленький и вошёл сам себе в ухо. В своей голове он встретил множество сумасшедших высохших старух, вооружённых и опасных.

— Тебе никогда не удастся изменить наш мир! — закричала одна из них, в невообразимых лохмотьях серого цвета направив ствол автомата на пришельца. Он легко расправился с нею. Но вот ведь удивительное дело, чем больше убивал старух Тор, тем больше становилось их вокруг.

С тяжёлой головой проснулся Тор на том же самом месте в степи, где охранял большую отару видоизменённых овец. Дел хватало. Радиация запустила невообразимый процесс, который всячески подстёгивали уцелевшие умники в подземных лабораториях. В результате мир стал намного опаснее, чем был когда-либо прежде. Невообразимые твари могли напасть в любую минуту. Одних, пусть и с трудом можно было убить. От других, возникавших из ниоткуда оставалось одно средство — бежать в ближайший защищённый загон.

Всё же опаснее всех пастух считал дронов. Появившись в небе, одиночками и стаями высматривали игрушечные самолётики и диски будущую жертву и передавали отрядам охотников координаты и кратчайший путь к добыче. Обычно Тор отстреливал дронов до того, как уходил сигнал. Промахнуться было нельзя.

Что-то случилось не так при рождении с пастухом. Какой-то маленький неизвестный генный сбой. Но отягощённый им, мальчик получил невероятное зрение, дневное и ночное, позволяющее никогда не промахиваться.

На охрану стада Тор отправлялся со старенькой винтовкой с оптическим прицелом. Но стоило только появиться дрону или стае роботов, как он в доли секунды сбивал их с любой высоты, попадая в единственно уязвимое место — в правый незащищённый фото глаз. Оттого у него развилась привычка, собственный почерк отправлять врагов — людей и различных мутантов в иной мир пулей именно в правый глаз.

В то утро к себе неожиданно вызвал в бункер Начальник округа. Передав на временное обеспечение питомцев, пастух незамедлительно отправился по неприметной лесной дорожке в небольшой, хорошо замаскированный подземный посёлок. Через час стоял в плохо освещённой комнатке перед металлическим столом, на котором были разложены в ряд пять обезглавленных обнажённых тел. Все его родственники, что отправились с генералом Раннекампом в набег на северный Город. Три брата и оба сына. Лица порядком изувечили пленным дети и молодёжь ещё при жизни, успели немало развлечься с ними. Животы, согласно религии северян распоролы, чтобы духи мёртвых не преследовали в сновидениях своих убийц.

Кроме мертвецов и Тора в комнате находился лишь маленький старенький ссохшийся врач — патологоанатом в сером комбинезоне и резиновых перчатках.

Тор подошёл к столь дорогим телам и переставил две головы, одну вместо другой.

— Ты не правильно головы разместил, — тихим, но не дрогнувшим голосом сказал он. Откуда было знать доктору, как все они смеялись над Локки и его уродливой изогнутой шеей.

— Пусть будет так, — пожал плечами старичок, — ты же понимаешь, что мне всё равно. Их привозят каждый день полными машинами. Хорошо хоть тела вытащили к нам.

— Пусть будет так, — сказал Тор, — так хорошо.

А сам отправился к Начальнику округа, толстому огромному мужчине в неопрятно грязной рубашке и попросил отпустить его к генералу Раннекампфу на пару месяцев. За собственный счёт.

— Без тебя будет трудно сберечь для Города стадо, — заметил Начальник округа. — К тому же ты попадешь в чужой Город.

— Я сильнее Города.

— Если так думаешь, иди.

И Тор пошёл. Две недели добирался он до северного Города, преодолев массу ловушек, проверок на блокпостах и нападений ещё невиданных раньше мутантов. И всё же пробился в Город, что съел братьев и сыновей. Легко нашёл сжатые со всех сторон остатки бригад и батальонов экспедиционного корпуса. В подвале разрушенного дома обнаружил штаб генерала, незаметно проскользнул внутрь и сел на стул, поставив винтовку между ног.

— Генерал, — тихо позвал он.

Невольно офицеры и охрана, закованная в боевую броню, двинулись к седому пастуху, но Раннекампф остановил их движением руки. Откуда мог такой деревенщина знать об армейской субординации?

— Кто ты?

— Доброволец.

— Доброволец? — искренне удивился генерал. — Никогда не слышал ни об одном подобном идиоте, добровольно пробравшимся в самое в пекло. Чего ты хочешь, доброволец? — недовольно прорычал башенно подобный военный с суровыми чертами лица, в форме, увешанной сотнями регалий.

— Хочу убивать северян. Есть на то причина.

— Из чего? Из старого ружья? Хочешь дам новейший прицельный плазматрон? Обнаруживает любую спрятавшуюся цель, пробивает солидную преграду и бьёт за горизонт.

— Нет, не надо. Мне хватит моего ружья, я прошу лишь дать побольше патронов к нему.

— Тебя легко сожрёт этот Город. Нисколько не сомневаюсь.

— Я сильнее Города, — уверенно возразил Тор.

— Получишь своих патронов сколько угодно. Выходи на связь каждый день, чтобы мы знали, жив ли ты ещё.

— Не будет связи, не нужно, — мотнул головой Тор и отправился в оружейный зал с запиской от генерала, где и набил полный вещевой мешок нужным калибром как простого характера, так и бронебойного.

Вышел из неё и пропал.

Казалось, Чужой Город сразу же съел пришельца. Скоро о нём совсем забыли. Что был такой. Что приходил к генералу. Ведь дела у экспедиционного корпуса шли из ряда вон плохо. Северяне со всех сторон выдавливали захватчиков на окраины, нанося им очень большие невосполнимые потери. Экспедиционный корпус так и не захватив ни одного значимого Хранилища продовольствия, или оружейного склада оказался зажатым в огненном мешке, откуда вряд ли можно было рассчитывать найти выход.

Примерно дней через пять или шесть после визита странного незнакомца один из радистов обнаружил в диапазоне прямой связи переговоры, наполненные тревогой. А ещё через пару дней каждую ночь вражеский эфир с приходом ночи переполняли уже не разговоры, а истеричные крики, полные ужаса и страха. В северный Город на помощь завоевателям явился некто неизвестный, неуловимый, крайне жестокий и беспощадный. Скорее всего, вовсе и не человек. Где бы он ни появился, везде оставлял после себя кучи трупов с коронно выбитым пулей правым глазом.

Тёмный Хищник, казалось, не отдыхал никогда. Просто ночью он убивал втрое больше жертв, чем днём. Солдаты северной армии ещё через некоторое время массово отказывались, даже перед лицом расстрела выходить на посты, а в двух местах посередине ночи обратились в самое настоящее паническое бегство, освобождая проходы для прорыва. Генералу Раннекампу вопреки всему неожиданно удалось захватить богатейшие трофеи.

Торжество одиночки достигло такого размера, что невольно заволновалось Начальство Города. На охоту за убийцей выслали большой отряд наёмников, из числа тех, что в большом количестве предлагают свои услуги в любой намечающейся сваре. Головорезы один к одному, больше десятка, прошедшие через ад, перевернувшие его с ног на голову и заставившие всех вокруг, даже демонов ночи бояться их. Вышли на охоту, и пропали в ту же ночь.

Тёмный Хищник не желал угомониться. Тогда за большие деньги северяне наняли, а далёком южном Городе, самого лучшего снайпера, что был известен во всём обитаемом мире. Тот долго выслеживал до-

бычу и с удивлением обнаружил, как легко мог раствориться в ночном прицеле его противник. То он вовсе не показывал в тепловизоре признаки жизни. То становился размером с кулак. То расплывался, подобно одеялу, совершенно растворяя кости в плоти. Там где был камень, он становился этим камнем. Там, где оказывалась стена, он превращался в неё. Там, где наступала темнота, он становился ею.

К вечеру второго дня наблюдения снайпер пришёл к выводу, что перед ним, как фантастически не звучит предположение совершенно невероятный мутировавший до неизвестных возможностей организм, лишь внешне похожий на человека. Или, возможно, незнакомец как-то воздействовал на сверхчувствительные приборы каким-то полем, выбросом энергии. Или же причиной сбоев оказался близкий источник радиационного очага. Кто знает?

И всё же он его достал. Дождался подходящего момента и всадил лучевой заряд в спину Тора.

А потом сел, достал дрожащими руками сигарету и закурил.

Тор тем временем целый час восстанавливал сожжённую плоть и отрачивал оторванные ноги. А потом перешёл через линию обороны, выбрал позицию сзади снайпера и выстрелил своему убийце в затылок. И хотя пуля попала совсем не туда, куда обычно, всё же вылетела она ровно из правого глаза, разворотив всю глазницу. Труп выбросило на ничейную полосу и офицеры северян, чтобы не оставлять столь важной улики связи с другими Городами бросили в атаку пару десятков солдат, чтобы вытащить тело в безопасное место. Стационарный плазмотрон экспедиционного корпуса встретил их длинной очередью, выпущенной рукой неумелого призывника. Словно бесцветные серые цветы распустилось разорванное пространство длинной лентой, что прошла намного выше голов атакующих. А следом череда глухих выстрелов слилась почти в единый гул, слабую барабанную дробь. Тор положил всех, кто посмел высунуться рядом с мёртвым снайпером с всё той же ужасной раной.

По приказу обеспокоенного Губернатора Города механики в Центральной мастерской к тому времени наконец-то закончили ремонт огромного киборга, что уничтожал вражеские танки пачками и взводами перед ядерной войной. С выпущенным на волю огромным человекоподобным артефактом Тору пришлось провозиться весь день. Он увёртывался от шквала ответного огня и вгонял одну за другой бронебойную пулю точно в одно определённое место, где было спрячено сердце механизма. До тех пор, пока металл не выдержал и киборг не застыл на-

веки среди развалин, вытянув руки-пулемёты к ухмыляющемуся победителю.

К концу месяца формирования северян как бы сами собой откатились до середины Города. Тогда вновь и появился Тор в штабе Раннекампфа. Штабные офицеры со страхом смотрели на него, не в силах понять, как он смог выжить. Как смог победить Город.

Тор сел на стул.

— Привет, генерал, — запросто сказал он Раннекампфу.

— Привет, Ночной Хищник, — осторожно поздоровался с живой легендой генерал.

— Пора домой.

— Ты и в самом деле оказался сильнее Города, — тихо сказал Раннекампф.

— Я же говорил, что я сильнее Города.

— Может, останешься? Если мне удастся найти ещё пару, таких, как ты, я снова соберу Города в Государство. Наступит мир и порядок. Наступит конец войнам и голоду.

— Мне пора, генерал. Кто будет охранять скотину, если не я?

На секунду убелённый сединами военный с волевым лицом задумался:

— Меня давно мучает вопрос... Не знаю, как его задать тебе. Сколько ты убил?

— Восемьсот шестьдесят два за полтора месяца. И одного киборга.

Тор встал и направился к выходу и все невольно расступились перед ним.

Через неделю к бункеру, где прятался Начальник округа, подъехала бронированная машина без опознавательных знаков. Долго разговаривали двое светловолосых незнакомцев в маленькой комнате с начальником Тора. Потом достали и сложили из карманов большую кучу грязных шершавых денег. Сбиваясь несколько раз, пересчитывал их односельчанин Тора, иногда ругаясь, но всё время улыбаясь.

Три часа спустя та же машина с трудом пробралась по едва накатанной дорожке через лес с огромными деревьями с фиолетовой листвой. На указанной опушке она остановилась. За небольшой оградой в огороде с лопатой копался Тор.

Он успел выпрямиться, посмотреть в глаза своим убийцам и радостно им улыбнуться. Ведь теперь его мучения точно заканчивались. Ведь теперь он отправлялся к своим детям и братьям.

Выстрелы из плазматронов разорвали тело на куски, не допуская и малейшей возможности регенерации. И земля приняла их.

Но вот если бы информацию о Торе не продал Начальник округа, генералу удалось бы вернуть его в ряды корпуса и найти подобных ему, как изменилась бы наша история?

Всего-то прошло после смерти Тора два года, и один очень умный учёный в подземной лаборатории вывел конечный вирус. Отца всех вирусов. И чтобы отстоять безопасность своего Города выпустил его наружу. Города вымерли в течение недели. Как и вся планета.

Лишь несколькими сотням счастливых повезло спрятаться глубоко под землю, в пещерах со своей атмосферой, где они провели в изоляции немало лет. И вот однажды наружу выбралось двое совершенно нагих мужчин, невероятно грязных и обросших. Всё их вооружение составляли примитивные копы. Вокруг пришельцев окружала одна большая Пустошь, где не росли деревья, не пели птицы, не колосилась трава. Лишь солнце жгло вымерший мир сверху бесстрастно и безжалостно. Невероятно осторожно пробираясь вперёд, путники скоро достигли большого холма. Разложившийся в почве кирпич и расплавленный пластик превратился в кучу мусора. В сущности, без людей Город и являлся тем, чем был на самом деле — горой из мусора.

Внезапно один из пришельцев остановился и воткнул копьё в землю перед собой.

— Здесь, — хрипло прорычал он.

А Город, так хотевший снова жить, поумневший ввиду впитанных чужих эмоций и мыслей, столько переживший и передумавший снова шепнул бородачу на ухо:

— Вам будет хорошо. Вам будет очень хорошо на этом месте. Я буду защищать, и заботиться о вас. Ведь я... Ведь я так голоден, так страшно голоден...

СТИХИ

Дмитрий Аникин

Москва

КРЫСОЛОВ

1

Город кишмя.
Пал плашмя
флюгер — на свете
теперь только один ветер,
серый, шерстяной,
в, над, под страной
гуляет, пищит, стелется,
вертит свои мельницы!

Серая масть
шась да шась.
Резкий визг,
взлеты брызг
теплых, кровавых,
хвостов шершавых
непрестанный трепет,
смертяшки лепет.

Сами себя уже теснят,
сами себя когтят,
не хватает простору
хвату и вору,
жмут дома,
сводят с ума —
все мы давленники
на общем празднике.

2

Поедены герб наш и флаг,
поедена власть и законы,
и остов мать-Родины наг,
война и ее батальоны

поедены, вера и бог,
семь смертных грехов, семь прощенных,
молитвы, псалмы, декалог
и дрозд колея похоронных,

поедены похоть и долг,
семейные узы и склоки
родства, завещания толк
и детства большие уроки,

поедены буквы — их шрифт,
их слоги, слова, строки, тексты, —
и строгая логика цифр,
и музыка; время и место

поедены, творог и сыр,
хлеба и колбасы доели —
обильный тут был божий мир,
и мир послужил общей цели!

3

Приходит человек. Он говорит,
что справится. Что крысы — это так:
он мантикор извел, он амфисбен,
химер.

И это правда — где они?
Отцы и деды рассказали нам,
а сами мы не видели.

«И что
твои услуги стоят?»

«Сто червонцев!»

Ох, тяжкие грехи наши... Одно
их рать не жрет, не трогает — монеты
и вообще все золото...

И так
и этак уминали — «Сто монет!»

4

Ходит малый среди крыс
и совсем не смотрит вниз,
как колышется ковер,
изменяется узор —
серые на сером знаки,
вздор, хтонические враки!

Беспокойство у зверей,
шерстка кверху, нюх острей,
ждут чего-то, только ждут,
что их звуки поведут,
мудрый голос человека,
полный правдой, сладким млеком.

Дунул, свистнул, и они,
чтоб свершить скорее дни,
в реку серую волной
до последней, до одной,
словно некая тянула
сила и не обманула.

Стало тихо — благодать;
сколько было? — не видать
ни следа, как за собой
город вымели собой,
только легкий запах тленья
от немногих промедленья.

5

И город очнулся от спячки,
от ужаса, — долго спалось, —
и город без всякой раскочки —

за дело, где бросить пришлось.

Поедено все подчистую,
но выжили мы почти все
и жизнь восстановим былую
во всей первозданной красе.

Политику соображаем,
торговля расчеты ведет,
и будущие урожаи
запроданы — прибыль растет.

Как точно дотошное время
торопится восстановить
все то, что их серое племя
успело собой изменить.

И мы вспоминаем условия,
мы пишем свои имена;
не чуждой, неизвестной новью —
отчизной нам будет страна.

Пока в одинаковой доле,
но скоро расставит людей
благая и важная воля
по рангу, богатству, судьбе...

6

Приходит он, даем ему расчет.
Чего-то ждем. Чего мы друг от друга...

По городу какой-то легкий ропот
из детских голосов.

«Где, где они,
пахучие, резвучие? Как пусто,
как страшно стало в городе...»

Они

не помнят, когда было, чтоб без крыс.

Вот юноши и девушки — те рады-
радехоньки: углы есть — обжиматься,
и есть сады — прогуливаться...

«Папа,

где мой дружок крысеныш? И всю ночь
такие звери страшные мячат,
спать не дают».

Настырный детский плач.

7

Умный человек, пастор Иоганн,
говорил в соборе, стращал прихожан.

«Кто рожден при них,
при чужих и злых,
при больных рожден —
болен, отчужден,
никогда ему
не развидеть тьму».

С кафедры наклоняется,
над нами, толпой, возвышается.

«Лишним опытом,
крысыим шепотом
искажен, поник
в этих божий лик,
и не жить бы нам
по одним домам!»

Понимай, как хочешь, нашего пастора,
всяческой истины мастера.

8

С нас-то как с гуся вода,
а с ними — ну прям беда,
точно говорю: не жильцы
эти мальцы, огольцы,

эти девчата, ребята —
сами как твои крысята.

И повадки у них не те,
и видят хорошо в темноте —
как рядом с такими жить,
жизнь свою усторожить?
Ведь каждый миг
за горло хватать, в лицо прыг!

Им наш порядок
уныл, гадок,
никак не поймут,
что почем тут!
Все наше заодно
кажется им ох как смешно!

9
И пусть идут за крысами они,
все порченное поколение, дети, —
им лучше, и нам лучше. Силы есть,
и жены наши молоды, как будто
им срок крысиный не пошел в зачет...
Мы новой детворой наполним город,
мы те же имена дадим, как будто
и не было пропажи...

10
Он заиграл веселенький,
навязчивый мотив,
пошли со сна, кто — голенький,
кто — простынь нацепив,

пошли ребятки малые —
эй, расступись, гора! —
им версты, и немалые,
успеть бы до утра...

Сергей Калабухин

г.Коломна

НЮАНСЫ ЛЮБИ

Разрыв

«Не люблю! — упало
Камнем мне на грудь. —
Было и пропало,
Плюнь и позабуди!»

Я лежу придавлен,
Не могу вздохнуть.
Прозвучало главное —
Счастья не вернуть.

Встала и оделась,
Бросила ключи.
«Хватит, натерпелась!
Новую ищи.

Всё, ревнуй другую,
За другой следи.
Нарисуй нагую.
Верность не блюди».

Помню, как шёл следом,
Как молил простить.
Снег окутал пледом
Ветви и кусты.

Не взглянула даже,
Юркнула в такси.
Не было мне гаже.
Боже, пронеси!..

Побреду туда я,
Где тепло, уют,
Бьётся жизнь чужая,
Пляшут и поют.

Где звенят бокалы,
Пенится вино.
Где я буду пьяным,
Как не был давно...

Стена

Вино любви мы пили на троих.
Твой муж любил тебя, а ты — меня.
Познав тебя, я позабыл других,
Порвал все связи, прошлое кляня.

Ты замужем была, я опоздал:
Не разрушать же дружный ваш очаг.
Уверен, муж твой вряд ли бы отдал
Тебя без боя мне — он сам себе не враг!

Начать борьбу за счастье я не смог:
У вас же дети, я для них — беда.
Лишить детей отца? Помилуй, Бог!
И ты, и я решили: никогда!

И слёзы детские — фундамент той стены,
Что я воздвиг меж мною и тобой.

А наши чувства похоронены?
Не знаю, как твои, мои — со мной...

Страсть
(перевод с арабского)

Вот ночь опустилась на землю...
И болью обрушилась страсть!
Тоске и страданью я внемлю,
Растёт роковая их власть.

Проклятой разлуки волнение
В душе поселилось давно.
А в мыслях такое смятение,
Что ввергнут я в небытие.

Тоска меня жжёт, моя тайна
Нежданной и страстной любви
Слезами открыта случайно.
Приди же ко мне, их узри!

Горю и мечусь я ночами.
И плачу, и слаб, как больной...
Твой образ стоит пред очами,
Смущает он сон и покой.

Морфей, передай же любимой
Привет. Вот заря уж красна.
Скажи, как я, страстью томимый,
Промаялся ночью без сна.

Разлука

Мать сыра земля,
Дай мне силушку
Эту боль стерпеть
И обидушку.

Мать сыра земля,
Дай мне силушку!

Говорила мне,
Будет письма слать.
Обещала мне
Каждый день писать.
Изнываю я,
Мать сыра земля.

Погибаю я,
Думу думая.
На щеках слёз соль,
Сердце режет боль,
Отравила жизнь,
Дума чёрная.

Как ночная тьма,
Дума чёрная
Затмевает свет,
Очи гложет мне.
Много писем слал —
Всё ответа нет.

Знаю, мать её,
Мать утробная,
Злую песнь поёт
Своей доченьке,
Милой Ладушке —
Моей суженой.

Мать сыра земля,
Верный друг донёс,
Про меня ей льют
Воду грязную —
Всё наветы злы.
Слухи мерзкие,

Для неё, мол, я —
Прах, последня тля,

И не пара ей
Нищий сирота.
Мол, веду себя,
Словно мерзкий гнус,

Как жестокий, злой,
Ох, чужой укус:
Не пишу совсем —
Знать, её забыл,
Для другой теперь
Мой любовный пыл.

И всё льют и льют
В уши Ладушке
Супротив меня
Этот ложный яд.
Устоять как ей
Против всей родни?

Мать сыра земля,
Я к тебе припал.
Мать сыра земля,
Я тебя обнял,
Лишь одно прося,
Об одном моля:

Дай защиту ей,
Ладушке моей,
От упрёков злых
Ближних и родных.
Разгони туман,
Чёрных дум обман.

Пусть в семье её
Мир наступит вновь.
Раз нельзя нам с ней
Вместе век прожить,
Запрещает мать
Ей меня любить,

Даже весточку
Не даёт подать,
Мои письма к ней
Продолжает рвать,
Вот и весь ответ:
Знать, надежды нет...

Мать сыра земля,
Видно, не судьба
Мне с любимой жить,
С ней счастливым быть.
Без неё, скорбя,
Жить не в силах я.

Мать сыра земля,
Ты прими меня.
Из тебя, родной,
В мир ведь вышел я.
И тебя всегда
Я ласкал, любя.

Мать сыра земля,
Ты прими меня —
Обрету покой,
Стану я тобой.
Мать сыра земля,
Мать сыра земля...

Страсть ушла...

«Любовная лодка разбилась о быт»
В.В.Маяковский

Любовь была, пылала страсть.
Куда же всё ушло?
Стена меж нами вознеслась,
Разрушив чувств тепло.

Причина в чём? Откуда лёд,
Что чувства охладил?
Я вёл себя, как идиот,
Когда тебя винил.

Работа, быт — они виной?
Едва ли, ерунда!
Ведь раньше не был быт стеной,
Работа — иногда.

И всё же страсть угасла вдруг.
Другие манят взор.
И ты теперь всего лишь друг,
И редко — секспартнёр.

С чего же, как и почему
Возникла та стена?
С каких «камней», я не пойму,
Построилась она?

Развязка

Сколько раз я окликал тебя песней,
Столько раз ты отзывалась: «До встречи!»
Верил я: вновь вскоре будем мы вместе,
Снова буду целовать твои плечи.

И сегодня громко спел я, как прежде,
Мол, постой, не уходи, будь со мною.
А в ответ я услышал о надежде,
Мы с тобою не гора, чай, с горою.

Ты наотмашь мне в лицо заявила:
«Я устала быть любовницей вечной
И хочу детей, пока ещё в силах.
Мне семья нужна, тебе — только встречи.

Ты молчишь, года идут беспросветно.
Есть другой, он меня любит, жалеет.

В жёны вот позвал вчера, ждёт ответа.
Я тебя люблю! Но вдруг тот согреет?

Может, слюбится потом, постепенно.
Есть пословица о том — я ей верю.
Потерплю, не изменюсь ведь мгновенно...
Ты решай: к тебе ль вернусь, хлопну ль дверью?»

Слушал я — душа болела, стонала...
Мне — в мужья? Я для семьи непригоден...
Вдруг ожгло: она же мне изменяла!
Для разрыва повод есть, я свободен!

Обыкновенный Самец

Восьмое марта, ежегодный женский день.
Опять стараюсь навести тень на плетень.
Мечусь меж женщиной любимой и женой,
Кручусь, пытаюсь не обидеть ни одной.

Подарки куплены давно и той, и той.
Не перепутать бы случайно — день дурной...
Зачем мне эта карусель? Жену люблю,
С другой же просто удовольствия дело.

Бегу к такси, сверкают в лужах облака.
И соль скрипит на льду, и снег идёт пока.
Вот и заветный адрес. Стол. Диван. Кровать,
На ней мне не пришлось ни разу всласть поспать.

Вино в бокалах, шоколад, дым сигарет.
Зачем всё это мне сейчас? Ответа нет!
Кровать чужая — сексодром. Сплетенье тел.
И мысль: "Неужто это то, что я хотел?"

Работают два тела, словно механизм,
С усердием таким бы строить коммунизм!
Но нет, напрасен труд: он был лишён души!
Цена всей нашей страсти не рубли — гроши!

Любовь в процессе том отсутствует, но есть
Симпатия и страсть, желание и лесть.
Я лгу себе и ей, надеждами кормлю,
Но точно знаю сам, что лишь жену люблю.

Вот выпито вино и съеден шоколад.
Встаю и быстро в душ, и лишь в душЕ разлад.
Прощальный поцелуй, и спешку мне не скрыть.
И совесть мне не даст поступок мой забыть.

Опять такси, знакомый двор, родная дверь.
Бегут, встречают дети и домашний зверь.
Вхожу, жена с улыбкой режет холодец.
Все рады и довольны. Знаю: я — подлец...

Ковид

В доме тихо, не журчит вода.
В это время и я сплю всегда.
Но проснулся вдруг, не знаю сам,
Что тревожит ум, лишает сна?

В чём причина, что внушает страх?
Сердце бьётся, как река в горах.
Грохот пульса слышу я в ушах.
Вот разгадка! Замер не дыша.

Ты спишь рядом, ты сейчас больна.
В группе риска мы с тобой, жена...
И не слышно в гулкой тишине,
Как ты дышишь, милая, во сне!

Ужас вдруг сковал меня, а я
Слушаю, дыханье затая.
Тихо рядом. "Боже, помоги!
Милую жену мне сбереги!"

Чу, движенье, храп раздался вдруг.
Ты жива! Со мной ты, верный друг.
Хворь пройдёт, тревога сгинет прочь.
Храп твой нужен мне в такую ночь.

Нервы успокоил он мои.
За окном погасли все огни.
Сердце бьётся тише, ты храпишь.
Всё нормально, ты спокойно спишь.

Храп негромок — музыка в ночи.
Песней колыбельной он звучит.
И спокойно засыпаю я.
Ты со мной, любимая моя!

Ответ

Ты помнишь, милая,
наш первый Новый год?
Позёмка стылая,
весь в звёздах небосвод.

Впервые празднуем
в компании друзей.
Тревоги разные
у наших матерей:

их детям — нам с тобой —
всего шестнадцать лет,
меж нами чувств прибой
и строгий их запрет.

Куранты пробили,
всё выпито вино,
фужер угробили,
наелись все давно,

и танцев хочется,
на улицу спешим,

пурга клокочет там —
колючий снежный дым.

Бурлит на площади
людской водоворот.
Метель полощется.
Вкруг ёлки — хоровод.

И мы хохочем все,
танцуем и поём,
а мне так хочется
побыть с тобой вдвоём.

Шепчу с волнением:
— Мои ушли к родне.
Малыш, есть мнение:
давай пойдём ко мне?

Ты мне с сомнением:
— Искать начнут друзья...
В глазах смятение.
— Что скажут про меня?

Смеюсь.
— Напрасен страх:
до нас им дела нет.
Давай отпразднуем
вдвоём, наедине.

Давно всё это было,
но чётко помню я
всё то, что не остыло
с годами бытия:
огни в еловых лапах
подмигивали нам,
и мандаринов запах,
и тени по стенам,
как золотился «рислинг»,
как пили мы до дна,

и кисло—сладкий привкус
помады и вина,
как страсть в нас закипала
и требовала действ,
как пела и стонала
солистка группы «Space».
А после были слёзы,
мол, честь не соблюла,
извечные вопросы:
«Ты любишь? Я мила?»

Детей и внуков вместе
Растим мы сорок лет.
И это самый честный
на твой вопрос ответ!

Валентина Карпушина

Москва

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ОСЕНИ

Поставила татуировку
На лужах осень изо льда.
Откуда божья здесь коровка
Взялась, ползёт она куда?
Живая, в хмурый день предзимний
Бредёт тихонько по стеклу.

Подставлю ей я свой мизинец
И от окна верну к теплу —
К вазону с кустиком герани,
Где, словно кровь, цветы красны.
Пускай же ей цветок багряный
Побудет домом до весны.

ЛЮБОВЬ И РАЗЛУКА

Закончится лето. Скелеты деревьев
Опавшая миру представит листва.
И осень сожжёт в огнедышащем чреве
Любовь нашу, словно в камине дрова.
Разлука с тобою, она неизбежна.
Подушка как плаха, пустая кровать.
На коже касаний твоих тлеет нежность,
Которую страшно, так страшно терять.
Не будет кроссовок твоих у порога,
На тысячу слёз разобьётся бокал,
Оставив следы на полу ненароком,
В любви знаменуя логичный финал.
Но это пророчество сбудется завтра.
Сегодня не думай о завтрашнем дне.
Пусть выдох и вдох наш сольются внезапно,
И чувство твоё отзовётся во мне.
На белом обрывке листка лишь два слова:
Любовь и разлука. Разорван листок.
Тебя обретя, потерять я готова.
А после хоть пуля из кольта в висок.

ВСЁ СЛОМАНО

Всё сломано. Давно мне нечего ломать —
Грудина пополам и сердце в синяках.
От старости скрипит в ночи моя кровать
И даже нет кота, что спал в моих ногах.
Ты сделать ничего не сможешь для меня:
Ладонь твоя слаба, чтоб за руку держать,
И холодно когда, к себе прижав обнять,
На плечи мне надев свой твидовый пиджак.

Нет больше ничего, что связывало нас.
Обломки от мечты — их следует убрать.
И выкинуть долой продавленный матрас.
Нет больше тех костей, что можно вновь сломать.

ДОПИСАННАЯ ГЛАВА

Ни звука, ни шелеста шин,
Ни дробы случайных шагов.
Лишь ряд под окошком машин
Да звёзды, как нить жемчугов.
Пустынная лента шоссе
И ветра печальный романс,
В бокале зелёный абсент —
От скуки единственный шанс.
Я — есть! А вокруг — никого!
Дома — будто адский мираж.
Дождя на асфальте плевков
Дополнил унылый пейзаж.
В печали мне некого звать
И некому плакать в жилет.
Дописана эта глава,
Исчерпан любовный сюжет.

НЕНАСТЬЕ В ЭДЕМЕ

Не огорчайся, не сетуй,
Если тебя разлюбили,
Съешь-ка ты лучше конфету
С привкусом лёгким ванили.
Ну а потом крепкий кофе
Выпей и жди до рассвета
Видишь: большой катастрофы
Нет никакой. А планета
Так же вращается важно,
Кружится в медленном вальсе.
Коль разлюбили, не страшно.
Это — в Эдеме ненастье.

СЛИШКОМ ПОЗДНО

Мудрые мысли как крылья.
Лучше сегодня, чем завтра.
То, что ты тайно сокрыла,
Явным вдруг стало внезапно.
Кудри твои, словно полночь.
Очи как тёмные звёзды.
Не обещай больше, полно.
Я не вернусь. Слишком поздно.
Долго я ждал, замирая,
Возле подъезда с букетом,
На остановке трамвая,
И на краю парапета.
Высохли алые розы
Вместе с моею любовью.
На оскорблённые позы
Не поведу даже бровью.
Мудрые мысли как крылья
Сбросят мои пути в омут.
Слёзы твои крокодильи
Мёртвые розы не тронут.

АДАЖИО

Где ты теперь? Какою
Нынче бредёшь дорогой?
Ты не искал покоя
В мире, забытом Богом.
Попрана честь и гордость.
Глубже мои морщины.
Твой не услышу голос,
Песни напев старинный.
Ты не придёшь сегодня,
Словно восход над лесом,
Выход их преисподней,
Шанс мой опять воскреснуть.
Ты как судьбы подарок,
Искры хрустальной розы.
Но на столе огарок

Плачет на вензель бронзы.
Вместе со старой песней
Чувства твои истлели.
Только остался пепел,
Жизнь без любви и цели.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как это мило, очень мило:
Шампанское, салюта залп.
Любовь опять владеет миром,
Когда глаза глядят в глаза.
Твои виски посеребрила
Житейских игрищ кутерьма.
Но снова за спиною крылья
Февраль нам дарит, словно маг.
Оставил он в одно мгновенье
Все наши ссоры позади,
Когда ты утром в воскресенье,
Сказал мне в трубку: "Приходи"!

ПОВЕСТЬ

Денис Делендик

Минск

ЗАПРЕТНАЯ СТОРОНА

Пролог

Говорили, что наши предки пришли сюда сверху, из иного мира, который, как считалось, навсегда закрыт для нас. И все же, были те, кому хотелось взлететь, пересечь границу двух миров и увидеть, что же там по другую сторону. А еще в нашем городе, вырезанном в вершине скалы, были старейшины и орден Древних Тайн. Они пытались препятствовать тем немногим, что задумывались о полете наверх. Правда, их я особо в

этом не виню. Я готов поверить в то, что если не все, то большая часть из них действительно хотели позаботиться о нашем городе и безопасности его жителей.

Глава 1

На площади собралось много народа. На всех восьми уровнях зрительных рядов находились горожане. Приглушенный свет лампад освещал их взволнованные лица. Посреди площади возвышалась каменная трибуна. Если кто-то хотел, чтобы его услышал город, то он мог сделать это здесь на площади, выступив перед жителями Химертауна. Но вопрос был в том, станут ли тебя слушать? Перед трибуной на некотором расстоянии полукругом расположился совет старейшн, представленный как из числа горожан, так и членами ордена — хранителями Древних Тайн. В самом центре находилось место главы совета старейшн, уже который год занимаемое магистром ордена. Шум голосов продолжался, пока на площади не появился он. Господин Гаспар медленно подлетел к трибуне. Все разговоры тут же прекратились. Тишину нарушил глава совета — магистр Генри.

— Говори! Город слушает тебя!

Немного вздернув голову вверх, господин Гаспар обратился к публике:

— Уважаемые граждане Химертауна и высокопочтенный совет старейшн. Со всей учтивостью и должным уважением я попросил собраться вас сегодня здесь. И я благодарю за оказанную мне высокую честь. Вы все знаете меня и, поэтому нет необходимости напоминать, что я не только учитель в нашей школе, но еще и исследователь. Одним из моих исследований является вопрос верхнего мира. Совсем недавно я провел ряд наблюдений и вот, что мне удалось выяснить. Учитель внезапно замолчал. Он хитро сощурил глаза и, выдержав короткую паузу резко выпалил:

— Знали ли вы, что верхолеты иногда посещают верхний мир?

Волна удивления прокатилось по рядам. Животные, о которых говорил господин Гаспар, действительно летали не так уж далеко от границы двух миров. Однако никто и никогда прежде не видел, чтобы они ее пересекали.

— Так вот, три недели назад мне довелось наблюдать такую картину, — тут учитель немного замялся, но славив с волнением, стал говорить дальше, — Я наблюдал за двумя верхолетами. Вдруг, я своими же глазами увидел, как одно из животных поднялось к самой границе меж-

ду верхним миром и нашим, исчезло по ту сторону и через секунду появилось снова. Буквально следом за ним подобное повторило и второе животное.

Верхолеты, как их позже назвали, впервые были замечены отрядом пограничной стражи. Эти существа некоторое время летали недалеко от города, так что посмотреть на них смогли многие из жителей Химертауна. После того случая их стали видеть все чаще. Никакого вреда городу верхолеты не приносили и постепенно к ним стали приывать. Впрочем, жители Химертауна по-прежнему относились к верхолетам с опаской и даже с неким благоговейным трепетом. Но самым интересным было то, что эти существа могли разговаривать и явно общались между собой. К сожалению, понять их язык так и не вышло.

— И где же Вы могли наблюдать такое? — не выдержав, кто-то из толпы подал голос.

В эту минуту господин Гаспар выглядел крайне обеспокоенным. Но деваться было некуда.

— Над городскими полями! — на одном выдохе громко сказал учитель.

— В запретной зоне? — этот вопрос из толпы, наполненный удивлением и одновременно негодованием, был больше похож на крик.

Понять автора выкрика было можно, ведь в запретную зону допускалась лишь небольшая группа проверенных мермов для сбора урожая. Это мероприятие проводилось редко и под пристальным надзором стражи.

— Да, я знаю, это опасно, — стал оправдываться господин Гаспар, — Это дикие места за границей города. Но...

— Но для Вас, конечно же, границ нету, — с издевкой в голосе прервал выступающего магистр, — Впрочем, расскажите нам обо всем подробнее.

Когда господин Гаспар закончил, ответ последовал не сразу. Магистр Генри, нахмутив брови, какое-то время оценивающе рассматривал выступающего. А затем наконец-то заговорил:

— Господин Гаспар, буквально два месяца назад совет высказался по вопросу верхнего мира и было принято соответствующее решение. Оно Вам хорошо известно. Запрет на пересечение границы двух миров, как и прежде, остается в силе.

— Все так. Но ведь стали известны новые данные, — парировал мерм у трибуны.

— И мы терпеливо выслушали эти доводы, — не сдавался магистр, — Но всего чего хочет орден это только убересть наших граждан от опасностей.

— Я, безусловно, признаю заслуги ордена перед жителями Химертауна. Однако ...

— Однако Вам плевать на правила и запреты. Включая, разумеется, пересечения границы города.

— Да послушайте же вы!

— Нет, это Вы послушайте! — вступил в разговор самый старый из всех старейшин господин Маркус, — Я бы еще понял, если бы такое пришло в голову кому-нибудь из наших полудиких соплеменников. Но мы общество цивилизованных мермов!

— Вот поэтому мы и должны исследовать другой мир! — как можно с более вежливой интонацией ответил господин Гаспар.

Старейшина укоризненно посмотрел на него и покачал головой.

— Безумец.

— Решение уже принято. Наверху мермам делать нечего! — решительно и жестко подытожил магистр.

Но тут в разговор вступила госпожа Зонг — член совета и руководитель городской школы.

— Уважаемый господин Гаспар, прошу простить моих коллег за некоторую вспыльчивость. Вы прекрасный учитель и исследователь, но возможно все Ваши порывы подняться наверх в другой мир исходят из Ваших... В общем, Вы же двуххвостый и вероятно испытываете по этому поводу неловкость, пытаетесь каким-нибудь образом самоутвердиться.

От этих слов господина Гаспара бросило в краску. В отличие от большинства мермов он имел не один большой массивный хвост для полетов, а два более тонких и слабых. Подобных ему было крайне мало среди жителей города. Двуххвостые стали внезапно рождаться буквально пару поколений назад. К ним постепенно привыкли, но наличие такой характерной черты у некоторых мермов все еще могло вызывать смущение в обществе.

— Извините, но дело не в каких-нибудь там комплексах и происходящих от них амбициях. Мое желание исследовать верхний мир исходит исключительно от тяги к знанию и духа исследователя.

— А разве Вы, господин Гаспар забыли, что написано в Древних Тайнах? — после этих слов старейшина Маркус грозным, со зловещим оттенком голосом наизусть процитировал отрывок из преданий, который заканчивался следующими словами — «Любое пребывание наверху может быть опасным и даже нести гибель. Подъем наверх без край-

ней необходимости категорически не рекомендован». И как Вы понимаете, таковой необходимости у нас к счастью нет.

В процессе этой речи, большая часть горожан одобрительно закивала.

— Да-да, — раздраженно произнес господин Гаспар, — Я тоже все это читал. Но при всем уважении к этим преданиям, я бы все-таки их проверил. Возможно, сказанное в них несколько преувеличенно.

— Да откуда Вы знаете, что там наверху?! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Вот именно, что не знаю. И поэтому хочу узнать!

— А о нас Вы подумали? — последовал следующий выкрик.

— Да почему же вы так всего боитесь? Вас напугали старыми сказками, в которых возможно вымысла больше, чем правды!

— Вы забываетесь, где находитесь, господин Гаспар, — выпрямляясь во весь рост, грозно предупредил магистр Генри, — Вы у трибуны перед всем городом и советом, а не в своей комнате. Соблюдайте хоть сколько-нибудь почтения и учтивости к нашим Древним Тайнам!

Среди прочих жителей Химертауна на собрании находился Камиль — юный ученик ордена Древних Тайн. Напротив него через площадь парил его друг Александр. Они оба знали о присутствии друг друга, но на подобных мероприятиях старались держаться порознь. А все дело в том, что каждый из них поддерживал разные взгляды по вопросу, который периодически поднимал у трибуны господин Гаспар. Однажды, в первый из подобных случаев друзья громко поспорили прямо в толпе, из-за чего их обоих выпроводили с площади. Камиль был всецело на стороне совета старейшн. В отличие от него Александр имел совсем противоположную точку зрения.

Словесная битва между господином Гаспаром и старейшинами продолжалась.

— Скажите, господин Гаспар, Вы знаете что это? — спросил магистр ордена и указал на трибуну.

— Разумеется, — не понимая, к чему клонит господин Генри, растерянно ответил учитель.

— А почему оно здесь помните? — и, не дожидаясь ответа, глава совета сам ответил на свой вопрос, — В тех же сказаниях, которые Вы так поносите, наши предки завещали нам говорить друг с другом. Говорить и договариваться. Чтобы каждый из нас имел право голоса и право высказывать свои мысли согражданам.

— Я и не отрицаю этой замечательной идеи, — немного растерянно ответил господин Гаспар, но поняв, на что ему намекают, тут же

продолжил, — Да, безусловно, в наставлениях есть прекрасные мысли. Но это не значит, что там все столь же замечательно. И я все же отделию эти наставления от рассказов о верхнем мире.

— Вы пользуетесь идеями наших предков, которые сами называете прекрасными и сомневаетесь в честности тех, кто их написал?

— Я не сомневаюсь в честности наших предков, — тихо произнес учитель, — Но и они были мермами и тоже могли чего-то не знать. Или в чем-то ошибаться. Там же, у них написано о том, что сказанное нужно подтверждать, проверять и много всего остального о правильности выводов.

— А, значит хотите оспорить их знания именно о верхнем мире, куда Вам так не терпится попасть?

— Я не хочу ничего оспаривать, — внезапно резким тоном ответил господин Гаспар, — Я просто хочу проверить.

Какое-то время выступающий и совет сверлили друг друга взглядом. Затем прошло короткое совещание между старейшинами, а после — вердикт.

— Нет, господин Гаспар, — произнес глава совета, — Вам отказано в снятии запрета на подъем в верхний мир.

— Но... — было снова начал учитель, однако магистр взмахом руки прервал его, давая понять, что слушать его сегодня больше не будут.

Глава 2

Александр взмахнул таким же, как у господина Гаспара раздвоенным хвостом и полетел прочь с площади. Полетав немного по городу, он отправился к себе домой. Его дом представлял собой небольшое помещение в нижней части города, как раз в том месте, где проходила длинная трещина во внешней стене.

В обществе мермов устоялось мнение, что и сам город, и прочие странные и порой непонятные предметы, что можно было отыскать у подножья скалы и на городских полях, достались нам от прежней, более развитой цивилизации.

Побыв немного наедине с собой и подкрепившись, Александр вылетел наружу, чтобы навестить своего учителя. Неспешно двигаясь по длинным узким коридорам города, он все время прокручивал в голове диалог между господином Гаспаром и старейшинами. С этими беспокойными размышлениями Александр и прибыл на место. У дома своего учителя он заметил двоих бойцов из городской стражи, но не стал ос-

танавливаться и медленно полетел дальше. Стражники перегородили ему путь.

— Сюда нельзя, — небрежно бросил один из стражников, — Так что давай, двигай домой парень.

Александр немного замешкался, но в эту секунду из двери показался сам учитель.

— Господин Гаспар! — окрикнул его Александр.

Учитель, увидев своего ученика, подлетел к стражникам.

— Этой мой ученик, — быстро проговорил он, — Пришел сдать зачет и, поверьте, это срочно.

Затем, уперев руки в бока и, имитируя негодование, господин Гаспар обратился к Александру:

— Ну что, бездельник, подготовился, наконец? Смотри, сегодня последний шанс.

Сразу после этих слов учитель, не давая опомниться стражникам, взял под руку опешившего ученика и потянул в дом.

— Только не долго! — строго предупредили блюстители порядка, — Не хватало еще из-за ваших зачетов выговор получить.

— Уверяю, это недолго, — бросил напоследок господин Гаспар и вместе с учеником скрылся за дверь.

Александр бывал здесь не раз. В отличие от его собственного дома, жилище учителя делилось на два относительно просторных помещения. Одно из них было жилым, где отдыхал и спал господин Гаспар. Второе же предназначалось для приема гостей, а также для научных изысканий.

Лишь только Александр оказался по другую сторону двери, он вопросительным взглядом уставился на своего учителя. Было понятно, что господин Гаспар нарочно разыграл эту нелепую сцену перед стражей. Но это не отменяло вопроса и, Александр поспешил его задать:

— Господин Гаспар, а что происходит?

Учитель тяжело вздохнул.

— Проходи и располагайся, — оказавшись в гостинном зале, учитель продолжил, — После сегодняшней моей речи перед советом мне, так сказать, предложили несколько дней провести дома в компании пары стражников за дверь. По-простому — домашний арест.

— Видимо Вы их сильно достали, — усмехнулся Александр, хотя чего-то веселого тут было мало.

— Это точно. Достал. Думаю, их особенно задело мое неосторожное и, признаюсь, грубое высказывание по поводу того, что написано в Древних Тайнах. Уверен, что это особенно не понравилось старейшине

Маркусу. Этот злобный дедушка давно хочет запрятать меня в темные пещеры.

Место, о котором говорил учитель, служило для заключения там мермов, за какие-либо мало-мальски серьезные проступки. Но темными пещеры назывались в первую очередь потому, что свет туда поставляли в крайне малых количествах и преступник большую часть времени прибывал в полной темноте. Часть света в город мермов поступала, как ни странно со стороны верхнего мира. Но все же большую часть его производили крошечные светящиеся существа. И все бы ничего, но они были довольно хрупкими и часто могли погибнуть при неосторожном обращении. Поэтому свет берегли и пользовались им аккуратно. Такой свет был практически во всех комнатах и коридорах города. И если преступник имел свой свет дома, то конечно не было проблем забрать его с собой в темные пещеры. Однако, в наказание за провинность, свет преступника в большинстве своем на время срока изымался. А в некоторых случаях мог быть отдан и другому мерму.

— Вас и от занятий отстранили? — спросил Александр.

Учитель только кивнул и перевел разговор на другую тему.

— Как твои дела в школе у других преподавателей? У тебя последний год учебы и надо хорошенько подготовиться к экзаменам.

— В школе все нормально, — отмахнулся Александр.

Он очень хотел послушать еще что-нибудь о верхнем мире. Послушать не в виде спора с членами совета, а как увлекательный рассказ. Когда учитель говорил о своих открытиях, предположениях и умозаключениях, Александр погружался в историю о таинственном верхнем мире, летая в грезах о будущих открытиях. Казалось, что еще немного и господин Гаспар дожмет совет. Пусть и разозлившись, но рано или поздно они уступят и вот тогда это свершится. Произойдет полет мерма к границе верхнего мира и к горизонту неведомых тайн!

Однако учитель был явно не в настроении. Не смело, но Александр все же начал беседу на интересующую его тему:

— Господин Гаспар, пожалуйста, расскажите мне еще немного о верхнем мире.

Учитель внимательно посмотрел на своего ученика.

— Хорошо, мой дорогой и верный ученик, — согласился господин Гаспар, — Я расскажу тебе, что мне удалось узнать еще.

И учитель подробно рассказал, как оказался за пределами города. Правда, не стал вдаваться в подробности, как ему удалось незаметно миновать стражу. По его признанию он уже не в первый раз так поступал. Проговорившись об этом, господин Гаспар строго попросил своего

ученика никому об этом не говорить и тот со всей искренностью заверил своего учителя, что будет молчать, даже если его запрут в темных пещерах. Так вот, покинув город незамеченным, господин Гаспар устремился вдоль скалы. Пролетев какое-то расстояние, он поднялся наверх и очутился над дикими полями. Там среди различных зарослей лежали каменные развалины, несшие на себе отпечаток прежней цивилизации. Раз за разом господин Гаспар исследовал новые и все более отдаленные участки. Но чем дальше он отлетал от города, тем скуднее становился его улов. А чаще всего приходилось возвращаться домой ни с чем. И вот в тот самый день, который не предвещал чего-то необычного, пара теней прошли над каменными развалинами. Это заставило учителя поднять голову. Прямо над ним кружили двое верхолетов. Оставив на время поиски, господин Гаспар решил понаблюдать за животными, раз уж выдалась такая возможность. Преодолевая волнение, он медленно полетел вверх, постепенно приближаясь к верхолетам. И вот тут это и случилось! Сначала первое животное, поднялось к границе, исчезло за ней, а потом вновь оказалось в нашем мире. Следом то же самое сделало и другое животное. Так повторилось несколько раз. Буквально недолго верхолеты летали над тем местом, где господин Гаспар вел поиски, а затем спокойно удалились в противоположную от города сторону, оставив учителя в шоковом состоянии.

Александр, замерев, слушал весь рассказ от начала до конца, не произнося ни звука. Когда господин Гаспар закончил, он довольный посмотрел на своего ученика, который все еще находился под впечатлением.

— Ну что скажешь, Александр?

— Это потрясающе, — чуть слышно прошептал ученик в ответ, — Но ведь вы точно видели то, что видели? Ошибки быть не может?

— Ошибка исключена! — уверенно ответил учитель и с гордым видом скрестил руки на груди.

— А почему Вы не решились подлететь ближе и..., — на секунду Александр остановился, — не пересекли границу как верхолеты?

Господин Гаспар вздохнул и снисходительно посмотрел на своего ученика.

— Пойми, Александр, это большая ответственность. К такому нужно готовиться. Желательно идти группой, чтобы кто-то мог тебя подстраховать и все делать продуманно. Сначала освоить одну высоту, затем подниматься все выше, потом полетать у самой границы и так далее. Понимаешь? Представь, что меня вдруг по какой-то причине по-

стигла бы неудача. Пусть даже по моей собственной глупости. Вот что тогда?

Ученик молча пожал плечами, не зная, что ответить.

— А вот тогда мермы могли бы потерять не только шанс однажды подняться наверх, но и даже возможность говорить о верхнем мире! Поверь, старейшины позаботились бы об этом, заперев жителей в городе и лишь изредка выпуская наружу полетать. Я же хочу все сделать правильно. И как мне кажется, сегодня я сильно пошатнул веру в запрет о верхнем мире. Еще немного и они сдадутся. А дальше я соберу добровольцев и тогда ...

Учитель не договорил. Вместо этого он запрокинул голову вверх, а на его лице возникла мечтательная улыбка. Спустя мгновение господин Гаспар продолжил рассказ на тему верхнего мира, еще больше распалая восторг, которым горели глаза Александра. Упомянул учитель и про свет, который проникал оттуда.

— Исследователь, который пересечет границу, сможет созерцать светило верхнего мира так близко, как никто другой никогда не видел. А возможно даже и прикоснется к нему. Да что светило! — всплеснул руками господин Гаспар, — Там должен быть совсем другой немислимый и полный открытий мир. Конечно, должен быть. Ну а как же иначе?!

Все это время воображение Александра рисовало хоть и туманные, но фантастические открытия. И чем больше он думал об этом, тем больше хотел однажды взлететь, смело помчаться вверх и очутиться за пределом, разделяющим два мира.

Общения господина Гаспара и Александра прервал настойчивый стук в дверь.

— Тебе пора, — опомнившись от своих фантазий и рассуждений, быстро произнес учитель.

— Да, конечно, — ответил ученик и полетел к входной двери, — Большое спасибо Вам за этот рассказ господин Гаспар и до встречи!

С этими словами Александр покинул жилище своего учителя. За дверями его встретил недовольный взгляд стражника.

— Ну что, неуч, сдал свой зачет?

— А, да, конечно, — играя роль нерадивого ученика, ответил Александр, — С трудом, но все-таки сдал.

— Тогда давай, лети домой. Нечего тебе здесь больше околачиваться.

Глава 3

Александра разбудил голос коридорного «Рассвет! Наступило утро!». Каждый день дежурные, пролетая по коридорам, будили мермов. В приподнятом настроении Александр вылетел из своей пещеры и полетел в сторону городской площади. Немного не долетев до нее, ему повстречался его друг Камиль.

— Привет Александр! Чего такой радостный?

— Привет Камиль. Да так, просто.

— Ну конечно, вот так и без причины. Может, уговорил учительский совет за ранее сдать все экзамены и теперь довольный летишь навстречу взрослой жизни?

— А вот и не угадал! Вчера удалось пообщаться с учителем. Ох и отлично же мы побеседовали!

— Подожди, так ведь господина Гаспара вроде как посадили под домашний арест.

Воспоминание об этом обстоятельстве частично омрачили хорошее настроение. Но Александр не стал поддаваться плохим эмоциям.

— Ну и что? — ответил он, — Меня все равно к нему пустили. И я уверен, что этот глупый арест долго не продлится.

— Не думаю, что все именно так. По-моему, господин Гаспар зашел слишком далеко.

— Как ты можешь так говорить?! — возмутился словами друга Александр.

— Да ему повезло, что его вчера вообще кто-то слушал. Нет, ну серьезно, сколько можно? Скоро будем обсуждать этот вопрос по несколько раз в месяц.

— Не плохо бы, — мрачно ответил своему другу Александр.

— Ну и дальше что? Пошлем наверх группу смельчаков? А если они не вернуться, или погибнут, лишь только перелетев границу, господин Гаспар разведет руками: «Простите, видимо я был не прав, но давайте на всякий случай еще кого-нибудь пошлем, а вдруг получится!»

Издательский тон Камилля по отношению к учителю приводил Александра в бешенство.

— Немедленно прекрати! Учитель не стал бы намеренно никого подвергать риску. Он скорее сам отправится в верхний мир. А если бы кто-то и вызвался пойти с ним, то это был бы его добровольный выбор.

— А кто бы подбил такого желающего на это гиблое дело? Такому мерму как господин Гаспар не составило бы труда задурить голову ка-

кому-нибудь недалекому бедняге. Да и кто бы вообще в здравом уме согласился бы на это?

— Я! — резко выпалил Александр.

— А, ну все понятно, — закивал Камиль, — Одному затуманить разум господину Гаспару уже удалось.

— А тебе, как я вижу, в ордене внушили «правильные» мысли. Просто повторяй их и думать самому ни о чем не нужно.

— Ложь! — вспыхнул Камиль, — Это мое мнение и я не виноват, что оно совпадает с мнением ордена!

Но тут друзья заметили, что на них начали обращать внимание окружающее.

— Ладно, давай поговорим не здесь, — вполголоса сказал Александр, — Полетели наружу.

Как можно быстрее они устремились за внешние стены города и там сбавили ход до предела неспешной прогулки. Остыв по дороге, разговор продолжился более мягко.

— Так и что ты там говорил про вашу беседу? — будто без особого интереса спросил друга Камиль, — Узнал что-нибудь новое?

— Учитель рассказал мне про верхолетов. Про то, как они пересекли границу миров.

И хотя Александр пересказал разговор с господином Гаспаром, он, как и обещал, умолчал о том, что учитель уже не в первый раз бывал за пределами города. Пропустил Александр и моменты особого восторга, которые касались только их вдвоем с учителем. Но один вопрос все же не давал покоя.

— Слушай, Камиль, а ты случайно не знаешь, как долго продержат учителя под этим арестом?

— Если честно, то я не знаю. Я пока сегодня еще не был в ордене. Но если что-то удастся узнать про летающие там настроения, то может быть я тебе что-нибудь и расскажу.

— Может быть?

— Ну а как ты думал? Не исключено, что информация будет секретная и не для всех.

— Ой, не смей меня. Когда тебе курсанту стали доверять что-то действительно тайное? Представляю себе, как тебя вызывает магистр и говорит: «Курсант Камиль, мы долго следили за Вами и в итоге приняли решение посвятить Вас во все наши тайны. Только, пожалуйста, не выдавайте их этому мерзкому выскочке Александру».

Александр с улыбкой посмотрел на друга и они оба засмеялись. В дальнейшем разговор принял легкую непринужденную форму. Так,

болтая о всяком разном, они летали то в одну сторону мимо стен города, то в другую. Но, как бы не хотел Александр отвлечься, тема верхнего мира не давала ему покоя. Он какое-то время еще сомневался, а затем, словно повинувшись неведомой силе, сказал своему другу:

— Слушай, я знаю, что ты неодобрительно смотришь на все эти мысли и разговоры о полете наверх, но я хочу тебе кое-что показать, — с этими словами Александр взял за руку замешкавшегося Камилля и потащил обратно в город.

Уже недалеко от входа в комнату Александр вдруг засомневался в своем решении показать Камиллю то, что обещал. Он подумал о том, что возможно не стоило этого делать, но отступить было уже поздно. Впрочем, Александр особо ничем не рисковал. В самом крайнем случае у него заберут этот предмет, посмеются над ним и прочитают лекцию. С другой стороны его друг вряд ли захочет испортить с ним отношения из-за этого.

— Ты слишком далеко улетел в своих мечтах, — сделал свой вывод Камилль, когда оба друга оказались в комнате.

— В мечтах — да. А в реальности не так далеко, как хотелось бы, — грустно ответил Александр, но тут его глаза снова загорелись, — Представляешь, там ведь могут жить похожие на нас мермы, которые летают в своем верхнем мире. Да там вообще может быть что угодно!

Камилль замер и смотрел в стену потупив взгляд.

— Ты только представь, сколько открытий нас может там ждать! — не унимался Александр, — Возможно, другой город, а может даже не один. И вообще, там многое может быть совершенно другим и необычным.

— Прекрати! — резко прервал друга Камилль, — Куда ты собрался лететь? У тебя даже хвоста нормального нет. Да и летаешь ты, мягко говоря, так себе.

От такой грубости чувство обиды накатило на Александра и он резко отвернулся от своего друга. Несколько секунд никто не промолвил ни слова. Камилль почувствовал свою вину и легонько толкнул друга в плечо.

— Ну, ты чего? Ты же знаешь, я не умею извиняться, так что прекращай обижаться. Я просто хотел сказать, что в случае опасности, возможно, пришлось бы очень быстро улетать.

Прогоняя из сердца обиду, Александр медленно повернулся к Камиллю.

— Да ладно, все нормально. Я знаю, извинения это не твое. Да и с манерами у тебя, мягко говоря, так себе.

— О, это точно! — поспешил согласиться повеселевший Камиль.

Напряжение стало спадать. Никто из друзей не желал по-настоящему задеть чувства другого. Но, увы, такое иногда случалось.

— Ладно, даже если у тебя получится пересечь границу и остаться в живых, что конечно полная чушь, там же, наверное, все совсем не как у нас?

— И я очень надеюсь на это! — весело ответил Александр.

— Да подожди ты. А вдруг там нечем дышать? Вот что ты будешь делать?

— Смотри, я кое-что придумал, — оставаясь в приподнятом настроении, ответил Александр. С этими словами он подлетел к дальней от входа стене, где стояла тонкая металлическая пластина. Отодвинув стальной лист в сторону, Александр продемонстрировал небольшую нишу, из которой затем извлек странное устройство — еще одно наследие прежней цивилизации. Оно выглядело как черная рамка со вставленным вовнутрь прозрачным материалом. Спереди в обе стороны отходило два коротких цилиндра. С обратной стороны находилось пара ремешков. Несколько секунд Камиль широко раскрытыми глазами осматривал прибор.

— Что это? — наконец спросил он.

Александр довольным и гордым взглядом посмотрел на своего друга.

— Это то, что должно позволить мне дышать наверху, независимо от того, есть там, чем дышать или нет.

— И как этим пользоваться?

Александр взял из рук друга устройство, приложил к лицу и стал застегивать ремешки на затылке.

— Тут видимо другие ремешки были. Эти я сам приделал.

— Так, а где ты взял эту штуку.

— Нашел! — ответил Александр и посмотрел на своего друга. Маска плотно прилегала к лицу, — Ну как?

— Странно выглядишь, — недоверчиво глядя на своего друга ответил Камиль.

— Главное, что это даст мне возможность дышать наверху. По крайней мере, на какое-то время. Тем более что я не собираюсь там быть долго. Для первого раза достаточно будет короткой вылазки.

— Для первого раза? — чуть ли не закричал Камиль, — То есть, тебе и одного раза будет мало?

Александр снял маску, скрестил руки на груди и с умным видом ответил:

— Вообще-то для серьезного исследования вряд ли хватит одного подъема.

— Вообще-то, по-моему, ты сошел с ума.

Но Александр в ответ лишь пожал плечами. Повисло неловкое молчание. Первым заговорил Камиль:

— Ладно, мне, пожалуй, уже пора.

— Да, конечно. У тебя, наверное, своих дел хватает и без моей болтовни, — с этими словами Александр поспешил проводить друга.

Наступил вечер. Каждый из друзей прибывал в задумчивом состоянии. Но каждый по своему поводу. Александр думал, правильно ли он сделал, что показал своему другу маску. С этими тревожными мыслями ему с трудом удалось уснуть. В свою очередь Камиль терзался мыслями иного характера. «Стоит ли рассказать об этом магистру?» — думал он, — «А если все это только вздор? Тогда поднимут на смех». Но больше всего ему не хотелось предавать своего друга. Опять же, около города все время находилась стража и за всем следила. Ведь одно дело говорить о верхнем мире, а другое — пытаться туда попасть. В конечном счете, Камиль решил пока что лишний раз не поднимать шум.

Глава 4

Новый день принес новые сюрпризы. С самого утра жители Химертауна были чем-то сильно встревожены. По городу ползли слухи о том, что у господина Гаспара нашли что-то важное и к полудню собирается совет на площади. Никто ничего толком не знал. Однако такая срочность в сборе городского совета не сулила ничего хорошего.

До самого полудня Александр не мог найти себе места и гадал, что же произошло. Затем, плюнув на все, он полетел к дому учителя, но его остановила стража, которой стало втрое больше, чем раньше. Стражники наотрез отказались пускать к господину Гаспару. Когда Александр поинтересовался, что все-таки случилось, от него отмахнулись и сказали, что обо всем он сможет узнать только на площади. Интрига нарастала.

Александр прибыл на городское собрание пораньше и занял удобное место, чтобы лучше все видеть. Ближе к назначенному времени появились старейшины совета. Помимо привычной серьезности их лица выражали мрачность и плохо скрываемую обеспокоенность. Мермы на площади тревожно переговаривались. И вот, под конвоем из шести стражей появился господин Гаспар. Он выглядел уставшим, смотрел

вперед себя и взгляд его казался отрешенным. Учителя подвели к трибуне и тогда глава совета, подняв руки громко произнес:

— Уважаемые жители Химертауна, прошу вас выслушать совет нашего города! — Магистр Генри, убедившись, что его слушают, продолжил, — Сегодня ночью было раскрыто жуткое по своей сути преступление!

Затем последовал рассказ о происшествии. Оказалось, что немногим позже того, как Александр покинул господина Гаспара, к учителю пожаловал один из старейшн. В присутствии свидетелей был проведен обыск, который утвердили по настоятельной просьбе старейшины Маркуса. Во второй комнате, довольно щедро уставленной различными предметами, было кое-что найдено. А именно, два странных зуба какого-то существа. Учитель утверждал, будто бы эти зубы он нашел еще давно на городских полях. Так или иначе, находка заинтересовала проводившего обыск старейшину. В тот же день было учреждено расследование. Поскольку объяснения господина Гаспара совет посчитал невнятными, начались тайные допросы его друзей и знакомых. Впрочем, это могло и не принести каких-либо результатов, если бы не случай. Один из жильцов в верхней части города увидел, как по коридорам летает двое старейшн в сопровождении стражников и в силу своего любопытства поинтересовался происходящим. Ему не хотели что-либо говорить, дабы не поднимать шум, но тот спросил, не касается ли это случайно господина Гаспара. В процессе разговора выяснилось, что учитель частенько посещает эту часть города. Изначально предполагалось, что у господина Гаспара в этой части города есть знакомые и он просто навещал их. В действительности же таковых не оказалось. Возобновился допрос учителя, но тот отвечал, что любит иногда просто погулять по городу. Разумеется, ему не спешили верить. Тем более, что из показаний свидетелей стало ясно о довольно позднем времени «прогулок». Начались тщательные поиски того, куда же мог летать господин Гаспар. И вот уже за полночь удалось кое-что отыскать. В дальней части правого крыла города, на самом верхнем этаже находилась нежилая часть. Тут была одна большая комната с частично обрушившимся потолком и стенами. Но одного из старейшн, делавших здесь осмотр, смутила аккуратная кладка небольших камней у дальней стены. Разобрав кладку, было сделано открытие — за ней оказался длинный тоннель, ведущий за пределы города. Пролетев немного по тоннелю, расследовавшая дело группа мермов заметила справа от себя ответвление в виде широкого коридора, который заканчивался комнатой. И вот как раз то, что там было найдено и послужило причиной столь

срочного собрания совета. В комнате слева у стены было найдено два тела. Первое, частично разложившееся принадлежало животному. В нем с трудом узнали верхолета. Во-первых, потому что так близко их еще не приходилось видеть. А во-вторых, тело верхолета было словно чем-то искромсано. Отдельные части его были разложены рядом.

Глава совета не успел договорить, как собравшаяся на площади публика пришла в негодование.

— Я не убивал верхолета! — выкрикнул господин Гаспар, — Это было уже мертвое животное. Я нашел его за городом.

Но успокоить толпу было не просто. В ответ мерму у трибуны полетели слова «безумец» и «осквернитель». Магистр Генри пребывал в нерешительности. Видя реакцию, которую произвели его слова, он не знал, стоит ли продолжать и рассказывать все до конца. Но вот публика наконец-то немного успокоилась и теперь уже в адрес главы совета полетели возгласы:

— Говорите дальше!

— Мы хотим знать все!

Картина изрезанного мертвого животного шокировала, но в еще больший ужас старейшину со стражниками, которые нашли это место, привело другое. Вторым тело принадлежало мерму! Как и туша животного, оно было изрезано. От него отделили кое-какие части и вынули некоторые внутренние органы. Это зрелище выдержать было сложно. Не с первой попытки удалось взять себя в руки и расследовать дальше. После тщательного обыска помещения были найдены и инструменты, с помощью которых, по всей видимости, и проводились эти жуткие эксперименты. Несколько небольших металлических предметов, двое из которых имели невероятно острую заточку.

В эту же секунду в адрес господина Гаспара посыпались выкрики:

— Убийца!

— Как ты мог такое сделать?!

— Сумасшедший!

— Мы доверяли тебе наших детей!

— Да что ты за мерм такой?!

— Кто тот несчастный мерм?

— Рассказывайте все до конца!

И магистру пришлось продолжать.

— Сразу хочу прояснить один момент, — начал он, — Господин Гаспар не убийца. По крайней мере, он не убивал найденного нами мерма.

На этих словах толпа сразу затихла и воцарилась тревожная тишина. Было видно, как главе совета трудно продолжать. Но собравшись с духом, он громко и быстро проговорил:

— Тело этого мерма принадлежит господину Августу, похороненно-го полторы недели назад.

Площадь «взорвалась»! От такого кошунства толпа пришла в бешеное неистовство. Для того чтобы сдержать от самосуда жителей города, была использована дополнительная группа стражи заранее подготовленной на этот случай. Но двум мермам все же удалось прорваться через стражу. Они попытались накинуться на господина Гаспара, после чего было принято решение немедленно уводить подсудимого с площади. Сделать это удалось с трудом, потому что некоторые мермы то и дело преграждали путь стражникам, в центре группы которых был спрятан учитель. Когда подсудимого увели, граждане продолжали оставаться на площади. Теперь их внимание было обращено на старейшин, к которым они обращали свои вопросы и призывы.

— Что вы собираетесь с ним делать?

— Какое будет наказание за это злодейство?

— В темные пещеры его! До конца жизни!

— Какое до конца жизни? Это не мерм! Приговор — только смерть!

Среди толпы были и те, кто задумчиво молчал: друзья и знакомые господина Гаспара, а также те, кто в той, или иной степени поддерживал его идеи. Александр заметил, как некоторые из них уже покинули площадь. Другие же все еще находились здесь. Сам же Александр, воспользовавшись суматохой, когда уводили учителя, поднялся на последний уровень и затаился среди менее агрессивно настроенных мермов.

— Тишина! — громко пронеслось над площадью со стороны совета старейшн.

Толпа притихла, но озлобленные лица пристально уставились на произносившего речь магистра.

— Совет обеспокоен не меньше, чем все остальные жители Химертауна. Через два дня будет собран суд и определен его состав. И тогда преступник понесет наказание!

Александр улетел с площади. Он летел, никого не замечая, а тем временем весь город возбужденно обсуждал последние новости. Коридоры были полны встревоженных мермов. «Ну как же так?! — думал Александр — Этого просто не может быть!». Чувство глубокой печали терзало его. Он судорожно пытался найти хоть какое-то объяснение всему этому. Но в то же время было очевидно, что господин Гаспар не отрицал своей вины. Ни слова в свою защиту. «Как странно, — уже

прилетев в свою комнату, продолжал думать Александр — неужели ему нечего было ответить? Попытаться объяснить свои поступки. А может учитель просто сошел с ума?» В таких размышлениях шло время. Одни вопросы. Ответов нет.

Собравшись с духом, Александр твердо решил не делать поспешных выводов и попытаться во всем разобраться. Но для этого нужно было лететь к темным пещерам. В этой части города ему еще не приходилось бывать. И, борясь с сильным волнением, Александр отправился туда. Он взял с собой свой свет и, пропетляв изрядно по коридорам, в итоге прибыл на место.

После просьб и уговоров стража хоть и нехотя, но все же пропустила Александра. Помогло то, что в пылу событий других указаний кроме как содержать господина Гаспара под стражей не было. А значит — не было и запрета на посещения.

Здесь действительно было до жути темно. Лишь свет Александра и стражника, что проводил его, освещали стены этого мрачного места. В какой-то момент стражник остановился и, указывая рукой на одну из комнат угрюмо произнес:

— Здесь Ваш заключенный. Можете недолго поговорить. Я буду недалеко от входа.

— Спасибо, — кратко ответил Александр и медленно влетел в комнату.

В углу, свесив голову, находился господин Гаспар. Он поднял глаза и тень удивления пробежала по его лицу.

— Здравствуйте учитель, — даже эти простые слова Александра были полны грусти и сомнений. Он не знал, как себя теперь вести и как заводить разговор, ведь до этого случая общение с учителем было легким и свободным.

— Здравствуй мой ученик, — ответил господин Гаспар, — Если ты, конечно, все еще позволишь мне тебя так называть.

Александр кивнул и, подлетев к другому углу комнаты, расположился напротив учителя.

— Ты, наверное, разочарован, мой юный друг? Не так ли?

— Зачем Вы сделали это? — игнорируя вопрос учителя, тихо спросил Александр.

— Ты серьезно хочешь об этом знать?

Ученик снова молча кивнул.

— Все не просто. Помнишь, я еще тогда на площади рассказывал про верхолетов, которые перекали границу миров? Ну, конечно же, помнишь. Так вот, чуть больше двух недель назад я выбрался из горо-

да. Как обычно, я искал что-нибудь новое, что осталось нам от предыдущей цивилизации. Ну и может что-то такое, чтобы дало бы мне подсказку о верхнем мире. Я отлетел дальше обычного и уже собирался возвращаться, как вдруг заметил в зарослях чье-то тело неподалеку от меня. Когда я подлетел к нему, то был изумлен тому, что передо мной лежал верхолет. Вернее то, что от него осталось. Так близко я еще не видел это животное. Но я узнал его. Знаешь, просто появилось искушение. Мне захотелось понять, что это за существа и как они устроены. Ты пойми, они могут подниматься в верхний мир! Мне повезло, ведь голова, крылья и часть хвоста оказались целыми и неплохо сохранными. Однако нужно было спешить. Правда возникла новая проблема: где спрятать тело, чтобы там спокойно его изучать. И вот тут пришла мысль с тоннелем.

— Но как Вы нашли этот тоннель? Как поняли, что там за завалом? — перебил учителя Александр.

— А я и не знал. Просто когда я только начинал изучать прежнюю цивилизацию, искать все больше ее следов, в том числе обратил внимание и на этот завал. Мне удалось в несколько подходов разобраться его. И вот тогда я обнаружил этот тоннель, ведущий далеко за город.

— Но Вы же говорили, что покидали город другим способом.

— Ну, знаешь, каждый раз разбирать и собирать вход все же рискованно. Рано или поздно можно было запросто попасться. А вот тот способ, о котором я тебе сообщил гораздо безопаснее. Так что в деле изучения тела верхолета тоннель пришелся как нельзя лучше. Да, разумеется, был риск. Но и задача моя была уже совсем иного рода, чем обычно.

— Значит, там Вы и спрятали мертвого верхолета. Начали его изучать. Хотя для меня это все равно жутко. Вы же его чем-то резали?

— Верно. У меня были особые инструменты. Я давно их нашел.

— Ладно, а как же господин Август? Ведь Вы и с его телом поступили также.

— Да.

— Но для чего?

— Для того чтобы сравнить. Сравнить нас и верхолетов. Не скрою, я давно хотел сделать нечто подобное. Но тебе и так известно, как относятся мермы к телам их мертвых сородичей.

— Вряд ли их можно за это осуждать, господин Гаспар.

— Знаю. Поэтому я не ожидал одобрения с их стороны.

Возникла пауза. Александр искренне пытался понять своего учителя. И проблески понимания пробивались сквозь стену обычного вос-

приятия жизни мермом. Александр поймал себя на мысли, что, в общем-то, он не такой уж и обычный мерм, раз все это время поддерживал господина Гаспара. Даже сейчас, находясь здесь, Александр старался прояснить для себя волнующие его вопросы, в то время как другие мермы продолжали обсуждать случившееся, возмущаться и слать проклятья в адрес учителя.

— Скажите, а Вам удалось все-таки что-нибудь выяснить? Ваши эксперименты стоили того?

Учитель уверенно кивнул в ответ.

— Не такие уж мы и разные, Александр. Устройство нашего организма во многом схоже с этими животными. Несмотря на ряд отличий, наши тела имеют тот же принцип построения и, думаю, схожий принцип работы. А ведь верхолеты пересекают границу с верхним миром!

Александр почувствовал, что кто-то приближается и был прав. В проеме комнаты показался стражник.

— Ну, все, хватит. Нечего подолгу болтать с этим мерзким преступником. Неужели у тебя парень нет других дел?

— Да, есть, — согласился Александр и бросив последний взгляд на учителя удалился в сопровождении все того же охранника.

Вместе с учеником в темных коридорах исчез и свет фонаря. Господин Гаспар остался во мраке наедине с собой.

Глава 5

«Два дня» — носилась мысль в голове Александра, — «Всего два дня и учителя могут навсегда упрятать в темных пещерах. Или того хуже — казнить». Не находя себе места Александр продолжал думать над тем, как помочь учителю. Но что он мог сделать? Он всего лишь ученик, молодой мерм и только. И это приводило его чуть ли не в отчаяние. Но терять надежду не хотелось. Так продолжалось, пока не пришла простая, но до жути пугающая мысль. Подняться наверх! «Доказать, что учитель не виновен! — продолжал размышлять Александр, — Доказать, что был прав по поводу верхнего мира и тогда, возможно, наказание не будет таким суровым. Если же учитель ошибался, то ему уже вряд ли что-то сможет помочь. Впрочем, как и мне, если все предупреждения Древних Тайн о верхнем мире окажутся правдивыми. На кону и моя жизнь тоже». Александр не собирался так скоро лететь в верхний мир. Он думал, что это случится позже, когда учителю разрешат подняться наверх. Тогда в какой-то из подъемов учитель мог взять

и его с собой. Однако обстоятельства круто изменились. Оставалось сделать выбор. И в итоге после долгих рассуждений выбор был сделан.

Прошел день и наступил вечер. Как ни странно, но к господину Гаспару все еще можно было попасть. Нехотя, но старший охранник пропустил Александра к учителю. Правда предупредил, что на разговор есть не более пяти минут.

Господин Гаспар был обрадован новым приходом своего ученика, но в то же время удивлен. Еще большим было удивление, когда он узнал, о намерениях Александра.

— Я хочу сделать это.

— Ты серьезно? — учитель не сразу поверил в услышанное, но увидев решительность в глазах ученика, понял, что это не пустые слова, — Послушай, ты знаешь, я сам хочу это сделать. Но все же, несмотря на такое желание надо понимать, что это может быть все-таки опасно. Я не могу позволить тебе этого. Тем более в одиночку.

— Почему же?

— Одно дело рисковать самим собой, другое — подвергать риску кого-то еще. Я был бы рад, если бы ты ассистировал мне. Помогал бы с приготовлениями и даже поднялся со мной к самой границе. Но все же хотя бы в первый раз оставался в нашем мире дожидаться меня. А я бы пересек границу. Ты подстраховал бы меня и возможно смог привести помощь, если бы что-то пошло не так.

— Простите господин Гаспар, — прервал своего учителя Александр, — Но Вы сейчас не можете этого сделать. К сожалению. И даже если Вас выпустят из темных пещер, вряд ли Вас даже станут слушать. Могут приставить охрану, периодически делать обыски и не известно, сколько придется ждать. В общем, кто-то должен на это решиться, пока еще есть такая возможность.

Учитель задумался. Правота ученика загоняла его в угол. Но господин Гаспар чувствовал ответственность за своего ученика. Он помолчал какое-то время и затем серьезным тоном произнес:

— Послушай, давай пока не будем торопиться и погорим об этом завтра.

— Да, конечно, поговорим завтра, — ответил Александр, резко развернулся и улетел прочь.

Эта ночь была самой сложной в его жизни. Сомнения так и лезли в голову. Александр пытался избавиться от них, но они словно щупальцами пролезали в его сознание снова и снова. Оставалось успокаивать себя лишь тем, что решение уже принято, что нужно помочь учителю и, наконец, осуществить мечту — подняться в новый неизведанный

мир. Эти мысли воодушевляли и уверенность возвращалась. Александр не стал ничего говорить своему другу. Конечно, он доверял Камиллю, но опасался, что тот попытается спасти его и предупредит старейшн. Нет, так нельзя было рисковать. Ставки были слишком высоки.

Александр не спал. Он не хотел случайно проспять время начала операции по подъему наверх. К назначенному часу Александр был собран и готов. За ранее мысленно рассчитав маршрут, он несколько раз прогнал все в голове. И вот, наступил тот самый момент. Тихо вылетев из своей комнаты, Александр направился к выходу из города. Приходилось быть крайне внимательным, чтобы не столкнуться со стражей в коридорах. Но к счастью все прошло гладко.

За городом стражи было меньше обычного. Это могло объясняться тем, что какую-то ее часть могли направить для охраны темных пещер и в частности для присмотра за господином Гаспаром. Такое обстоятельство играло на руку. Александр держал в голове рассказ учителя о том, как он в предрассветный час выбирался из города. Надо было дожидаться смены караула. Весь этот процесс длился меньше минуты. Но именно это позволяло незаметно проскользнуть мимо стражи. Приходилось лететь вплотную к скале, чуть ли не касаясь ее. А главное, все нужно было делать быстро, и без освещения, поскольку любой проблеск света фонаря выдал бы своего обладателя. Благо мермы могли видеть и в темноте, хотя и не очень хорошо.

Александр все проделал настолько быстро, насколько было возможно. Он бесшумно пронесся вдоль образовавшегося темного коридора, который оставили после себя сменяющиеся стражники. Затем, круто свернув вправо и пролетев вдоль скалы укрыться в неглубокой расщелине. Отсюда, не было видно города, а стражникам не было видно Александра. Здесь никогда не вели охоту, не летала стража и, более укромного места вблизи города найти было сложно. Теперь нужно было переждать и дожидаться рассвета. Александр поудобней примостился и стал ждать. Но бессонная ночь сыграла свою роль и Александр задремал. Когда он открыл глаза, утро уже было в самом разгаре. Несколько секунд и Александр окончательно пришел в себя. Он на всякий случай огляделся. Никого. Лишь слабые звуки еле-еле пробивались к его укрытию со стороны города. Теперь надо было действовать быстро и решительно. И не потому, что его кто-то мог случайно обнаружить, а для того, чтобы не возникало лишних мыслей об отступлении.

Александр начал подъем наверх, стараясь держаться так, чтобы из города его сложно было заметить. Он поднимался все выше и свет, проникавший в его мир из мира верхнего, с каждым взмахом хвоста

становился ярче. Александр оглянулся назад и посмотрел вниз. Где-то там остался его родной Химертаун, очертания которого он уже не мог разглядеть. Внезапно с ранее невиданной силой сомнения и тревоги вновь стали атаковать его разум. Александру казалось, что он просто сходит с ума. Сделав над собой невероятное усилие, он дрожащими руками надел свою маску, туго затянул ремешки и устремился к границе двух миров. Слово пробиваясь сквозь мысли, Александр делал все большие усилия, стремительно поднимаясь вверх и туда, где пологий склон скалы уже уходил за пределы границы. «Давай, осталось немного. Еще чуть-чуть. Уже почти!» — мысленно подгонял он себя. И вот, наконец, Александр добрался до «нее» и остановился. Так близко границу он еще никогда не видел. Она будто колебалась, но в тоже время выглядела безмятежной и, казалось, не таила в себе никакой опасности. В любом случае совсем скоро все станет понятно. Граница миров была уже настолько близка, что можно было коснуться ее рукой. Эта мысль побудила его именно так и поступить. Он протянул руку. Пальцы коснулись границы и медленно прошли насквозь. Александр резко отдернул руку и осмотрел ее. Ничего страшного не произошло. С рукой все было в полном порядке. Оставался последний шаг и, взяв небольшой разгон, Александр рванул вверх! Буквально в последнюю секунду перед тем, как пересечь границу, он закрыл глаза.

Глава 6

Александр оцепенел. Глаза по-прежнему оставались зажмуренными. Внезапный приступ страха сковал его тело. Он постарался успокоиться и прислушаться к своим ощущениям. Александр заметил, что его раздвоенный хвост по инерции продолжает совершать летательные движения. При этом движение вверх почему-то прекратилось. Он замер на месте. Это было понятно потому, что его руки неподвижно лежали на чем-то твердом. «Камни», — подумал Александр и крепко в них вцепился. Постепенно состояние ступора стало уходить. Правда, страх все еще был силен. Но вечно оставаться с закрытыми глазами было нельзя. Он поднялся сюда, чтобы познать истину о верхнем мире, увидев его своими глазами, стать первым, кто окончательно прозреет и принесет другим правду об этом месте.

Еще несколько секунд и глаза юного покорителя верхнего мира начали осторожно открываться. Одним из первого, что стало ясно, так это то, что он действительно завис. При этом его голова и руки были уже по другую сторону границы, в то время как остальное тело остава-

лось со стороны нижнего мира. Вопреки всем предупреждениям, страшным легендам и пугающим запретам Александр был жив. По крайней мере, пока что он не превратился в камень и не умер мучительной смертью. Его тело было в порядке. Понимание этого практически полностью сняло оцепенение, хотя страх все еще продолжал блуждать внутри сознания. Собравшись с мыслями, Александр попытался двигаться. И хотя он был прижат к камням, что дарило не очень-то приятные ощущения, у него все получилось.

Он стал подтягиваться, но по-прежнему взлететь не получалось. Перебирая руками, Александр двигался дальше, пока все тело не оказалось в верхнем мире. Здесь Александр решил ненадолго задержаться и понаблюдать за своим состоянием. Его раздвоенный хвост полностью лишился возможности делать летательные движения. «Чтобы бы ты сейчас сказал по поводу своего быстрого хвоста, мой друг Камиль?» — подумал Александр. По всей видимости, верхний мир мгновенно уравнил бы их в передвижении.

Александр пополз дальше. Камни закончились и под его телом зашуршал песок. В какой-то момент он решил остановиться и оглядеться. Александр поднимал глаза все выше, одновременно приподнимаясь на руках, пока не увидел нечто поразительное. Вдали от него выходили из земли огромной высоты каменные столбы. Они пробивались сквозь зеленые заросли и вид их поражал. В большинстве из них угадывалась правильная прямоугольная форма. В некой упорядоченной последовательности каменные столбы были изрыты квадратными и прямоугольными отверстиями. Не было сомнения и в том, что это все создано разумными существами. Один за другим в сознании стали возникать вопросы: «Кто они те, что сделали все это? И где они сами? Может они где-то рядом и наблюдают за ним?». Город казался неживым и выглядел так, словно жители покинули эти места очень давно. Но если так, то из-за чего?

В какой-то момент Александр обернулся и посмотрел на границу мира, из которого он явился сюда. Перед его взором раскинулась огромная темная гладь, уходящая за горизонт. По ее поверхности бежала мелкая рябь. Александр осмотрел на свое тело. В свете поднявшегося из-за горизонта светила блестели чешуйки, скудно покрывавшие его руки и раздвоенный хвост.

Юный покоритель верхнего мира стал медленно поднимать голову все выше, чтобы окинуть взором раскинувшийся над его головой простор как внезапно случилось нечто непредвиденное. Один из ремешков маски растянулся. Тонкая струйка воды побежала по шее из образо-

вавшейся щели между маской и лицом. В панике Александр попытался застегнуть ремешок, но трясущимися руками лежа на песке это было сделать непросто. «Ну, давай же!» — думал он, стараясь решить непредвиденную проблему. Однако из-за неосторожных действий случайно расстегнулся и второй ремешок. Следом за этим маска спала с лица, расплескав воду. В этот момент Александру стало безумно страшно. Ужас охватил его так, как никогда раньше. Он попытался дышать, но ничего не выходило. «Обратно!» — лишь промелькнуло в его голове и, что было силы, он пополз к тому месту, откуда выбрался в верхний мир. Он полз, яростно перебирая руками. Из глаз потекла какая-то жидкость. Александр не знал, что это были слезы. Ужас гибели гнал его назад в его родную стихию. Но добраться туда ему было не суждено. Он потерял сознание, растянувшись на камнях.

Глава 7

Александр раскрыл веки и перевернулся на спину. Яркий свет больно ударил в глаза, отчего Александр резко зажмурился. Внезапно он понял, что может дышать. Сложно, с определенным усилием, но все же может. Александр фактически чувствовал как при каждом вдохе, расширяясь, надувается грудная клетка. Он не понимал, что на самом деле его легкие раскрылись, позволяя дышать земным воздухом.

Александр постарался двигаться. Из-за полученного стресса его движения были неуклюжими, но все-таки тело ему подчинялось. Перевернувшись набок и приподнявшись на локте, он стал осматривать окружающий его мир. Утреннее солнце озарило все вокруг своим светом. Было светло так, как прежде Александр себе и представить не мог. Песок, на котором он лежал, поблескивал в лучах небесного светила. Александр запрокинул голову вверх и увидел, как небо окрасилось в нежно голубой цвет. Наконец его взгляду предстало и само светило, которое неоднократно всплывало в разговоре с учителем. Оно висело невообразимо высоко в небе, а свет его был таким ярким, что практически не позволял на него смотреть открыто.

Давно брошенный город вдали представился взору цветом серого камня зданий и насыщенным зеленым цветом захватившего его леса. Александр еще какое-то время оглядывался по сторонам, любуясь видом и красками верхнего мира, как внезапно его внимание привлекло одиноко стоявшее невысокое строение. Оно стояло на самом краю берега вдали от него, частично погружаясь в море. Но, так или иначе, из

всех зданий верхнего мира, что удалось увидеть, оно оказалось самым близким.

Александр погрузился в раздумья. Одна часть сознания тянула его обратно в свой мир. Другая — звала исследовать это место. Все еще присутствовал страх того, что он снова начнет задыхаться. Но пока дыхание Александра было исправным, а самочувствие вполне стабильным. Итогом размышлений стало решение ползти к строению на берегу и обследовать его. Однако, при этом держась как можно ближе к границе, чтобы в случае чего быстро оказаться в своем мире.

Путь оказался непростым. В своем мире Александр одолел бы его быстро, но тут летать он не мог. Приходилось двигаться ползком вдоль песчаного пляжа. Но как бы то ни было, юный мерм продвигался все дальше, приближаясь к своей цели. Немного не доползая до самого здания, Александр остановился, чтобы более пристально его рассмотреть. Куполообразное сооружение выростало из песка и, примерно на половину было покрыто какими-то сверкающими шестигранными пластинами. Хотя некоторого количества пластин явно не доставало, те, что сохранились, ослепительно блестели в лучах утреннего солнца.

Александр дополз до сооружения и, двигаясь вдоль стены, в итоге оказался перед входом. Высокие двери из темного стекла преградили ему путь. Впрочем, попасть внутрь оказалось не так уж сложно. Одна из дверей была повреждена и щель от выбитого осколка вполне позволяла проникнуть в помещение. Александр воспользовался предоставленной возможностью.

Внутри помещения оказалось прохладней, чем на улице. В свою очередь это дарило комфорт телу мерма, поскольку надвигающаяся жара неблагоприятно начинала сказываться на самочувствии. Александр уже отметил для себя этот факт и с удовольствием принял условия здешнего места. Насладившись передышкой, юный мерм пополз дальше по каменному полу отчасти покрытого песком, занесенным через пробоину в двери. Но далеко заползти ему не удалось. Продвинувшись лишь на несколько метров, перед ним вдруг предстало нечто необычное и поначалу напугавшее его.

Энергии от солнечных панелей уже не хватало на работу всего исследовательского центра. Но ее вполне хватило на то, чтобы заработали датчики распознавания, а следом и включился голограф.

От испуга Александр бросился в сторону и с замиранием сердца уставился на возникшую словно из неоткуда фигуру странного мерма. В отличие от распластавшегося на полу Александра, тот вытянулся в полный рост. Фигура не парила в воздухе, а стояла прямо на земле,

легко опираясь на свой раздвоенный хвост. Тело мерма покрывало нечто белое, закрывая руки до кисти и спускаясь до коленей. В следующую секунду он заговорил:

«Я посвящаю эту запись всем тем, кто сможет ее увидеть, — мерм на время замолчал, а затем, тяжело вздохнув, продолжил, — Начну, наверное, с рассказа о том, что это за место, кто я и чем занимаюсь. Если вы видите эту запись, то значит находитесь сейчас в центре океанологии. Точнее в его туристической части. Но это всего лишь небольшая часть научно-исследовательского комплекса».

Слова, выходявшие из рта странного мерма, были совершенно непонятны. Но помогло то, что произносимые фразы также отображались на голограмме в виде текста. Из трех строчек с меняющимся текстом, одну Александр с трудом, но все же мог читать. Ему вспомнились уроки древнего языка, от которого, как считалось, произошел и сам язык мермов. Учебный курс в школе был коротким и носил скорее ознакомительный характер. Но его можно было изучать и самостоятельно, а также брать дополнительные занятия у того же господина Гаспара.

Тем временем мерм в белом облачении продолжал:

«На поверхности, прямо на побережье расположился музей океана с разными развлечениями для посетителей. Под водой проходил тоннель для подводных экскурсий, а также находилась и наша научная лаборатория.

Это место привлекало туристов в огромных количествах. И поверьте, было на что посмотреть. Но это лишь внешняя оболочка. Прикрытие. А вот самое интересное таилось, образно говоря внутри. И пока веселье и довольные туристы разгуливали по аквацентру, посещали океанический зоопарк и плавали на экскурсионных подводных аппаратах, любясь красотами морского дна, в это самое время я и мои коллеги занимались исследованиями и серьезными научными разработками. Не скрою, нашими заказчиками, в том числе были и военные, и частные компании. Но сейчас это уже не так важно.

Проводимые изыскания в основном лежали в области генетики. Так уж сложилось, что научная этика не позволяла большую часть наших исследований проводить открыто. Под разные проекты нашлись и свои спонсоры. Раз — и вот вам целый исследовательский центр, замаскированный и спрятанный на континентальном склоне морского дна. Что ж, это было удобно».

Еще какое-то время Александр слушал, а вернее читал историю, которую рассказывал странный мерм. Невольно в голову закралась мысль о происхождении Химертауна. Уж очень все сходилось. Да и по

расчетам Александра он как раз сейчас должен был находиться прямо над своим городом. К сожалению, из всего, что говорил мерм, не все удавалось понять. Порой, смысл и вовсе терялся, но Александр все равно лихорадочно старался понять как можно больше, напряженно вчитываясь во всплывающий текст.

По окончании речи мерма голограмма на секунду пропала. Затем появилась вновь и началась новая запись. Но в это раз странный мерм казался встревоженным.

«Мы работали как обычно в закрытой части лаборатории, как вдруг почувствовали сильный толчок, похожий на землетрясение. Затем последовала еще серия толчков, но к счастью серьезно никто не пострадал. На время пропало электричество. Затем все заработало снова. Мы попытались выяснить, что произошло, — здесь мерм сделал короткую паузу, а затем продолжил, — Первым, что удалось узнать, так это то, что тоннель, соединяющий нас с верхней частью комплекса, обвалился. Поначалу не было никакой паники. Одни пытались наладить связь. Другие кинулись проверять исправность подводных аппаратов. Но каждая последующая новость все больше расстраивала нас и даже пугала. Связь с «верхом» восстановить удалось, но на наши запросы, к сожалению, никто не отвечал. Внешние лаборатории оказались затопленными вместе со всеми, кто там был. Отсек с подводными аппаратами и спасательным снаряжением также получил серьезные повреждения и тоже был затоплен. Сработала система аварийной блокировки дверей.

После анализа всех систем был получен подробный отчет. Если кратко, то выжила только наша группа ученых из секретной части всего подводного комплекса, которая чудом уцелела. При этом мы остались практически отрезанными от внешнего мира. Конечно, мы были уверены, что за нами придут и спасут нас. Но и без дела сидеть не стали. Помимо попыток связаться с верхней частью комплекса, мы подали сигнал тревоги на различных частотах, включая передачу на ультра частоте. Успокоившись, мы стали ждать помощи. Время шло, но нам никто так и не ответил. Никто не приплыл нас спасать. Было ощущение, словно о нас забыли. Единственными кто явился на наш зов — была группа дельфинов. Но и те в скором времени уплыли.

Люди стали паниковать. Кто-то предлагал продолжать ждать. Кто-то говорил о том, что следует срочно что-то предпринимать. Но что? Не буду рассказывать обо всех переживаниях и спорах за время нашего ожидания помощи. Скажу лишь одно — наступил момент, когда надеж-

да нас стала покидать. И вот когда ее уже практически не осталось, мы решились действовать самостоятельно.

Мы понимали, что долго оставаться в плену океана было невозможно. И хотя на случай серьезной аварии имелся довольно большой запас в виде энергетических ресурсов, провизии и прочего набора для выживания, это все, конечно же, было ограничено. Никому из нас не хотелось остаться заживо погребенными под толщами морской воды. В конце концов, мы ученые и, по крайней мере, можем хотя бы попытаться найти выход. И мы попытались!

Что же, если у вас нет подводного аппарата, способного доставить наверх, то таким аппаратом можно попробовать стать самому. О простом всплытии без какого-либо снаряжения не могло идти и речи. Даже при серии тренировок по задержке дыхания у нас бы просто не хватило времени выплыть даже наружу комплекса. И это не говоря уже о самом всплытии к поверхности океана. Специально подготовленный человек на одном дыхании может покорить глубину и более чем в 300 метров. Однако это явно не про нас. Да и ограниченность времени с отсутствием возможностей для такого рода подготовки не давали нам в этой затее ни единого шанса. Тогда то мы и решились на небывалый шаг. Генная инженерия. Это все, что у нас оставалось. Надо было действовать очень быстро. И хотя в надежности перегородок блокировавших затопленные комнаты сомневаться не приходилось, не было уверенности, что образовавшиеся в результате толчков трещины в стенах не пойдут дальше и не затопят другие помещения. Но и это не единственная проблема. При всей экономии запасы продовольствия постепенно истощаются. Еще более стремительно может закончиться запас энергии и кислорода, вырабатываемого прямо из морской воды, на что опять же шло немалое количество драгоценной энергии. Пройдет не так уж много времени и даже если не развалиться наше убежище, а мы не сойдем с ума от голода, все здание погрузиться во тьму. Так что у нас вряд ли есть другой выход».

Глава 8

«Новая запись» — после этих слов снова появилась голограмма мерма в белом. Александр по-прежнему оставался на своем месте и продолжал внимательно вчитываться в текст.

«И так, было принято решение о создании контролируемой мутации. В результате, испытуемый должен был получить способность дышать под водой. Хотя конечно это стоило нам немалых усилий. Спасло

то, что подобные эксперименты уже проводились одной из наших лабораторий, которую мы в шутку называли «Химертаун». Конечно не над людьми, но суть та же. Это была серия экспериментов по так называемой контролируемой эволюции. В ходе исследований изучался процесс перехода животных от водного образа жизни к наземному и наоборот. Не знаю, какое практическое применение всему этому могло быть но, нам это здорово помогло. Благодаря имеющимся наработкам мы сэкономили годы исследований, которых в нашей ситуации у нас не имелось. Правда все равно пришлось работать чуть ли не сутками, чтобы меньше чем за неделю получить необходимое решение для человеческого организма.

Первые испытания были проведены на двух добровольцах. Примерно через восемнадцать часов мы получили необходимый результат: двоякодышащего человека. В имеющемся в нашем распоряжении аквариуме для экспериментов мы провели тестирование приобретенного навыка. Все получилось. Мы не стали медлить. Уже через пару часов наши подопытные были выпущены в затопленную часть комплекса. Последующие наши действия заключались в том, чтобы прокладывать им путь, открывая необходимые двери и шлюзы. К счастью, все получилось. Теперь нам осталось ждать помощи.»

Новая запись началась с короткого молчания мерма в белом. Его лицо отражало сильную озабоченность и тревогу.

«Даже не знаю с чего начать. В общем, наши ребята, которых мы отправили наверх, вернулись обратно. По всей видимости, проблемы не только у нас. И проблемы очень серьезные. В верхней части комплекса никого не оказалось. Тогда наши двое добровольцев отправились в сторону города. Однако дойти туда им не удалось. Они почувствовали себя плохо. Появились тошнота и слабость. Кто-то из них догадался, что это может быть радиация. Конечно, они поспешили вернуться обратно. Когда они уже были внутри лаборатории и, мы провели диагностику, то выяснилось, что у них началась лучевая болезнь. Стало понятно, что наверху действительно высокий уровень радиации. От нее нас спасала толща воды над нами и конструкция нашего научного комплекса. Это, пожалуй, все, что нам сейчас известно. Пока мы не знаем, что именно произошло наверху. Может на нас кто-нибудь напал? Война? Я не знаю...»

Следующая запись началась более бодро, чем предыдущая:

«Наверное, нам придется заплывать дальше, чем мы ожидали. Очевидно, что над нами случилась какая-то беда. Но у нас еще есть шанс спастись и узнать обо всем, что произошло наверху. В конце концов,

теперь мы можем дышать под водой. Правда, нам нужно время, чтобы подальше уйти от зараженного участка суши. Но как долго придется прибывать в морской воде? Надеюсь, мы быстро со всем справимся. И вот еще момент. В результате генетического эксперимента у наших первых добровольцев появилась способность к эхолокации. Не знаю, как это объяснить. Впрочем, было бы забавно, если мы смогли бы общаться примерно так же, как это делают дельфины. По сути, у этих животных такая же организация звука, как и у человека. Их словарный запас составляет примерно четырнадцать тысяч слов. Ладно, сейчас это неважно. Главное отсюда выбраться».

Новая запись:

«Думаю, что это последняя запись. Мы решили вопрос с возможным переохлаждением, внеся некоторые коррективы как в наш кожный покров, так и в состав крови. Оказавшись снова на суше, мы вернем наш генетический код в прежнее состояние. Главное, чтобы к этому моменту у нас не появился рыбий хвост и чешуя, — пошутил мерм в белом, — а то легенды про русалок станут реальностью. Теперь же я сделаю еще вступительную запись, поставлю ее в самое начало и, пока здесь все не затопило, отправлю наверх. Там эти записи будут храниться в блоке памяти голографа. Это оказалось единственным доступным местом, куда еще можно отправлять информацию. Затем, я дам провести в себе генетические изменения и присоединюсь к своим коллегам. Через несколько дней нас здесь уже не будет. Конец записи».

Мерм исчез. Наступила тишина. Александр, замерев, продолжал сидеть на полу и переосмысливать увиденное. Учитель не соврал. Мир, в котором он так стремился побывать, на самом деле был полон невероятных и даже пугающих открытий. Разумеется, Александр понял далеко не все, что рассказывал странный мерм. Александр подумал, что хорошо было бы захватить этого мерма с собой в свой мир и показать его жителям Химертауна, включая старейшн. Но этот мерм исчез и больше не появлялся.

Александр уже собирался покинуть это место. Он отполз обратно к выходу, но остановился. Ему пришла в голову мысль для начала обследовать помещение. Но лишь стоило Александру вернуться обратно, как снова появилась голограмма и стали воспроизводиться записи. В этот раз Александр попытался позвать мерма с собой. Он осмелился подползти поближе, коснулся рукой мерма но рука прошла сквозь голографическое изображение. Александр повторил это несколько раз, но как бы он не старался, странный мерм оставался на месте и продолжал заново рассказывать свою историю.

Глава 9

Наступил вечер. После неудачных попыток, прихватить с собой мерма, Александр оставил эту затею. Теперь он лежал на песчаном берегу, смотрел в небо и размышлял. Светящийся диск светила постепенно уходил за горизонт. Чем ниже он опускался, тем краснее становился. Вместе с ним меняло цвет и небо. Александру не хватило бы слов, чтобы описать все цвета заката. Впрочем, ему это было и не нужно. Он просто заворуженно наблюдал за происходящим действием, казавшимся ему чем-то волшебным. Постепенно, на темнеющем полотне неба один за другим стали появляться маленькие огоньки. Их становилось все больше и больше, пока небо полностью не превратилось в черную бездну со щедро усеявшими ее звездами. Александр смотрел, как над ним раскинулся этот бескрайний загадочный простор со светящимися огоньками. Он не знал, что это, но удивительный вид чистого ночного неба завораживал. Вот и еще одно открытие. Оно притягивало и полностью захватывало все внимание. Александр долго наслаждался этим зрелищем. Поглощенный событиями дня он и не заметил, как нечаянно уснул.

Утро застало Александра врасплох. Проснувшись, он осознал, что уже довольно долго отсутствует в Химертауне. Его вылазка, которая должна была быть короткой, растянулась уже практически на сутки. Не считая возникшего голода, он чувствовал себя достаточно неплохо, но все равно решил больше не испытывать судьбу. Александр пополз к границе двух миров. Разумеется, просто так вернуться он не мог. Ему просто необходимо было что-нибудь захватить отсюда. Это кое-что он и нашел как раз в том же помещении, где ему явился мерм в белом одеянии.

Морская вода дарила привычное ощущение дома. Александр вполз в море и стал погружаться к его дну. Поначалу, как и тогда, когда он выбрался в верхний мир, он не смог дышать. Но в отличие от того случая возможность дыхания под водой вернулась почти мгновенно. Александр плыл над подводными полями, покрытыми зарослями водорослей, кораллов и губок. Вскоре, после того как поля закончились, начался спуск вниз по континентальному склону морского дна. Не успев приблизиться к самому городу, Александра заметила стража. Четверо стражников бросились к нему и взяли в кольцо. Александр не сопротивлялся. Под конвоем его повели в Химертаун.

Оказалось, что в то утро подъема к верхнему миру, Камиль, не найдя Александра дома, какое-то время искал его по всему городу. С каждой секундой волнение за друга нарастало. Обыскав все закоулки, Камиль не выдержал и отправился прямо к старейшинам. Там он и рассказал о том, что возможно Александр все-таки предпринял попытку подняться наверх. Рассказал также и том, что видел некую вещицу у своего друга, который утверждал, что сможет с помощью нее дышать в верхнем мире. В комнате Александра был проведен обыск, но этой вещи не нашли. После этого старейшины отрядили группу стражников искать беглеца за пределами города, а также отдали приказ допросить господина Гаспара. Учитель был потрясен не многим меньше, чем допрашивавшие его старейшины, но признался, что имел место разговор с его учеником на тему подъема в верхний мир. Господин Гаспар раскисался, что не придавал должного значения словам ученика и не смог того удержать.

Александра ввели в город. Пролетая по коридорам, он ловил на себе изумленные взгляды горожан. За очередным поворотом возникла фигура его друга.

— Александр! — крикнул взволнованный Камиль, — Ты как? Где был?

— Я был в верхнем мире, — улыбаясь, спокойно ответил Александр, — Не переживай, я в полном порядке.

Один из стражников оттолкнул Камиля, который подлетел слишком близко. Но тот не отставал от конвоя до самого зала Древних Тайн. Именно туда и вели Александра. У входа уже толпились мермы, однако внутрь стража пропустила только самого Александра, оставив всех любопытных за порогом зала. Старейшины уже были здесь. Как только ввели Александра, они, не выслушав даже доклада стражи, сразу подлетели к нему.

— И как это понимать, юный мерм? — резко начал господин Маркус.

— Да подождите же Вы! — вступилась за Александра госпожа Зонг, — Что Вы сразу нападаете на парня?

— Действительно, будем благоразумны, — поддержал магистр Генри, — Давайте спокойно поговорим и обо всем разузнаем.

Затем магистр обратился непосредственно к Александру:

— Скажи нам, юноша, где ты был последние сутки? Мы все тебя обыскали. Ты доставил много переживаний своим друзьям.

Все как один старейшины уставились на беглеца.

— Я был там, — просто и коротко произнес Александр.

— Где «там», сынок? — по-отечески спросил магистр Генри.

— В верхнем мире.

— Ох! — шумно произнесла госпожа Зонг, взявшись руками за голову.

— Вот! — заворчал господин Маркус, — Этот мятежник Гаспар так задурил голову молодым мермам, что у бедного парня помешался рас-судок!

Старейшины возмущенно загудели в адрес учителя:

— Не удивлюсь, если он еще подталкивал ребят к различного рода авантюрам.

— Хорошо, что мы отправили господина Гаспара в темные пещеры. Иначе больших проблем было бы просто не избежать...

— Подождите! — прервал разгневанных старейшн Александр, — Господин Гаспар здесь абсолютно ни при чем. Это была только моя за-тея.

— Мы понимаем, что ты хочешь выгородить своего учителя, — лас-ково сказала госпожа Зонг, — но поверь, будет лучше, если ты нам расскажешь все, как есть.

Ни желанья, ни сил спорить со всем советом старейшн у Александ-ра не было. Вместо этого он молча протянул собравшимся некий пред-мет.

— Что это? — удивились старейшины.

— Это с поверхности, — ответил Александр, — Не бойтесь, оно не опасно.

Магистр Генри протянул руку и осторожно взял принесенную с по-верхности вещь. Старейшины с интересом рассматривали необычный предмет, аккуратно передавая его из рук в руки. Это был стеклянный шар. Внутри находилась искусно сделанная миниатюрная модель части города, примыкающей к побережью. В том числе здесь была наземная часть океанического центра и полоска пляжа с прибрежной линией мо-ря.

— Этот предмет изображает город наверху, — наконец пояснил Александр, — Вернее так, как он выглядел раньше. Еще до того, как с ним случилась какая-то беда. Однако его черты все еще узнаваемы.

Далее, Александр рассказал подробно и про то, как поднялся в верхний мир, и как случилась неприятность с его дыхательным аппара-том, и про то, как сначала задохнулся, а позже очнулся и снова мог ды-шать. Не скрыл покоритель верхнего мира историю и про явившегося ему мерма в здании на берегу. Рассказал и про сам город, который ви-дел издалека, и про светило, и про загорающиеся огоньки в ночном

бездонном небе. Старейшины внимательно слушали Александра, периодически разглядывая стеклянный шар.

По окончании рассказа Александр спросил прибывавших в задумчивости старейшин о своем учителе. На вопрос о возможном освобождении господина Гаспара сразу последовал отказ. Однако с оговоркой, что старейшины все обдумают, обсудят и не будут спешить с окончательным приговором. В любом случае, Александру позволили пообщаться с учителем.

Без лишних раздумий и под надзором все тех же четырех стражников ученик устремился к темным пещерам, чтобы встретиться с учителем. Когда Александр оказался в комнате заточения господина Гаспара, тот на время растерялся, но затем подлетел к своему любимому ученику и крепко обнял.

— Как хорошо, что ты жив! Я так за тебя волновался. Куда же ты пропал?

И тогда Александр, точно также как и до этого старейшинам рассказал учителю о своих приключениях. Правда, в этот раз, описывая верхний мир, он не стеснялся своих эмоций. Слушая весь этот невероятный рассказ, Господин Гаспар замер так, как ранее замирал Александр, когда слушал своего учителя. Вот только это были уже не расплывчатые предположения и не фантазии. Это были слова того, кто перешел границу двух миров, побывал наверху и вернулся назад. Не забыл Александр продемонстрировать учителю и свою находку. Господин Гаспар пристально рассматривал предмет и с нарастающим удивлением продолжал слушать своего ученика.

После этой беседы стража проводила Александра в его комнату. К сожалению, нормально поговорить со своим другом Камилем ему так и не удалось. Они смогли лишь переброситься несколькими словами по дороге к темным пещерам. Старейшины спохватились и, чтобы не будоражить горожан — временно запретили Александру еще с кем-либо общаться. Но по городу уже поползли слухи. Александр понимал, что далеко не все смогут поверить в сказанное. Когда старейшины окончательно придут в себя от его рассказа, могут начаться дополнительные расспросы. Но это уже мало волновало Александра. Теперь он знал правду о верхнем мире. По крайней какую-то ее часть.

Эпилог

Совсем близко от границы зависло две группы мермов. Их нахождение здесь носило открытый характер и было известно всему городу.

Дело в том, что в ходе долгих обсуждений и горячих споров советом старейшин было принято решение направить к границе некоторое количество мермов. Однако только в том случае, если будут добровольцы. И таковые нашлись.

Александр повернул голову и посмотрел на своего друга.

— Ну что, готов?

— К такому, конечно, сложно быть абсолютно готовым. Но будем считать, что да, — ответил Камиль, будучи немного возбужденным предстоящим действием.

— До сих пор не понимаю, как ты на такое согласился.

Камиль ничего не успел ответить, поскольку заговорил магистр Генри, обращаясь ко всем присутствующим:

— А теперь послушайте меня! Помните, сразу полностью в верхний мир не переходить, чтобы в случае чего вас могли затащить обратно. Следите друг за другом. Когда окажитесь полностью наверху — старайтесь сначала держаться близко к границе. Слушайте Александра и ни в чем не спешите! Сначала идет первая группа, вторая страхует. Всем понятно?

— Да! — почти хором прозвучал ответ.

— Тогда приготовились. Идем наверх!

Салтанат Рахимбекова

Астана, Казахстан

ИСТОРИЯ О ЗВЕРЕ

В самом отдаленном поместье губернии широко раскинулось древнее имение. Сейчас никто и не знал, сколько веков оно стоит здесь. С каждым годом хозяева имения то разоряли его, то обогащали, строя различные пристройки, в которых, по словам местных жителей, водились призраки прекрасных дев. Кто-то говорил, что видел прекрасную деву, а кто-то пугал видом ужасной старухи. Местные жители обходили стороной имение, пока в конце 18 века некто Потемкин Роман Романович, владелец имения и близлежащих деревень, не поселился там, устраивая веселые вечера, приглашая соседей и друзей. Задорный смех, музыка и

шум, казалось, отпугнули всех призраков, и, вскоре, местные жители проходили мимо спокойно, не крестясь и не пугаясь.

Роман Романович Потемкин как офицер в отставке привлекал внимание всех соседей. Они считали, что он много путешествовал и знает больше чем кто либо. И действительно, барин любил рассказывать интересные истории, порой пугая своих добрых соседей. Прислуга имения сразу признала барина, чувствуя его доброту и отходчивость. Он был молод и хорош собой, а его черные глаза смотрели на всех со строгостью. Сразу видно, что из офицеров, говорили соседи, замечая военную выправку. Казалось, бравого офицера, коим был Роман Романович, не испугает ничто.

В этот вечер он скучал. За окном завывала вьюга, припудривая пушистым снегом окна поместья. Горничные разожгли красовавшиеся на высоких канделябрах свечи и разнесли по углам гостиной. Закрыв ставни, застыли в дверях в ожидании приказа. Барин лишь махнул рукой, и они тут же испарились. Барин с некоторым удовольствием вспомнил о припасах вина, ветчины и прочей провизии в подвалах имения, понимая, что ему незачем торопить непогоду. Пусть себе воет вьюга, думал он, потягивая настойку.

Как же скучно, подумал Роман Романович, и огляделся по сторонам. Да, в гостиной все было мило взгляду. У огромного камина, в котором трещал ствол дерева, стоял столик, покачивалось кресло с пушистым пледом. Искры летели из камина прямо на персидский ковер, создавая гамму цветов. Над камином висел портрет деда, который когда-то тоже был отставным офицером. Времена идут, а форма толком не поменялась, подумал барин и улыбнулся. Заметив колыхание свечи, барин недовольно нахмурился, понимая, что ставни не прикрыли как следует. Да, с прислужгой быть строгим не удастся, подумал он, особенно если это прелестная горничная. Но была одна странность, и барин застыл, заметив эту странность, колыхалась лишь одна свеча, хотя в канделябре их было три. Две другие горели ровно, словно и не было никакого дуновения. Мистика какая-то, узнает кто, засмеет, подумал барин, но продолжал наблюдать за свечой. Он припомнил азы физики и химии, пытаясь вспомнить какие-то опыты. Подумалось, что действительно свеча может колыхаться и сама по себе. Не долго думая, Роман Романович прошел к ставням и проверил. Горничная закрыла их плотно и было не понятно, отчего колышется свеча. Роман Романович обернулся и застыл, так как та самая свеча уже перестала колебаться и горела ровно.

Барин тут же пожалел, что на улице вьюга, сковавшая движение. Не скоро мужики выйдут чистить снег и не скоро приедут гости, подумал он. А еще он списал случай со свечой на обычную усталость. Померещилось. Поздний час давал о себе знать боем курантов, которые громко пробили третий час ночи. Вспомнилось, что именно в этот час появляется всякая чертовщина, выползая из недр земли. Но не успел Роман Романович добраться до кресла у камина, как та самая свеча стала вновь колыхаться. Барин не долго думая подошел к столику и задул свечу. И тут же погасли разом все свечи в гостиной. Оставшись в крошечной тьме, барин впервые в жизни растерялся. Глупо было бояться чего либо, думал он, направляясь к двери. Всему есть разумное объяснение, думал он, зовя слуг. Приказав зажечь свечи в покоях, он решил лечь. Горничные уже улеглись и потому к нему пришел старый слуга Матвей. Услышав о свече, дед Матвей отчего-то стал креститься, и барин снисходительно усмехнулся. Пройдя в покои, барин решил почитать, с некоторым восторгом растянувшись на широкой кровати. Он вспомнил походы, когда в лагере порой приходилось ночевать на сырой земле. Отсюда и простуда, подумал он, вспоминая, как в первое время после прибытия его каждый вечер отпаивали горячим с медом молоком, прикладывали к пояснице травы, словом, заботились. Заметив, что дед Матвей не спешит, барин откинул полог и посмотрел на него. Тем временем дед устраивался на софе у двери.

— Я тебе что, девица, которую надо сторожить? — спросил барин, — что ты там улегся? Поди к себе да спи спокойно.

— Здесь останусь, — непреклонным тоном сказал дед Матвей, — уж коли придет нечистая, рядом буду.

— А нечистая тебя испугается, — рассмеялся барин, — с чего вдруг такие тревоги?

— А свеча?

— Всему есть научное объяснение. Но я сейчас хочу спать и не стану вспоминать своего сослуживца Иванова Ивана Николаевича, который ведал о всяком таком.

— Иванова? Уж не из наших ли соседей? Не Николая Иванова ли сын? Или из благородных?

— Потом, все после. Спи уж здесь, раз желаешь, но не ворчи и громко не храпи.

— Куда уж мне, до сна ли сейчас, раз такое дело, — проворчал дед, с опаской оглянувшись на свечи.

В камине догорали бревна и дед Матвей решил подбросить новую вязанку. Дождавшись мерного дыхания барина, он осторожно сел на

софу и посмотрел в сторону камина. Охнув, дед Матвей так и застыл на месте. Тем временем свеча из канделябра покинула свое место и медленно поплыла в сторону барской кровати. Так плывет, словно призрак ее держит, подумал дед, наспех читая молитву. Тем временем свеча резко направилась к нему, перепугав беднягу до смерти. Дед Матвей крестясь и не переставая молиться, во все глаза глядел на вдруг застывшую посреди покоев свечу. Охнув, он почувствовал бешенное сердцебиение, словно кто-то сжал его сердце холодными пальцами. Последнее, что он увидел, была погасшая свеча, которая разом упала на ковер.

С самого утра неладилась погода. Казалось, на дворе сами черти затеяли хоровод, поднимая буран до небес. Барин проснулся от холода, заметив, что одеяло находится на полу. Откинув полог, он взял одеяло и закутался. Заметив на сидящего на софе деда Матвея, барин снисходительно было улыбнулся, но военным чутьем почуял неладное. Странно сидел старик, будто и не сидел, а просто провалился в софу. Голова его как-то странно склонилась, глаза были красными и неживыми. Подскочив к деду, барин крикнул слуг. Прибежавшие слуги застыли в дверях, не решаясь подойти ближе.

— Где вы ходите с самого утра? — возмутился Роман Романович, — камин в покоях потух, я замерз, а дед Матвей скончался!

— Барин, взгляните, свача на ковре прямо посреди комнаты, — выдохнул старший слуга.

— Где? — барин живо оглянулся и увидел на полу свечу, — Кто обронил?

— На канделябре свеча исчезла. Похоже, это она и есть, — продолжал старший слуга.

— Мне это все порядком надоело, — вспыхнул барин, — как там пурга? Все метет?

— Метет, барин.

— Жаль, а то бы я пригласил своего друга из соседней деревни. Про Иванова Ивана Николаевича слышали поди?

— Был он здесь когда имение еще пустовало, — осторожно ответил один из слуг, но его тут же одернул старший слуга.

— Иван здесь был? — удивился барин, — а зачем он сюда приехал?

— Призраками интересовался, — выпалил старший слуга, — только мы его не впустили. Как можно в имение пускать в отсутствии хозяина!

— Напрасно. Надо было впустить. Но сейчас недосуг нам. Дед ведь помер, жаль как! Все хотел со мной поговорить, да поздний час был.

— Мы его в часовню отнесем, — сказал старший слуга и барин кивнул.

— И как только успокоится погода, пошли, брат, за Иваном. Мне скучно, да и ему будет полезно разобраться с этой чертовщиной. Кто в коридоре ночью дежурил?

— Я, — ответил младший слуга, — хотел зайти к вам, но испугался.

— Чего же ты испугался? — спросил барин.

— Свет увидел в проеме, — с каким-то трепетом прошептал слуга, — заглянул и дрогнул! Над вами кто-то со свечой в черном капюшоне склонялся! Будто сама смерть!

— Что ты мелешь, раззява! — накинулся на него старший слуга, — проспал небось, а теперь мелешь!

— А потом он двинулся прямо к двери и свеча погасла в его руках, — продолжал слуга, — я перетрухал и бросился бежать! Убег, а сам чую, сердце готово разорваться! Будто сжало его нечто ужасное!

— Не врешь? — усомнился барин.

— Вот вам крест! Да и дед Матвей наверное увидел призрака вот и помер, — всплакнул слуга.

— Девушки с самого утра наслышались его страстей и теперь бояться войти в барские покои, — сдержанно сообщил старший слуга, — одним словом, темный они народ.

Махнув рукой, барин распорядился закрыть покои. Он проводил до часовни мужиков, наказал батюшке читать молитвы и прошел в гостиную. Прихватив по пути из кабинета мушкет, барин приказал принести ружье деда. Уж коли не призрак, то падет шутник от пули, думал он, не понимая, кто пытается его запугать. Все ужасное было на поле боя, подумал он, решив, что двум сразу чертовщина превидеться не может.

К вечеру утихла вьюга и мужики спешно вышли чистить двор. Аллюром отправилась лошадь из имения в сторону деревни, где проживал Иванов Иван Николаевич. Вскоре барин слышал его голос на первом этаже, спеша к нему навстречу. Обняв сослуживца, он пригласил его в ту самую гостиную, оставив там все, как было. Хоть и разного были сословия два товарища, общая битва объединила их разом и барин был рад приезду друга. Коротко рассказав ему о печальных событиях, он проводил его в часовню, не понимая, зачем Иванову понадобилось тело старика. Иван Николаевич внимательно осмотрел зрачки и пальцы мертвеца, и прошел с баринком в гостиную.

— Ну, что скажешь? — спросил барин, — это убийство или он сам помер?

— Что-то напугало его до смерти, а старому человеку много не надо, — мрачно ответил Иванов, — есть еще что я не знаю?

— Слуга, что дежурил в коридоре будто бы видел склонившегося надо мной человека со свечой в капюшоне. Под утро что ли.

— А вот это уже интересно, — заметил Иванов, — и что же он расказал?

Барин велел позвать слугу, который в красках описал события ночи. Иванов заверил его, что с этого дня призраков больше не будет. Отослав слуг, друзья сели за стол.

— А что скажешь насчет свечи в гостиной? — спросил барин, — ты ведь любишь всякую алхимию и разбираешься в ней. Все свечи потухли разом за ней. Это ли не мистика!

— В имении совершено убийство, ваша светлость, — твердо отвечал Иванов, — и убийство совершено человеком. Здесь нет никакой мистики.

— Но как же так! С чего ты это взял? — вскричал барин.

— Твой слуга бормотал о каких то странных силах, которые являются, сжимая сердце человека, заставляя останавливаться дыхание. Я тоже слышал подобное еще когда был мальцом. Старухи говаривали, будто есть такая сила, которая внушает человеку разные чувства, будь то стыд или страх, радость или раскаяние. И при этом сжимает сердце будто бы холодными пальцами. Говорили даже, будто сам ангел смерти делает такое. Похоже, наш убийца слышал эту легенду и решил использовать.

— Иван, ты должен остаться и во всем разобраться, — сказал барин, — но как ты объяснишь трюк со свечой? Мыслимо ли!

— Я видел нечто подобное в Париже, когда сопровождал делегацию Ее величества. Там выступали разные фокусники.

— Да? И в качестве кого же, позволь спросить, ты туда поехал?

— В качестве камергера.

— Не хочешь же ты сказать, что наш убийца из Парижа?

— Исключено. О прибытии иноземца было известно всей губернии. Но он умен и хитер. А самое главное, ему очень хочется убрать тебя с дороги. А потому подумай, есть ли наследники?

— Наследники? Я не думал об этом. Ведь ты знаешь, я общаюсь с соседями, а вот родственников как-то порастерял. Кто где ведь. Да и то, среди них не бывало фокусников, — растерянно отвечал барин.

— Убийца мог нанять фокусника. Или ты веришь, что это имение проклято? Ведь именно так говорили еще с нашего детства. Помнишь?

— А, те самые истории о призраках? Признаться, я не верил в эту чепуху.

— Но кто-то решил воспользоваться этой чепухой и превратить ее в оружие, — заметил Иванов, — и теперь ты под прицелом, друг мой.

— Что же делать?!

— Ждать. Да, да, я не шучу. Убийца совсем скоро явится сюда, в поместье. И вот тогда начнется наша баталия. А пока прикажи мужикам на всякий случай, пусть осмотрят подземные ходы, где мы играли еще мальцами. Думаю, именно так сюда проник фокусник и так же исчез. Пусть закроют наглухо все двери из подземелья.

Барин распорядился насчет подземелья и выставил охрану у ворот. Во дворе разожгли костры, у которых грелись сторожа. Посмотрев на них из окна, Иванов закрыл ставни гостиной. Он распорядился закрыть все ставни, опасаясь пули. Роман Романович старался развеселить друга, понимая, что совсем скоро раскроется тайна убийства деда Матвея. Иванов вспоминал прошлые баталии, рассказывая о боевых товарищах, развлекал барина. И пока они сидели в уютной гостиной, к имению во весь опор мчался всадник в черных одеяниях.

Роман Романович не успел и половины рассказать о прошлых баталиях, как послышался топот со двора. Хотя и были закрыты ставни, да и вообще на дворе была лютая стужа, от которой даже не слышно было лая сторожевых собак, но топот гнедого скакуна был так громок, словно он нес необычного седока. Открыв ставни, друзья дивились грации скакуна, всаднику в черных одеяниях, отметив, что он в капюшоне. Переглянувшись, они вовсе не рассчитывали увидеть на руках у мужиков обессиленную девицу. И пока мужики заносили в дом девицу, друзья опрометью бросились на первый этаж. Неужели это и есть убийца, задавались они вопросом, понимая, что, скорее всего, она походила на жертву. И чья же она жертва, и если так, то что делает здесь в такой поздний час? Спустившись вниз, они увидели мужиков, которые передавали горничным несчастную женщину. Охая и причитая, те глянули на барина.

— Кто это? — спросил он.

— Не знаем, да только лошадка наша, из нашей конюшни. Вот и до рогушла, — отвечал грузный приказчик, — что прикажете делать? Барышня без чувств упала с лошади прямо возле ворот.

— Как странно, что она вообще доехала по такому морозу, — заметил Иванов, — что это у нее на рукаве?

Только сейчас все обратили внимание, что к рукаву барышни прицепилась какое-то растение. Одна из горничных, пожилая Марфа, пошла ближе и с некоторой опаской оглянулась на барина.

— Дороникум это, — с испугом сказала она, — колдовская трава!

Горничные охнули, отшатнулись от барышни, испуганно поглядывая на хозяина. Барин пожал плечами, не понимая, откуда посреди зимы взялась зеленая трава. Он недоуменно взглянул на Иванова.

— Что скажешь, друг мой ситный? — спросил барин, — откуда в нашем захолустье взялась зеленая трава? Насколько я знаю, в округе никто из соседей в имениях своих зимнего сада на разбивал.

— С чего взяла, что дороникум? — Иванов обратился к Марфе.

— Ведунья в дальней деревеньке живет. У нее и взяла барышня травку. Больше не у кого, — твердо отвечала горничная.

Остальные горничные еще пуще испугались, перекрестившись, пятясь к дверям людской. Барин немного осерчал, понимая, что надобно что-то делать. Девицу эту он видел впервые, подумав, что она еще и с благородных. Чья же будет, из какого семейства, задавался он вопросом, делясь им с другими.

— Никак с монастыря убегла, — предположила Марфа, — слыхала я, будто туда сиротку из благородных привезли.

— Да? И откуда у сироты наш конь? — вспыхнул барин, — или вы его подарили монастырю, пока меня не было?

— Наш это конь, тавро наше. Но как туда попал, не понятно. Пропал он еще осенью, когда мы урожаем собирали, — отвечал приказчик, — везде искали, не нашли.

— Ну вот что. Уберите эту траву и отнесите ее в покои. Пусть придет в себя. Она замерзла и едва дышит, — сказал барин.

Никто не сдвинулся, боясь притронуться к колдовской траве. Барин взглянул на Иванова, но и тот отвел глаза в сторону. Крякнув, Роман Романович нагнулся и сам взял в руки траву.

— Выбрось это, — он протянул ее приказчику, — чего вы встали как вкопанные? Чего тарашитесь на меня?

— Говорят, проклятие будет на том, кто притронется к чужой заговоренной траве, — прошептала Марфа, — и сгинет тот через три дня и три ночи. Зачем вы взяли ее в руки, барин!

— Чушь какая, — отмахнулся Роман Романович, — вот не знал, что вы все тут такие суеверные. Иван Николаевич, а что вы так на меня смотрите?

— Вообще то не чушь, — сказал Иванов, — незачем тебе было брать в руки колдовскую траву. Распорядись привезти ведунью, братец. Пусть снимет заклятие, не то худо будет.

— Да брось ты! Что ты заладил! Еще и челядь пугаешь, — упрекнул Роман Романович.

— Привези ее, братец, — Иванов обратился к приказчику, — скажи, барин по незнанию прикоснулся к чужому колдовству.

— Мигом домчу! — приказчик пулей вылетел из имения, не слыша своего барина.

— Иван Николаевич, вы что это задумали? — спросил барин, — не верю я в такую чушь.

— Говорят, ведунья эта дочь волхвов. А ведь именно волхвы когда-то предрекли смерть царя, — серьезно сказал Иванов, — пусть поворочит, чем черт не шутит.

— И это говорит ученый человек! — воскликнул барин, — вы все здесь словно надышались колдовскими травами! Верите черт знает чему!

— Тебе сейчас успокоиться надо. Не то дороникум начнет действовать по-другому, — предостерег Иванов.

Он рассказал, что дороникум, защитная трава, попадая в чужие руки, превращается в орудие смерти. Барин бросил траву в камин, отчего всех напугал безмерно. Иванов приказал потушить камин и закрыть его, чтобы не вдыхать пары. Поднявшись на третий этаж, они расположились в гостиной. Иванов заметил мушкет и ружье и тут же приказал отнести это в оружейную комнату. Слуга вынес оружия, мимоходом испуганно взглянув на барина.

— Сейчас ты сам себя можешь убить под воздействием колдовской травы, — пояснил Иванов, — от греха.

— Лучше расскажи о барышне, — перевел тему барин, — надоело слушать о колдовстве.

— Пусть очнется. Как она попала сюда понятно, конь сам прискакал. Неужто из монастыря? Да, брат, темные дела нынче творятся. Зима выдалась на редкость лютой. Старики говорят, таких морозов не было лет сорок.

Они еще долго сидели, размышляя как быть дальше. Будущее казалось неопределенным и вообще, в имении все чувствовали приближение чего-то настолько ужасного, что практически позабыли обо всем. Барин не тревожил прислугу, понимая, что им вовсе не хочется с ним пока видеться. Казалось, колдовская трава обволакивала сознание всех. Увидев из окна сани приказчика, друзья с облегчением вздохну-

ли. Улыбка барина померкла перед видом скрюченной старухи с горбом. Она спрыгнула с саней и огляделась по сторонам. Ее цепкий взгляд остановился на барских окнах и барин задернул занавеску. Закрыв ставни, он сел у камина, усадив Иванова рядом. Вскоре явился приказчик, доложив, что ведунья прибыла. Барин кивнул, решив покончить со всякими суевериями и страхами. Иванов побледнел, но страха не выказывал.

— Сразу видно, ты жил в деревне, — прошептал барин, — испугался немощной старушки.

— Иной старушки и побояться не грех, — прошептал Иванов, — с детства слышал о ней всякое. С малолетства помню ее такой вот скрученной и черной. Ведьма, ничего не скажешь.

— Чушь какая, — барин замер, увидев в дверях ведунью.

Она прошла в гостиную и поклонилась. Спросив, что нужно барину, она сощурилась. Казалось, яркая гостиная вовсе не была ей по душе. Иванов подумал, что она жила в каком-то темном месте и поэтому теперь щурится. Да, темные дела делаются именно в темном месте, думал он, продолжая украдкой разглядывать ее.

— Ярко здесь, — проворчала старуха, — вели, барин, унести свечи. Пусть оставят лишь те, что по углам горят.

— Свечи нам не помеха, — возразил барин.

— Снять заклятие хочешь, — уточнила она, — а при свете как это сделать? Убери, после занесут.

— А есть оно, это твое заклятие? — с сомнением спросил Роман Романович, — ерунда все это, страсти деревенские.

— Тогда вели меня назад отвести, — она огляделась по сторонам, — свечи у тебя необычные. Надо бы их заменить. Дьявольской знак на этих свечах.

— Что это значит? — спросил Иванов.

— А то, что черное дело задумано худым человеком. И начал он со свечей, — она погрозила пальцем барину, — нельзя быть беспечным. Верить надо и молиться. А когда ты в последний раз молился? Не помнишь.

— Наше дело военное, не до молитв было, — вспыхнул барин, — ладно, раз уж пришла, делай свое дело.

— А свечи? — прошамкала старуха.

Барин сделал знак и слуги мигом вынесли канделябры, оставив лишь те, что горели по углам гостиной. Старуха подошла к барину и взяла его за руку. Прошептав какие-то слова, она с упреком взглянула на него.

— Убил ты многих, — сказала она, — не молишься о спасении души. И даже сейчас, когда над тобой опасность, нет веры в сердце твоём. А без веры мне не одолеть заклатья.

— Уж какой есть, — проворчал барин, — я вообще не верю во всю эту чушь.

— Заговорила я травку барышне, чтобы выжила она. Если повенчаются, снимется заклятие колдовской травы. Венчаться-то будете не в часовне пращуров, там когда-то свершались жертвоприношения древним богам.

— Да чтобы в моей часовне и свершались жертвоприношения! — вспылил барин, — что ты мелешь, старая? Кнута захотела?!

— В те лихие времена люди тоже верили. И да, на том месте свершались жертвоприношения идолам. Людей там резали. А ты не знал. Твое незнание тебя и спасает. Теперь знаешь. Закрой часовню, перенеси ее в другую часть поместья. Ведь именно с нее все и началось. Все разорение и дьявольская удача твоих пращуров. Все они были несчастны по-своему.

— Ладно. Что скажешь о девице? — спросил барин.

— В лесу ее нашла и еле выходила. С голоду ее морили в монашки. А когда подписала дарственную монастырю, ее попросту выкинули. Сгубить хотели ее, но разве можно отмолить такое?! Вечное проклятие невинноубиенных было бы на них, да спаслась она.

— Зачем им ее на смерть обречь? — усомнился Иванов, — путаешь что-то.

— Затем что красива она. А красота всегда под топором судьбы. Красота всегда всем мешает. Оставишь ее у себя, спасешься.

Старуха стукнула посохом и направилась к двери. Барин пошел следом, отчего-то решив оставить ее в имени. Проводив ее до покоев девицы, он отстранил перепуганных горничных, оставив с ней лишь Марфу. Марфа почтительно поздоровалась в ведуньей и села у кровати барышни. Старуха провела руками по локонам барышни и кивнула.

— Выживет, — сказала она барину.

— Откуда у нее моя лошадь? — спросил он, — от тебя что ли?

— Цыгане продали за снадобье, — ответила старуха, — перст судьбы! Теперь веришь, что тебе она предначертана!

— Старая сводня, — не выдержал барин, — а если не женишься?

— Помрешь ведь. Хотя, если позаботишься о ней, тоже отведешь беду.

— Ты ее мне навязать решила?

— А ты готов прогнать ее в мир не пожалев? — она внимательно посмотрела на нее, — вот то то же!

— Ладно. Позабочусь я о твоей барышне. Может, Иванов на ней женится?

— Как потомок волхвов он может жениться на ней и отвести беду, — кивнула она.

— Потомок волхвов? Иван?

— Чует он силу свою, только признавать не желает, — вздохнула старуха, а ведь придется, иначе сила та его и убьет! Скажи ему об этом.

— А что ты там говорила насчет свечей?

— Выбрось их. Пусть с города привезут другие. Отправь с утра приказчика, а пока довольствуйся огнем камина.

Барин распорядился приглядывать за ведуньей и позаботиться о барышне. Вернувшись в гостиную он рассказал о словах ведуньи Иванову. Они все пытались вспомнить то далекое детство, когда еще не была открыта часовня. Барин вспомнил, что часовню открыл его отец, но больше ничего не мог вспомнить. Иванов предложил допросить местных стариков, но барин тут же отказался, сославшись на местные предания. Припомнили, что дед Матвей учил их, малолетних тогда отроков, прислушиваться к природе, ко всему постороннему. К тому, что подает знаки. Иванов прошел к окну и открыл ставни. Раздался стук в окно и они невольно вздрогнули. Как оказалось, старый дуб, что рос у самого окна, стучал черными ветками, словно предвещая беду. Закрыв ставни, барин предложил разойтись по покоям. Оставив в покоях слугу, он наказал тому не спать и подать сигнал в случае чего. Иванов прошел в отведенные покои, удивляясь роскошному убранству. Все здесь дышало роскошью и изыском. Решив отдохнуть, он отпустил слугу и закрыл двери. Осмотрев стены, удостоверился, что в покоях нет потайных дверей. Вспомнилось, что еще в детстве они находили такие дверцы в хозяйских покоях. Так вот откуда проник человек к барину, подумал Иванов, решив поделиться этим немедленно. Он направился к выходу, как вдруг услышал испуганный вопль. Поторопившись в покои барина, Иванов буквально влетел туда и застыл у порога. На софе сидел перепуганный слуга, барин пытался погасить полог кровати, зовя на помощь остальных. Подскочив к нему, Иванов помог погасить пламя. Также, он заметил лежащую у камина накидку с капюшоном.

— Откуда это? — спросил он, подняв ее с ковра.

— Он был здесь! — воскликнул слуга, — видел своими глазами, барин! А потом он бросил свечу и полог загорелся!

— Кто бы он ни был, он играет с огнем! — воскликнул барин, — и раз нам попала в руки накидка, стало быть, то был не призрак, а живой человек.

— Убийца, — уточнил Иванов, — вот только что ему мешало заколоть тебя во время сна? Что-то испугнуло его. Я это чувствую. Здесь что-то будто есть.

Иванов огляделся по сторонам, и его взгляд заставил всех насторожиться. Велев прибывшему приказчику забрать перепуганного слугу, Иванов вызвался остаться на ночь с барином. Устроившись у камина, они не спеша отпили наливки.

— Никак ключница наливку делала, — заметил Иванов, — почитай она одна на всю округу.

— Спать пора. Глаза слипаются так, что пусть хоть убьют, а я усну, — барин отпил еще глоток и подложил под голову подушку, — давай устроемся прямо здесь, перед камином. Услышим шаги, если придет.

— Я запер потайную дверцу, — сказал Иванов, — спите спокойно, уже никто не придет.

Утром они спустились вниз в гостиную. По пути встретили ведунью. Она пристально разглядывала галерею портретов, что украшали восточную стену имения. Барин похвастал прадедами, подчеркнув среди них адмирала Потемкина. Ведунья ухмыльнулась, сказав, что это всего лишь галерея убийц и мучеников.

— Этот был убит в битве, — она указала на адмирала Потемкина, — а этот ваш прадед был убит в пьяной драке. Следующий был сожжен на костре в земле иноверцев. А тот...

— Прекрати рассказывать небылицы! — рассердился барин, — это мои славные предки.

— Никто из этой галереи мертвецов не умер своей смертью, — она пристально посмотрела на него, — эта проклятая земля и это поместье платило дань черным силам, что защищают его уже давно. Если так и будешь ждать, станешь следующим.

— Лучше скажи как там наша барышня? — спросил барин, — ожила уже?

— Ей лучше. Теперь ее судьба в твоих руках.

— Иван Николаевич, я нашел вам невесту. Девушку благородную, без единого гроша в кармане, — барин посмотрел на друга, — не женишься, пропаду я.

— Лично я в такие рассказы не верю, — улыбнулся Иванов.

— Но ты чувствуешь темную силу в этом поместье, не так ли? — спросила ведунья, — я знаю это. Темная сила звала тебя сюда не раз. Разве ты не почувал?

— Чепуха какая, — перебил ее барин, — Иван Николаевич, миленький, не слушай ее.

— В прошлой жизни, много веков назад, именно ему доводилось совершать жертвоприношения, — грозно воскликнула она, — на твоих руках многовековая кровь невинных!

— А кем был я прошлой жизни? — спросил барин, заметив, как побледнел Иванов.

— Невинноубиенным, — ответила она и отвернулась.

— Вот так история. Оказывается, ты меня принес в жертву когда-то, — усмехнулся барин, — как тебе такое, друг мой?

— Всякое может быть. Мне интересно, где же наш убийца прячется при таком холоде, — отвечал Иванов, — когда же он объявится!

Они стояли у окна, глядя как снег плотно лепит стекло. Имение занесло почти до первого этажа, ставни которого вообще решили не открывать. Барин огляделся по сторонам.

— Вот те раз, а бабка куда делась? — он посмотрел на друга.

— Наверное, зашла в людскую, — предположил Иванов, — хотя слуги ее бояться и там уже было бы слышно. Может, в гостиной?

Они прошли в гостиную, но и там ее не было. Теряя терпение, барин позвал приказчика. Грузный приказчик Тимофей Сидоров немедленно явился. Он поинтересовался, могут ли слуги накрывать на стол. Барин спросил о ведунье, но ничего путного не мог услышать. Как оказалось, приказчик не видел ее вообще.

— Вчерашнюю бабку забыл что ли? — недоумевал барин.

— Господь с вами, барин, о какой еще бабке вы говорите? — перепугался приказчик, — я же всех знаю. Не было в имении никакой бабки.

— Как же не было? Ты сам ее и привез на санях, — не отставал барин, — что это с тобой?

— Ездил я за травами в деревню к знахарке. Но не привозил никого, — стоял на своем приказчик.

— Иван Николаевич, и ты ее не видел?

— Видел, как тебя, ясно и четко, — ответил Иванов.

— Марфа! Поди сюда. Ты вчера видела ведунью с горбом?

Явившаяся Марфа побледнела и перекрестилась.

— Не видела я ведуньи, — выпалила она.

— Как это не видела? — рассердился барин, — мы же с ней были возле барышни. И ты там была.

— Быть не может! — заливаясь слезами, божилась Марфа.

— Оставь их, — Иванов пристально посмотрел на барина, — стерла она им все из памяти. Не пытай напрасно.

Барин взглянул на всех с недопониманием, пытаясь все связать в целое. События действительно разворачивались странно. Отпустив прислугу, он прошел с Ивановым в гостиную, где уже накрывали на стол. Слуги боязненно поглядывали на хозяина, обходя его стороной. С подозрением взглянув на свечи, барин распорядился отправить в город обоз за новой партией свечей.

— И куда она запропастилась? — не понимал барин, — стара ведь как тот столетний дуб у окна! Что за чертовщина?!

— Темные дела делаются в этом поместье, — сказал Иванов, — и совсем скоро мы узнаем его тайны. А пока нам остается лишь ждать настоящего убийцу. На улице такой лютый мороз, что он не заставит себя ждать.

— Ты так думаешь?

— Думаю, он навестил тебя ночью через потайной ход подземелья. Отчего-то не решился убить сразу. Но он полон решимости. И уж он никак не рассчитывал на твои крепкие нервы. Днем он ожидает где-то в деревенской харчевне. Мужиков туда посылать бессмысленно, он слишком хитер и они его не вычислят. Так что нам остается лишь ждать. Увидев, что потайные двери закрыты, он прибудет в имение. А все же странно, Роман Романович, то, что ты совсем не знаком с родней.

— Родители умерли рано, когда я служил в полку. Да и жили они как отшельники, сторонились родни. Интересно, какие они, родственники?

— Кто-то из них как законный наследник после тебя явится сюда и тогда все станет ясно.

Роман Романович согласился, посчитав доводы весьма разумными. Он мыслил как военный стратег, размышляя как быть при встрече с родней. То, что встреча состоится, он тоже не сомневался. Приказав позвать приказчика, он потребовал у него ключи оружейной комнаты. Припрятав мушкеты в покоях, кабинете и в гостиной, барин расслабился. Поддерживая беседу с приятелем, барин наблюдал за погодой. Между тем за окном вновь поднялась стихия, засыпая имение снегом. Не скоро привезут свечи из города, подумал барин, глядя на пустые кан-

делябры. И тут его осенило. Он пригласил приказчика и победоностно взглянул на него.

— Свечи кто приказал убрать? — с надеждой спросил он.

— Вы ведь и приказали, — невозмутимо отвечал приказчик.

— Да не я, а та ведунья посоветовала, — не выдержал барин, — вспомнил?

Приказчик недоуменно взглянул, и барин осерчал. Приказав выйти, он посмотрел на Иванова.

— Ну что ты будешь делать! — воскликнул барин, — уперся и все тут. А ведь бабка сама сказала убрать свечи.

— И тут я с ней согласен, — подхватил Иванов, — что ни говори, в смерти деда Матвея фигурировала свеча. Вполне может быть, ловкий человек мог заменить свечи. На востоке свечи имели различные свойства. Можно было свести с ума любого, различными ароматами. Кстати, куда отнесли свечи из покоев?

— В часовню.

— Но зачем туда? — разволновался вдруг Иванов.

— А что такого? Какая вообще разница, куда? — не понял барин.

— Если в тех свечах таится сила, то им точно не место в часовне, построенной на месте жертвенного алтаря! — воскликнул Иванов.

— Бред какой-то, — отмахнулся барин.

— Вели снести их в лес и бросить в черное болото.

— Ладно, завтра отнесут.

— Вели немедля! Пока ночь не наступила.

— Но на дворе пурга.

— Немедля!

— Хорошо. Вот уж не думал, что ты такой суеверный.

Барин из окна наблюдал, как мужики на санях поехали в сторону леса. Все знали о черном болоте, которое даже в самую лютую стужу не замерзало. В народе говорили о лесных духах, защищавших болото. Именно туда направлялись сани с мужиками. Роман Романович стоял у окна, наблюдая, как сани исчезают за поворотом. Он задумался о событиях последних дней, понимая, что завтра надо заняться похоронами деда Матвея. Погруженный в думы, он не сразу заметил саней с тройкой. Как ни странно, сани были пустыми. Ни свечей, ни мужиков не было. Пристально глядя в окно, барин видел как приказчик подбежал к саням и вручил лошадей конюшему. Вскоре он поднялся к хозяину и доложил о происшествии. Как оказалось, мужики бесследно пропали.

— Не иначе сгинули в темном лесу, — говорил приказчик, — пропали пропадом. Лесной дух их забрал к себе в услужение.

— Опять какие-то сказки, — проворчал барин, — не могли они напиться и бросить сани?

— Ты сам в это не веришь, — сказал Иванов, — и вообще, что-то сани быстро вернулись. Обычно до леса путь неблизкий.

— Нечистая их пригнала, — прошептал приказчик, — лошади в пене стоят, а в глазах какой-то страх. Отчего-то напуганы.

— Может, волков увидели, вот и мчали со всей прытью, — пожал плечами барин, — где же мужиков теперь искать будем?

— Никто из наших не пойдет злить лесного духа, — сказал приказчик, — тем более зимой, когда его сила безгранична.

— Ты хоть сам в это веришь? — усомнился барин, — искать надо мужиков, не пропадать же им. Завтра с утра организуй поиск. Пусть мужики возьмут больше факелов и пойдут к лесу. И мы выедем пострелять, авось попадем в лешего. Но черт возьми, куда же они сгнули! — барин в сердцах ударил по подлокотнику кресла.

Приказчик исчез за дверью. В имении поднялся переполох. Даже на третьем этаже были слышны голоса слуг.

— А ведь это была твоя идея со свечами и болотом, — сказал барин, глядя на Иванова, — о чем ты только думал!

— Теперь мы знаем, что перед нами опасный враг, — заметил Иванов, — твоих мужиков убил не лесной дух, а человек. Утопил небось в болоте, или чего доброго оставил умирать в лесу нам всем в уstrateшение.

Они долго сидели перед камином, рассматривая карту местности. Два опытных бойца, коими они были, разрабатывая стратегию на завтра, они так увлеклись, что не обратили внимание на вдруг возникшую тишину. И тут чей-то крик отчетливо донесся до них. Вскочив, они бросились вниз. Слуги с приказчиком собрались внизу, окружив какого-то человека. Иванов схватил за рукав Романа Романовича и они стали спускаться медленнее. Тем временем приказчик докладывал о найденном на дороге человеке. Как оказалось, то был родственник одного из соседей, лошадь которого пала в дороге. Увидев свет поместья, он с трудом добрался до него. Это был молодой человек с выразительным лицом и живым взглядом. Барин даже подумал, что он вовсе не походит на уставшего человека. Притворство было явным и друзья решили оттянуть время. Приказав накормить его и отвести в покои для гостей, барин посмотрел на Иванова.

— Ну, что скажешь, Иван Николаевич? — спросил он.

— А может, он ваш родственник? — предположил Иванов, — чем-то похож на вашу породу, знаете ли.

— Сейчас ты в каждом заметишь сходство, — усмехнулся барин, — а если правда?

— А если нет? Что мы гадаем? Если он и есть убийца, он попытается расправиться с тобой как можно скорее. Вооружись и жди его, вот мой совет. А я буду рядом.

Не успел барин ответить, как пришла Марфа и сказала, что барышня очнулась. Они направились в покои барышни, решив узнать о ней хоть что-то. В ее покоях горели свечи, освещая бледное лицо гостьи. Она сидела у камина, разговаривая с горничной. Увидев двух господ, она встала и поприветствовала их. Роман Романович спросил о самочувствии, решив, что перед ним действительно отважная девушка. Выразив свое восхищение стойкостью гостьи, он пригласил ее остаться погостить на какое-то время. Она согласилась, сказав что идти ей некуда.

— Как же так, милушка, неужели вас бросили помирать монашки? — дивился барин, — как же люто они поступили. Да в такую стужу и собаку из дома не выгонишь. Как же они посмели, не побоялись греха!

— Грех на мне, — прошептала она, — да такой тяжкий, что стены монастыря отторгли грешницу.

— Да что вы такое говорите! — воскликнул барин, — вы так юны и прекрасны! Что вы могли натворить?

Она посмотрела на них и засовестилась. Барин велел выйти прислуге, заверив, что доверяет Иванову. Они просили рассказать о себе, дав слово чести, что не расскажут никому и постараются помочь. Но даже они не ожидали подобного рассказа. Как выяснилось, род барышни вел свое начало от первых охотников, которые поставляли жертв для жрецов. Из поколения в поколение передавались предания и раз в год приносились жертвы. Наконец, ненавидящие хозяев крестьяне объединились и прикончили барина с барыней по пути в имение. Барышню же пожалели и отдали в монастырь. Она была убита горем и даже решила остаться там, пока в каком-то неведомом порыве не совершила убийство. Как оказалось, она пролила кровь невинной монашки, за что и была отвергнута и изгнана.

— Темные силы спасли меня, — говорила она, — в такую лютую стужу я не должна была выжить. Меня выходила одна бабка.

— Так может не вы убили несчастную монашку? — спросил барин.

— Не помню. Знаю лишь то, что очнулась в келье с бездыханным телом несчастной. Все мое платье было в крови. Так меня и нашли, — она расплакалась, приняв платок Ивана Николаевича.

Прислав к ней горничных, заверив в полной безопасности, друзья поднялись к себе на этаж. В тишине гостиной они впервые задумались над создавшейся ситуацией.

— Итак, в твоём доме живёт девица, готовая в любой момент воплотиться в зверя, — сказал Иванов.

— Почему в зверя?

— Именно такими были первые охотники. Ночью они превращались в оборотней, — мрачно продолжал Иванов.

— Она здесь вот уже две ночи и никого не убила, — напомнил барин.

— Может, её спровоцировали? Может сейчас твои горничные ходят по краю бездны, обслуживая настоящее чудовище в ангельском облики?

— Давай подумаем о нашем втором госте. Кажется, он и есть настоящая угроза, — сказал барин, — а барышня могла все выдумать. Ей попросту превидилось. А может и того хуже, внушили ей и все тут. Ну какой из неё убийца.

— Нам двоим не справиться. Мне кажется, кто-то очень искусно плетёт паутину вокруг нас, затягивая её до предела, — подумав, сказал Иванов, — думаю, сейчас самое время послать за господином Берном. Ты о нём слышал?

— И даже знаком. Ты прав, надо его пригласить. Этот опытный сыщик будет кстати.

На том и порешили. Наутро барин составил письмо и направил вестового в уездный город, наказав не возвращаться без Берна и посулить тому золота.

Метель лишь на время утихла, на небе солнце скрылось за тяжёлыми свинцовыми тучами. Алексей Федорович Берн прибыл в имение Потемкина засветло. Он интересовался этим древним родом и было любопытно оказаться в имении, о котором ходило много слухов. Оглядевшись по сторонам, Берн вздрогнул от мрачного вида поместья. Казалось, что весь огромный дом обхватывают восемь дубов, ветви которых словно щупальца тянулись к окнам имения. Граф Потемкин представил своего друга Иванова и пригласил Берна погостить. Решив не откладывать дела, Берн попросил доставить ту самую ворожею. Приказчик спорил, утверждая, что она всего лишь знахарка и только, на что Берн соглашался, прося привести знахарку. Потемкин тоже хотел ещё раз увидеть ту самую старуху, не сомневаясь, что привезут именно её.

— Да на что она вам? — спрашивал приказчик, — и так ее дом все обходят, а у нас еще и горничная на сносях. Дюже боиться знахарки. Одного ее вида не выносит.

— Привези, братец, — настаивал Берн, — спрошу о барышне.

Уговорив приказчика, они стали ждать. Тем временем слуги расставили канделябры с новыми свечами, растопили камины, накрыли на стол. Поужинав, они расположились в большой гостиной. Берн сел у камина, Иванов устроился у окна, а барин решил составить компанию сыщику. Наконец, со двора послышался шум и Иванов нетерпеливо выглянул из окна.

— Это та самая старуха! — воскликнул он.

— Спокойно, господа, — сказал Берн, — я всего лишь допрошу ее и только. Вам не обязательно вступать в беседу и задавать вопросы.

Вскоре старуха прошла в гостиную и обвела всех недобрым взглядом. Ее лохмотья волочились за ней, а худая шубейка была вся в дырах. Она подошла к господам и вперила свой тяжелый взгляд в барина.

— Зачем звал? — спросила она, — слишком поздно зовешь.

— Почему поздно? — спросил Берн.

— Потому что в этом проклятом месте пролилась кровь, — она потянула носом и закрыла глаза, — я чувствую запах свежей крови. Зверь вышел на охоту и он голоден! А ты не сдержал слова, барин!

— Какого слова? — опешил Роман Романович.

— Говорила я тебе позаботиться о барышне. Если бы она полюбила, зверь бы не проснулся. Но ты не послушал.

— О чем она говорит? — спросил Берн.

Роман Романович пересказал ему последние события. Они решили навестить барышню и гостя, чтобы удостовериться правдивости слов ведуньи. Она шла за ними, говоря, что уже слишком поздно. Барину показалось, что ее словесный голос раздается ото всех углов раскатыстым эхом. Пройдя к гостю, они не нашли его на месте и взглянули на ведунью. Она указала на часовню и они прошли туда. Увиденное заставило вздрогнуть даже бывавших на поле боя бойцов. У алтаря лежал приезжий гость. Горло у него было в крови, вокруг него образовалась большая лужа крови. Несомненно он был мертв.

— Он еще теплый, — Берн дотронулся до него, — кровь не успела свернуться. Кто же его так?

Под завывание метели они прошли к барышне. Она крепко спала на кровати. Горничные побаивались ее и потому она была одна. Старуха указала на ее окровавленные руки.

— Остается лишь убить это чудовище, — сказала она, — жаль, я пыталась ее спасти. Но уже слишком поздно. В ней проснулся зверь, а потому пристрелите ее сейчас, пока она спит.

— Я не стану стрелять в беззащитного человека, — возразил барин, — тем более, ее могли просто измазать кровью.

— А я могу, — Иванов вдруг вытащил мушкет и выстрелил прямо в сердце.

Все ахнули, на выстрел прибежал приказчик. Старуха удовлетворенно кивнула, похлопав по плечу Иванова.

— Вы с ума сошли! — воскликнул барин, — вы же убили ее!

— Причем серебрянной пулей, — Иванов подошел ближе и пустил еще одну пулю промеж глаз.

— Хватит уже! — воскликнул барин, — Вы что, издеваетесь?

— Он правильно сделал, — сказала старуха, — совсем скоро проклятие дома исчезнет вместе с ней.

— Кем она была по-вашему? — спросил сыщик.

— Лесным зверем, — ответила старуха, — я ее так сразу не разглядела.

Они вышли из покоев и направились в гостиную. По пути старуха завернула за угол и исчезла. Берн недоуменно взглянул на друзей и попытался ее найти, но тщетно. Барин лишь махнул рукой, сказав, что искать бессмысленно.

— Что же теперь будет? — спросил барин, — ты, друг мой, убил человека да еще и при сыщике! При свидетеле! Как это понимать? Что нам теперь делать?

— Я должен осмотреть тело, — сказал Берн, — как то растерялся и не сразу сообразил. Но участь вашего друга уже ясна. Мне жаль, господа, но одного из вас ждет каторга. А сейчас пройдемте к телу.

Они вернулись в покои барышни и застыли на пороге. Тело исчезло, будто и не было его. Берн перевернул всю комнату, но не нашел никаких улик крови или жертвы. Кровать была безупречно чиста, словно на ней никто и не лежал. А кровь, что совсем недавно брызнула из жертвы на кровать исчезла. Они посмотрели друг на друга и кинулись в часовню. И там тоже все было безупречно чисто. Не было ни тела, ни крови.

— Мистика какая-то, — выдохнул Берн.

— Никто не поверит, — сказал барин, — тебя, брат, даже судить не за что. Но как?

— Я изучал историю этой местности, — сказал Иванов, — и догадывался, что все так и будет.

— Изучал? Ты никогда не рассказывал, — удивился барин, — зачем ты изучал?

— Затем, что я знал, что в этом месте появится демон в ангельском обликии и постарается тебя погубить.

— Я слышал о вас, — вдруг сказал Берн, — ну конечно! Вы тот самый агент тайной канцелярии. Это вы охотитесь на нечисть и скрываетесь от людей! Это у вас серебрянные пули.

— Именно, — кивнул Иванов, — теперь это поместье очищено. Демоны не оставляют следов. Жаль, но ей удалось убить своего врага, хоть и был он на светлой стороне.

— Тот самый юноша? — удивился барин, — зачем он прибыл сюда?

— Чтобы предупредить, — ответил Иванов, — но я не успел, она быстро расправилась с ним.

— Но почему она спала? — недоумевал барин.

— Его кровь ее усыпила на какое-то время. Если бы она проснулась, мы все были бы перебиты, господа. А о ней никто бы не вспомнил, совсем как о той ведунье. Что скажете, господин сыщик? Вы по-прежнему хотите отправить меня на каторгу?

— Думаю, у меня нет оснований, — сдержанно ответил Берн, — и тем более я не стану вставать на пути тайной канцелярии. Вот уж не знал, что и там борются с нечистой силой. И много вас таких?

Иванов загадочно посмотрел на них и попрощался. Миссия была выполнена и ему нужно было ехать дальше. Заверив, что в поместье ничего более не случится, он отправился в путь. С ним вместе выехал и сыщик Берн. Роман Романович стоял у окна, глядя как за поворотом исчезает карета. Он позвонил в колокольчик, решив выпить чаю на ночь. Его ленивый взгляд скользнул по комнате. В следующую секунду барин схватился за револьвер, с неким ужасом глядя, как колыхнется свеча в тройке канделябра, что стояла на столике.

ВЕРЛИБР

Евгений Константинов

Москва

Болельщик

Для начала, хочу заявить,
Что я уважаю все футбольные команды:
И «Звенит», и «Молокотив», и «Спиртак»
Да хотя бы и «Динамо», и коней,
Не говоря уже про «Зоркий», который Красногорск.
Хорошие есть игроки и тренеры. И были...
Вспомним Льва Яшина, Федора Черенкова...
Но — я про что?
Мне не нравится, когда болельщики
Оскорбляют соперников.
Зачем?
Ребята, уважайте друг друга.
А футбол, хоккей (особенно с мячом) — прекрасно!

Когда-то, очень давно

Когда-то, очень давно,
Еще в прошлом веке,
В очень снежную зиму
Мы — дети играли на крыше деревянного дома
Который был уже не жилой,
Но все еще существовал
На моей родной Шелепихе...
Неподалеку от этого дома
Раньше был летний открытый кинотеатр,
В который меня водили родители
Смотреть нудные индийские фильмы.
(Я уже тогда понимал, что это полный отстой,

Но поделаться-то ничего не мог).
Кинотеатр в один прекрасный день
Сгорел синим пламенем.
Как и многие дома на Шелепихе,
На месте которых потом возвели «хрущевки».
Но сейчас речь не о том,
А про очень скользкую крышу того домика,
По которой я вмиг скатился
И грохнулся с верхотуры в сугроб.
И... ничего, ни одной царапинки,
Ни одного ушиба...
Это было в прекрасном детстве!
Зато потом — не дай бог каждому...

Отмазал

Один мой хороший друг
В свое время отмазал своего сына
От службы в армии.
По его словам — за две тысячи долларов.
Сам-то мой друг отслужил два года —
В советские времена,
А вот сына решил отмазать.
Парень его — замечательный, умный...
Но в армии не служил...
Зато сейчас по протезе отца
Работает в коммерческом банке
Типа диспетчером.
И какую пользу он приносит стране?
Помните фразу из замечательного фильма «Пацаны»:
«Вот с такой роже, с такими ручищами
Ты воровал конфеты в магазине!
Какую пользу вы можете принести стране?!»
И ведь все же правильно тогда сказал
Герой фильма, в роли которого был ныне покойный
Валерий Приемыхов (царствие ему небесное).
Лично я служил в погранвойсках,
Мои сыновья — в разведке и морской пехоте.
Так было надо! Как однажды спел Владимир Семенович.

Но, когда я упрекнул друга,
За то, что он дал взятку,
Отмазывая здорового парня от службы в армии,
Тот взъярился и повысил голос: «Не трогай моих детей!»
Так я твоих детей и не трогаю.
Я конкретно к тебе имею претензию,
Ты в плане отмазывания сына от армии
Поступил как кто?

Представьте...

Представьте такой расклад:
На боку в кобуре — ствол — «Макаров»
У меня и моего напарника-инкассатора,
С которым мы где-то в 11 утра
В районе «Октябрьского поля»
Заходим в закусочную...
А там — рай для нищих и шутов!
Если точнее, то две горячих сосиски-гриль,
Кусочек черного хлеба
И кружка ледяного пива!
И все это — ровно за 51 копейку,
На двоих — 1 рубль и 2 копейки
И так почти каждое утро.
При этом мы еще и развозили государственные ценности!
А вы говорите — инкассаторы, то, сё...
Но если бы довелось стрелять
В грабивших меня преступников —
Не промахнулся бы, точно вам говорю...

Представьте...

Представьте такой расклад:
На боку в кобуре — ствол — «Макаров»
У меня и моего напарника-инкассатора,
С которым мы где-то в 11 утра
В районе «Октябрьского поля»
Заходим в закусочную...

А там — рай для нищих и шутов!
Если точнее, то две горячих сосиски-гриль,
Кусочек черного хлеба
И кружка ледяного пива!
И все это — ровно за 51 копейку,
На двоих — 1 рубль и 2 копейки
И так почти каждое утро.
При этом мы еще и развозили государственные ценности!
А вы говорите — инкассаторы, то, сё...
Но если бы довелось стрелять
В грабивших меня преступников —
Не промахнулся бы, точно вам говорю...

ЦО Москвы

Пришел в восемь утра
В родную поликлинику на Шелепихе
К терапевту. Приятная возрастная женщина.
Смотрю — в кабинете по полу бежит таракан.
Спрашиваю у человека в белом халате — прибить?
Или, может, он какой-то здесь прикормленный?
Конечно, прибейте! — чуть ли не кричит терапевт,
Какой ужас!!!
Прибил.
Поговорили с терапевтом за мое здоровье,
Она через комп. выписала мне направление
На сдачу крови — в соседнем кабинете.
Подошел сдавать, а направление не пришло.
Я, типа, не тороплюсь, но, почему не пришло-то?
Комп. завис? Это в поликлинике?! В ЦО Москвы!
Записался сам через терминал, сдал кровящую —
На руке в месте укола — и синяк, и шишара!
Фигня, не привыкать...
Иду домой вдоль Шелепихинской набережной,
На которой повырубили деревья
Зачем-то облагораживают! ЗАЧЕМ?
Не понимаю!!! Мысленно протестую, но бесполезно!
Смотрю — рядом с детской библиотекой
Собака пожирает живого еще голубя...

Центральный округ Москвы, бля!
При входе в магазин — бомжи клянутся на алкоголь.
Но это — ладно,
Я и в Норвегии таких же алкашей наблюдал.
В самом магазине не обсчитали
Знают меня в лицо и типа своих не кидаем,
Хотя...
При выходе из магазина — сосед:
По пятьдесят?
Почему бы и нет. Тяпнули.
Менты в машине нас увидели, но тоже в лицо узнали,
Погрозили пальцем, мол, не шалите
И поехали дальше.
Так мы и никогда не шалим,
Тяпнули еще по пятьдесят,
Присели у родного подъезда,
Почему-то вспомнили фильм «Золото Маккенны»,
(Как же я люблю этот фильм!)
Возможно, благодаря голосу
Валерия Ободзинского,
Который в самом начале задает интригу...
Или вообще — гениальному сюжету,
Или же благодаря коротким эротическим эпизодам,
С купающейся индианкой.
По тем временам так редко демонстрируемым?
Почему? Жалко что ли было с этой обнаженкой...
Я вернулся домой, разделся,
Первым делом — помыть руки,
А в ванной мечется мышь,
Которая грызла мое мыло,
Упала на дно, и никак не может выбраться.
Я и ее прибил, как таракана в поликлинике.
Пришла бы она и по-человечески,
Попросила бы кушать, я бы угостил.
Зачем мыло-то втихоря жрать?
Но Центральный округ Москвы —
Он такой... своеобразный,
Даже мыши кое-что понимают в политике.
В отличие от меня...

Чистопрудный бульвар

Тем, кто любит Москву, — усиленно рекомендую
Посетить Чистопрудный бульвар.
Особенно в середине мая!
Цветут каштаны, цветет и пахнет сирень,
На клумбах — тюльпаны и другие цветочки!
Девочка душевно поет «Восьмиклассницу»
Виктора Цоя, который жив...
Парень — под гитару выдает свои песни, хорошие...
Народ гуляет и радуется...
Продают водичку (жаль, что не пивчанское)
Я-то приехал туда с удочкой — ловить ротанов
На ЧИСТОМ пруду.
Не поймал, блин, даже поклевочки не видел.
Зато познакомился с хорошим человеком:
Местный, мой ровесник... Разговорились.
А у него с собой еще и четвертинка оказалась.
А у меня — бутылочка кваса.
Тяпнули, запили, шифруясь от представителей власти.
Да они особо и не пасли, мы-то мирные люди,
Понятливые, что не надо порядок нарушавичус,
Хотя «наш бронепоезд...»
Такое вот благоприятие вечерней майской Москвы...

СКАЗКА

Гай Север

Тбилиси

КУРСОВАЯ РАБОТА

В Школе пиратов царило обычное столпотворение которое бывает когда объявляют задание для курсовой работы. Задание давно объявили, близился полдень, а главная зала

не пустела — будущие пираты расхаживали по затоптаным доскам пола, перечитывая свои листы, натываясь друг на друга.

— Это ты, Литца, — отозвался один мальчик, столкнувшись с однокурсником. — У тебя что?

— Украсть у старого капитана карту острова с сокровищами. Выкопать сокровища. Ну, разумеется, предоставить удостоверение в выполненной работе... А у тебя?

— Ограбить караван, украсть девственницу-красавицу.

— Везет тебе, Кóтту, — сказал Литца раздосадованно. — Мне бы такую чепуху.

— Чепуху? И где мне искать девственницу чтобы была красавицей? Или красавицу чтобы была девственницей? Ты таких видел?

— А мне где искать старого капитана? С картой острова с сокровищами? Ты таких видел?

— Старых капитанов видел. Карту острова видел. И сам остров видел... Остров и ты видел.

— Ты про Дракона? Так он и стал со мной разговаривать.

— Это смотря как разговаривать. Поезжай, поговори. От тебя же никто не требует собственно сокровищ. Нам нужно предоставить удостоверение в выполненной работе. Тебе то есть — только показать бумагу, что ты украл у старого капитана карту острова с сокровищами, и сокровища выкопал. Капитана найдешь, не проблема, насчет сокровищ поговори с Драконом.

— С бумагами хорошо, — Литца кивнул. — Не хватало сюда этот хлам тащить.

— Конечно. Сколько лет нашей школе? Сколько пиратов выпускается каждый год?

— Ну да. Если каждый будет приводить по ограбленному каравану...

— Вот и попроси у Дракона удостоверение.

— Так он и дал, — Литца хмыкнул.

— Ты поезжай сначала, и попробуй договориться. За спрос он не съест.

— Да неудобно как-то, — Литца вздохнул. — Все-таки второй курс, сопляки вроде...

— Вот и проси. Требовать будешь для диплома.

— Может правда? — Литца почесал затылок. — Съездить поговорить? Деликатно?

— Разумеется деликатно. С драконами нужно разговаривать деликатно. У тебя по «Разговорам с драконами», кстати, что было?

— Три...

— Ну и дурак. Не для школы учимся, но для жизни.

— Слушай, заткнись, — Литца поморщился. — И так тошно, без умников. А ты что будешь делать? Не искать же девственницу чтобы была красавицей? Или красавицу чтобы была девственницей?

— Нет конечно — где?.. Буду добывать документы.

— Ну, давай, добывай. Ты знаешь где выдают удостоверения, что ты девственница и красавица?

— Пока не знаю. Вообще задания, конечно, да, недетские. Встречаются части которые по учебникам не решишь. Где искать эксперта по девственницам-красавицам? Где брать удостоверение, что украденный экземпляр — девственница и красавица? В учебниках об этом ни слова.

— А может все-таки есть, где-то в учебниках...

— Кстати, как ты видишь будущее? — Котту свернул задание в трубку. — Неужели ты думаешь, что с такими знаниями, — он стукнул Литцу по голове трубкой, — на самом деле сможешь пиратствовать, грамотно? Первый приличный караван поднимет тебя на смех, не даст и полмешка золота. Как ты представляешь свое будущее, с такими знаниями? Как будешь доказывать, что ты специалист с которым нужно считаться?

— Ладно, — Литца поморщился. — Снова заладил. Еще посмотрим кто кого перепиратствует. Нам еще два года учиться, посмотрим.

— Я буду еще четыре. Два года еще потерплю, зато степень будет.

— Она тебе нужна, эта степень?

— Нужна. Пиратов с ученой степенью на порядок меньше пиратов без степени. А у меня амбиции. Я вообще хочу стать академиком. Пиратов-академиков в наших краях еще не было, я буду первый.

— Могут представить какое задание тебе дадут, на защиту этой твоей степени.

— Ты невежда, и не просвещаешься. Для защиты ученой степени задание выбираешь сам.

— И какое выберешь? — Литца хихикнул. — С девственницами-красавицами?

— Слушай, зачем ты в пираты учиться пошел? Пошел бы в трактирщики. Учиться два года, на втором курсе девчонок можно целый семестр за попу щипать, и вообще дело тоже выгодное... Иди в трактирщики, Литца. Пока не поздно.

— Я тебе сейчас в глаз дам.

— Ладно, давай... Езжай к Дракону, поговори. За спрос он не съест.

— Ты тоже давай... У тебя караван, шевелись.

— Караван-то меня волнует меньше всего. Ты сам шевелись, со своими сокровищами. Времени четверо суток только. Ладно... Я на пристань, буду говорить с купцами.

Котту вышел к вершине склона, откуда сбегала дорога к пристаням. Небо на все стороны света заволочлось тучами, бил ветер. Котту стал спускаться по сырым камням.

На пристанях кипело оживление; пришел караван, дальний с юго-востока — темно-синие флаги со звездами и восходящим солнцем сверкали на фоне угрюмых туч. Пробираясь между тюками, бочками, ящиками, уворачиваясь от ругающихся рабочих-грузчиков, Котту спустился, прошел к кучке заморских купцов. Окружив Начальника пристаней, купцы, степенно жестикулируя, поглаживая кожаные сумки с бумагами и монетами, вели разговор.

Котту подошел, сверкая значком Школы пиратов. Купцы и Начальник пристаней замолчали, посмотрели на значок.

— Доброе утро, — Котту сбросил капюшон. — Из Заморья? — он оглядел ближайший флаг. — Привет, дядя Варра́ка!

Начальник пристаней важно кивнул в ответ.

— Тебе тоже, — отозвался Главный купец, — если не шутишь.

— Какие шутки... Какое число на дворе? Правильно, у нас курсовые задания.

— На каком уже? — спросил высокий купец.

— На втором, — Котту погладил значок, сверкающий весело в свете угрюмого утра. — Но задания очень сложные. И главное — времени дают только четверо суток.

Купцы понятливо-сочувственно покивали.

— И что у тебя? — спросил Начальник пристаней.

— Ограбить караван. Украсть девственницу-красавицу.

Купцы некоторое время молчали.

— М-да, — отозвался наконец Главный купец. — Ну, караван — ладно... Где будешь брать девственницу чтобы была красавицей? Или красавицу чтобы была девственницей?

— Я вот, кстати, у вас и хотел спросить. Вы из самого далека, ходите больше всех. От нашего Побережья до вашего Заморья восемь стран... Может видели — где-нибудь?

Купцы повздыхали.

— А в учебниках что про девственниц и красавиц? — спросил высокий купец. — Хоть написано где водятся?

— В том-то и дело... Курсовые работы как раз тем отличаются, что надо шевелить мозгами. Девственницы и красавицы несколько раз упоминаются по разным предметам. Но только упоминаются. А где водятся, вообще откуда берутся — об этом ни слова.

— Это понятно, — Главный купец кивнул. — Такую информацию никто раскрывать не будет... И что собираешься делать?

— Не знаю пока, — Котту вздохнул.

— Мы слушаем. — Главный купец кивнул.

— Короче, собственно караван, как понимаете, мне не нужен... Нужен документ, удостоверяющий, что я этот караван ограбил, и при этом уложился в четверо суток.

— Хм, — высокий купец качнул головой. — А кто должен будет заверить такой документ?

— Думаю если ты, — Котту обернулся к Главному купцу, — и ты, дядя Варрака, такую бумажку подпишете — этого хватит. Понимаешь, проблема в том, что нормативов не существует. Это, собственно, часть задания. Бумаги должны быть заверены убедительным образом, а насколько образ убедительный — решаешь сам. Как будущий специалист.

— Понятно, — все покивали.

— Если считаешь, что в данном случае наших двух подписей хватит, — Главный купец погладил свою купеческую нашивку, — думаю договоримся.

— Договоримся, — кивнул Начальник пристаней, оглядывая пришвартованные суда под разгрузкой.

— Должно хватить, — Котту кивнул. — Караван под твоим начальством, — он посмотрел на Главного купца, — шел на пристани под его начальством, — он обернулся к Начальнику.

— Хорошо. Тогда пройдемте ко мне.

Главный купец, обходя тюки, бочки и ящики, направился к ближайшему кораблю. Котту с Начальником двинулись вслед; по скрипящему трапу поднялись на борт, прошли за Купцом в каюту. Тот достал из настольного сундучка пару листов бумаги, перо, чернильницу-непроливайку, мешочек с писчим песком.

— Красивая штука, — Котту взял чернильницу, внимательно оглядел. — И старинная, вижу? Такой глиптики сейчас уже не найдешь, — он провел пальцами по узорной оправе самоцветов в крышке.

— Разбираешься, — Главный купец улыбнулся, забирая чернильницу и аккуратно отвинчивая крышку.

— Разумеется. Драгоценные камни у нас проходят все четыре семестра, сам подумай.

— Это понятно, — Начальник тоже оглядел чернильницу. — Какой от тебя толк как от специалиста, если не разбираешься в таком-то деле!

Главный купец разложил лист, набросал несколько аккуратных строк.

— Как тебя звать?

— Котту Бестрепетный.

— Каким числом ставить? — купец потрогал кончик носа кончиком пера. — Тебе нужно четверо суток?

— Ставь послезавтрашним... Какой у тебя почерк красивый, — Котту вздохнул с уважением. — Нас такому не учат, кстати.

— Зачем пирату красивый почерк? — Начальник удивился.

— Дядя Варрака, ты будто первый раз на свете живешь. Красивый почерк пирату нужен в первую очередь! А у нас даже факультатива нет.

— Вот сам и учишь, — купец расписался в конце документа. — У нас тоже почерк не проходили. Просто учили писать и считать. А почерк я уже сам наработал. Купцам красивый почерк тоже необходим.

Он передал бумагу Начальнику. Тот перечитал, подписался. Котту забрал бумагу, зачитал:

— «Справка. Сим удостоверяется, что сегодня, двадцать второго апреля тысяча пятьсот пятьдесят второго года Шестого дракона, караван в составе двенадцати судов средней величины был ограблен Котту Бестрепетным, студентом второго курса Школы пиратов на Побережье. Технический объем грабежа — сто процентов». Эх, мне бы такой почерк...

— Занимайся, — ответил купец самодовольно.

— Подписи — Главный купец, Начальник пристаней... Все отлично, — Котту кивнул, посыпал бумагу песком, ссыпал песок обратно в песочницу, свернул документ в трубку, спрятал за пазуху.

— Теперь ты пиши.

Главный купец пододвинул второй чистый лист. Котту принял перо и чернильницу, и, стараясь писать как можно аккуратнее и красивее, вывел несколько строк. Закончив писать, протянул лист Начальнику. Тот зачитал:

— «Справка. Сим удостоверяется, что сегодня, двадцать второго апреля тысяча пятьсот пятьдесят второго года Шестого дракона, караван в составе двенадцати судов средней величины был действительно ограблен мной, Котту Бестрепетным, студентом второго курса Школы пиратов на Побережье. Технический объем грабежа — сто процентов.

Претензии принимаются в течение полутора лун по адресу: Восточный материк, Побережье, Школа пиратов, студенту второго курса Котту Бестрепетному. Справка составлена в единственном экземпляре, хранится у Начальника пристаней Побережья, и может быть затребована для подтверждения». Напиши, что хранится в течение года, мало ли что, — Начальник вернул документ мальчику.

Котту аккуратно вставил между строчками поправку, подписал документ.

— Ну, а насчет девственницы, — он вздохнул, — может все-таки что посоветуете? Вы люди с опытом, как бы.

Купец и Начальник только покачали головой грустно.

— Тут не такой опыт нужен, — купец вздохнул также.

— Поднимись к трактирщику, — сказал Начальник подумав. — Он-то наверняка что-нибудь посоветует.

— Другого выхода не остается, — согласился Котту. — Я давно понял, что случись что-то серьезное — надо сразу в трактир. Вокруг такая куча специалистов, такие деньги на образование тратятся — жуткое дело. А случись серьезное дело — иди к трактирщику. Что за государство.

— Везде то же самое, — Главный купец закрыл чернильницу, вернул в сундучок письменные принадлежности, поднялся из-за стола. — Что в вашем государстве, что в нашем... Если серьезное дело — лучше сразу к гробовщику.

Вышли на палубу, в холодный весенний ветер, прошли к скрипящему трапу, вернулись на берег.

— Ладно, — Котту попрощался с Главным купцом и Начальником пристаней, покивал остальным. — Счастливо оставаться. Я в трактир, за девственницей.

Котту, сражаясь с ветром, который наверху превратился в настоящий ураган, дотащился до трактира и ввалился в полутемную залу. Несмотря на ранний час, трактир был забит; половина — матросы с пришедшего каравана, половина — местные, поспешившие выпить, поговорить, поспорить (и подраться) с заезжими.

Переступая ноги, спотыкаясь о башмаки, цепляя курткой столы, Котту прошел к трактирщику, важно царившему за стойкой. Подождая пока тот освободится, Котту скинул капюшон, поздоровался.

— Привет, дядя Краббатабák. Сколько сегодня народа! Полдень только.

— Караван видел?

— Видел, видел. Сам только оттуда... Это я так, для вежливого начала разговора.

— Что-то ты на себя не похож, — трактирщик хмыкнул, налил горячего грога. — Замерз, поди? Пират ты вежливый.

— Вежливому пирату, если не знаешь... Хотя ты все знаешь, дядя Краббатабак, больше всех на всем Побережье... Обычно намного более рады чем невежливому, — Котту взял кружку, отхлебнул ароматного напитка. — Какой у тебя грог всегда замечательный.

— Нет, какой-то ты сегодня, да, вежливый... Приготовь сотни полторы кружек в день, — трактирщик оглядел гомонящую залу. — А навыв мастера ставит. Сам знаешь, вежливый пират Котту. Больше всех на всем Побережье.

— Вежливый будущий пират.

— Так что случилось-то? — трактирщик утер салфеткой потную лысину. — Я тебя не узнаю, грубиян.

— Курсовая работа.

— Ага...

— Половину задания я уже сделал. Караван ограбил.

— Этот? — трактирщик указал в залу салфеткой.

— Да, — Котту вытащил из-за пазухи свиток, показал. — Документы в порядке. Но со второй частью не знаю как быть, — он снова обратился к кружке.

— Слушаю.

— Какой у тебя грог сегодня особенно вкусный, — Котту отхлебнул из кружки. — Где такой мед только берешь.

— Места́ надо знать, — трактирщик ухмыльнулся самодовольно.

— И что — всем такой варишь?

— Нет разумеется... Ну?

— В общем, мне нужно украсть девственницу-красавицу.

— Это как? Одновременно?

— Да. И девственницу, и красавицу. В одном лице. Теле то есть.

— Ты, брат Котту, попал.

— Знаешь, — Котту допил грог, — я понял — задание составлено по очень старым методическим материалам. Нашей школе-то лет шестьсот наверно.

— Больше, — трактирщик забрал пустую кружку, пододвинул новую. — Лет тысячу, думаю. Во всяком случае, когда мои предки купили трактир, — он указал на факелы, чадающие по стенам, — Школа уже была.

— Ну, и вот, — Котту вздохнул. — Тысячу лет назад, я делаю вывод, девственницы и красавицы еще водились. А сколько лет трактиру, вообще? — он оглядел прокопченные стены, потолок, балки.

— Да кто ж его знает, — трактирщик усмехнулся. — Люди говорят — построили еще до Дракона, нашего... В те времена девственницы и красавицы еще водились, не сомневаюсь.

— Так вот и думаю — дай-ка зайду в трактир... Дядя Краббатабак всем несчастным пиратам самый дружеский друг. Обязательно что-то придумает.

— Ладно, заткнись... Да, попал ты, брат Котту. Я бы уже пожалел, что в пираты вообще сунулся.

— Я пожалел, дядя Краббатабак... И самое страшное даже не в этом. Нужен будет документ, удостоверяющий, что это действительно девственница и действительно красавица. Сама-то девственница и красавица никому не нужна к собакам... И на все про все только четверо суток!

Трактирщик долго молчал.

— Есть у меня идея... Дай объявление. Напиши на бумажке, и повесь на площади, на воротах.

Котту побарабанил пальцами по исколотой веками кинжалов столешнице.

— Думаешь девственницы и красавицы умеют читать?

— Много есть чудес на свете... И потом — еще варианты?

— Но еще документ... Я в Школе об этом уже говорил кое с кем... Литца — ты должен знать...

— Еще бы. Он мне должен за шесть кружек эля и две кружки грога. Обещал отдать с первого ограбленного каравана.

— Долго ждать придется. Он двоечник.

— Это я тоже знаю. Но у меня есть статья расходов... В общем, должен — и пусть пока должен. Как знать — может в будущем пригодится. И вообще, пусть лучше должен пират тебе, чем должен пирату ты. В первом случае носить головы шансов больше.

— Я говорю — он двоечник, зарезать как следует не сумеет. У него по «Умерщвлениям неволшебным оружием» сплошные пропуски. Он думает, что правильно зарезать человека ума не надо, да и вообще учатся пусть болваны. А правильно зарезать человека...

— Это надо уметь, понятно, и долго учиться, — трактирщик кивнул.

— «Умерщвления неволшебным оружием» идут все четыре курса, их сдают на выпускных экзаменах, — Котту закончил кружку. — Он не

доучится. Или исключат из школы, или убьют. За неуспеваемость, прямо или косвенно... Ну, так что с объявлением?

— Эй, Мокрэ, — крикнул трактирщик службе, обернувшись в гомон и сверкнув лысиной в свете факелов, — притащи-ка лист бумаги и перо, из кабинета. И чернильницу — только не пролей опять, балда стеросовая... Такой растяпа — не представляешь. Столько посуды мне перебил.

— Так на рею?

— Какой ты горячий, — трактирщик усмехнулся. — Молодость... Другие перебьют еще больше.

— Верно... Всех не перевешаешь.

— К тому же сколько он в среднем колотит — я хорошо знаю. Соответственно расходы планируются без проблем.

Когда бумага, перо и чернильница были принесены, трактирщик приказал:

— Пиши. Большими печатными буквами. Объявление. Для ответственного мероприятия требуется девственница и красавица. Оплата три... Нет, четыре золотых. У тебя есть четыре золотых?

— Три вот.

Котту покопался в кармане, выложил на столешницу тяжелые кружочки. Трактирщик вытащил из кармана четвертый, положил рядом.

— Потом отдашь.

— А если не отдам?

— Будешь должен. Пиши дальше... Обращаться в трактир Краббатабака, который наверху, с полудня до полуночи.

— До по-лу-но-чи... — Котту старательно вычертил строчку. — Ладно, допустим такая найдется, девственница-красавица, которая еще и читать умеет... Где удостоверять, все-таки? Кто у нас на Побережье эксперт по девственницам и красавицам? Какое ведомство вообще занимается такими вопросами? В учебниках об этом ни слова.

Трактирщик побарабанил пальцами по столешнице.

— Поезжай на Остров, к Дракону, — сказал он после долгого молчания. — Других вариантов не предложу. Кто еще может быть экспертом по девственницам и красавицам?

— Дракон тут при чем? — Котту отложил перо. — Драконы не едят мяса.

— Да, но в число их обязанностей, пусть формально, воровство и пожирание девственниц входит.

— Да не едят они девственниц! — Котту хлопнул ладонью по столешнице. — И не воруют их! Ни девственниц, ни красавиц! Ты что — сам не знаешь?

— Котту, у нас прецедентное право, — сказал трактирщик веско. — Если какой-то ящер в древности прокололся, теперь клеймо на весь род. Поэтому более компетентного эксперта чем наш старик в данном вопросе ты не найдешь.

— Теперь бы пришла только.

— Если читать умеет — придет. На четыре золотых можно месяц жить — не тужить. Или купить себе блестяшку на задницу, конечно... Тем более мы написали — для ответственного мероприятия.

— И на все про все только четверо суток, — проворчал Котту, старательно выводя строчки. — Так... Написал.

— Теперь на площадь, вешаешь на воротах, и ждешь.

— Вешаешь на воротах... Сухопутные крысы... Бегу. Слушай, у меня до вечера дел куча... Если вдруг придет, удержи! А то как передумает... Что у них в голове, у девственниц-красавиц, кто знает...

— Тебя дождется, это я обещаю. Веревки у меня хорошие — канаты с пристаней. А если что — позову народ, удержим.

Котту свернул объявление в трубку, засунул за пазуху, и, спотыкаясь о башмаки и цепляя курткой столы, направился к выходу.

К вечеру полил дождь. Котту, не разбирая дороги, по лужам доскал до трактира, ворвался в нетрезвый гам, в уютное мерцание факелов.

— Ну как? — крикнул поверх голов.

— Одна поймалась, — отозвался трактирщик из глубины.

Котту протиснулся к стойке.

— Вон сидит, в уголке.

Трактирщик указал в угол, где за столом на краю скамейки, завернувшись в плащ, сидела красивая девочка.

— Вроде красивая... — Котту взгляделся в полумрак.

— Не торопись с выводами, брат Котту. Глаз твой — враг твой. Сначала тебя обманет собственный глаз, потом уже кто-то другой...

Расталкивая пьяные ноги и плечи они направились в угол.

— Привет, — Котту упал на скамейку напротив девочки, скинул капюшон. — Значит ты девственница?

— Я по объявлению... Мне деньги нужны. Четыре золотых.

— Пить что-нибудь будешь?

— А вы не обманете?
— А ты правда девственница?
— Правда, — девочка покраснела, посмотрела в пол. — Только не обманите. Мне деньги нужны. Четыре золотых.
— А ты хоть знаешь что надо делать? — трактирщик усмехнулся.
— Там ведь написано... Ответственное мероприятие... Только не обманите...
— Получишь свои четыре золотых, честное пиратское, — сказал Котту. — Но если ты правда — девственница и красавица.
— Я девственница, честное слово. Ну, и красавица, тоже... Наверно... Ну, люди так говорят, всякие... Мужчины.
— Мало ли что говорят люди, — трактирщик усмехнулся. — Мужчины... Нашла объективную экспертизу. В общем, дело такое — тебя нужно удостоверить, что ты девственница и красавица. И если это на самом деле так — украсть.
— И потом деньги? Ну, поехали, удостоверить... А куда?
— К Дракону.
— А украсть надолго? А то у меня времени нет...
— Как это времени нет? — Котту хмыкнул. — Зачем пришла тогда?
— Деньги нужны... А времени нет не сейчас, а потом... Меня ждут... Вернее, мне там оставили, кое-что. Надо будет забрать, но потом. Сейчас ведь пришла. Ответственное мероприятие ведь... Только не обманите. Четыре золотых — обещали.
— В общем, бегом на пристани, — трактирщик усмехнулся, — какой-то южный отходит. Дойдете до отмелей — там на ялике. У тебя деньги-то остались, на ялик?
— Четыре медных, — Котту хлопнул по пустому карману.
— Хватит. А кашей, так и быть, накормлю. В счет будущих завоеваний.

Котту поднялся, взял девочку за локоть, расталкивая ноги и плечи повел к выходу.
— В общем, сдашь задание — сразу ко мне, — крикнул трактирщик вслед. — Жду.
— Обязательно, — крикнул Котту, обернувшись у выхода. — Сдам задание — куда же еще.

На плато гремел ветер. Солнце поднималось из-за гор на востоке, первые лучи били в последний весенний снег наверху. Внизу у подножий царил холодный утренний мрак.

— Пришли, — Котту указал вперед, где в серебристых тенях чернел вход в пещеру Дракона.

— А он нас не съест? — девочка всмотрелась встревоженно.

Котту поморщился.

— Ты умеешь читать! Вот и читай, а не слушай людей, всяких. Даже в самых современных книгах написано, что драконы — ящеры. А ящеры не едят мяса.

— И что? А вдруг он проголодался, ужасно? Голод — не тетка.

Котту схватил девочку за руку, потащил к пещере.

— Ступай осторожно, — сказал он у входа. — Тут куча костей. Накопилось за тысячи лет.

— Все-таки он их съел?

— Заладила.

— Что заладила? Сколько лет Дракону нашему?

— Полторы тысячи.

— Ну вот! Попробуй посиди полторы тысячи лет на одной растительной пище.

Котту потянул девочку во тьму пещеры. В глубине на стенах замирал оранжевый отсвет. Двинулись, осторожно переступая кости. Коридор пещеры вывел в подземелье, стены и потолок которого едва виднелись в огне открытого очага. На очаге в котелке закипала вода. За огнем, за языками пламени, в круге света лежала огромная голова Дракона. Перед головой находилась шахматная доска с расставленной партией. Напротив за доской на полу сидел полноватый круглолицый мальчик и сосредоточенно смотрел на фигуры. Мальчик и голова обернулись на вошедших.

— Ого, — мальчик хмыкнул, посмотрев на значок Школы пиратов, который весело засверкал в огне очага. — Вот так гости.

— Привет, — Котту обогнул очаг с противоположной от Дракона стороны, присел, оглядел партию. — Тебе крышка. Мат в восемнадцать ходов.

— Что надо? — мальчик с неудовольствием покосился на доску. — Что стоишь? — обратился он к девочке, которая в нерешительности замерла у огня. — Садись, в ногах правды нет... Да ее нигде нет.

— Что у вас там — опять на гранит науки зубов не хватает? — сказал Дракон, поглядев на пиратский значок. — В этом году ты уже второй такой гость, — он осторожно, стараясь не обжечь ребят, усмехнулся.

— А первого звали как? Не Литца ли?

— Ты его знаешь?

— У него не зубов, — Котту хмыкнул, — у него мозгов не хватает. Ты ему подписал бумажку?

— Нет.

— Почему?

— А подумать? — вмешался мальчик с раздражением. — Слово дракона — не то чем можно швыряться на ветер. Пусть сначала принесет удостоверение, что нашел старого капитана и украл у него карту с сокровищами. А бумажка про то, что он эти сокровища выкопал, и образцы — дело второе.

— Чего образцы?

— Сокровищ — чего еще?

— Даже так?

— А ты что думал? Здесь тебе не у вас. Здесь все авторитетно, по всем правилам.

— Хорошо хоть у вас по всем правилам, — Котту вздохнул. — У меня тут такое дело...

— Кипит, — перебил Дракон.

Из темноты показался кончик хвоста. Сверкнув чешуей, он пронесся над головами и подхватил с очага булькающий котелок. Поставив котелок у доски, Дракон запустил хвост во мрак и достал связку подсохшей травы.

— Горная мята и снежный чабрец, — сообщил он с удовлетворением. — Сам собирал. Лепа, сбегай в пещеру, притащи кубков.

Круглолицый мальчик поднялся, обошел голову, скрылся во мраке. Через минуту вернулся, держа четыре старинных кубка.

— Давай сделаю, — девочка отобрала кубки. — А то у вас только одно на уме, а руки кривые.

— Что именно? — отозвался Дракон с интересом.

Девочка покраснела, завозилась с чаем.

— Я понял зачем вы пришли, — отозвался Дракон, следя золотым зрачком за девочкой.

— Так сможешь тогда?

— А я — нет, — отозвался мальчик. — Пусть сначала расскажет в чем дело.

— Мне нужно удостоверение, в том, что... Слушай, а кто ты такой, вообще?

— Он твой коллега, — хвост Дракона аккуратно коснулся значка Котту. — Только с востока.

— С востока? — Котту заинтересовался. — Но на востоке, вроде, Школы пиратов нет?

— В том-то и дело, что нет, — мальчик вздохнул. — Так и умрешь невеждой... Я самоучка. Потомственный.

— Так давай к нам! — сказал Котту с воодушевлением. — У нас программа тяжелая, сам видишь, — он посмотрел на девочку, которая разливала ароматный чай, — зато подготовка качественная, более-менее...

— Знаю, — мальчик вздохнул, принимая парящий кубок. — Только мне поздно уже... Да и потом, я человек с востока. У нас менталитет другой. У вас на западе обо всем заботится государство. Ты только грабь себе добросовестно, да налоги плати, с караванов. А у нас всё на кухне выращивают, на подоконнике. Пираты все самоучки, говорю же... Так и умрешь невеждой.

— Учиться никогда не поздно, — сказала девочка угрюмо.

— Учиться всегда поздно, — отозвался Дракон так же угрюмо. — Учат всегда тому что давно известно. А у самоучек есть шанс, — золотой зрачок замерцал в сторону мальчика. — Так что ты, Лепа, не вполне прав... Ну, что за задание? Что нужно удостоверить? — он обратился к Котту.

— В общем, задание звучит следующим образом, — тот отхлебнул волшебного чая. — Ограбить караван, украсть девственницу-красавицу. Вопрос с караваном уже решен, бумаги есть, — он похлопал себя по груди. — Осталось удостоверить, что я украл девственницу-красавицу.

— Ну, что она девственница и красавица — я, положим, удостоверяю, — зрачок замерцал в сторону девочки. — А насчет украсть... Откуда мне знать — украл ты ее действительно? Может одолжил просто, заданье сдать? Я тебя первый раз вижу, не могу же поверить на слово.

Дракон высунул длинный раздвоенный язык, с наслаждением лакнул чая.

— Слушай, а где он ее взял, правда? — мальчик с шумом прихлебнул из кубка. — Заданье на самом деле бесчеловеческое. У вас программа, я так понимаю, какая-то очень классическая. Еще с тех времен когда бывали девственницы и красавицы... Ну, наверно бывали.

— Я те времена еще помню, Лепа, — сказал Дракон грустно и осторожно вздохнул, обдав пещеру приятным жаром. — Красавицы действительно были, были даже девственницы, но на пиратов тогда еще не учили. Люди тогда были другие. Настоящие. Это сейчас государство вынуждено даже пиратов в школах учить. Докатились, — он угрюмо замолк.

— А почему закончились девственницы? — спросила девочка.

— Они обычно вырождаются от того, что люди перестают мыслить глобально, — Дракон лакнул чая. — Не в пределах собственных норок. Видишь ли, этот процесс...

— Ты извини, конечно, — перебил Котту. — Вот вы тут сидите, чай попиваете, Вам хорошо, в драконьей пещере, на драконьем Острове. Сокровищ куча, — он указал во мрак, — дураков нет миль на сорок во круг. Можно и язык поточить, поумничать. А у меня только двое суток осталось. А потом еще по «Умерщвлениям неволшебным оружием» зачет. А потом еще — по «Сопроотивлению человеческих материалов», а там такая вешалка, что... — он повертел ладонью.

— Я понял, — Дракон лакнул чая. — Давай сюда экземпляр. Будем удостоверять.

Девочка стала перед огромной головой, оправила плащ, покраснела и опустила глаза.

— Ну как, Лепа? Что скажешь?

Круглолицый мальчик отставил кубок, поднялся, обошел девочку.

— Честно?

— А кого ты тут обмануть собрался?

— Мне нравится, — мальчик вздохнул. — Сам бы украл. Кабы не цеховая солидарность.

— Значит красавица?

— Ну-у... Видали и красивее... Но эта тоже сойдет.

Мальчик еще раз обошел девочку, вернулся к доске, плюхнулся на пол, вцепился в недопитый кубок.

— Это важное заключение, — отозвался Дракон. Из темноты вылетел кончик хвоста, сверкнув драгоценными чешуинами, покрутился над головами, снова исчез. — Он в этом разбирается, можете мне поверить. Приходилось всяких возить — и красавиц, и не красавиц. Сравнительный материал имеется...

— А девственниц возил?

— А откуда ж их знать? — мальчик фыркнул. — На лбу не написано.

— А вот здесь, Лепа, ты заблуждаешься. Молод еще, неопытен. Это как раз на лбу и написано. Так что удостоверям.

— Правда? — девочка оживилась. — Тогда скажи им чтобы не обманули! Чтобы деньги отдали!

Дракон покосился на Котту.

— Я ее по объявлению нанял, — ответил тот с неудовольствием. — За четыре золотых. Что еще было делать?

— Так она еще читать умеет, — Дракон осторожно хмыкнул, обдав ребят приятным жаром. — Хочешь совет стреляного старика? Сдашь задание — девчонку не отпускай. Не продавай, не меняй, не закладывай — оставь себе, пригодится. Девственница, красавица, еще и читать умеет. Я думал такие уже закончились, лет восемьсот назад.

— Ты им только скажи, чтобы деньги отдали... А то снова обманут, а у меня документ есть!

Девочка вытащила из-за пазухи аккуратно сложенный лист, развернула, показала Дракону.

— «Для ответственного мероприятия требуется девственница и красавица, — прочитал Дракон. — Оплата три нет четыре золотых».

— А то обманут ведь, — девочка чуть не плакала.

— Откуда у тебя такой опыт? Обманут, обманут?

— Люди говорят. Что обманывают. Девственниц.

— Что за бред, — мальчик с раздражением поперхнулся. — А не девственниц что — не обманывают? И, знаешь, надо все-таки проверить, какая она девственница.

— Бумага есть? — Дракон обернул голову к Котту.

Тот достал из-за пазухи лист, перо, дорожную чернильницу.

— Пиши... Справка. Сим удостоверяется, что приложенный экземпляр по результату осмотра с пристрастием на самом деле является: а — девственницей, бэ — красавицей. Подпись... Двадцать третьего апреля тысяча пятьсот пятьдесят второго года Шестого дракона... Меня то есть... Удостоверил я сам.

— А поверят? Что удостоверил ты сам?

— Положи бумажку сюда.

Из мрака вылетел кончик хвоста, указал на место у стенки. Котту прошел, положил бумажку на каменный пол, отошел. Дракон очень осторожно дыхнул. Пещера наполнилась приятным жаром, документ обуглился.

— А вот и печать.

Сверкнул кончик хвоста, и с хрустальным звоном пронзил разложенную бумажку.

— Пусть попробуют не поверить, — Дракон осторожно усмехнулся. — Я, конечно, дела на старости лет запустил, надоело все до предела... Старость — не радость, а дураки множатся в экспоненциальной прогрессии. Но могу и размяться, наведаться.

— Спасибо, — Котту бережно сложил документ. — Пошли, как раз на северный караван успеем, — он взял девочку за плечо.

— Сдашь задания — заезжайте в гости, — тот долакал чай. — Поболтаем, чаю попьем. У меня где-то горный лопух оставался. Сам собирал.

— Обязательно, — Котту кивнул. — Только задания сдам. Они обошли очаг и вышли из подземелья.

В трактире, как обычно, было не протолкнуться. Котту, крепко держа девочку за руку, отпихивая нетрезвые ноги, колени, локти, плечи, пробрался к стойке, перевел дух, скинул капюшон.

— Привет, дядя Краббатабак. Ну и толпа у тебя сегодня.

— Толпа как толпа, — тот обернулся, протирая тарелку висящим через плечо полотенцем. — У вас философию не проходят. А так бы ты научился себя утешать, что бывает и хуже... Ну, как дела? — трактирщик посмотрел на девочку. — Сдал?

— Зачет.

— Я не сомневался, — трактирщик кивнул с удовлетворением. — Такие бумаги, такая организация... Ладно, больше не будем мучить девочку.

Он отложил сверкающую тарелку, достал из кармана четыре монеты, протянул золото девочке.

— Спасибо, — та взяла монеты, достала из-за пазухи мешочек, спрятала деньги. — Ну, я пошла?

— Котту, тебе старик насчет нее ничего не сказал? Дополнительно?

— Сказал. «Сдашь задание — девочку не отпускай. Не продавай, не меняй, не закладывай». Оставь себе, говорит. Пригодится...

— Так я схожу, за веревкой? У меня веревки хорошие. Канаты с пристаней.

— Отпустите меня, — девочка вздохнула. — Пожалуйста. Мне надо забрать.

— Заберем вместе, — сказал Котту угрюмо.

— В общем, я пошел, — сказал трактирщик, сверкнув лысиной в свете факелов.

— За веревкой? — девочка вздохнула.

— Нет. О веревках вам пока думать рано. Поживите, определитесь... Пойду насчет завтрака подсучусь. Со вчерашнего дня ведь не ели? А я обещал, каши.

— Не до еды было, — сказал Котту устало. — Ты что, дядя Краббатабак, не знаешь что такое курсовая работа?

— Поэтому сейчас будете плотно завтракать.

Трактирщик провел их внутрь, ушел за завтраком. Котту скинул куртку на лавку, уселся за стол. Девочка присела на край лавки. В коридоре послышались крики, загремели каблуки. Дверь распахнулась, в комнату ввалилось четверо — Главный купец, Начальник пристаней, два румяных матроса с большим сундуком. Матросы пронесли сундук в угол, грохнули на пол, и, сотрясая башмаками стены, ушли, оставив запах терпкого бриза.

— Распишись, — Начальник пристаней развернул бумагу, достал перо, дорожную чернильницу. — Вот здесь.

— В смысле? — Котту с недоумением вчитался в текст. — «Расписка. Сим удостоверяю, что я, Котту Бестрепетный, студент второго курса Школы пиратов на Побережье, получил причитающуюся мне одну четырнадцатую долю в счет ограбленного мной двадцать второго апреля тысяча пятьсот пятьдесят второго года Шестого дракона каравана в составе двенадцати судов средней величины». Подпись — Котту Бестрепетный. Да мне, вообще-то, только задание сдать было надо...

— Сдал?

— Да. Отчитался.

— Ну, и мы отчитались. Подписывай — где галочка.

Котту поставил подпись, Начальник пристаней свернул документ, спрятал перо и чернильницу.

— В общем, сдашь остальное — заходи. Отметим.

Начальник и Главный купец посмотрели на девочку, которая с любопытством следила за происходящим.

— Нашел все-таки? Надо же! Девственница, да еще и красавица?

— По объявлению.

— Она что, — Начальник и купец переглянулись, — еще и читать умеет?! Знаешь что, Котту Бестрепетный... Оставь себе. Пригодится.

Начальник пристаней и Главный купец еще раз оглядели девочку, и, покачав головами, вышли. Котту подошел к сундуку, открыл крышку. Золотые монеты торжественно замерцали. Девочка подошла, присела рядом.

— Я даже не знала, что столько денег бывает, сразу и в одном месте, — она потрогала кучу монет. — И что с ними делать?

— Не знаю пока, — сказал Котту озадаченно. — Надо будет садиться и думать.

— А дай пока еще четыре монеты? Я сразу отдам.

— Сразу — это как?

— Ну... Заработаю — отдам.

— А зачем тебе, кстати?

— Надо.

— Я понимаю. Но все-таки?

— Книжки купить. Нужные. Пока там есть. А то перехватят.

— Да, вот ведь еще проблема... Когда умеешь читать. Не переживай, никто не перехватит. За четыре золотых тем более.

Заскрипела дверь, в комнату вошел трактирщик с подносом. Запахло ароматной кашей. Котту потянул носом, поднялся. Трактирщик поставил поднос на стол, подошел к сундуку.

— Они мне дверь чуть не вынесли, — он указал полотенцем в сторону выхода. — Стол опрокинули. Клиентов перепугали.

— Твоих клиентов перепугаешь... Дядя Краббатабак, я у тебя его оставлю пока. Мне ставить некуда. Ты где живешь? — Котту обернулся к девочке. — Может у тебя поставим?

— Можно... В углу... Я столик давно хотела купить. Книжки складывать.

— Так теперь шкаф купите? — трактирщик хмыкнул. — Бывают такие специальные, с полками. Книжки складывать. Я видел, в детстве.

— У меня мало... На столике все поместятся...

— Ладно, — Котту уселся за стол, составил с подноса тарелки с кашей, плоску с хлебом, кружки с чаем. — Иди ешь садись. Поставим пока в углу, книжки складывать. А там будем думать. Дядя Краббатабак, мы его оставим пока. Ты себе отсыпь, сколько следует... А мы сейчас перекусим и книжки пойдем покупать. Нужные. А то перехватят.

Девочка присела напротив, и они стали завтракать.

МЕСТО С КОТОРОГО ТАК ВИДНО ЛУНУ

Принцесса Тар-Агне была сиротой, и принцессой, вообще-то, называть ее было неправильно. Обращаться к ней надо было «Ваше Величество», но ее звали принцессой — не похожа пока на настоящую королеву, что делать. Кроме дяди (и то двоюродного) родственников у нее не осталось. И дяде приходилось нести бремя управления государством. Когда Тар-Агне вырастет, пусть занимается всем сама, а сейчас нельзя ведь бросить ее на произвол судьбы.

Обязанностей по управлению государством было немало, и все для маленькой королевы были исключительно тяжелы. Например каждое утро приходилось рано вставать, умываться, одеваться — и не просто, а рассчитывая на приемы важных гостей, большинство из которых являлись объявить принцессе войну.

Все были злые и жадные — подавай им то кусок побережья, где добывают пурпурных улиток, то долину в горах, где растет лучший на земле виноград, то городок с ювелирами. Недавно принц из княжества по соседству потребовал чтобы его за Тар-Агне посватали. Он уже вытащил шпагу из штопанных ножен и стал тыкать ржавой железкой во все стороны. Если бы не хладнокровие и политический опыт дядюшки, страшно подумать что бы произошло. Принцессе пришлось бы отправить принца на плаху (что, скорее всего, опять же, привело бы к войне).

Но принцы были чепухой в сравнении с пытками которым подвергалась девочка на церемониях. Они проводились по ужасным, невыносимым правилам, когда нужно было напяливать пыльные тряпки, говорить только то что подсказывал дядюшка. А когда пытки съедали последние силы, когда от раздражения хотелось расплакаться, было даже нельзя приказать отправить кого-нибудь на плаху.

Сегодня Тар-Агне вообще опаздывала на прием. За окном неслись мрачные тучи, ветер сотрясал карнизы и ставни, струи дождя били в стекла. Дядюшка нервничал. В такую погоду племянница не желала покидать уютных покоев. А сегодня была важнейшая аудиенция. Прибыли соседи с востока, с единственной целью — объявить принцессе войну. Дядюшке предстояли сложные дни, когда с одной стороны у него будет отправлять всех на плаху принцесса, с другой — угрожать ятаганами расфуфыренные в золотой пух и прах послы.

Тар-Агне не появлялась, и дядюшка направил ноги в опочивальню. У дверей его встретил отряд преданнейших принцессе стражников.

— Приказано отправлять на плаху каждого кто приблизится к дверям на расстояние трех шагов, — сказал стражник, сверкая секирой. — Все, я предупредил.

— Знаю, — ответил дядюшка, пересекая черту смерти. — Но спасибо за предупреждение.

Он открыл дверь, вошел. Принцесса стояла у окна, прикинув лицом к стеклу.

— Моя милая девочка еще не оделась.

— Дядюшка, я не хочу одеваться. Я хочу завернуться в покрывало и весь день просидеть у окошка.

— В какое покрывало желает завернуться моя милая девочка?

— Ты знаешь. В которое висит у камина. На стене в Верхней зале. Дядюшка, прикажи. Пусть его принесут, и я в него завернусь. А потом пусть принесут чашку горячего шоколада, с булочкой. Я буду сидеть у окошка, смотреть в дождь.

— Боюсь сейчас не получится. Во всяком случае, до обеда.

— Почему, дядюшка, почему? Почему принцесса не может вернуться в покрывало, приказать чашку горячего шоколада, и посидеть у окошка? Такой ведь замечательный дождь... И даже не принцесса, а уже королева. Ведь так, дядюшка? Ты говорил.

— Покрывало о котором ты говоришь — династический гобелен. Ему пятьсот лет. Подумай об уважении к предкам, которые его берегли. Они не заворачивались в него, берегли, и он провисел до сегодняшних дней.

— Не заворачивались — значит им было не холодно и не грустно. Почему я теперь не могу завернуться?

— Потому что в гобелены не заворачиваются... Сейчас мы умоемся, оденемся, прикажем чашку горячего шоколада, и выйдем на аудиенцию.

— Никуда мы не выйдем! Опять они будут говорить глупости и грозиться! Вот надоели! Дядюшка, давай их отправим на плаху.

Дядюшка отвел девочку в умывальную, затем в каминную, где был накрыт к завтраку стол — любимая чашка, любимое блюдце, любимая ложечка. Принцесса прожевала кусочек, зажмурилась от удовольствия.

— Какая вкусная булочка! Пусть нашего повара пока не отправляют на плаху. Очень вкусная булочка! — она прихлебнула шоколада, зажмурилась снова. — Какой вкусный шоколад! Пусть нашего повара пока не отправляют на плаху, дядюшка.

— Хорошо, моя девочка. Наш повар варил тебе каши когда ты еще не умела ходить. Он тебя любит, и мы не будем его отправлять на плаху.

Принцесса с аппетитом завтракала. Когда с едой было покончено, дядюшка приступил к тяжелейшему.

— А сейчас нам нужно надеть корону и выйти к послам.

— Ну-у...

— На улице все равно дождь, ты не погуляешь даже во дворике.

— Я не собираюсь гулять. Ни в садах, ни во дворике. Я хочу сидеть у окошка и смотреть в дождь. Так здорово в дождь сидеть у окошка, и чтобы камин трещал. И с шоколадом, и с булочкой.

— Конечно. И после обеда ты сможешь этим заняться. А сейчас нам нужно выйти в Приемную залу, и послушать что скажут послы.

— Но после обеда дождь может кончиться. А послы подождут, если им что-то нужно.

Дядюшка подошел к девочке, обнял за плечи, повторил:

— Нам нужно выйти в Приемную залу, и послушать что скажут послы.

— Ну пусть, — Тар-Агне вздохнула, — пусть тогда мы их послушаем, а потом прикажем отправить на плаху, всех. Хорошо?

— Обязательно, моя девочка, — дядюшка мягко вытолкнул принцессу из кресла. — Обязательно.

В Приемной зале терпеливо ждали. Позолоченные послы расхаживали по сияющему паркету, разглядывали красивый лепной потолок. Рукоятки ятаганов на поясах зловеще отсвечивали багряным золотом.

Появилась принцесса. На ней было пышное платье, пелерина, корона с сияющими драгоценностями. Короне было полтысячи лет. В свое время ее сделали именно для таких случаев — когда какому-нибудь не взрослому еще монарху нужно было показать, что он тоже не лыком шит. Короной перепользовалось немало предков Тар-Агне, и каждый остался ею доволен. Принцессе она шла особенно — в ней были замечательные сапфиры, в цвет ее глаз (и они добывались в краях которые пришли отбирать злые послы).

Девочка, не отвечая на приветственные поклоны, забралась в тронное кресло, нахохлилась. Главный посол выступил вперед и что-то протараторил, протягивая бумагу, скрепленную огромной печатью.

— Что он сказал, что он сказал?

— Он говорит чтобы мы отдали им Восточные горы, — сообщил переводчик. — Нахал, да?

— Ух, какой гадкий! А почему это вдруг?

Вопрос был переведен, ответ получен.

— Он говорит, что ваши предки овладели этими территориями незаконно. У него есть документы, вот они тут... Глупец, да?

— И что они собираются делать? Если мы им не отдадим, Восточные горы?

— Ясно что, — отозвался переводчик презрительно. — Объявят войну.

— Войну? Настоящую?!

Посол снова затараторил.

— Что он сказал, что он сказал?

— Он говорит, что у наших восточных границ уже сосредоточено войско. Огромное войско, несколько миллионов человек с ятаганами.

— Замолчи, замолчи, замолчи! — принцесса вскочила. — Дядюшка, это что — правда? Несколько миллионов ятаганов! Это же такая куча, наверно! Откуда у них столько? Они у них в государство не влезут!

— Ятаганов бывает гораздо больше. Увы, но он говорит правду. Вчера на государственном совете начальник разведки доложил об этом. Тебе, моя девочка, нужно сказать, что мы должны изучить документы. Что мы будем думать — неделю.

— А может отправить его на плаху? Тогда и думать не надо.

— Видишь ли, думать все равно придется...

— Опять думать, — Тар-Агне вздохнула, снова забралась на трон.

— Хорошо, дядюшка. Я тебя люблю, и поэтому прикажу подождать.

— Да. Только тебе нужно предложить подождать, не приказывать.

— Почему? Я принцесса! — огонь сапфиров сверкнул с огнем синих глаз. — Я даже королева — ведь ты говорил, дядюшка? Почему я не могу приказать?

— Поговорим об этом потом и не здесь.

— Не хочу, не хочу, не хочу разговаривать! Хочу приказывать! А то какой толк королевой быть?

— Хорошо. Прикажи подождать неделю.

— Скажи им, — сверкнув сапфирами, принцесса обернулась к переводчику, — что я приказываю подождать неделю.

Переводчик протараторил по-восточному. Послы покивали.

— А ты ему правду сказал? — Тар-Агне обеспокоенно заерзала в кресле. — Сказал, что я так приказываю?

— Нет... Просто сказал, что мы должны изучить документы.

— И не сказал, что я приказываю? Опять обманули! — принцесса стукнула кулачками по подлокотникам. — Дядюшка! Почему? Почему вы меня опять обманули? Ты ведь согласился! Не надо было соглашаться тогда!

Дядюшка, который с самого начала опасался, что сегодняшний случай не обойдется без жертв, только сказал:

— Девочка, мы все-таки поговорим... Потом.

— Опять, опять, опять говорить! Сколько можно?

Тар-Агне спрыгнула с кресла, повернулась чтобы умчаться.

— Ты куда, моя девочка?

— Скажи им, что я ухожу, и буду учить их дурацкий язык. Когда выучу, пусть приходят, я сама расскажу, правду. А вы все — ты, дядюшка, тоже! — гадкие, гадкие, гадкие обманщики!

И принцесса умчалась. Послы с тревогой ожидали официального разъяснения.

— Скажу так, — заключил переводчик невозмутимо. — Королева Тар-Агне удалилась в библиотеку, где будет учить восточный язык, чтобы иметь возможность разговаривать напрямую. И что я отправляюсь на пенсию.

Он затараторил.

Вслед за этим произошла оскорбительная история. Подбегая к опочивальне принцесса треснулась лбом о дверной косяк. Грохот раздался такой, что стражники у дверей сначала даже бросились врассыпную. Корона слетела на пол и, сверкая синим огнем, укатилась. Тар-Агне бросилась на кровать, растирая ушибленный лоб.

— Ой-ой-ой! Как больно! Как ужасно! Дядюшка! Нянюшка! Ой-ой-ой!

Прибежала нянюшка — пухлая старушка, которая нянчила девочку с ее первого дня в этом мире. Принесли пузырек с мазью, которой нянюшка спасала непоседливую принцессу от ушибов и ссадин. Тар-Агне была уложена на кровать. Шишка была обработана мазью. Нянюшка осталась дежурить у кровати. Девочка, с примочкой на голове, кряхтела, вздыхала, хныкала.

По Замку пронесся слух — принцесса расшибла голову и скоро умрет. В опочивальню прибежал поваренок — требовались разъяснения как поступать с обедом. Получив распоряжения («Корочку хлеба... И полчашечки шоколада... Если я не умру») поваренок умчался. Обед был подан как требовалось. (Правда не обошлось без тарелки супа и пучка ароматной зелени, которую старик-повар всегда покупал для принцессы сам, в секретном месте.)

Когда дядюшка решился заглянуть в опочивальню, Тар-Агне там не было — ее увели в каминную, где она доедала суп и догрызала пахучие зеленые хвостики.

После обеда настало время менять примочку. Нянюшка — пухлая, в чепчике, в переднике, в многочисленных юбках — суетилась вокруг несчастной.

— Ой-ой-ой, нянюшка! Оно щиплетя!

— Тар-Агне! — нянюшка рассердилась. — Сядь смирно и не верти головой. Схлопотала увечье, а лечиться будет дядюшка? Повернись и не дергайся.

Принцесса зажмурилась, замерла. Нянюшка шлепнула примочку на шишку.

— Ай! Оно щиплетя! Так щиплетя, что я точно умру, наконец!

— Не вертись! Нашалила — сиди с лекарством, безобразница.

— Я не нашалила! Оно само! А ты нет чтобы меня пожалеть — ругаешься! Ты не любишь меня! А я играла у тебя на коленях! Какой сегодня ужасный, горький, тяжелый день! Сначала не дают посидеть у окошка, посмотреть в дождь. Потом не позволяют приказать дурацким послам чтобы убрались. Потом мучат примочками. Если хочешь чтобы я быстрее поправилась, отпусти меня на кровать. Я полежу, и все заживет, и не мучь меня своими примочками. Все меня обманывают, хотя отобрать Восточные горы, ждут моей смерти.

— Надо слушаться взрослых! — увещевала нянюшка. — Опять не послушалась дядюшку?

— А почему он запретил приказывать, нянюшка? Я ведь даже ведь королева! Хочу — приказываю! Не хочу — не приказываю! Скажи ему, нянюшка, пусть он не запрещает приказывать.

— Скажу, скажу. Только ты слушайся, и не заставляй меня волноваться.

— Это все он виноват! Запретил отправить послов на плаху... Пусти меня, я пойду и прилягу. У меня звенит в ушах, мигает в глазах, гудит в голове. Я скоро умру.

— Надо слушаться взрослых! Теперь голова будет болеть, и ты не заметишь как нам объявят войну. О государстве хотя бы подумала, если себя не жалеешь.

Нянюшка собрала лечебные принадлежности и уплыла.

— Иди отдыхать.

Дядюшка подошел к креслу, где горевала принцесса.

— Дядюшка... Почему жизнь — такая противная штука? Почему все так гадко?

— Болит, моя девочка?

— Ужасно! — Тар-Агне потрогала примочку. — Хоть бы умереть скорее.

Он отвел племянницу в опочивальню. Проследил чтобы девочка улеглась, завернулась, закрыл окно занавеской — чтобы стало темно, уютно, сонно.

— Отдыхай.

Голова болела, звенела, гудела — заснуть было невозможно. Тар-Агне сползла с кровати, добрела до окна, просунулась в занавеску. Дождь кончился. Прошла к гардеробной, выудила накидку, туфельки, облачилась, вышла во дворик.

Там было здорово. По небу плыли пухлые ключья с серыми брюшками — так низко, что проглотили верхушку Башни. Сонный ветер дул чуть-чуть и совершенно не холодно. Сад был напоен свежайшим ароматом зелени и цветов, радостных после дождя. Принцесса бродила, внюхивалась в аромат, и донюхалась до того, что голова загудела по-другому — от запахов.

Присела на скамеечку рядом с дверьми. Сидела завернувшись в накидку — лохматую, мягкую, теплую, — и ей было уютно (насколько может быть уютно с такой шишкой на лбу). Оглядывала дворик, замшелые влажные стены, мокрые крыши вокруг.

Вдруг откуда-то справа хлопнуло. Тар-Агне вскочила, стала всматриваться сквозь листья, унизанные бриллиантом капель. Определенно, там справа кто-то упал со стены!

— Ай! — воскликнула девочка в восторженном ужасе. — Кто-то хочет ко мне проникнуть!

Подхватила полы накидки, побежала на звук. Пробравшись сквозь листья, вымокнув под водопадом капель, прибежала к стене — и увидела мальчика, который только что поднялся с земли. За спиной у него висела на ремешке лютя.

— Ты кто? — спросила принцесса грозно. — И зачем прыгаешь со стены когда у тебя лютя? Ты можешь ее сломать!

— Не сломаю. Видишь — не испачкалась даже.

— А мне дядюшка запрещает прыгать со стен. Говорит могу сломать что-нибудь... А зачем ты ко мне упал? Рассказывай, только честно.

— Я пришел посмотреть умерла ты или не умерла.

— Почему я должна умереть?

— Люди говорят, что тебя пристукнули дверью послы с востока. Чтобы не тратиться на войну.

— Мало ли что говорят, — Тар-Агне разозлилась. — Так бы они меня и пристукнули, когда я прикажу отправить их всех на плаху. А зачем тебе сейчас лютя?

— Она всегда со мной.

— А где ты живешь?

— В Башне.

— В этой? — Тар-Агне указала в облака, пронзенные стволом Башни. — Здорово! А можно я приду к тебе в гости? Я еще никогда не была в Башне!

— А дядюшка тебя отпустит? Он у тебя строгий. Заставляет стоять в углу по три часа в день.

— Люди говорят? — принцесса разозлилась еще больше. — Ничего подобного! Мой дядюшка — самый добрый дядюшка в мире. А еще он — самый замечательный дядюшка в мире. И самый лучший. И если кто скажет про него гадость, я прикажу отправить его на плаху, — она топнула, вскинув фонтанчик брызг. — Так своим людям и передай.

— Тогда приходи ко мне ночью. Из моего окна знаешь как здорово видно Луну!

— Не знаю... Откуда? Я никогда не была в Башне, говорю ведь, — Тар-Агне вздохнула. — Но какая разница откуда смотреть на Луну? Отсюда, — она обвела рукой стены и листья, — ее тоже знаешь как видно.

— Ты просто не видела. А вообще есть места откуда Луну видно так, что даже мое окно — чепуха.

— И ты знаешь такие места?

— Только одно, если честно... Но оно такое! Если б ты знала!

— Я хочу знать! Я хочу, хочу, хочу увидеть Луну с этого места. Покажи его, я приказываю!

— Оно не очень-то близко. Знаешь лес на горе, за рекой?

— Не знаю... Я никогда не выходила из Замка... А как мы туда попадем? Ведь надо чтобы никто не знал!

— Я знаю секретный ход.

— Тогда пойдем смотреть на Луну, сейчас же! — принцесса схватила мальчика за рукав.

— Сегодня не получится, — тот вздохнул. — Сегодня у меня репетиция. Мне, кстати, пора. Я, понимаешь, думал к тебе заглянуть — вдруг жива? — и потом сразу на репетицию.

— И правильно! Надо все самому проверять. Но у меня шишка так сильно болит! Знаешь как я страдаю!

— У тебя страшная шишка, — мальчик аккуратно потрогал шишку. — Такие шишки заживают долго. Тебе, наверно, ставят примочки?

— Еще какие. Не представляешь как они щиплются!

— Еще как представляю. В прошлом году я упал с дерева, и мне ставили такие примочки, что я чуть не умер. Умер бы, и с тобой бы не познакомился.

— Ты хотел со мной познакомиться? Зачем?

— Ну, ты мне очень понравилась, когда я тебя увидел.

— Да? Почему?

— Не знаю... Понравилась — и все. Я даже сочинил для тебя музыку.

— Да? — Тар-Агне подпрыгнула, разбрызгав лужицу под ногами. — Сыграй мне, сыграй, сыграй! Я приказываю!

— Давай не сейчас. Сейчас мне нужно лезть обратно.

— А когда ты придешь? Когда сыграешь мне музыку? И когда мы пойдем смотреть на Луну?

— Давай завтра, вечером. Завтра у меня нет репетиции. Я за тобой приду, и мы пойдем смотреть на Луну. Если у тебя не будет важных государственных дел, конечно.

— Не будет у меня никаких дел! Я прикажу отправить их всех на плаху. Только обещай, обещай, обещай! — Тар-Агне схватила мальчика за рукав.

— Договорились ведь. До завтра!

Он отцепил принцессу от рукава, забрался по выющим стеблям на стену, прошел по верху и скрылся.

— Если не придешь, я прикажу отправить тебя на плаху! — крикнула вслед Тар-Агне. — Ну и вот. Опять я одна, и никому не нужна.

Она вернулась в опочивальню, села на пуфик, стала ждать. Через три минуты переместилась в кровать, стала ждать там. Но до завтрашнего вечера оставалась такая уйма времени... А завтра утром опять — эти рожи с этими дурацкими ятаганами. Надо обязательно отправить их всех на плаху. Надоели уже, сил никаких нет, придурки.

Мечтая как было бы здорово отправить на плаху всех дурацких послов, принцесса уснула.

Наутро опять было пасмурно, холодно, мрачно. Дядюшка с твердым сердцем направился в опочивальню. Тар-Агне находилась в совершенно расстроенном состоянии. Сегодня она проснулась часа на три раньше обычного, и стала терпеливо ждать вечера. (Только иногда подходила к зеркалу, находя, что снадобье оказалось на высоте, шишка почти прошла, и что теперь не стыдно идти смотреть на Луну.) Но время шло, сил ждать вечера оставалось меньше и меньше.

Дядюшка прошел к несчастной племяннице, которая сидела на пуфике, подперев щеки руками, и уныло смотрела в пол. Прижал принцессу к себе, погладил по распущенным волосам.

— До сих пор так болит голова?

— Нет, дядюшка, — девочка вздохнула. — Голова не болит. Просто гудит, и в ушах звенит, но уже не болит, почти... Я бы даже позавтракала. Пусть принесут чашку вкусного шоколада. Ну, и булочку.

— Это мы сейчас устроим. Почему тогда такая печальная?

— Он не пришел, и мы не пойдем смотреть на Луну.
— А когда он собирался прийти?
— Вечером...
— Но до вечера еще есть время. Он еще может прийти, и наверняка придет. Если, конечно, ты не обещала отправить его на плаху.
— Обещала, дядюшка, обещала, — принцесса вздохнула горько. — Но только если он не придет... Если придет — зачем?
— А он — это кто?
— Откуда я знаю... Да и какая разница...
— Даже не знаешь имени? Плохо. Если бы мы знали имя, я бы его нашел и привел.
— Нет, пусть сам приходит, раз обещал!
— До вечера еще есть время, — дядюшка поднялся. — А ты пока умывайся, одевайся, завтракай, нам нужно...
— Я никуда не пойду!
Тар-Агне встала, добрела до кровати, улеглась уткнувшись лицом в скомканное покрывало.
— Буду лежать пока не умру. Или пока он не придет. И прикажи наконец этих клоунов отправить на плаху. И скажи, что никаких приемов больше не будет.

Весь этот тяжелый, дурацкий, томительный день принцесса не выходила из опочивальни. Она лежала, молчала, вздыхала, иногда тихо плакала. День шел, а он так и не появлялся; уже перевалило за полдень, а он так и не приходил. Ее звали завтракать, обедать, полдничать, но она отвечала, что ей ничего не надо, пусть только всех отправят на плаху, а ее оставят наконец в покое.

Пришел вечер — холодный, ветреный, беспокойный. Тар-Агне, вернувшись в одеяло, перебралась к окну, и смотрела в ненастное небо.

— Ну и пусть, — шептала она, прижимаясь ноющим лбом к стеклу. — Пусть не видно Луну. Он все равно не пришел. Я скажу дядюшке, он прикажет его разыскать. А потом я отправлю его на плаху. Просто ужасно как! Я злая, свирепая, страшная, кровавая, жестокая, мрачная, беспощадная, бесчеловечная... Пусть знает.

И она шмыгала носом, и плакала, и слезы текли по щекам.

Потом побродила по комнате. Потом переоделась в ночную рубашку. Потом улеглась. Потом долго лежала, не закрывая глаз. Потом в ка-

минной часы на полке пробили десять. Потом — пол-одиннадцатого. Потом — полдвенадцатого, и пора было умирать.

Тут произошло странное.

В отдушине, в стене под потолком, что-то заворошилось. Крышка отдушины отвалилась, упала на толстый ковер. Образовалось отверстие, из которого выпало не очень большое, серое, и ужасно пыльное. Оно шмякнулось вслед за крышкой и стало чихать!

Принцесса вспрыгнула на кровати. Серое, пыльное и чихающее стало разворачиваться. Посреди опочивальни возник мальчик.

— Ты пришел! — воскликнула Тар-Агне радостно.

— Ну да, ведь договорились?

— Я дожидалась с утра! А ты все не приходил!

— Хм... Вроде как договорились — вечером?

— Ну и что? — Тар-Агне спрыгнула с кровати, подбежала. — А вдруг? Как тебя зовут, кстати?

— Ты зови просто Вёдде.

— Вёдде, как мы пойдем смотреть на Луну? Видел какие тучи? Они съели Луну, как быть?

— Там куда мы пойдем Луну видно всегда. Не переживай... На улице сыро и холодно. У тебя есть теплая куртка?

— А как мы пойдем? Полезем туда? — девочка указала на дыру отдушины.

— Да. Одевайся.

Тар-Агне сбегала в гардеробную, принесла любимую меховую накидку — длинную, мягкую, сверкающую.

— Нет, — Вёдде оглядел и ощупал накидку. — Она испачкается и порвется. Нужна старая и, по возможности, грязная тряпка.

— А Луна?! Смотреть на Луну в грязной тряпке?!

— Луна не обидится. Она понимает.

— Но у меня нет грязной тряпки...

— Я так и думал.

Мальчик вытащил из-за пазухи мятый мешок. В мешке оказалась куртка — старая, затертая, штопанная, но все еще крепкая, и вполне теплая — чтобы согреть маленькую принцессу в промозглую ночь.

— У меня нет такой ловкой куртки, — девочка вздохнула, разглядывая замечательную одежду. — И такого мешка нет еще больше. А если заведутся, дядюшка заставит выкинуть... — она облачилась в куртку. — Какая уютная! Я прикажу себе такую же.

— Это моя старая куртка. Теперь это, — мальчик раскрыл мешок.

— То есть как? — Тар-Агне испугалась. — В мешок? Зачем?

— Там пыльно. А принцессам нельзя быть пыльными. Это должно быть ясно без объяснений.

— Но как я там все увижу? Вдруг заблужусь не в ту сторону? Куда-нибудь выпаду и потеряюсь? А Луна?

— Я прослежу чтобы все было в порядке.

Принцесса тщательно надела мешок. Ведде поставил друг на друга три пуфика, стал на них, взял девочку, поднял, пропихнул в отверстие. Потом ухватился руками за край, подтянулся, пролез, позвал:

— Ты как?

— Неуютно, — призналась из мешка принцесса. — Колется. И угол какой-то в спину.

— Потерпи. Нам нужно увидеть Луну. А чтобы увидеть Луну, часто нужно терпеть. Сейчас я буду тебя волоочь. Ты лежи в мешке как лежишь, не волнуйся.

Он потянул сверток с принцессой. Тар-Агне принимала мучения мужественно и даже старалась не хныкать (когда тебя волокут в мешке по трубе — совсем, оказывается, не приятно). Но мальчик волок недолго.

— Вот моя дыра! Сейчас я тебя развяжу, и мы спустимся по веревке. Ты умеешь спускаться по веревкам?

— Не знаю, — принцесса растерялась. — Я никогда не спускалась по веревкам. Что делать?

— Пробовать.

Ведде развязал принцессу и выручил ее из мешка. Они благополучно спустились, Ведде достал из кармана фонарик. Луч заплясал по непонятным предметам.

— Мы где?! — Тар-Агне вцепилась мальчику в локоть.

— Это старая кухня. Ее закрыли еще до того как ты родилась — и я тоже, — потому что полы стали мокнуть.

Фонарик выхватывал из темноты котлы, сковороды, кастрюли — черные, огромные, страшные.

— Иди за мной! Не отставай, тут запросто потеряешься.

Прошли в непонятную комнату. В середине стояла большая деревянная плаха. Рядом валялись черные кости, ржавые крючья, топорики, топоры.

— Что это, Ведде? — спросила принцесса когда луч осветил огромный нож.

— Мясной нож.

— А что это на нем такое? Черное, липкое, отвратительное?

— Кровь. Только она тут, от сырости, склеилась в какую-то гадость. А была кровь.

— Настоящая?!

— Здесь разделявали животных — коров, свиней, баранов, — что-бы потом готовить из них блюда.

— Вот этим самым ножом? — Тар-Агне пришла в ужас.

— Да. Разрубали на части.

— Вот этим, значит, ножом... И кровь брызгала в стороны? Давай быстрее уйдем, Ведде. Это плохое место, мне здесь не нравится. Только подумать — в нашем старом, славном, уютном Замке есть такие места!

— Ты даже не представляешь, — мальчик усмехнулся мрачно, — какие места есть в нашем Замке. Одно придется пройти.

— Правда?! Давай тогда быстрее пройдем, и побежим смотреть на Луну!

Они вышли из ужасной комнаты. Шли долго — спускались по скользким ступенькам, открывали сгнившие двери, пролезали в затхлые дыры. Ведде бесстрашно рассекал фонариком мрак, и принцессе с ним рядом было совсем не жутко. Когда ему пришлось повозиться с дверью которая не открывалась, Тар-Агне даже решила немножко пройтись.

— Я пойду погуляю, Ведде, ладно? Немножко. А ты пока открывай дверь.

— Только недалеко. Тут запросто потеряешься.

— Не потеряюсь. Ведь мы идем смотреть на Луну!

Принцесса отошла. Вернулась через минуту, держа за хвост большущую крысу. Крыса висела вниз головой, извивалась и дергалась. (Крысе очень не нравилось, что с ней так обращаются, хотя бы и королева — той-то небось не понравится если ее подвешат за хвост вниз головой.)

— Смотри, Ведде! — Тар-Агне торжественно предъявила крысу. — Смотри какое милое существо! Смотри — у него лапки, глазки, ушки, усищи, и хвост! Не все так ужасно в Замке! А что это, Ведде? Я прикажу завести такое! Какое замечательное! Что это?

— Это крыса, — сказал мальчик, открывая наконец затвор.

— Крыса? — принцесса растерялась. — Вот это и есть крыса?! Ай!

Она разжала кулачок. Крыса шлепнулась на пол, заверещала, и убежала.

Пошли дальше. Шли долго — спускались по ступенькам, открывали двери, пролезали в дыры. Становилось все холодней. Вскоре Ведде замер у низенькой двери в мокрой стене.

— Смотри, — он посветил фонариком в дверь.

Тар-Агне увидела как в глубине на куче гнилья валяются кости.

— Здесь тоже разделявали животных? А зачем цепь? Чтобы не убежали? Что это, Ведде?

— Скелет. Этот несчастный умер в этой темнице, и никто его даже не похоронил. Видишь череп? А вот, смотри, ребра.

— Давай быстрее отсюда уйдем, и больше здесь не будем ходить! Почему чтобы увидеть Луну и послушать музыку, нужно идти такой дорогой? Может быть есть другая? Не такая ужасная?

— Не знаю. Идем!

— Ведде... Ты знаешь где рубят головы?

— Сейчас головы уже не рубят. Сейчас вешают, как-нибудь травят, душат. Вот в старину — да, головы так и летали. Их обычно отрубали на площадях, чтобы все смотрели и веселились.

— А когда рубят голову — ведь кровь во все стороны?

— Ха. Когда рубят голову, кровь из шеи фонтаном.

— Ты видел?!

— Нет. Лекарь рассказывал, что в шее у нас есть специальная жила, в которой течет вся кровь которая у нас есть. И если голову отрубить, то кровь там течет так сильно, что начинает бить струей. Пока не закончится, и вся вытекает.

— И люди смотрят и веселятся?

— Всей площадью.

— Я прикажу всех, всех, всех отправить на плаху, чтобы больше никто не смотрел и не веселился! Как страшно, противно, как гнусно!

— Не переживай так. Это было давно, в старину. Сейчас головы уже не отрубают, говорю.

— Как же тогда веселятся?

— Изобретают... Нужно идти.

— Давай больше никогда сюда не придем!

— А если ты еще раз захочешь посмотреть на Луну?

— Может поищем другую дорогу? К Луне, наверно, много дорог? Не может ведь быть только одна? Да еще такая ужасная?

— Конечно. В мире есть разные вещи. Есть такие которых должно быть по одной, как Луна. А есть такие которых должно быть по многу, как дороги к Луне. Я знаю пока только эту, и я тебе показал. А вообще, я думаю, у каждого своя дорога к Луне.

— Конечно! А то представь сколько народа тут бы столпилось. Не только же мы хотим посмотреть на Луну?

— Еще бы. Вот сочинители, мои знакомые. Им время от времени просто обязательно нужно смотреть на Луну. А то им становится плохо, и они не могут сочинять музыку.

Они снова двинулись в путь.

— Но как получается, что на Луну смотрят все... На Луну смотрит столько народу, а ее всем хватает?

— Знаешь... Я думаю, что если Луну вправду поделить на всех, то ее, конечно, не хватит. Понимаешь... Луна так устроена, что на нее можно смотреть хоть лопни сколько. Каждому, всем подряд. Но чтобы что-то высмотреть, по-настоящему лунное... Это могут не все. Вот есть у меня знакомый. Он не то чтобы слепой, но с глазами беда. Путаet красный с зеленым.

— Это как?

— Не знаю. Лекарь говорит, что в общем это нормально, и таких людей немало. Их даже больными не называют. Так вот, попробуй ему объясни как в лесу разыскать землянику. Он ее не увидит, красную на зеленых листьях.

— Да? — Тар-Агне остановилась. — Он же умрет с голоду!

— Так вот и с Луной. На нее можно смотреть хоть тресни сколько. Но если не умеешь видеть серебряный цвет, то никогда не поймешь почему Луна такая красивая. Так что Луны хватит надолго, не переживай. Мы пришли.

Ведде открыл очередную дверь, они стали подниматься по лестнице. Запахло мокрой землей, свежими листьями, повеяло ветром — и вышли в промозглую ночь.

Ход вывел на берег реки. Было сыро и холодно. Листья шуршали в ветре, плескалась вода.

— Мы где? — принцесса огляделась с восторженным ужасом. — Река! Мы пришли?

— Пока нет. Но мы уже вышли из Замка.

Они поболтали руками в воде, потом Ведде указал в небо:

— Если бы туч не было, мы бы увидели Замок в Луне. Знаешь как красиво! Ночью он весь воздушный, будто соткан из серебряных линий. Их будто чертит Луна, когда освещает крыши, парапеты, шпили. А особенно здорово смотрится моя Башня. И особенно когда Луна повиснет над ней. Получается огромная серебристая лампа, которая освещает

Замок и лес. И если есть облака, они — будто призраки с серебряной гривой. А деревья — будто серебристые слитки. И небо такое черное и бездонное, и в нем крапинки звезд, и все так спокойно, прозрачно, так здорово! Все так уютно, особенно когда в Замке светятся оранжевые окошки.

— Я хочу посмотреть! — Тар-Агне подпрыгнула. — Ведде, возьми меня в следующий раз! Когда будет как ты сказал! Когда Луну повесят над Башней, зажгут оранжевые окошки! Возьми! Я даже пройду этой дорогой еще, завернусь в пыльный мешок... И посмотрю на кости...

— Хорошо! Идем, осталось немного.

— Какие они все-таки обманщики, — принцесса спешила за Ведде по гальке. — Ведь дядюшка знал, что за Замком так здорово! Почему не разрешал выходить?

— Ты просто не знаешь что бывает за Замком. А он знает, и наверно думает, что тебе не понравится. Он у тебя на самом деле хороший, пусть даже ставит в угол на три часа в день.

— Да не ставит, говорю тебе... Врут твои люди. Все врут, все обманщики, — Тар-Агне вздохнула.

Они шли, и журчала вода по гальке, и шуршал ветер в деревьях. Ветви склонялись над речкой, капли срывались с листьев и булькали; было спокойно, свежо, замечательно. Потом мальчик свернул с берега в лес, и они пошли по тропе, спотыкаясь о корни.

Тропа устремилась в гору, они поднимались долго, и принцесса устала ждать — когда они наконец увидят Луну, а Ведде сыграет ей музыку. Стало казаться, что уже наступает утро, что Луна уже спряталась на день, что ничего опять не получится...

Лес кончился. Они вышли на вершину холма. Впереди склон уходил вниз, и под ним расстился, раскидывался, разливался до горизонта замечательный серебряный мир.

Облака расступились, и в черной полынье небес Луна — вот она! — спокойно жгла холодным сиянием холодную бездну. Серебряный свет лился, пропитанный влагой ночи. Запах был непередаваем — это был запах Луны, запах спокойного серебра света. Тар-Агне замерла, не двигаясь, боясь спугнуть даже капельку лунного запаха, даже черточку лунного серебра.

Ведде снял с плеча лютню, начал играть, а девочка стояла, смотрела, слушала.

Музыка была короткая и простая, пара аккордов, несколько нот, — но такая серебряная, такая хрустальная, такая лунная! Влажная как небеса, прохладная как трава, бездонная как весь мир, моргавший огонь-

ками в ночи. Тар-Агне стояла, смотрела, слушала, не двигаясь, не дыша. Ведде доиграл музыку и сказал:

— Ну как?

— Мне понравилось! Мне очень, очень, очень понравилось! Только знаешь — давай ты ее никому и нигде больше не будешь играть.

— Я ее для тебя и придумал. И чтобы была такая Луна. Если ее сыграть кому-то еще, да еще в другом месте, она испортится.

— Да! Поэтому даже мне не играй, если не будет такой Луны. Я не хочу чтобы испортилась такая хорошая музыка. Хотя жалко, что ее нельзя принести домой. А потом иногда послушать.

— Музыку, конечно, можно и в Замке сыграть, — мальчик повесил лютню за плечи. — Но толку? В Замке такой Луны нет.

Они вернулись в лес и двинулись вниз, обратно.

У входа в подземелье принцесса остановилась.

— Знаешь, Ведде! Я прикажу устроить в Замке такую Луну! Пусть смотрят. Ведь ты говоришь Луне не страшно если на нее будут смотреть даже все?

— Нужно было с самого начала устраивать Замок так чтобы из него было видно Луну. А теперь поздно.

— Наверно, — Тар-Агне вздохнула. — Интересно — дядюшка знает, что Луну бывает так видно?

— Думаю знает.

— И что — он тоже одевался в мешок, держал в руках нож, смотрел на страшные кости? Чтобы увидеть Луну?

Они вошли в ход, погрузились во мрак.

— Насчет мешка не уверен, а нож держал, и костей видел кучу.

— Не хочу я ножей и костей... Я прикажу, и их отменят!

— Ха. Если бы все можно было решить так просто.

— Я все равно прикажу! А вдруг.

Они шли обратной дорогой, и больше не разговаривали. Прошли страшные коридоры с темницами, прошли страшную комнату где лежал нож, прошли страшную кухню. Ведде засунул принцессу в мешок, затолкал в отдушину, проволоч в опочивальню, и там они долго чихали на пушистом ковре.

— Ну вот, — сказал наконец мальчик. — Теперь ложись, уже поздно.

— Да, надо спать, — девочка улеглась, приютилась под одеялом. — Опять завтра дядюшка придет со своими послами. Вот они надоели!

Ведде, спаси меня от послгов. Я хочу Луну, и хочу музыку, и не хочу дурацкии послгов, с ятаганами... Так здорово, что ты пришел... Показал Луну и сыграл музыку... Ты придешь еще, ладно? Приходи, засовывай в мешок, волокн... Куда хочешь... Только чтобы из Замка... Придешь?

— Ха. Я могу показать такие места!

— Ведде, давай убежим! — принцесса приподнялась на кровати. — В такие места! Убежим, и будем там жить!

— Нет. В таких местах лучше не жить все время. В таких местах нужно бывать. Вот это нужно, и обязательно. А жить можно в Замке. Не так он и плох, — мальчик уложил принцессу, укутал одеялом.

— Все равно, давай убежим... Хоть куда-нибудь... Хоть немножко... Она засыпала.

Анжелика Стынка

С.-Петербург

ГОСПОДИН ЧАСЫ

Господин Часы надел красные штаны. На уровне талии, взяв их под пояс, подвязал желтой лентой от штор. К белой блузе прикрепил "бабочку" синего цвета из бумажной салфетки. Господин Часы решил пройтись по помещению, вверенному ему в длительное пользование.

Дом дремал. Сонно ворочались занавески. Им снились морозные сны. В пространстве белой сказки занавески становились людьми. В белоснежных платьях девушки — невесты бродили по заснеженном лесу и тонкими голосами звали женихов.

Замершие деревья с трудом отвечали им: "Ждите весны, прекрасные царевны".

Недовольно кряхтел диван. Он не мог погрузиться в глубокий сон. Мелькающие туманные образы, разгоняли фазу быстро сна. Диван не любил абстракций, он жаждал приключений. Диван стремился отправиться в бой, чтобы в чистом поле сразиться с драконом.

Дивану нравились сказки. Когда-то Николас вслух читал их Марго. Муж открывал книгу. Жена прислонялась к мужу. Звучали голоса. По

комнате, словно птицы, порхали волшебные картинки. Вымышленные герои подбирались близко к дивану. Диван слышал биение их сердец.

Ночью дом оживал. Вещи и предметы просыпались.

Поскрипывал пол. У него были крепкие отношения с людьми и слабые нервы. Подкашливала раковина на кухне. Её внутренний мир был забит всяким сором. Раковина вождела о пространстве с роскошными садами, где аромат, истончаемый абрикосом, вскружил бы ей голову. Мечтам не суждено было сбыться.

По-свойски господин Часы открыл дверь хозяйской спальни. После полуночи господин Часы брал на себя обязанности зрителя. У госпоина Часы была интересная жизнь и он не собирался на пенсию.

«Тик-так». Некоторое время господин Часы наблюдал за спящими.

Муж и жена безмятежно похрапывали. Отвернувшись друг от друга, не соприкасались членами. Сон супругов был мертвецким.

Господин Часы на цыпочках подкрался к люльке с чудесным розовым младенцем трех месяцев отроду. Девочка бодрствовала. Широко открыв глаза, разглядывала потолок. Огибая люстру, по потолку скакала тень лошадки.

"Крошка Джейн. Почему не спишь?" Господин Часы покачал люльку. Господин Часы любил детей. Он к ним относился, как к гусеницам. У тех большой потенциал. Гусеница, если её не поранят смертельно и не сожрёт паразит, может превратиться в бабочку.

При хороших обстоятельствах, если ребенка не погубит родительское воспитание и ему не навредит социум, имеет шанс стать человеком. Господин Часы верил в род людской.

"Вот вырядился". Старуха Труба заметила господина Часы. С некоторых пор у Трубы испортился характер. Все в доме знали причину. Для нее перестали сочинять произведения. Труба не издавала ясный и пронзительный звук. Труба чувствовала себя несчастной.

Господин Часы не взглянул на Трубу, но та не отстала.

"Коротышка". Проскрипела Труба.

У господина Часы была большая голова, длинные руки и короткие ноги. Но никто не смел говорить господину Часы "коротышка"! Старой Трубе лучше было бы прочистить горло, прежде, чем производить на свет, что вздумается.

— Вы подмечаете лишь недостатки, госпожа Труба. — Возмутился господин Часы. — Почему у вас нет личной жизни? Научитесь любить, госпожа Труба.

— Что ты знаешь о любви, Часы? — Фыркнула Труба.

Труба намеривалась поспорить с господином Часы.

Разговор прервался. В хозяйскую спальню ворвались две очаровательные поварешки. Были они настолько хороши, что многих на кухне свели с ума. Нож совершенно отупел от чувств.

Уставившись на Трубу, поварёшки заявили:

— Госпожа Труба, прежде, чем критиковать господина Часы, обновите свой гардероб. Обувь — залог успеха.

Девушки носили изящные сапожки.

— Эх, — вздохнула Труба. — Прошли времена, когда девицы предпочитали скромные наряды. Носили платья в пол и не показывали всему миру лодыжки. Безусловно, то были лучшие дни. — Скрипела Труба. — Сейчас молодежь носит, что нравится. Двигаются только вперёд. Попирают авторитеты. Не прислушиваются к советам старших. Полное отсутствие дисциплины.

— Всё сидите в своем углу, госпожа Труба. — Поварешки, нарушив дистанцию, подхватили госпожу Трубу. — Тоскуете. Пылью покрылись. На вас грустно смотреть. Всё так ужасно!

Труба горделиво поправила шерстяную юбку, на ткани не было ни одной большой дыры. Недавно юбке исполнилось сто лет. Шумно справляли юбилей.

Чтобы защититься от нападок, старуха на все пуговицы застегнула хлопковую кофту, Труба только что постирала её с мылом.

— Научитесь подбирать одежду, госпожа Труба. Вещи не должны подчеркивать ваш возраст. Не жертвуйте собой. Обновитесь. Бездействие ведет к смерти.

Поварешки распрыгались, словно дети.

— Вы такие молодые и изящные! — Продудела Трубы. — Беспечные и вольные. Меняете кавалеров, словно перчатки. Скажу вам, юные особы. Время проходит быстро. Сейчас вы в фаворе, а через три года на вас никто не посмотрит. Вот дождетесь, хозяйка унесёт вас в летнюю пристройку. А там... Шансов познакомиться с новым кавалером сводится к нулю. Пыльный буфет без ноги и тот не взглянет в вашу сторону.

— Мы не думаем про завтрашний день! — Девицам всё было ни по чёму. Пребывая в мгновении, они распелись. Ах, что за голоса были у них! Одна поварешка пела сопрано. Голос другой поварешки звучал сильнее. Бог наделил её меццо-сопрано. У поварешек были прекрасные вокальные данные. Ночью, когда люди закрывали глаза, девицы устраивали концерт. Кухонная публика страстно почитала певиц, а старые ножи и вилки, недавно хозяйка привезла их с дачи и они комплексовали по поводу испорченных форм, образовали фан-группу.

— Что случится через три года, никто не ведаёт. — С вызовом заявители поварёшки.

— Что угодно может произойти. — Подтвердил господин Часы. — Мы не знаем заранее, счастье или несчастье постучит в дверь. Лично я не могу спрогнозировать ситуацию на ближайшие пять минут. Тик-так. Есть только короткий миг.

Господин Часы лихо запрыгнул на деревянную лошадку. Игрушка стояла в стороне. Игрушка терпеливо ждала, когда подрастет крошка Джейн.

— Веселитесь, друзья, пока есть время! — Весело рассмеялся господин Часы.

— Вы — самодур. — Проскрипела старая Труба.

— Отчего же, госпожа Труба? Иго-го! — Господи Часы отчаянно качнулся взад и вперед. — Вы так решили, потому что я не строю планов? Всё может измениться в одночасье. Пребывайте в хорошем расположении духа, госпожа Труба, пока на вас не рухнул потолок.

— Что вы говорите, господин Часы! — Возмутилась госпожа Труба. — Меня забыли в углу, но я верю в стабильное существование.

— А зря. Будущее может оказаться не благополучным. Кхе-Кхе. — Прокашлялся Альбом.

Никто не заметил, как он вошел в комнату.

Лицо старика было испещрено глубокими морщинами. У губ пролегла глубокая складка. Сторонний созерцатель сразу мог вникнуть в речь пролетевшей жизни.

— Господин Альбом! — Обрадовался господин Часы. — Вы тоже не спите?

— Не уснуть. — Признался господин Альбом.

— Не хотите ли прокатиться на лошадке? — Спросил господин Часы у господина Альбом.

— Не желаете ли чаю, господи? — В комнату вплыла тетушка Супница. Прекрасная толстушка носила крепдешинное платье, с некоторых пор крепдешин снова стал популярен. На голове тетушки Супницы была крошечная соломенная шляпка, она очень подходила к её рыжим волосам. В руках тетушка Супница держала изящный заварочный чайник.

Хозяин дома — Николас привез его из Китая.

У чайника был побит "носик", в молодости чайник числился задирой, но другие части чайника совершенно не пострадали, у чайника уцелела душа. В антикварной китайской лавке чайник страдал от одиночества и Николас привез его домой, спрятав на границе от служащих

таможни. Император Цяньлуна любил керамический чайник, а тот служил ему верно.

— Не откажусь от чашечки. Хочу прочистить горло. — Проскрипела Труба. — Вы так добры, Супница.

— Постойте, друзья! Не время чаёвничать! — Возразил господин Альбом. — Послушайте, что я вам скажу.

Господин Часы вытянул шею. Господин Часы был в меру любопытный джентльмен и всегда был готов рассмотреть новые ценности.

— Прискорбная новость. Марго и Николас не любят друг друга. — Сообщил Альбом.

Супница тотчас пришла в замешательство. Супница верила в абсолютную любовь. Условия меняются, а любовь между Марго и Николасом — навсегда.

— Ставлю под сомнение ваши слова, уважаемый Альбом. Это всего лишь ваша точка зрения.

— Посмотрите сами, Супница! — Господин Альбом развернулся в сторону кровати. — Как странно спят муж и жена.

Господин Часы соскочил с лошадки. Тетушка Супница обронила чайник. Из побитого "носика" струйкой полилась жидкость с приятным ароматом.

— Вы правы, господин Альбом. Муж и жена не соприкасаются телами. — Супница громко всхлипнула. — В этой паре явно что-то не так.

— Вот именно, Супница. Язык тела говорит нам об этом.

— Муж и жена охладели друг к другу. — Супница принялась через ноздри издавать такие шумы, что у некоторых заложило уши. Супница всего-то хотела привести в спокойствие свою нервную систему. В ее теле осталось мало энергии. Супница легко расходовала ее на печали.

— Тише вы. Расшумелись, Супница. — Шикнул на неё господин Альбом. — Разбудите крошку Джейн. Малышка — переходящая ценность во времени. Скоро брак распадется. Придет конец отношениям. Джейн будет объединять двух людей. Ребенок наделит их жизни смыслами.

— Доказательства! — Шепотом потребовал господин Часы от господина Альбом.

— Что — «доказательства»?

— Почему брак распадется?

— Надёжных доказательств нет. — Замялся старик. — Нужно комплексно изучить проблему. Рано делать окончательный вывод.

— Вы уже сделали вывод, господин Альбом. Что уж тут. — Старуха Труба была настроена скептически. Ни то, чтобы у неё было критиче-

ское мышление, позволяющее выносить обоснованные оценки. Труба не любила старика Альбом. — Заключение основано на вашем личном мнении. — Скрипнула Труба. — Ваши взгляды ничего не стоят!

— Мои внутренние убеждения имеют вес! Меня переполняют все-сторонние познания. Я богат содержанием. Внутри вас, Труба, лишь звуки. Нет образов. — Огрызнулся господин Альбом.

— Не ссорьтесь, друзья. — Попросил господин Часы. — Давайте разберёмся. Существует проблема.

— Господин Альбом нам не друг, а опасный элемент в этом помещении, он вносит хаос в размеренную жизнь вещей. — Труба зло покосилась на Альбом. Тот покрылся испариной.

— Прошу вас. Не говорите за всех, госпожа Труба. — Господин Часы строго одернул госпожу Трубу. Тон был крайне назидательным. Терпение господина Часы закончилось. — Конечно, можно выражать своё мнение. — Смягчился господин Часы. — Свобода слова дороже свободы мысли. В этой комнате даже допускаются дебаты. Но не надо выходить за пределы здравого смысла. Пожалуйста, в это опасное время, воздержитесь от личной неприязни и необдуманных комментариев.

Господин Альбом густо покраснел. В доме было жарко, а господин Альбом надел теплый халат, но лучше было бы ему облачиться в легкую тунуку.

Господин Альбом вытер пот. Во внутреннем кармане халата находился носовой платок из настоящего хлопка.

Поварешки Луиза и Маркиза вспомнили недавние события, говорящие о том, что в доме кто-то нуждается в поддержке.

— Мы можем предоставить информацию. Хозяйка стала покупать дешевые платья. — Сказала Луиза.

— Днем Марго тоскует. От нас ничего не утаить — Сказала Маркиза.

Девушки были схожи, как две капли воды: одинаковая форма, текстура, цвет глаз. Один вес и рост. Даже рисунок у левой мочки уха совпадал.

Тетушка Супница погладила упитанные бока.

— Я тоже кое-что знаю. — Сказала Супница. — Марго поднимает себе настроение с помощью пирожных.

— К чему это вы, Супница? — Спросил господин Часы.

— Нельзя корить себя за каждый съеденный кусок торта. А что вы подметили, любознательный наш? От вас ведь ничто не укрылось?

— Я скажу. — Кивнул Часы. — Несколько дней я внимательно слежу за людьми. Николас стал придерживать слишком строгих правил. Живёт по расписанию. У мужа на жену не остаётся времени.

Господин Часы весьма тревожно прокрутил стрелку циферблата.

Госпожа Труба покосилась в сторону кровати.

— Из моего угла мало что видно. Он, действительно, сделался к ней равнодушным?

Николас — внук музыканта никогда не нравился старухе Трубе.

Супница натужно улыбнулась.

— Ах, всё ни так плохо. — Всхлипнула Супница.

Супница была весьма провинциальной особой. Она удачно маскировалась, но все знали, откуда она прибыла на кухню.

— Наши хозяева спят, как голубки. Нам не о чем волноваться. — Супница с упором не желала воспринимать тревожную информацию. Супница боялась перемен.

— Что вы говорите, Супница! Смотрите же! Супруги под разными одеялами. — Проскрипела Труба. — Исключили тактильные прикосновения. Это плохой признак. Поруганы семейные ценности.

— Дело дрянь. — Произнес господин Альбом.

— Не ругайтесь, господин Альбом. В доме находится крошка Джейн. Ребенок может почувствовать негативные вибрации.

С возрастом Труба стала манипулятором. С большим удовольствием старуха нарушала эмоциональный фон оживших предметов.

Прежде Труба была здоровой и красивой, ей не было конкурентов. Экцентричная особа с неумной фантазией жила в чарующем мире, наполненным звуками.

Мир трубы изменился. Тело огрубело. Характер испортился. К счастью для предметов, Труба редко высывалась из своего угла. Прислонившись к стене, старуха дремала днем и ночью.

— Вы пользуетесь запрещенным приёмом, госпожа Труба. — Господин Альбом решительно взглянул на Трубу. Его бы воля, с удовольствием удалил бы старуху из комнаты. — Не давите. Ситуация и так сложная.

Маркиза и Луиза, дрожа, прижались друг к другу.

Однажды их забыли на шумном железнодорожном вокзале, и они попали в бюро находок. В темном помещении было сыро и холодно. Греясь друг о друга, Маркиза и Луиза выжили. Пережив совместные жизненные неприятности, внесли в дружбу элемент эмоциональной привязанности.

— Мы — единое целое, но скоро нас разлучат. — Всхлипнула Маркиза.

— Меня унесет с собой Николас. — Разрыдалась Луиза. — Ах, Маркиза! Без тебя я погибну.

— Полно вам. — Фыркнула Труба. — Нужно быть честными. Вы постоянно ссоритесь из-за мелочей. Расставание вам пойдет на пользу. Это факт.

Поварешки обнялись.

— Николас и Марго больше не спорят. — Произнес Альбом. — Первый признак, что чувства угасли.

— У Николаса интрижка на стороне? — Труба развернулась к Альбому. — Отвечайте, всезнайка.

Госпожа Труба прожила долгую жизнь. Госпожа Труба помнила мрачный день. Мужчина и женщина пожалели о совместно прожитых годах. Всё из-за!.. Некая особа, весьма уверенная в себе, нарушила границы брака.

У хозяйки появилась соперница. Хозяйка растерялась и не смогла вытеснить чужеродный объект из совместного пространства.

Отношения дали трещину. Жена обвиняла мужа... Чувствуя себя уязвимой, срывалась. Скандал за скандалом. Она не давала себе возможность остыть. Не контролировала своих действий. Вела себя опрометчиво. Оскорбляла супруга.

Муж и жена были по-настоящему несчастливы вместе. Какое-то время они сохраняли брак ради ребенка.

Примирения не наступило. Случился развод.

После развода дедушка Николаса увез трубу с собой. Недолго труба и музыкант были вместе. То было лучшее время. При свете звезд музыкант играл на трубе...

— Николас много общается с деловым партнером по телефону. — Доложил господин Альбом. — Я слышал женский голос.

— Приятный голос? — Тетушка Супница нахмурилась.

— Весьма. — Господин Альбом кивнул. — Благозвучный голос умеет создавать добрую атмосферу. — Впервые услышав голос, господин Альбом весьма впечатлился. Господин Альбом был равнодушен к женским голосам. — Что скажу, домочадцы. — Альбом взял паузу. Альбом молчал ярко. Красноречиво. Вещи пристально уставились на господина Альбом. Секунды безмолвия заставили вещи пережить гамму чувств. Их сердца пылали. Их мозг напряженно работал. — Двое знакомы с давних пор. — Господин Альбом вовремя вышел из паузы. У ста-

рика Альбома было отличное актерское чутье. — Вчера, листая альбом, Николас грустил.

— Мне казалось, что это не моё дело. — Труба густо покраснела.

— Говорите же! — Потребовал господин Часы.

— У меня тонкий слух. Кровать не скрипит.

— Выпал "скелет" из шкафа. — Господин Часы взялся за голову.

Проснулись занавески. Покрывшись испариной, прилипли к окну. Нервно моргнул старый торшер. В конвульсиях затряс бахромой.

Господин Часы тревожно пробил полночь.

— Вы нарочно это сделали? — Испугались поварешки Луиза и Маркиза.

— Что именно?

— Вы пробили страшное время.

— Что будет с крошкой Джейн? — Луиза подбежала к люльке. — Было так весело! Теперь страшно.

— Ситуация неясная. Пожалуйста, успокойтесь, друзья. — Супница призвала вещи к терпению. — Я слышала, что внутри человека находятся гормоны. В крови Николаса много тестостерона. Пройдет сексуальное настроение и Николас опять с нежностью посмотрит на Марго. Николас — хороший муж.

— Зачем вы оправдываете его, Супница? — Возмутился господ Альбом. — Бойтесь за своё будущее? Не переживайте. Лично вам ничто не грозит. Кого-кого, а вас хозяйка не отдаст бывшему мужу.

— Всё было иначе, но Марго родила Джейн. — Госпожа Труба проникла в люльку корявыми руками, костяшки пальцев разбухли от артрита. Старуха поправили одеяльце. — Малышка всем мешает. С появлением чудесной крошки, Николас перестал играть на трубе.

— Вы ему просто надоели. — Съязвил Господин Часы.

— В этой ситуации вам лучше молчать. — Огрызнулась Труба. — Из-за этой малышки, наша хозяйка истощена. Когда не было ребёнка, Марго находила свободное время, чтобы ухаживать за собой. Делала маникюр. Подолгу сидела в тёплой ванной и смотрела, как горят свечи. Марго была спокойной и изысканной. С появлением крошки Джейн, мир стал крутиться вокруг этой девчонки.

Труба приложила палец ко лбу крошки Джейн и зашипела: "Что тебе снится, разлучница?"

— Отойдите от люльки, госпожа Труба. — Приказал господин Часы. — Иначе!

Не желая вступать в конфликт с господином Часы, Труба поспешила исполнить то, что было ей велено. По правде говоря, госпожа Труба

побаивалась господина Часы. Как не крути, а коротышка обладал властью. При желании, он мог всех настроить против бедной старушки, о которой и позаботиться то некому.

— Марго теперь носит не глаженные линялые футболки. — Луиза давно подметила, что хозяйка перестала выглядеть безупречно. После рождения крошки Джейн, позволила себе послабление. Стала надевать первое, что попадалось под руку.

— Теперь муж её бросит. — Встревожилась тетушка Супница.

— Из-за футболок? — Удивился господин Альбом.

— Мир людей стал уязвимым. — Господин Часы тревожно прокрутил стрелку. — В разбалансированное пространство может проникнуть мистер Зло.

— Зачем вы так, господин Часы? Мистер Зло не существует. — Расплакалась Луиза. Она не была готова ко взрослой жизни. Благополучно пребывая на кухне, верила только в прекрасное.

— Зачем? Потому что! Крадётся мистер Зло! — Господин Часы указал на щель между плинтусом и полом.

— Вы нас пугаете, господин Часы! — Труба напыжилась. — Специально создаете эмоциональные трудности. Вот вы мне не нравитесь, господин Часы. День и ночь вы шумно тикаете. А у меня проблемы с засыпанием. Вы плохо влияете на спокойное и доброе общество.

— Контролируйте свои эмоции, Труба. — Альбом шикнул в сторону старухи. Альбом считал поведение старухи недопустимым. При возможности избегал её. — Что нас ждет, господин Часы? — Спросил Альбом.

— Ничего спокойного, дружище Альбом. Зло приближается. В далеком прошлом я столкнулся с этим мистером. От него исходил ужасный запах. Зло пахнет сгнившими помидорами.

Труба решительно направилась в сторону окна. Всем своим видом она показала, что ей не хватает свежего воздуха.

— Не подходите к форточке, госпожа Труба. — Прикрикнула тетушка Супница. — Не устраивайте сквозняк, голубушка.

— Отчего же?

— Холодный ветер остудит крошечное тельце Джейн.

— Что за ночь. — Прокряхтел Альбом. — Мы все напряжены. Под ударом находится привычный образ жизни.

Альбом был стар. Он не желал перемен. Его внутренне содержимое сопротивлялось новизне. В солидном возрасте Альбом не хотел делать резких движений. Чтобы начинать что-то новое, нужно много смелости. У старика её не было.

— Прежние способы выживания не работают. Новые — не обнаружены. — Господин Часы, стащив с ног обувь и оставшись в носках, "запечатал" башмаком щель между плинтусом и полом. — Щель прикрыта. — Выдохнул господин Часы. — Свет из нашего мира более не поступает в темный мир.

— Сколько не затыкайте пробоины, Зло явится в назначенный час. — Подметил Альбом.

Господин Часы пошевелил пальцами ног. Пальцы были короткие. На пальцах скопились огрызки белой бумаги. Пальцы производили шум.

— Зачем вы разулись, господин Часы? — Возмутилась Маркиза. — Ваши оранжевые пальцы меня раздражают. Какой ужасный цвет.

Пришлось господину Часы натянуть носки.

— Мистер Зло покинул замок. — Утвердительно сообщил господин Часы. — Экстравагантный и импозантный, заигрывающий со смертью, движется в нашу сторону. Тссс. Приближается. Ищет пробоину. — Господин Часы указал на щель.

— Наверяд ли башмак спасет этот мир. — Горько вздохнул господин Альбом.

— Быть беде. — Расплакались Луиза и Маркиза.

— Во Вселенной мы не одни. — Господин Часы громко пробил три раза.

— Вы суетитесь, господин Часы. — Подметила Супница. — Никогда не видела вас в возбужденном состоянии. Когда хоронили старую госпожу и дом погрузился в траур, вы безразлично тикали, как ни в чем ни бывало.

— Ничего подобного. Я переживал. Но что я мог поделать? Всё было predetermined. Смерть пришла в назначенный час. Потому я шагал в обычном режиме.

— Сейчас ваш ход быстрый и громкий.

— Тревожусь. Сущность из темного мира желает проникнуть в эту уютную комнату.

— Как только появляется брешь, они тут, как тут. — Подтвердил господин Альбом. — Приходят ночью. Что-то ищут. Что им надо?

— Нелюбовь — идеальная атмосфера. — Господин Часы натянул башмак. — Без туфлей я выгляжу непрезентабельно.

— Коротышка. — Сказала госпожа Труба. — В туфлях вы тоже ни очень.

Часы заходил взад и вперед.

— Вы сломались. — Прохрипела Труба.

— Существует ли ваш мистер Зло? — Спросил старик Альбом. — Я видел гнев и разочарование. Люди так эмоциональны... Со временем забываются печали. Растворяются тревоги. Каждая вещь обретает свой статус, а человек своё место. Ответственно заявляю: в этот мир никогда не проникал мистер Зло. А вот мелкие твари, те, да, ходят туда-сюда.

— Дорогой Альбом... Я видел Зло. Я уверен в его существовании. Зло реально. — Настаивал господин Часы. — Пришлось столкнуться с ним. Я его сразу узнал. Не смотря на то, что в нашем мире, мистер Зло принял плотную форму. Само совершенство. От обычного человека его было не отличить. Вглядевшись в его черные глаза, я разглядел бездну морального зла и полное отторжение добра. — Господин Часы приобрел старика Альбом. — Дорогой Альбом, повстречав его на улице, вы решили бы, что перед вами милый господин. Поверьте, у мистера Зло нет принципов. Мистер Зло меняет судьбы людей, заставляет человека страдать. Мистера Зло никогда не посещает чувство вины.

— Вы столкнулись с ним на улице, господин Часы? — Удивилась тетушка Супница. — Вы покидали наш теплый дом?

— Пришлось. Получил и такой опыт. Это было давно. — Господин Часы сделал попытку прояснить ситуацию:

— Город бомбили. Прежняя хозяйка волновалась. Не находила себе места. На её голову сыпалась штукатурка. Ценные предметы она прятала в подвале. Помню ступеньки. Шаг за шагом хозяйка спускалась вниз. Споткнулась. К счастью, не упала. Моё сердце не остановилось.

— Быть может, в те времена что-то и происходило, и некто проник в наш мир. Но позвольте, господин Часы! Чтобы сейчас?.. Не стоит так сильно волноваться, господин Часы.

— Волноваться? Что вы говорите, Супница! Всё запутано в этом мире. Существовало бы добро без наличия зла? Ни зло ли дает повод семенам развиваться в плод. Скоро Зло предстанет перед нами, милый Альбом.

— Я сплю. — Сказала тетушка Супница. — Ущипните меня, пожалуйста. Я должна проснуться. Я вижу плохой сон.

— В сложившейся ситуации с удовольствием сделаю это. — Труба криво улыбнулась.

— Зло явится. — Решительно настаивал господин Часы. — Нельзя, чтобы мистер Зло приблизился к люльке.

— Существование Джейн прекратится, господин Часы?!

— Супница, вам ли не знать. Рано или поздно, живое становится неживым. Всё подвластно разрушению. То, что испортилось, не восстанавливать. За разложившимся приходит чистильщик.

— Джейн умрет. — Всхлипли поварашки.

— Не совсем. Когда мистер Зло дотронется до Джейн, она станет чем-то другим.

— Чем? — Хором спросили поварёшки.

— Цветком. — Сказал господин Часы. — Допускаю это.

— Вы говорите жестокие вещи, господин Часы! — Прикрикнула Труба. — Я и без вас страдаю.

— Мистер с того света может превратить человека в любой предмет. Он обладает беспредельной силой. У него невероятные способности.

— Немедленно замолчите, господин Часы! — Попросила Супница. — Ваши уста распространяют ложь. У вас повредился внутренний механизм, Часы. Теперь у меня нет к вам доверия.

— Да, что вы, Супница! — Возмутился господин Часы. — В прошлый раз мистер Зло украл мальчика. В кроватке, вместо мальчика, я нашёл полено. Родители мальчика ничего не заметили. Полено плакало и требовало еду.

— Как нам быть, господин Часы? — Спросил Альбом.

— Господин Альбом, вот вам ответ: нужно склеить две половинки той фотографии.

— Второй половинки нет. Сей предмет находится у музыканта.

— Ах, какое было тяжелое расставание. — Вспомнила Супница. — Он увез тарелки от сервиза. Ей — досталась я. А за мальчиком пришёл мистер Зло. Где теперь мальчик?

Тетушка Супница затормошила спящего Николса.

— Эй, ты! Прекращай заператься с телефоном в туалете! Говори своей жене нежные и ласковые слова. Иначе, быть беде.

Раздался гонг. В комнате появился господин в длинном пальто. На лбу у него было четыре глаза, а в глазницах — два.

— Жарко у вас. — Незнакомец расстегнул пуговицы пальто. Его лицо выражало нежную радость. — Есть проблемы?

— Кто вы? — Спросил Альбом.

— Я — мистер Зло. — Важно представился господин. — Про вас слышан. У вас добрая репутация. Вы очень знамениты, господин Альбом. Вы существуете в прошлом и в настоящем.

Мистер Зло ласково взглянул на старика. Альбом приосанился.

Господин Часы приблизился к мистеру Зло. У господина Часы было строгое выражение глаз. Господин Часы был настроен воинственно и решительно.

— Ваш запах я почувствовал издалека.

— Из сороковых годов? Помню, машина с помидорами перевернулась на дороге.

— Где мальчишка?

— У меня. Я взял его на воспитание. Он создает свой мир. Находится в добром настроении.

За призрачной паутиной проявились вещи и предметы. Их почти не было видно.

Силуэт мальчика находился у воды. Мальчик кормил птиц. Бросал им крошки в воду.

Мальчик обернулся и улыбнулся.

— Он вполне счастлив. — Сказал мистер Зло. — Человечество обречено. Я пришел за Джейн.

— Не отдам. — Господин Часы встал перед люлькой. — Вы, мистер Зло, явились на вверенную мне территорию. — Твердо произнес господин Часы. — Вы вторглись в чужое пространство. Я существую повсеместно. Пребываю с людьми. Вы — временное явление. Порочное пятно на теле Вселенной.

— Убирайтесь прочь. — Попросила Супница. — Иначе... мы вас поколотим.

— Что вы такое говорите, Супница? Лучше полейте цветы в доме. У вас совершенно провинциальное мышление.

Впрочем, мистер Зло обожал провинцию. Мечты людей из захолустья сводились к покупке молодой козы. В заброшенных деревнях, удаленных от цивилизации, убивали за мешок картошки. С оглядкой воровали соседских кур, безапелляционно рассуждали о большой политике. Доведенные до нищеты, живущие в убогих домишках, незамедлительно исполняли волю мистера Зло, стоило ему только отдать приказ.

— Вы увлекаетесь темными делишками, мистер Зло. — Господин Часы выглядел хмурым. От гнева покрылся ржавыми пятнами. — Используя первобытную магию, вмешиваетесь в дела людей. Безумствуете! Но вы — всего лишь паук.

— Я — великий паук. — Мистер Зло с робкой нежностью взглянул на спящую малышку. — Могу влиять на судьбы людей и на движение планет. — Ребячливо он подпрыгнул на месте. В его руках появились сети. — Вы же, господин Часы, дезориентированы в пространстве. Скоро в этом доме начнутся проблемы. Я забираю Джейн.

Зло изрыгнул на ребенка яд. Джейн стала цветком. Крошечный цветок легко уместился между первым и вторым пальцем ладони мистера Зло.

С цветком в руке мистер Зло пропал.

— Плохи наши дела. — Сказала Супница.

— Он украл ребенка. — Всхлипнула Маркиза.

— Что делать? — Спросила Луиза.

— Все ни так плохо. Разделимся на две группы. — Предложил господин Часы. Среди оживших вещей господин Часы был главным. Господин Часы хорошо владел техникой убеждения. — Кто-то отправится в деревню, где живет Иван Иванович — дедушка Николаса. В старом доме нужно будет отыскать часть фотографии. А другие посетят тайный мир. Мы найдем Джейн и вернем её домой.

— Кто же пойдёт к музыканту? — Спросила Труба.

— Конечно же, вы. — Ответил господин Часы. — Господин Альбом будет вашим попутчиком.

— Я? — Возмутился Альбом.

— Ради достижения общей цели. — Господин часы пожал старику Альбому руку. — Мужайтесь. При возникновении конфликта идите на компромисс. Будьте сдержанными.

— Как мы попадем в тайный мир? — Спросила Супница. Она была готова последовать за господином Часы. У Супницы были большие чувства к крошке Джейн.

— Пролезем через щель между полом и плитусом. — Бесстрастно произнес господин Часы. — Друзья, что мы увидим там, не известно. Наверняка, с нами произойдут события, которые мы еще долго будем осмысливать в тишине родного дома.

— Если вернемся. — Супница надела плащ и прихватила зонт.

— Впереди захватывающие истории. — Поддавшись общему энтузиазму, Луиза и Маркиза были готовы преодолевать препятствия. Поварешки не догадывались, что их ресурсы и знания ограничены. Душевных сил хватит лишь на преодоление личных ситуаций.

Темной ночью ожившие вещи были настроены решительно.

После развода Иван Иванович поселился в деревне. Скромное поселение находилось недалеко от города. Три остановки, если сесть в автобус у дома.

Николас редко бывал у деда. Каждый его приезд заканчивался ссорой. Иван Иванович пил. Ничто не могло его остановить.

«Только я могу его спасти». Думала Труба.

Альбом и Труба продвигались вперед. Оба были старыми. Когда город остался позади, прошлое потерялось в ночи.

— Город пропал. Мы не сможем вернуться. Что будем делать, Альбом?

— Что-нибудь придумаем, Труба. Когда-то я любил тебя. Ты была молодая. Издавала приятные звуки.

— Ты меня любил?

— Я писал тебе письма. Говорил в них о своей любви. Распахивал окно. Листы бумаги разлетались. Ветер уносил их. Я верил, что любовь принесет письма в деревню. Ты жила тогда с другим. Ты любила музыканта. Вы были одним целым...

— Прошное. Восхитительное и феерическое. Жизнь музыканта изменилась не в лучшую сторону. Иван Иванович бросил свою семью. Оставил меня. Хочешь знать, что случилось, Альбом?

— Да.

— Расскажу. В те дни я звучала громко. Иван Иванович был молод и востребован. Нас приглашали в богатые дома. Мы были счастливы. Иван Иванович снял для семьи маленькую квартирку. Тепло горела лампа. Жарко грела печь. Две чашки стояли на столе. Жена Ивана Ивановича родила девочку. Ей дали имя Аленка. Жизнь складывалась удачно, ничто не предвещало печальных перемен. Как-то раз, в одном богатом имении, Иван Иванович много выпил.

— Он пил уже тогда?

— Что ты!? В том то и дело, что не пил. А тут... Хорошая атмосфера. Ему заплатили больше, чем он ожидал. Что-то нашло на человека. Рассудок помутился. Вокруг Ивана Ивановича находились исключительно красивые люди, они говорили Ивану Ивановичу особенные слова, от них становилось хорошо на сердце. А дома... Жена Ивана Ивановича всегда выглядела уставшей. Дочь Аленка много плакала. Она росла хилым ребенком. Лекарства стоили дорого. Иван Иванович постоянно пребывал в стрессе.

— Стресс, куда опасней, чем некоторые думают.

— Ивану Ивановичу захотелось покоя. На несколько часов. Или на одно мгновение. Он остался наедине с девушкой. Молодая барышня гостила в богатом доме, была близкой родственницей хозяйки.

— Девушка была красивая?

— Милая, улыбочивая, могущая поддержать любую беседу.

— Кто устоит?

— Иван Иванович и не думал сопротивляться. Он провел с девушкой ночь. Утром Иван Иванович решил, что с ним произошёл маленький, но приятный инцидент, который все забудут. Спешно Иван Иванович вернулся домой. Обнял жену. Поцеловал дочь. Крошечная квартирка не казалась ему унылым обиталищем, в ней пребывали люди, которых он любил. Про случайную встречу с красивой девушкой Иван Иванович и не вспоминал. Вскоре барышня дала о себе знать.

— Как?

— Позвонила жене. Сказала, что хорошо знает Ивана Ивановича и между ними глубокие и серьезные отношения.

— Какой продуманный ход!

— Вот именно. Девушка открыто заявила о себе и о своих правах на Иван Ивановича.

— Трудно пережить измену.

— Она и не пережила. Хозяйка подорвала психологическое здоровье. Вначале — скандал. Потом — депрессия. Иван Иванович любил свою жену... Давал ей обещания. Ссоры не прекратились. Музыкант устал. Они расстались.

— Переехал к любовнице?

— После развода ушел из профессии. Стал пить. Душевные силы покинули музыканта.

— Его мучали угрызения совести?

— Не знаю. — Вздохнула Труба. — Он меня бросил. Мы мало встречались. Иван Иванович избавился от инструмента, подарив меня внуку. На что он надеялся? Что внук станет музыкантом?

— Помню её.

— Кого?

— Прежнюю хозяйку. Бабушка Николаса была красавица.

— Да. — Вздохнула Труба. — Ухоженная, с короткой стрижкой. После войны многие носили короткие волосы. Боялись педикулеза и тифа.

— Возможно, Иван Иванович уничтожил вторую часть фотографии.

— Не исключено. — Согласилась Труба.

— Тогда мы напрасно тратим силы.

У старика началась одышка. Непосильная физическая нагрузка изменила частоту дыхания.

— Ты устал? — Спросила Труба.

— Мне много лет. — Ответил Альбом.

Они присели под деревом. Густая крона не пропускала звездный свет. В темноте Альбом снял пальто и накинул его на попутчицу. При свете он не посмел бы.

— Долгая ночь. — Труба закуталась в пальто.

— Время остановилось. А помнишь? В молодости ты была беззаботная. Любила праздники.

Труба прижалась к Альбому.

— Если бы я знала, что ты любил меня...

— Ничто не изменилось бы, дорогуша. Ты была привязана к музыканту.

— Сейчас мне хорошо с тобой. Мы отложили своё счастье на долгие годы.

— Если город исчез, я создам для нас теплое жилище. Дом будет в земле.

— Почему в земле?

— Земли много. В доме будет очаг из сложенных камней. Умирая, города оставляют после себя камни. Груды камней. Помню войну и разрушенные постройки... В войну я был молод. В те годы мистер Зло забрал мальчика. Как же его звали?

Старуха сжалась. Её сердце хранило образы.

Женщина в ситцевом платье стояла у окна. Ветер раскачивал скрипучие качели. Вихрастый мальчик играл у качелей. Женщина скулила.

— То была собака. — Сказал старик. — У них была собака. Пес с желтыми боками. Ночами пес скулил. Летучие мыши кружились над псом. Собаке становилось страшно. Рэд забивался в угол.

— Собаку звали Рэд?

— Ты, правда, ничего не помнишь?..

Появилось углубление в земле. Вниз вели ступеньки, сделанные из старых досок. Старик и старуха, спустившись вниз по ступенькам, оказались в небольшой комнате. Стены комнаты были сухими. Пол был твердым. На твердом полу стоял крепкий стол. На столе находились два изящных фужера на тонких ножках. Через прозрачные стекла была видна красная жидкость.

— Вино? — Спросила старуха.

— Кровь. — Ответили те, кто явился. Скелеты с вывернутыми костями близко подошли к старухе. — Мы будем служить вам. — Сказали они.

Чужая кровь омолодила старуху.

— Еще. — Потребовала она.

Скелеты доверху наполнили бокалы. Их вывернутые кости производили шум и неловкие действия. Кровь закапала на пол. Просочилась через землю.

Старуха расплакалась. У неё отрасли волосы. Волосы-прутья, пронзив земляной пол, уперлись в ядро.

— Ш-ш-ш. — Шикнула старуха. — Мать говорит. Рассказывает, что её дети рядом.

Старуха заговорила не своим голосом:

«Кровь. Кровь. Тех, кто давно ушел. Кто не прожил счастливую и длительную жизнь. Я храню их тайны. Моих детей обидели. Их создали для любви. Они напрасно потратили свои жизни. Кровь всё помнит. Я пью их кровь».

Старуха встряхнула волосами.

— Земля. Я слышу тебя. — Голос старухи был глухой, как у петуха, которому свернули шею. Чтобы сломать позвонок, нужна ловкость рук. Пальцы должны быть крепкими. Движения быстрыми. Если неправильно произвести операцию, реакция птицы не предсказуемая. Неумелому забойщику трудно сломать шею.

Старуха захрипела.

— Что с тобой? — Спросил старик.

— Реки крови под землей. Кто-то должен остановить войну.

Старик подхватил старуху. Вместе они закружились в танце. С юбки старухи посыпались сухие листья. Быстро листья превратились в пепел.

Пепел кружил по комнате.

— Еще не все. — Старуха прижалась к старику.

— Придет новое. Мы будем вместе. — Старик мечтал. В миг счастья старик не знал, что мечта не сбудется. Несбывшаяся мечта отяготит его жизнь.

— Мы будем жить в доме, который построишь ты.

— Я умею забивать колья.

Она была рядом. Тихая радость забралась за пазуху. Старик верил в чудо. Он хотел сделать её счастливой.

Исчез стол. Пропали скелеты. Землянка сравнялась с землей. Изпод земли пробился росток. Превратился в дерево.

У дерева, прислонившись к потертой коре, сидели старик и старуха. Оба были седые. Их руки тряслись. Их глаза слезились.

— Отдохнул? — Спросила Труба.

— Да. — Кивнул Альбом.

Помогая друг другу, они продолжили путь. Послышался шум транспорта. Шум быстро распространялся по воздуху. Неподалеку от деревни были проложены рельсы.

По железной дороге на поврежденных колесах двигался поезд. Прорываясь через огонь, стремился вырваться на свободу. Его черная голова была покрыта копотью. На черной металлической голове сидела белая птица. Была она сделана из камня. На ней были пурпурные одежды.

Куда летел поезд, было неведомо старикам. Поезд стремился вперед, чтобы достичь цели. Неодушевленная птица громко кричала: «Безумие! Остановите безумие!»

Старикам не было страшно. У них было пальто и надежды.

— Жив ли Иван Иванович? — Спросил Альбом. — А если умер... Лежит на лавке и не шевелится.

— Что говоришь?! Я бы почувствовала. Между нами нерушимая связь. Я слышу, как он плачет ночами.

— Смотри, Труба, дальше находится водонапорная башня. — Обрадовался Альбом. — А зданий нет.

— Ну, хоть она сохранилась. И яблоньки стоят. Жмутся друг к другу. Держатся.

— Предполагаю, что в деревне есть электричество. А отопление, точно, что отсутствует. Если бы Иван Иванович не отправил тебя в город, жила бы в унылых условиях. Ты же привыкла к радости.

Труба и Альбом ходили по одной и той же линии. Взад и вперед и никак не могли выбрать правильную дорогу, которая привела бы их к дому.

— Мы заблудились, Альбом?

— Мы кружим, Труба. Все время возвращаемся назад. Что-то нужно оставить позади.

— Что же, старик?

— Сомнения. Всё, что было разрушено. Тогда мы получим свободу. Сможем принять правильное решение. Нам надо идти вперед. Возможно, там не все будет красочно.

— Каким предстанет пред нами пункт назначения?

— Будущее может быть каким угодно. Прошу... Только не оборачивайся назад. Не смотри на тех, кто остался лежать в оврагах. Их не вернуть. Скелеты прошедшей войны. Мы все получили жизненный опыт. Теперь мы сможем отличить добро от зла. Мы стремимся к миру. Где же дом Иван Ивановича?

-У нас есть четкий ориентир. У дома находится старый колодец. Прежде в колодце было много воды. Мы сидели у колодца и были счастливы. Мы танцевали жизнь.

— Хочешь остаться с ним, Труба?

— Заберем часть фотографии. Уйдем вместе. Я чувствую твою любовь, Альбом.

— Я долго был один. Я научился ценить миг. Теперь я обрел то, что искал.

— Здесь нужно свернуть направо. Что ты говорил, Альбом?

— Как жаль, что с неба ушла Луна.

— Рассвет не наступает. Словно будущего нет. Поддержи меня, Альбом. Я нуждаюсь в тепле.

— У тебя ранимая душа, Труба.

— Пройдем по мосту. Сделаем крюк мимо кладбища. Не будем пересекать границу между живыми и мертвыми. Не доверяю я покойникам. У них одно на уме.

— Что же, дорогая?

— Напугать стариков. Видишь, там сидит скелет с пустой флягой.

— Солдат... Погиб от жажды. Облокотился на крест.

— Кресты охраняют опасные места. Тсс. С кладбища доносятся звуки. Мы разбудили ворон.

— Разве был дождь? — Спросил старик. — Много влаги в воздухе.

Стая птиц, расправив мокрые крылья, кружилась над путниками.

— Ужасные вороны! Полчища птиц! Они унесут нас с собой? — Старуха прижалась к старику. — Выключут наши глаза. Ты слышишь! Слышишь? Каркают! Кричат: «Завтра! Завтра!» Что-то случится завтра... Накаркают опасные птицы.

— Ничего страшного не произойдет. Мы разбудили птиц. Они спали на могилах. Взлетели. Решили посмотреть, кто шагает.

— Они охотятся на нас.

Крупная ворона ударила старуху по голове. Ключнула в темечко.

— Хищная птица! Съест и не подавится. — Старуха замахала руками. Схватила птицу. С её рук посыпались белые перья.

— Когда-то мы были белыми. — Сказали вороны. — От горя почернели. Там, где все спят, мы обнимаем солдат. Им сомкнули уста. Умерев, они помнят, но ничего не могут прокричать. Солдатам снятся страшные сны. Мы видим их сны. Большие железные птицы падают с неба на землю. Вспыхивают огнем.

— О чем говорят птицы? — Шепнула старуха. — Я не понимаю...

— Рассказывают о войне. — Шепнул старик. — В пик уходили самолеты. Умирала мальчишки. Прибавь шаг, Труба. Вороны отстанут от нас. Вороны питаются мертвечиной, а мы — живые.

Старик и старуха, держась за руки, ускорили свой ход. Вороны вернулись к насиженным местам. Легли на могилы. Обняли солдат. Их черные крылья быстро стали мокрыми от материнских слез.

«Остановите бойню». Просили матери умерших солдат. Их голоса разносились над кладбищем. Кто их слышал? Ветер...

Нескоро показался нужный дом.

— Вот и тот дом. — Сказала Труба. — Темно внутри. В доме стоит побеленная печь. Интересно, спит ли он на печи? Смотри, не споткнись, Альбом. Ведро у порога. В нем бутылки. Он много пьет. Бедный Иван Иванович.

— Отчего же он бедный, Труба? Слабый человек, это так. Уехал в деревню. Нанялся на работу в сельский клуб. Жизнь пропустил мимо. Ах, какой пропал музыкант.

— Он руководил хором.

— И пил.

— Конечно, пил. Его разлюбила женщина. Во время трезвого периода, он звонил ей. Она бросала трубку.

— Не хотела строить отношения с зависимым человеком?

— Она не простила его.

— Вот за ту маленькую измену?

— Измена не бывает маленькой или большой. Измена — это предательство. Иван Иванович за грош продал своё счастье.

— Почему она запретила ему общаться с дочкой, знаешь?

— В алкогольном опьянении он устраивал скандалы.

— Понятно. Что-то не хочется видеть его. Иван Иванович может нанести нам травму. Твой музыкант — буйный. Чего ждать от человека, который утратил ценности? Давай пролезем через окно. Тайно заберем фотографию.

— Стучи в дверь. Не стой, как олух. Иначе, я решу, что ты боишься.

— И постучу.

"Бум-бум".

— Может музыкант умер, Труба?

— Не дождетесь. — За дверью послышалось шарканье. — Моя Труба! — Обрадовался Иван Иванович. — И ты тут, старый Альбом! Зачем заявились?

В доме жарко грела печь. На столе стоял граненый стакан. Он был пуст. Стены избы были в старых газетных вырезках.

— Мы много выступали. — Сказал Иван Иванович.
— А где плакаты? — Спросила Труба.
— Ветер унес их. — Вздохнул Иван Иванович. — Я любил тебя, моя труба.

— Нам нужен снимок. — Потребовал Альбом и гордо выпрямился.

Иван Иванович был соперником. Между двумя был давний конфликт. Альбом не хотел уступить противнику. Уговаривал её остаться. Убеждал Трубу, что с Иван Ивановичем её ждет поражение. Труба отвечала, что Иван Иванович играет для неё большую роль. Труба учитывала интересы музыканта. Ей было все равно: выиграет она, или проиграет...

— Какой еще снимок? — Удивился Иван Иванович.

— Я видел, как вы подобрали фотографию с пола, чтобы унести с собой.

— Это было давно...

Старик расплакался. По грязной бороде потекли слезы.

— Я мог водить Аленку в кино. Я очень несчастен, Труба. Я скоро умру, Труба...

— Послушайте, Иван Иванович. Мистер Зло украл Джейн.

— Где она?

— Мы не знаем. Не время думать о вашем личном несчастье, Иван Иванович. Ваши дни сочтены. Вас ждут на финише.

Альбом расхаживал по дому. Альбом искал часть снимка.

По всюду валялись объедки. Чтобы удовлетворить нужду, в комнате, где спал Иван Иванович, стоял грязный горшок.

— Старик, где фотография? — Требовал подсказки Альбом.

— Фотография? Что за фотография? О чем ты говоришь?

— Та самая. На ней вы вместе. Что с вами, Иван Иванович? Трудно смотреть в прошлое?

— У меня был плохой отец. Знаете, что за ужас, получать тумачи!? По-мужски отец выколачивал из меня дух. Настойчиво гнул свою линию правильного мужского воспитания.

— Он не водил тебе на футбол? — Спросила Труба.

— У отца было холодное сердце. Не играл с мной. Не брал меня на руки. Не заботился обо мне. К счастью, он ушел из семьи. Иначе, я бы не раскрыл свой талант. Не стал музыкантом.

— Ну и семейка. — Вздохнул Альбом. — Важно найти старый снимок. От тебя, старик, никакой помощи.

— Я много пью. — Сказал старик. — Ко мне заявила старая подружка — моя Труба.

— Пришла. Ты не побежденный. Тебя не возможно победить. Ты — мой герой.

Труба прижалась к ноге Ивана Ивановича.

— Почему ты утешаешь его? — Возмутился Альбом. — Он же законченный эгоист! Он не способен на здоровые отношения. Он бросил тебя. Оставил семью. Даже сейчас волнуется только о себе. Иван Иванович не слышит нас! Этот гнусный старик говорит только про себя.

— Ты прав, Альбом. Строить отношения с таким парнем сложно, — вздохнула Труба.

— Иван Иванович ведет себя, как наш кот! Васька будит Марго в пять утра. Бездельник и эгоист. Почему ты готова пренебречь своими интересами? Очнись. Я люблю тебя, а он — нет.

Иван Иванович швырнул в господина Альбом тапочек. Тот ели увернулся.

— Я говорил тебе, что он буйный! Пошли, Труба. Я нашел то, что искал. — Альбом потряс грязным снимком.

— Мне плохо, Труба. — Пожаловался Иван Иванович. — Пришла худшая ночь. Ожили вещи. Альбом измывается надо мной.

— Ты спился! Много употреблял алкоголя! Получи фантастические галлюцинации. — Альбом понюхал пустой стакан. — Спирт!

— В данном случаи — поило. — Не согласился Иван Иванович. — Купил самогон на рынке.

— Пьешь гадость, Иван Иванович. — Сказал Альбом. — Пришла к тебе белая горячка. Нам пора, Труба.

Труба крепко обняла Иван Ивановича.

— Эх, Труба. — Вздохнул Иван Иванович. — Ты вернулась. Слишком поздно... Жизненные силы оставляют меня. Я направляюсь в сторону Смерти. Вижу её красные доспехи. Её черные рукавицы вот-вот схватят меня за горло.

— Зима. — Сказала Труба. — Смерть утеплилась.

Двое стали одним. Голос Трубы зазвучал звонко, как прежде.

— Я так и знал. — Буркнул Альбом.

Густой мрак опутал путников. Мир был темным. Господин Часы, тетушка Супница, Маркиза и Луиза перестали видеть цвета. Некий импульс прекратил поступать к глазам. Появились ограничения и пришли новые ощущения. Способы познания мира изменились. Путники кожей ощущали объекты, те производили излучения.

Темный мир хранил великие тайны, пряча их во чреве. На поверхности темного мира находились сожженные деревни. От них остались обугленные головешки, которые издали с укором разглядывали странников. В темном мире покоились разрушенные города. Чёрных вороны шумно выискивали среди развалин пищу.

— Однако... Жутко тут. — Сказала Супница. — Мы попали в странное местечко.

Тетушка Супница жила в светлом пространстве, со всех сторон её окружали культурные предметы.

«Здравствуйте, Супница». Здравовался с ней чайник.

«Как ваши дела, уважаемая?» Спрашивал у Супницы самовар.

Тетушка Супница вела простую жизнь без амбиций. В прежнем размеренном существовании не было причин нападать, чтобы защитить себя.

Из колыбельки исчезла крошка Джей. Произошли большие перемены. К ним трудно было привыкнуть. Новое пространство угнетало. Где начало мира, а где конец? Мир без границ пугал.

Быстро оранжевые туфли тетушки Супницы потеряли первозданный окрас. Гарь от пожаров сделали туфли безрадостно черными.

Маркиза стала сожалеть о том, что, послушавшись господина Часы, пролезла следом за ним в щель.

— В разрушенном мире нет ничего целого. Вазы расколоты. Стулья расчленены. Живые цветы стали сухими. Жизнь потеряла краски.

Супница стала догадываться на каком уровне они находятся.

— Мертвый мир. Нет никого. Мы тут одни. Это так, господин Часы?

— Всё верно, Супница. — Вздохнул господин Часы. — Мы и чьи-то поруганные мечты. Мистер Зло — большой коллекционер. Собирает разбитые надежды. — Господин Часы поддел носком туфли истлевшую газету.

— Как же мы найдем крошку Джейн? — Спросила Маркиза. — Куда нам двигаться дальше?

— Были бы звёзды, указали бы путь. — Супница замедлила шаг. — Хоть бы одна звезда... Сейчас я расплачусь, господин Часы. Я уже не владею собой, господин Часы.

— Разве небо на месте? — Маркиза стала сомневаться в существовании верха.

В уютном доме, в чудесном пространстве был пол и потолок. Из окна кухни можно было разглядеть краешек земли, в крошечном палисаднике росли цветы на длинных ногах.

Маркиза обладала воображением. Мистически постигала окружающую действительность. Благодаря фантазиям, погружалась в собственное царство. Внутри Маркизы находилась красота и изящество. Маркиза танцевала среди цветов. Вращаясь на одной ноге, становилась чудесным цветком, как её сестры и братья. Вместе они распространяли волшебный аромат.

Доброе исчезло в одночасье. Путь оказался сложным. В темном мире не возможно делать что-то прекрасное и полезное для других.

— Души сходят в живой мир сверху. Нет неба — нет живых. — Супница поежилась. — Нас ждут страдания, друзья.

Супница с отчаянием шла за господином Часы. Отовсюду ей слышались стоны.

— Полно вам, Супница. Не нагнетайте. — Попросил господин Часы.

— Мы умрем. — Супница появилась на свет в провинции. Никто не научил её быть сдержанной в трудной ситуации. В провинции принято выплескивать эмоции на окружающих.

Неожиданно пред путниками предстал объект. Танк был подбит. Противник нанес ему урон.

— Что за предмет?

В войну Супница видела только самолеты. Те, ярко вспыхнув, падали вниз.

— Танк со второй мировой войны. — Ответил господин Часы. — Срок его службы давно истёк. Танк уже не может никого поразить, не осуществит ни одного выстрела по врагам. Танк погиб и его занесло в темный мир.

— Теперь это чей-то дом? Давайте, пройдем внутрь. Мы найдем там прибежище.

У Супницы появилась надежда на тепло темного мира. Хозяин танка обязательно предложит путникам ароматный напиток.

Танк был пуст. Имел крепкую бронь, но топливо в нем отсутствовало.

— Бесполезная махина. — Господин Часы осмотрел танк. — Танк не в рабочем состоянии. Мы не сможем отправиться на нём в сторону замка.

— Нужно поселиться тут. В танке можно спрятаться от ветра. — Предложила Луиза. — В этом мире обязательно пойдет дождь.

Луиза ухватилась за шанс остаться на месте. Её терпение было на исходе. Луиза ничего не могла изменить, темный мир был наполнен разрухой, и формами, лишёнными смысла. Чтобы не видеть, не слышать, Луиза желала укрыться. В танке можно сохранить себя.

В танке ужасно пахло. Что-то прогнило. Экипаж? Он давно разложился и превратился в прах. Запах не исчез. Танк был герметично прочен.

Через маленькую щель в танке можно было смотреть на разрушенный город, который находился поблизости.

— Что будем делать, господин Часы? — Супница затормошила господина Часы.

— Отправимся в город. Что-то полезное можно найти в нем.

— Воду? — Спросила Луиза.

— Еду? — Спросила Маркиза.

Скоро путники попали в город. Ни одно здание не уцелело. Груды камней были повсюду. Среди разрушений возникали энергетические сгустки. Опережая «гостей» на несколько шагов, направляли их в нужную сторону.

Под пристальным наблюдением мертвых каждый думал о своём.

Луиза сожалела о том, что не вышла замуж. С добрым партнером жилось бы куда веселей.

Маркиза печалилась, что нагрубили старухе Трубе. Старухе было много лет. Старуха Труба прошла трудный путь.

Слева и справа дымились испорченные вещи. Они страдали. Им никогда больше не быть рожденными, всё закончилось бесповоротно.

Супница мечтала вернуться в провинцию. Завести собаку. По утрам вычесывать собачью шерсть.

Когда-то в доме жил пёс по кличке Рэд. У прежней хозяйки много было проблем с ним. Пёс грыз обувь. На пол сбрасывал предметы. Те, падая, разбивались. Супница беспокоилась за свою жизнь. Супница не любила пса по кличке Рэд.

Пришла война. Хозяйка растерялась. Она не могла повлиять на ситуацию. От неё ничто не зависело. Смирилась... Пес слизывал с её лица слезы. В подвале пес жалостливо прижимался к ногам хозяйки и тяжело дышал. Хозяйка гладила пса. Находила для него правильные слова. Так они выжили.

Господин Часы размышлял. Если есть он — Часы — крошечная частица проявленного, то должно быть Нечто необъятное, но столь же реальное, как он сам.

"Где же я был до момента своего рождения?" Тревожно думал господин Часы.

Туфли путников утрамбовывали почву. Каблуки издавали неприятные звуки.

Внезапно раздался человеческий голос. В круглом отверстии, в которое мог пролезть один крупный человек, показалась рука. В ней была свеча. Из прохода вылезла голова. Грязное лицо мальчика с большим интересом взирало на путников.

Мальчик не был бестелесным. Он имел плотную форму.

— Вы кто? — Спросил ребенок.

— Я тетушка Супница. — Ответила Супница. — Мы — ожившие вещи. Вот этот господин — Часы. Рядом с нами — чудесные девушки. Их зовут Маркиза и Луиза. Когда-то они были поварешками. Мы пришли издалека. Ты тут один, мальчик?

— Да. Ни одного живого. Мистер Зло не переносит в темный мир тех, кто дышит. Мистер Зло коллекционирует только проекции погибших городов.

— Давно ты один? — Спросил господин Часы.

Мальчик пожал плечами.

— Я полностью забыл. — Детское лицо выглядело вполне довольным. Мальчик не страдал.

— Почему ты живешь под землей, а не в танке?

— Я нашел лучший дом. В катакомбе хорошо пахнет землёй. Вы идете к замку? Я знаю, где находится замок. Вороны посещают замок. Оттуда птицы приносят еду. Воруют её со стола. Для мистера Зло пищу доставляют из соседнего мира. Наладили прямую поставку. Никаких перекупщиков. В вашем мире много запахов. Ваш мир полон звуков. Громко ходят часы. "Тик-так". Тут нет часов. Мы не чувствуем времени. Вороны утверждают, что времени вовсе нет. Птицы много знают. Летают далеко. За пределом горизонта, не действуют привычные законы физики. Если двигаться вглубь, можно обнаружить пустоты. Мистер Зло не терпит пустоты. В область тьмы он утаскивает всё, что мертво. В этом мире находятся проекции разрушенных городов. Я не отхожу от своего дома далеко.

— Ты дружишь с птицами, мальчик?

— Вороны хорошие собеседники. Мы устраиваем дружеские посиделки. Выкуриваем трубку мира. Черные вороны приносят хороший табак. Птицы воруют его у мистера Зло. Мистер Зло много курит.

— Сколько тебе лет? — Спросила Маркиза. — Ты разговариваешь, как взрослый человек.

— Книги уцелели. Я их читаю. Я старше вас. У меня нет никаких сожалений.

В катакомбе оказалось сухо и светло. У мальчика было много посуды. Он вскипятил чайник.

— Ты не местный? — Спросила Маркиза.

— Я привык к темному миру. Я больше не греюсь на солнце. Здесь нет зеленой травы.

— Тебе не скучно? Ты трапезничаешь в одиночестве?

Господин Часы укоризненно взглянул на Супницу.

— Вам бы, Супница, только поговорить о еде.

Та сконфузилась. Супница не знала, как общаться с мальчиком, которому было невесть сколько лет. О чем с ним можно беседовать? У Супницы был недостаток жизненного опыта. Она и себя то по настоящему не познала. Пользовалась заблуждениями. А тут...

— Мне не скучно, Супница. Из соседнего мира доносятся голоса. Люди боятся смерти. Смерть — важное событие. Я давно умер. Я не печалюсь ни о чем. У меня есть хлеб и вода. Я регулярно меняю одежду. Я тут не один, со мной птицы. Прежде я спускался в подвалы домов, и видел обугленные кости. Люди прятались в углублениях от бомбежек. Ничто не спасло их. Зачем вы явились?

— Мы ищем Джейн.

— Кто такая Джейн?

— Девочка. Мистер Зло, превратив ее в цветок, унес с собой. Цветок не мертвый, и не живой.

— Мистер Зло — большой шутник.

— Как думаешь, мальчик, где сейчас Джейн? — Спросил господин Часы.

— В зеркальном доме. Гостит у миссис Синие Глаза. Она построила дом за розовым туманом. Розовый туман — крайне опасное место. В нем можно остаться навсегда. Так случилось с одним солдатом. Тот солдат выжил на большой войне. Был ранен. Обгорел, но мог самостоятельно передвигаться. Выбравшись из подбитого танка, угодил в розовый туман.

— Умер там? — Спросила Луиза.

— Ничего подобного. — Мальчик улыбнулся. — В вашем мире идут дожди. Восходит солнце. В темном мире постоянно появляются испорченные вещи. Они поступают из вашего мира. Их ломает ни мистер Зло, а люди. Мистер Зло лишь захламляет пространство.

— Куда же делся раненый солдат? — Спросила Луиза.

У Луизы была потребность к отношениям. Лучше будет, если мальчик что-то еще расскажет о солдате.

— Никуда он не делся, а остался в розовом тумане. Уснул вечным сном. Солдату снятся неродившиеся дети. Если хотите найти свою

Джейн, вам придется пройти через туман. Полагаю, что крошка Джейн у миссис Синие Глаза.

— Почему дом зеркальный? Ты знаешь, мальчик?

— Я знаю, мистер Часы. Дом собран из магических зеркал. Миссис Синие Глаза любит детей. Миссис Синие Глаза знает много колыбельных песен. Не стойте долго перед домом.

— Почему, мальчик?

— В зеркале можно увидеть мистера Зло, господин Часы.

— Не верю, мальчик. — Тревожно заходил господин Часы.

— Все похоже на правду, господин Часы. — Ухмыльнулась Супница.

— Даже обычные зеркала меняют реальность.

Супница стала рассказывать:

— Был интересный случай. Одна девушка в темной комнате закрепила на стене круглое зеркало. Окружила зеркало черной тканью и принялась ждать. В зеркале она увидела свою мать, которая умерла год назад.

— Фантазии формируют фигуры. Барышня всё придумала. — Фыркнул господин Часы. — У вашей девицы были проблемы с психическим здоровьем?

— Вы работали в психиатрической клинике, господин Часы?

— Может быть. Время так бесконечно. На каком-то отрезке времени я видел душевнобольных.

— Господин Часы, на счет той девушки, вы заблуждаетесь. Она была абсолютно здорова. Она не была пациентом клиники.

— Если она не обитала в больнице, не значит, что была в себе. — Господин Часы стоял на своем.

— Зеркала — предметы, отправленные в светлый мир из темного мира. Зеркала — это портал. — Супница не могла лишиться себя удовольствия поболтать. — Когда умерла старая хозяйка, все зеркала закрыли черной тканью. Помните, господин Часы? Запечатали вход.

— Нам пора, мальчик. — Господин Часы быстро вскочил на ноги. — У тебя тут спокойно. Но мы засиделись.

— Избегайте нервных призраков. — На прощанье посоветовал мальчик. — Если увидите кого-то без головы, старайтесь не испытывать сильный стресс. Страх убивает разум. Включите силу воли. Только так ваша психика справится.

На улицах кое-что изменилось. С улиц пропали вещи.

— Кто собрал урожай, господин Часы? — Спросила Супница.

— Вы о чем, Супница?

— Предметы исчезли, господин Часы.

— Это ни так, Супница.

— А как?

— Объекты сделались невидимыми. Слишком хлопотно, расчищать город от обломков. Да и кто станет этим заниматься? Нет никого.

— Как же — нет никого? — Возмутилась Супница. — У каждого мира есть хозяин, господин Часы. Хозяин этого мира контролирует объекты. Собирает части в целое. Управляет ими и нами.

— Уймите, свое воображение, Супница.

— Ах, господин Часы!

— Что, Маркиза?

— Неприкаянные души следуют за нами. Господин Часы, им нужно мое тело?

— Если вы не успокоитесь, Маркиза, они подчинят вас. Отнимут у вас силы. Будут руководить вашей судьбой. Бестелесные сущности — серьезные манипуляторы.

— Глаза видят. Уши слышат. В носу неприятно свербит. Призраки обладают ужасным запахом. Как я могу успокоиться, господин Часы.

— Придется, Маркиза. Другого выхода нет. Держитесь за светлое, Маркиза. Никого не осуждайте. Избавьтесь от лишних рассуждений. Это в ваших интересах, голубушка. Я вас знаю. Прежде вы умели радоваться. Маркиза, вспомните свои заветные желания. Они еще могут быть воплощены в жизнь. Трудности закончатся.

Супница с трудом передвигала ноги. В руках была слабость. Хотелось вздремнуть, но это было невозможно. Супница знала, если она опустит голову на бордюр, возникнет кошмар, который безусловно оставит после себя болезненные воспоминания и тревогу.

В другой жизни какое-то время Супница принимала антидепрессанты. Таблетки меняли химические реакции в мозге. Лекарственные средства генерировали страшные видения. В них темный человек, угрожая, двигался на неё на четырех конечностях. В руках у него был нож и отрезанный палец. Из пальца лилась кровь. Капли крови падали на Супницу. Пачкали ей платье. Делали волосы грязными. Чужая кровь сводила Супницу с ума. От увиденных снов Супница прежде времени старела.

— Призраки! Они всматриваются в ваши глаза, тетушка Супница. — Маркиза прижалась к Супнице. — Они могут исцарапать ваш рот. Они хотят снять кожу с вашего лица, чтобы надеть на себя. Будут выглядеть один-в-один, как вы.

— Произошло худшее. У Маркизы совсем стало плохо с головой. Оторвалась от реальности, бедняга. — Господин Часы погладил Мар-

кизу по руке. Господин Часы находился в полнейшем здравии ума. Господин Часы понимал, что мертвые не собираются причинить им боль. Маркиза была на грани нервного срыва. Беспокойство овладело ею.

— Мне трудно дышать. — Пожаловалась Маркиза. — В горле образовался ком.

— Разговаривай со мной. — Попросила Луиза. — Мы много пережили вместе. Разве это самое плохое, что с нами случилось? Дыши со мной. Вдох — выдох. Вдох — выдох. Тебе лучше, Маркиза?

— Ничуть, Луиза.

— И без ваших страхов, тошно. — Упрекнула Супница девушек. — В городе нет ничего, кроме боли. Мистер Зло питается болью. Мистер Зло, большой гурман. В нем много человеческого. Мало кто из живых существ может выдержать созерцание мёртвого города. На меня словно вылили кипяток. Поруганные дома. Стулья без ног. Разбитая посуда. Куклы с оторванными головами. Я больше не смогу любить людей, как прежде. Люди уничтожили город. Теперь я буду избегать людей.

— Темный город погубил все мои романтические фантазии. — Всклипнула Маркиза. — Мне не быть прежней, той наивной девушкой, которая любовалась своими ножками. Зачем я всё это вижу?

— Полноте. Всё кончилось. Мы вышли из города.

— Вы правы, господин Часы. Город отпустил нас. — Супница ощутила себя. — Руки на месте. Никогда не забуду увиденного. Если бы мы открыли дверь и прошли в дом, нашли бы лодку.

— Лодку? Вы о чем, дорогуша?

— О том, господин Часы. В лодках хоронили мертвецов.

— Прекратите, тетушка Супница! — Попросила Луиза. — Давайте сейчас позволим себе быть чуточку счастливыми.

Резко похолодало. Образовался туман. Препятствие из плохой видимости надежно прятало объекты и события.

— Туман притягивает нас. Нас ждет новый опыт. — Тетушка Супница насупилась. — Во чтобы то ни стало, нужно сохранить свою судьбу.

— Вы дорожите своей судьбой, тетушка Супница? — Господин Часы был крайне удивлен. — Ваши пределы познания настолько узкие и незначительные, ваш опыт крайне скуден, вы заполнены предрассудками, на вашем месте я был бы безразличен к такой судьбе. Не понимаю, что в ней хорошего?

— Мне нравилась моя простая жизнь. В воскресенье хозяйка снимала меня с полки. В меня проникал суп выходного дня. Чего еще можно желать, господин Часы? Лучшее прошло...

— Вам так мало надо. Вам повезло.

Показался дом. У дома росла трава. На траве спал солдат. Его гимнастерка была расстегнута. Сапоги и солдатский ремень находились рядом. Подложив руку под голову, солдат тихо посапывал.

— Что ему снится? — Спросила Маркиза.

Прибежали дети. Расшумелись. На них не было одежды, только белые трусы.

Через закрытые глаза солдат видел детей. Солдату нравилось веселье детей.

На порог дома вышла молодая женщина в легком платье.

"Дети! Домой!" Радостно позвала она.

Дети послушно помчались к дому. Женщина подошла к солдату.

"Сладко спишь, милый". Сказала. Поцеловала солдата в губы. Обняла. Прилегла рядом.

"Солдат! Подъем!" Послышалось издалека.

Солдат вскочил. Натянул сапоги. Подпоясал гимнастерку ремнем.

Раздался гул. Засвистели пули.

Тетушка Супница, господин Часы, Луиза и Маркиза прижались к земле.

«Мы все погибнем на чужой войне». Расплакались Маркиза.

Появился танк. Массивное сооружение надвигалось. Вот-вот раздавит солдата. Люк танка приоткрылся. Из люка вылезла вихрастая голова. "Южен! Мы пришли за тобой".

"Его зовут Южен". Сказала Маркиза.

"Хорошее имя для солдата". Сказала Луиза.

Быстро Южен оказался в танке. Крышка люка захлопнулась. Не успел танк отъехать, что-то красное с шумом упала на него. Танк загорелся.

"Подбили". Заголосила Супница. "Мы все сгорим на проклятой войне. Кто-нибудь, остановите войну!"

"Нам никто не поможет. — Сухо произнес господин Часы. — Мы в аду".

"Как там Южен?" Луиза подбежала к танку. Пламя полыхало. "Южен! Южен! Ты должен выбраться из танка."

Из танка выполз обгоревший солдат. Ветер разнес по округе запах дыма и гари. Танк пропал. Солдат упал в высокую траву. Он еле дышал.

"Южин. Только не умирай!" Луиза отстегнула ремень. Стянула сапоги. Положила солдатскую одежду в траву. "Южин! Дыши! Пожалуй-ста, дыши!"

Южин задышал. Из-под ресниц полились слезы.

"Южин! Я рядом, Южин. Я всегда буду рядом".

Из открытых окон дома послышался звонкий детский смех.

— Нам пора. — Сказал господин Часы.

— Я остаюсь. — Сказала Луиза.

— Что ты говоришь? — Возмутилась тетушка Супница. — Южин будет просыпаться, вскакивать и бежать на войну. Для него война не закончилась. Десятилетия прошли, а он воюет. Луиза, ты не обязана принимать участия в его судьбе.

— Я справлюсь, тетушка Супница.

— Что ж, — вздохнул господин Часы. — Ты сделала свой выбор, Луиза.

— А как же я? — Спросила Маркиза. — Что будет со мной? Как я буду жить без тебя, Луиза.

— Ты будешь главная на кухне! Ты всё выдержишь, Маркиза. И жар. И пар.

Луиза обняла солдата. Положив его голову на свои колени, крепко поцеловала в губы.

— Я знал, что кто-то не выйдет из тумана. — Господин Часы оглянулся. В последний раз посмотрел на Луизу. — Так было predetermined. В пространстве содержатся разные варианты тех, или иных событий, но есть особенные моменты, которые определяют дальнейший ход истории, их изменить нельзя.

— Не думала, что нам придется расстаться с Луизой. — Всклинула тетушка Супница. — Чудесная девушка.

— Полноте вам её оплакивать. Нет причин. — Господин Часы приобнял Супницу. — Случилось чудо. Луиза нашла свою любовь. Любовь дарит смелость. Любовь награждает силой. Луиза не пропадет. Снова и снова будет разбирать завалы. Вытаскивать любимого из горящего танка. Бежать навстречу и защищать его от трудностей.

Господин Часы много знал о любви. Откуда? Господин Часы был хорошим наблюдателем. Неустанно он следил за людьми. Научился на самом деле разбираться в судьбах.

Время шло. Одни судьбы забывались, потому что ничего не стоили. Другие события втёрлись в память, оставшись там навсегда. Настоящая любовь всегда держится на серьезной истории.

Господин Часы знал людей. Что понял господин Часы, следуя за людьми? Только любовь может подарить человеку полноту счастья.

— Коварный туман. — Вздохнула тетушка Супница.

— Серьезное информационное поле. — Согласился с ней господин Часы. — Туман заполнен намерениями.

— Я стану главной на кухне. — Из глаз Маркиза брызнули слезы. — Буду делать то, что от меня требуется и намного больше.

— Вы честолюбивы, Маркиза? — Спросила Супница.

— Нисколько, тетушка Супница. Но я должна преуспеть. Спешу заменить любовь работой. Это даст мне силы остаться уравновешенной.

— Сработал механизм защиты. — Господин Часы ускорил шаг. Господин Часы желал скорей выбраться из опасного тумана.

Дом необычной конструкции появился внезапно. Словно поднялся из-под земли. Четыре стороны дома были сделаны из больших зеркал, в них отражалась пустошь. Крыша дома, покрытая крупным зеркалом, была украшена искусственными красными и черными цветами.

Послышался заговорщицкий шепот.

«Старуха в черном?» Спросили красные цветы.

«Цыганка в красном». Ответили черные цветы.

Старая женщина — цыганка с осунувшимся лицом вышла из-за угла дома. От непосильных трудов спина её не разгибалась. Цыганка много трудилась в поле. Весной высевала кукурузу. Осенью собирала кормовую сахарную свеклу. Издали казалось, что на спине цыганки вырос горб. На самом деле, осанка была нарушена из-за раннего старения организма.

В руках старуха сжимала письмо. Желтый конверт обжигал руки. Дряблые руки покрылись пузырями.

«Южин! Южин!» Позвала цыганка.

Возник молодой цыган.

«Сынок, что это?» Спросила старуха.

Пепел поднялся в воздух.

«Повестка, мама».

«Не уходи». Старуха рухнула на колени. «Отсидись в подвале. Это не твоя война».

«Не могу, мама».

Старуха осталась одна. Разложила карты. Спросила: «Мой сын жив?»

Раздался голос. «Ходит ногами».

Старуха размазала слезы по лицу. Появился музыкант из низкого сословия. В руках у него была скрипка.

«Играй, музыкант!» Попросила старуха. «Мой сын живой!»

Воздух наполнился серебристой музыкой. Старуха закружилась. Её движения были легкими и быстрыми. С красных юбок, а было их много, вспорхнули синие птицы и запели чарующими голосами: «На одном уровне реальность видимая. На другом — невидимая».

Птицы пропали. Музыкант замер. Старуха разложила карты.

«Где мой сын?» Спросила.

Небо упало на землю. В стороны разлетелись осколки. Один осколок ранил цыганку. Полилась кровь.

«Не отдам! Не отпущу! Он мой!»

Застучали барабаны. Затопала ногами старуха. Из-под её каблуков вылетели черные птицы. Раскаркались, проклиная войну.

Цветы на крыше превратились в звезды. Звезды образовали созвездие. Так на крыше появилась люлька.

«Играй, музыкант!» Прохрипела старуха.

«Заупокойную?» Спросил скрипач.

«Нет!» Расплакалась старуха. «Колыбельную. Мой сын спит».

Тихо звучала скрипка. Медленно кружилась старуха. «Спи, сынок, спи». Причитала. «Ты никогда не умрешь. Я открыла для тебя пространство. Я укрыла тебя розовым туманом. Тебе будут сниться красивые сны».

Цыганка кружилась. Её юбки вертелись вместе с ней.

«Прошли десять лет». Обронил скрипач. Оборвалась музыка. «Давай, схороним его. Положим в гробницу».

«Играй, музыкант!» Старуха раскрыла руки. Правую направила вверх. Левую — вниз. С ладони правой руки вверх поднялись белые птицы. С ладони правой руки вниз полилось вино.

«Играй всегда!» Закричала старуха. «Открыт переход из реального мира в мир вечно живых».

«Мне то что. Буду играть. Ты дорого заплатишь». Произнес музыкант нечеловеческим голосом. «Ты никогда не умрешь. Навсегда замрешь с распростертыми руками. Тебе будет трудно и больно. От усталости ты захочешь упасть навзничь, но не сможешь. Твои каменные ноги будут крепко держаться за землю».

«Пусть». Согласилась старуха и тотчас замерла. Её лицо стало каменным. Ее тело стало каменным. Ее руки и ноги превратились в камни.

В каменном изваянии громко стучало сердце. Птицу заперли в клетке. Великая мать распростерла каменные руки над миром.

Исчезла старуха. Остались цветы на крыше. Красные и черные цветы перешептывались меж собой.

«Южин спит»; «Ему снятся сны»; «Он видит девушку и неродившихся детей»; «Остановите войну»; «Появится танк. Всё повторится сначала».

Голос скрипки оплакивал всех, кто не вернулся. Шелестящие звуки успокаивали умерших.

— Какой странный дом. — Сказала Супница. — Что это было? Волшебство? Обряд?

— Мне были известны имена мертвых. Их тайно выкрикивали вороны. — Маркиза прислушалась. — Вы слышите? Сердце стучит. Образы стираются. Что здесь случилось, господин Часы?

Господина Часы стал восхищаться домом. Господин Часы обладал творческим мышлением. Ему была присуща творческая изобретательность. У господина Часы был хорошо сформирован вкус.

— Великое творение неизвестного архитектора! Чтобы создать подобное, требуется много времени и изнурительный труд. Впрочем, легкой вспышки озарения, достаточно. Форма строения идеальная. Мелкие детали поражают воображение. Изысканные миниатюры религиозной тематики украшают карниз. Я словно стою перед чудесной картиной!

— Уймите свой пыл, господин Часы. — Попросила тетушка Супница. На представший объект Супница смотрела с другого уровня мышления. — С этим домом что-то ни так. Крыша из стекла обладает колоссальной энергетикой. У меня кружится голова. Красные и черные цветы на крыше хранят тайну. Знаете, что это мне напоминает, господин Часы?

— Что же, тетушка Супница?

— Склеп.

Путники не видели себя в отражении, словно их не было, будто никто не стоял у дома.

Зеркала были быстрые и медленные. Внутри быстрых зеркал были лишь символы. За пределами символов не было изображений. Внутри не разворачивались события. Внутри замкнутого пространства бесконечно отражались великие знания. Поймать их не представлялось возможным.

Медленные зеркала обладали свойствами фотографирования действительности. Что однажды отразилось в зеркалах, осталось в них навсегда.

В зеркалах были «зашифрованы» идеи и образы. Дом на плоскости с горизонтальными и вертикальными линиями соединял небо и землю.

— Мы умерли, господин Часы? — Бесстрашно спросила Маркиза.

— С чего вы взяли, Маркиза?

— С того, господин Часы. Я всегда знала, что с нами что-то ни так. Ещё в разрушенном городе поняла, что моё физическое существование прервалось. Я — энергетический сгусток.

— Перестаньте искать себя в зеркале, Маркиза. Ищите себя внутри себя. Там вы существуете. — Посоветовал господин Часы. — Человеческому сознанию не дано познать зеркальной игры мира. Гений создал два не сообщающихся между собой мира. Бесконечные возможности для образов. Мы стоим на пороге великого открытия!

— Прекратите умничать. — Строго произнесла Супница. — Бросьте свои шуточки, господин Часы. Они не ко времени.

В любое время суток Супница видела уравновешенность господина Часы. На окружающий мир он взирал спокойно. Ходил размеренно.

— С чем мы имеем дело? — Мозг господина Часы был наполнен странными переживаниями.

Пытаясь достучаться до себя, Маркиза разбила руку о зеркало. Пальцы разбухли. Рот наполнился кровью.

— Мне не больно.

Выйдя из тумана, Маркиза перестала плакать, лицо зафиксировало следы длительных неприятных впечатлений. Лицо стало щитом. Лицо никогда не пропустит внутрь души энергию боли. Лицо будет подавлять как гнев, так и удовольствие.

— В этой чертовой чёрной дыре мы нашли стеклянный дом. — Сказала Супница.

— Да, Супница. Обнаружили колдовские зеркала. Зеркала содержат тайну. Колдовские зеркала мало похожи на обычные зеркала. Их не положишь под подушку. Или под кровать.

Господин Часы блаженно улыбался.

С зеркалами творилось неладное. Магические зеркала не отражали лучи, идущие от предметов. Предметы в зеркальных отражениях не были связаны с предметами на поверхности реальности. Содержание зеркал вмещали в себя запредельный мир. В быстрых зеркалах ничто не удерживалось. В быстрых зеркалах открывалась Великая Пустота.

— В доме горит свет. Пуст ли он? Постучим?

— Что вы, господин Часы! — Испугалась Супница. — Рано мне угаснуть, господин Часы. — Супнице нравилась жизнь. Она дорожила своим существованием. — Этот дом опасен, господин Часы. Дом постоянно подвергается изменению. Дом удлинился настолько, что часть дома проникла в туман. Не понимаю, как это возможно. Теперь нам его не обойти, господин Часы. Как же разболелась голова. Лучше нам убраться отсюда.

— Все зеркала невозможно сосчитать. Не могу удержать в голове цифры. — Пожаловался господин Часы.

— Зеркальный дом влияет на вас. — Предположила Супница.

— Безусловно. — Согласился господин Часы.

— Руководит ли он нами, господин Часы?

— Допускаю, Супница.

— Эта чертова стеклянная коробка может разорвать нас на части.

Неожиданно пространство пронзили звуки. Бесполезно было затыкать уши. Звуки впились в руки и ноги.

— Звуки внутри меня. — Испугалась Супница. — Мой череп чем-то заполнен. Кто-то желает повредить мой мозг.

— Успокойтесь, Супница. Звуки малой мощности как-то воздействуют на нас, но угроза отсутствует. Волноваться не о чем. Если бы кто-то пожелал навредить нам, включил бы звук на большую мощность. Возможно, нас просто о чем-то предупреждают.

Господин Часы попробовал взять ситуацию под контроль. Отвел Супницу в сторону. Побрызгал на неё водой из фляги.

Флягу господин Часы нашел в темном городе. Фляга валялась у разрушенного дома. Ничто не уцелело. Лишь фляга.

— Вам лучше? — спросил господин Часы.

— Гораздо лучше. — Кивнула Супница. — Шум в голове прошел.

— А мне плохо! Мне очень плохо, господин Часы! Всё из-за дома. — Всклинула Маркиза. — Кто живет в таком доме, господин Часы? Смотрите, господин Часы. В зеркале появился мальчик.

По разрушенному городу бегал мальчик. Он громко звал маму. Никто не пришел ему на помощь. Мальчик был один. Мальчику было очень страшно...

Над руинами города носились черные вороны. Приметив мальчика, опустились рядом. Окружив ребенка, клюнули его.

— Я живой. — Сказал мальчик. — Отстаньте от меня.

— Мы проверили. — Сказали вороны. — Точно ли ты не умер? Если бы ты был мертв, кусок мяса отвалился бы от ноги.

— Я хочу пить. — Сказал мальчик.

— Свалился на наши головы. — Сказали вороны.

— Не бросайте меня, пожалуйста.

— Куда нам деваться? — Вороны обняли мальчика.

— Мальчик из разрушенного города. — Сказал господин Часы. — В зеркале отразилось прошлое этого мира. Зазеркалье опасно. То, что происходит в зеркале, меняет мое сознание. Мысли угасают. Исчезают мечты. Пропадают цели.

Одно зеркало скрипнуло и превратилось в дверь. Дверь приоткрылась. Раздался голос.

— Проходите в дом. — Позвал голос. — Ночью оставаться на улице не безопасно. Нельзя смотреть в мои зеркала ночью. Что вы там увидите, я не могу спрогнозировать. Я не управляю зеркалами ночью. Ночью из зеркал можно выходить и заходить туда обратно. Ночью зеркальный народ бродит по темному миру. Кого поймают, унесут с собой, назад, в зеркало. Днем им не разбить зеркальные преграды. Путники, вы меня слышите?

— Мы вас слышим. — Отозвался господин Часы.

— Вам стоит заночевать у меня. Утром продолжите путь. В моем доме — безопасно. Я не приветствую борьбу между жизнью и смертью. Не стойте на пороге, странники.

— Давайте войдём, пока нас приглашают. — Предложила Маркиза. — Не хочу знать, что тут происходит ночью. Мне и так не по себе.

— Внутри лучше, чем снаружи. — Согласился господин Часы. — Нет причин нам быть снаружи.

Супница первой заскочила в дом. За ней прошли другие.

Хозяйка дома была молодой. Её желтое платье сверкало. Каждый, кто желал прикоснуться к платью, получал умиротворение и покой.

Господин Часы низко поклонился ей.

— Меня зовут госпожа Синие Глаза. — Сказала хозяйка дома. Её голос был нежный. — Мой дом стоит автономно. Соседей нет.

На её тонкой шее находилась бусы, покрашенные в красный цвет.

— Моим бусам восемьдесят тысяч лет. Каждая бусина хранит воспоминания. На нить нанизаны страсти. Мои бусы способны порождать жизнь и умерщвлять. Когда человек умирает, его, как семена, закапывают в землю. Из семян вырастает новый человек. — Хорошо улыбнулась госпожа Синие Глаза. — Ступайте по моим следам, гости. — Позвала хозяйка. — Все, кто пришел издалека, желанные в доме. Я закрою дверь. Вход должен быть запечатан. На территории этого дома я веду обычную жизнь.

Зеркальная дверь захлопнулась. Зеркала большого формата, отражающие иллюзии, замечательно остались в прошлом.

— Откуда пришли? Куда следуете? — Спросила госпожа Синие Глаза.

Господин Часы уставился на хозяйку дома. На подсознательном уровне господин Часы, знал, что они знакомы.

— Мы с вами встречались?

Господин Часы увидел мир наизнанку. Все изображения были перевернуты. Жители земли держались ногами за небо. Крылатые птицы

отражались в воде, но были ниже земли. Рыба, которая была в воде, спряталась внутри белых лилий.

Картинки быстро менялись. Можно было часами рассматривать их. Загадочный мир мелькал перед глазами.

Господин Часы созерцал источник счастья и вдохновения.

— Мы с вами, точно, виделись, господин Часы. — Миссис Синие Глаза ухмыльнулась.

Хозяйка дома была весьма уверенная в себе. Апеллировала большими возможностями. Преуспевала. Была значимой особой. Хорошо знала свои сильные и слабые стороны. Видела то, что не видит никто. Её ум не поддавался вычислению.

— Вы часто взирали на тех, кто уснул и никогда не проснется. Господин Часы!

— Что, госпожа?

— Ваши уши открыты?

— Да.

— Я выращиваю ритуальные цветы. Мне нужен садовник, чтобы ухаживать за растениями. Вы, господин Часы, идеальный кандидат.

— На вашей крыше я видел цветы. Мне нужно будет поливать их?

— Что вы, господин Часы. В вашем возрасте не безопасно лазать по крышам. Тем более, что цветы на крыше могут сохранить сами себя. Они вечные. Вам нужно будет следить за домашними растениями, которые находятся тут. Ваш ждет важная работа, господин Часы.

Господин Часы стал рассматривать комнату. Много было удивительного рядом. Многие предметы имели круглую форму.

— Где же ваши цветы?

— Камни с маленькими отверстиями в центре — это мои цветы. Их нужно протирать и полировать. Если вставить ключ в отверстие — откроется вход в мир мертвых. Я не использую ключ, пока они живы. Я раскрыла пред вами тайну, господин Часы. Будете служить мне?

— Готов служить вам вечно. В тишине. В темноте. В одиночестве.

Господин Часы поклонился.

Миссис Синие Глаза подошла к Маркизе.

— С этой минуты, Маркиза, ты — кухарка. — Сказала. — Назначаю тебя главной на кухне.

— Спасибо.

— Так же, в твои обязанности будет входить сбор ореховой скорлупы. Дело нехитрое.

Маркиза приосанилась.

— В моем доме не нужно казаться лучше, чем ты есть. Будь сама собой. Ты — не важная персона, но вполне милая девушка.

На полу появилась скорлупа. Измельченной скорлупы оказалось много, что некуда было ступить ногой.

Маркиза согнулась и принялась собирать скорлупу в мешок.

— Прикасайся к ним максимально осторожно. — Предупредила хозяйка. — В них ещё сохранилась энергия. Их ценность не утрачена.

Взор госпожи Синие Глаза устремился на Супницу.

— Ваши воспоминания гаснут, Супница. Я их блокирую. Вы погружаетесь в непробудный сон. Вы находитесь в безопасной обстановке.

Хозяйка стеклянного дома стала разговаривать тихим и успокаивающим голосом. Ее речь была спокойной и четкой.

Сознание Супницы помутилось. Целое распалось на части. Воспоминания поблекли. Мир, в котором жила Супница, исчез. Вдумчивое отношение к себе стало невозможным.

— Супница, вы слышите мои указания?

— Да.

— Назначаю вас домоправительницей. Всегда мечтала заполучить хорошую прислугу. Осилите несколько сфер деятельности?

— У вас есть экипаж? Я могу чистить гриву. Знаю, как кормить лошадь.

— Экипажа нет. Я не прибегаю к услугам кучера. Легко проникаю в мир живых. Сразу оказываюсь в нужном месте. Помогаю угасающим обрести любовь. Мой поцелуй делает человека по настоящему счастливым. — Хозяйка широко улыбнулась. Она была мила и добра. Её мир был особенный. В нем было много материализованного света. Материя в нем пребывала в покое и радости. — Я часто отсутствую. — Вздохнула хозяйка. — Кто-то должен следить за имуществом и моей кошкой.

— У вас есть кошка? — Поразилась Супница. — Не вижу ни одной шерстинки на полу!

— Моя кошка сама убирает за собой.

— Где же ваша кошка?

Явилась кошка.

— Нагулялась? — Спросила хозяйка у кошки.

— На лапках гарь. На хвосте — пыль. — Мякнула кошка. — Как мне теперь быть, хозяйка? Грязными лапками на диван?

— Немедленно искупайте кошку. — Приказала хозяйка Супнице.

Возник круглый таз. В нем — вода, а в воде — кошка.

«Чудной дом». Подумала Супница.

— Я слышу ваши мысли, Супница. — Возмутилась хозяйка. — Вам лучше не думать, Супница. — Приказала. — От ваших размышлений у меня кружится голова. В моём доме должно быть тихо.

В голове Супницы образовалась пустота. Ни та пустота, которая лишает сил. В особенной пустоте в неограниченном количестве отражалось тепло души.

— В этом доме существуют правила! — Хозяйка обратилась к слугам. — Никто не должен мне мешать. Я разрешаю вам разговаривать в моё отсутствие. К счастью для вас, слуги, я редко бываю дома.

Шли дни. Господин Часы тщательно полировал цветы. Тетушка Супница ежедневно мыла кошку, старательно счищая с её лапок гарь. Кошка любила гулять там, где было много мусора. Маркиза, не разгибая спины, собирала скорлупу в мешок. С каждым днем скорлупы становилось всё больше, как она появлялась в доме, было непонятно. Точно, что её не заносило ветром через окно.

Окна в доме никогда не открывались.

— Откуда вы пришли? — Как-то спросила хозяйка у слуг.

— Мы не помним. — Ответили слуги.

— Цель вашего визита?

— Мы не знаем.

— Вот и славно. Мой дом большой. Разрешаю передвигаться из комнаты в комнату. А в одну комнату запрещаю входить.

— Как мы узнаем ту комнату? — Спросила Супница.

— Комната закрыта на ключ. — Ухмыльнулась хозяйка и испарилась.

Тотчас заважничала кошка.

«Что вы ведете себя так, как родственница хозяйки? — Спросила кошка у Супницы. — Прекращайте меня мыть каждый день. Разве вы не знаете, что кошки не любят купаться!?»

«Мне показалось, что вам нравится».

«Вам показалось. И запомните, Супница, ненавижу, когда лезут обниматься».

«Буду держаться от вас подальше, кошка Булочка».

Кошку звали Булочка. Кошка сама выбрала себе имя. Кошка считала себя неотразимой особой.

— Мне нужен полноценный глубокий сон. — Закрыв глаза, кошка Булочка сонно произнесла:

— Господин Часы, прислушайтесь, цветы чем-то недовольны.

Тотчас наперебой затараторили цветы: «Прекратите нас натирать! Вам что, больше нечего делать, господин Часы?»

Из мешка завопили: «Внутри мешка темно! Прекратите собирать в мешок души. Немедленно перестаньте этим заниматься, Маркиза».

«Я думала, что выполняю полезную работу». Испугалась Маркиза.

«Утрамбовывать нас — это полезная работа?» Возмутилась ореховая скорлупа. «Прежнюю форму не воссоздать».

«Какой странный дом». Супнице нравилась последовательность и предсказуемость. Ничего такого не подумайте, Супница ни была посредственностью, хоть и родилась в провинции.

«Лучше бы мы остались на улице». Посетовал господин Часы.

«На улице вы бы пропали. — Заявила кошка. — Вы были нестабильны. Хозяин кладбища увёл бы вас за собой. После полуночи, прихватив черный зонт, хозяин кладбища катит тачку в сторону разрушенного города. Даже я не гуляю после полуночи».

«Кругом идет голова». Простонала Супница.

«Держите голову. — Посоветовала кошка. — Если она оторвется от шеи, плохи ваши дела».

«Кто такой хозяин кладбища?» Спросил господин Часы у кошки.

«Тот, кто начальник над душами. — Ответила кошка. — Душам нужен смотритель. Без хозяина им никак нельзя. Иначе... Души разбредутся. Ищи их потом. В темноте. А если пойдёт дождь? Души промокнут. Где их сушить? Деревьев мало. После полуночи все на своих местах. У хозяина кладбища есть часы. Он носит их на правой руке. Хозяин кладбища всё время смотрит на часы. Боится пропустить нужное время. В правильное время он должен оказаться в особом месте. Хозяин кладбища заранее готовится к нужному времени. В правильный час дело спорится. Нет никаких проблем с доставкой. У хозяина кладбища и так сложная жизнь. На его попечении много душ. Как выдерживают его плечи большую нагрузку?..»

Кошка подошла к зеркалу. Из-за зазеркалья вытащила щетку. Причесалась.

— Ничего не помню из прошлой жизни. — Сказала кошка. — В этом мире все без памяти.

— Почему? — Спросила Супница.

— Печальные происшествия плохо влияют на психику. — Ответила кошка и расплакалась. — Зачем я хожу в мертвый город?

— Вы там ловите мышей? — Предположила Маркиза.

— Ни одного грызуна на весь темный мир.

— Что же вы там делаете, кошка?

— Разрушенный город манит меня. Поджав хвост, брожу по обломкам цивилизации. В темном городе никто не показывает своего лица. Некоторые внушают ужас формами. Их следы оставляют пепел.

— Вот откуда гарь на лапках. — Догадалась Супница. — Очищать гарь сложно. Вы какая-то беспутная кошка. Занимаетесь бесполезным делом. Уймите свои желания, Булочка. Лучше вам не выходить из дома, а лежать на диване. И без вас много хлопот.

— С вашим приходом мы стали жить лучше! Вы — хорошие слуги. — Кошка потянулась. — У моей хозяйки много работы. Она служит людям. Возникает в доме редко. Всегда уставшая. Свободного времени совсем нет. А тут вы. Сами пришли. Попросили защиты.

— Мы не просили. — Возмутилась Супница.

— Глупости. Вам было страшно. — Кошка распушила хвост. — Реально с вами хорошо. — Призналась кошка. — У моей хозяйки появилось свободное время. На досуге хозяйка изготовила мазь. Мазь хорошо снимает боль с раненых душ. Когда мешок заполнится доверху, хозяйка склеит две половинки в одну. Многие нуждаются в её поддержке. Бедные разбитые души.

— Кто-то? — Переспросила Супница.

— «Кто-кто?» — Передразнила кошка. — Когда хозяйка обработает волшебной мазью орех, внутри пробудится душа. Многострадальная душа.

— Мало того, что душа внутри ореха! В темнице и без воспоминаний, хоть вешайся. Кругом — стены. И ничего, кроме стен. Бедная душа в ужасной больничке. — Всхлипнула Супница.

— Вы о чем, Супница? — Спросил Господин Часы.

— А?

— Да прекратите вы! — Потребовала кошка. — Душа ничего не помнит. Ни боли, ни разочарований. Целые орехи хозяйка унесет туда, где растет дерево, корнями уходящее в небо. В мир людей войдут чистые души. Пустые орехи хозяйка не выбрасывает. Хранит их в ящике.

Не успела кошка объяснить, зачем нужны пустые орехи, явилась миссис Синие Глаза. Она выглядела жалко. Некогда белые перчатки стали черными. На платье образовались дыры.

Кошка потерлась о пыльные башмаки.

— Как дела, слуги? — Спросила хозяйка.

— Пыли нет. — Ответила Супница.

— Скорлупа в мешке. — Ответила Маркиза.

— Цветы не жалуются. — Приосанился господин Часы.

— Хорошие слуги. — Сказала хозяйка. — Я вами довольна.

На её платье вместо дыр появились заплатки. С черных перчаток посыпались страшные слова. С полки соскочила книга. Подхватила слова. Поместила их внутрь. Бросилась в огонь. Сгорела дотла. Из пепла поднялось Существо.

Существо принялось чистить перья от гари.

— Ты — книга. — Сказала хозяйка Существо.

— Я — книга. — Согласилось Существо и предстало пред всеми в белых одеждах. Зашуршали чистые листы

— Наполняю книгу надеждами. Каждый получит то, что желает. Возможности для любого бесконечны. Все проблемы преодолимы.

Книга запрыгнула на полку.

Из соседней комнаты вылетели белые птицы.

— Куда мы попали? — Спросили птицы. — Мы опять живые?

— Нет больше способов вас убить.

Миссис Синие Глаза обратилась к Маркизе:

— Сейчас, Маркиза, ты покормишь птиц. — Приказала ей. — Птицы долго были в пути. Проголодались.

— Что с нами было прежде? — Спросили птицы.

Возник снег. Распростершись, на снегу лежала птица. Её крылья были покрыты кожурой от красных яблок. Кто-то сплевывал кожуру на мертвую птицу. Из её сердца лилась кровь.

— Птицу жестоко убили. — Сказала госпожа Синие Глаза. — Если бы я не пришла за ней, она бы долго страдала. — В глазах хозяйки стеклянного дома отразились звезды.

— Вы — небо? — Спросила первая птица.

— Все несчастные под моим крылом. — Ответила ей госпожа Синие Глаза.

Птицы заходили по комнате. Громко зацокали.

— Я кого-то любила. Давно. — Сказала вторая птица.

Возникла чужая атмосфера на границе добра и зла. Объекты прошлого сделались реально видимыми.

Зеленая трава. В траве — гнездо. В гнезде — яйцо. Неподалеку — озеро. Из озера вылезло чудовище на кривых лапах. Спокойно чудовище разрушило гнездо. Съело яйцо.

«Ах!» Супнице стало страшно и больно.

Будучи провинциальной особой, Супница обладала эмпатией.

— Что потом случилось с птицей? — Спросила Супница.

— Она искала смерть. — Ответила госпожа Синие Глаза. — Я пришла за ней.

— Боль в груди осталась. — Пожаловалась вторая птица и близко подошла к Супнице.

Супница обняла птицу. Прижала к себе. Услышала, как внутри птицы что-то всхлипывает.

— Как много скорлупы в вашем доме. — Третья птица крылом укачала на пол.

Минутой назад пол был чистым.

— Откуда здесь скорлупа? Что это значит?

Миссис Синие Глаза подняла с пола расколотый орех.

— Им вовремя не оказали помощь. Они решили, что способны сами разрешить жизненные проблемы. Из невыносимого положения нашли единственный выход. Она забралась на крышу. С крыши прыгнула вниз. Разбилась о бетон. Теперь мне придется о ней беспокоиться.

— Птицы важно заходили по комнате.

— С ними надо что-то делать. — Стали цокать.

— Немедленно собери скорлупу в мешок. — Приказала хозяйка Маркизе.

Маркиза незамедлительно принялась исполнять повеление.

— Лучше бы они угодили в психиатрические лечебницы. — Посетовала мисси Синие Глаза. — Несколько месяцев в больнице сделали бы их сильными. В жестких условиях укрепилась бы нервная система. При невозможности тщательно ухаживать за своим телом и мыслями, меркнут переживания о неразделенной любви, низкооплачиваемой работе, изменах и фатальных ошибках. Стали бы ценить жизнь.

— Что вы знаете о больничке! — Возмутилась Супница. — Потное тело воняет. — Супница поморщилась. — В больничке не дают мыться. Забирают мочалки и мыло. По телу бегают насекомые

— Когда по телу бегают мелкие твари, не до суицида. — Хозяйка хитро улыбнулась. — Все сделано для того, чтобы отвлечь мозг.

— Многие из них не желали умереть. — Господин Часы кое-что знал о суициде. — Всех, кто выживал, привозили в клинику. Они просто были глубоко несчастны. Человеку нужно говорить, что он не один. Что он не безразличен обществу, семье. Человека нужно внимательно выслушивать. Я умею слушать. Я хорошо слышу крик о помощи.

— Я знаю, господин Часы. — Миссис Синие Глаза заботливо стряхнула пыль с господина Часы. Тот ей нравился.

Птицы столпились у ног миссис Синие Глаза. Задрав головы, тревожно затрещали:

«Что будет с нами?»

— Я нарисую сад. — Пообещала хозяйка птицам. — Помещу вас в неувыдающем саду. Вы будете слышать голоса деревьев. В абсолютной безопасности уменьшатся ваши переживания.

— Птицы останутся навсегда в саду? — Уточнил господин Часы.

— Под моим присмотром до скончания веков. — Согласительно кивнула госпожа Синие Глаза.

— Что я делаю в вашем доме? — Тогда спросил у неё господин Часы.

— Вы нашли тут спасение, господин Часы.

— Почему я здесь? — Спросила Супница.

— Вы износились. Ваши потенциальные возможности исчерпались. Вас ждало большое разочарование.

— А я? — Спросила Маркиза.

— Вас изгнали. Унесли вместе с мусором.

— Я слышу тревожный шепот, хозяйка. — Пожаловалась кошка. — Души бродят. Перемещаясь с места на место, стонут. Рассказывают друг другу свои истории.

— Они не знают, что умерли? — Спросила Супница.

Супницу часто волновал вопрос: живая она, или мертвая. Если ее не стало, кто ходит, дышит и говорит.

— Все они заражены дыханием смерти. — Шепнула кошка.

— Ш-ш-ш. Тише. Замрите все. — Приказала хозяйка.

Возник город. Постройки стояли сгорбившись. Крыши, с разбитой черепицей, постанывали.

Особенно страдал один дом.

Если подняться высоко и посмотреть в проем дома, в квадратной комнате можно увидеть крест. Если спустить ниже, — птицу с широкими крыльями.

При проникновении внутрь испорченного дома, открывалась печальная картина: стулья, покрытые копотью; четыре ноги от стола и всякая пыльная рухлядь, под которой покоилась фотография. Мужчина и женщина, взявшись за руки, радостно находились внутри живого мира. Растения окружали их. Мужчина и женщина доверяли миру. Напрасно...

Разрушенный город был под охраной. У городских ворот стояла стража. Их черные колпаки непомерной высоты издавали пронзительный звук и наводили ужас.

Их черные башмаки на вывернутых ногах смотрели друг на друга. Их черные рты автоматически раскрывались. «Мертвые под неусыпным наблюдением».

«Не все погребены». Сказала им госпожа Синие Глаза и вошла в город.

«Смерть идет. Смерть идет». Изрыгали черные рты. «Прекрасная и величественная».

«Есть кто?»

Миссис Синие Глаза бросила на разбитую пыльную дорогу дары: драгоценные камни. Те с грохотом покатались по дороге. Произвели такой шум, как грохочущая повозка.

Черные колпаки стражи стали красными. Их башмаки окрасились в белый цвет. Один из стражников возвестил в полный голос: «Выходите те, кто сильно поврежден, но вполне узнаваем».

Госпожа Синие Глаза расправила крылья. Её платье стало праздничным. Она сказала: «Вижу ваше отчаяние. Ваши изображения находятся внутри меня».

Послышались шорохи. Явились бестелесные сущности. Их фигуры были сделаны из дыма. Сущности заговорили человеческими голосами.

— Я долго собирала свои кости. Они потерялись в зелени. Высокая трава укрыла раскрытый череп.

Сущность указала на голову. Из нее торчал топор.

— Меня утопили в грязной воде. Кругом плавали трупы коней.

Сущность указала на свой рот. Из него свисала тина.

— Я давно ослеп. Зачем палачу понадобились мои глаза?

Сущность указала на свои пустые глазницы. Из них выпали жуки.

«Следуйте за светом». Приказала им госпожа Синие Глаза.

Появился яркий шатер. Внутри шатра играла музыка.

К шатру приблизились три сущности.

— Нет сил сопротивляться. — Сущности исчезли в шатре.

— Наконец-то неприкаянные души нашли покой. Теперь они быстро забудут виновников своих несчастий. Не станут проклинать тех, кто жестоко расправился с ним. Пустое это. В спокойствии и радости готовятся к новому рождению. Они больше не будут тебя пугать, Булочка. — Сказала хозяйка своей кошке. — Все ради кошки. — Кивнула. Прилегла и крепко уснула.

Город пропал.

— Вы только взгляните на эти перчатки! — Взялась сокрушаться Супница.

Супница стирала перчатки. Снова и снова появлялась кровь в воде. Супница часто меняла воду. Не сразу перчатки стали белыми.

Маркиза начищала хозяйские башмаки. С подошвы отваливались куски мяса. Не скоро она привела в порядок обувь.

Хозяйка дома проснулась от оглушительного треска. «Катастрофа». Сказала и исчезла.

— Ну, хоть ушла в чистых башмаках. — Вслед ей кивнула Супница. Слуги стали заниматься привычными делами.

Дом был большой. В доме было много комнат. Каждое помещение хранило особую атмосферу. Некоторые комнаты пропахли безнадежностью, в них предметы разваливались на части. Тетушке Супнице приходилось наводить порядок в дальних комнатах. Длительное время находиться там, значило, подвергать себя опасности.

В одной из комнат поселилась госпожа Тоска.

— Как вы сюда попали? — Спросила тетушка супница у Тоски, увидев её в первый раз.

— Явилась в дом по приглашению хозяйки. — Ответила Тоска. — А вы — та самая тетушка Супница?

— Это я.

— Вы никогда не достигнете цели, тетушка Супница. Не добьётесь успеха. Вы обречены.

Сладу с ней не было, с этой госпожой Тоской. Мало того, что сама была зеленого цвета, она еще и тетушку Супницу подвергала в уныние.

— Нам нужно подружиться, тетушка Супница, — как-то предложила Тоска. — Вы никогда не сможете обрести счастья. Я тоже. Всё кончено, тетушка Супница. Не относитесь к своей смерти легкомысленно. Вы упали с полки и разбились.

Тоска страдала фрустрациями. Окружила себя темным прошлым, вытаскивала оттуда переживания.

К счастью, тетушка Супница была далека от философских размышлений. После уборки комнаты, она шла на кухню, где с жадностью набрасывалась на конфеты.

«Не заходи в закрытую комнату». Прежде, чем исчезнуть, каждый раз предупреждала хозяйка.

Недоступность вызывает жажду. «Что случится, если я нарушу запрет?» В свободное время Супница искала ключ от тайной комнаты и уже решила, что хозяйка уносит ключ с собой. Неожиданно ключ нашёлся.

Супница попробовала. Ключ подошел. Запертая комната отворилась. Внутри стоял сундук. Оттуда раздавался глухой звук. Стучали лопатой о сухую землю. Супница приподняла крышку и услышала хозяйский голос: «Всё таки соблазнилась. Открыла вход между мирами. Увидела сокровище. Узнала тайное. Услышала запретное».

Супница замерла.

Из сундука выскочил петух в красных сапожках. "Ку-ка-реку! Крадется беда. Кто-то останется без кормильца!" Раскричался петух.

— Почему ты голосишь, диковинная птица? — Спросила тетушка Супница.

— Смерть ходит рядом. — Ответил петух. — А я сижу на жердочке. А кругом такая красота. Розы в саду благоухают. Облака плывут над землей. В мире, где обитают живые сущности, есть небо. Задержусь еще тут.

Из сундука показалась голова хозяйки.

«Иногда я закапываю сама». Сказала миссис Синие Глаза.

Супница выбежала из комнаты.

— Я знаю, кто наша хозяйка! Она велела не входить в комнату, но я проникла в неё.

— Чего кричишь? — Недовольно спросила кошка. — И без тебя был трудный день. Думаешь, легко всматриваться в темноту? Те, кто пострадал в войну, рядом. Они давно приобрели синеватый оттенок. Солдат в темноте совсем не видно.

— Наша хозяйка — Смерть. Она сама закапывает!

— И что с того? Не все так трагично в этой истории. Мне лично все равно, чем она занимается. Хозяйка ухаживает за мной. Чешет животик. Целует в макушку. Я люблю её. — Кошка благостно мяукнула. Перевернулась со спины на живот. Раскинула в стороны лапки и замурчала.

— Наше существование прервется? — Спросил господин Часы у кошки.

— Оно уже закончилось. — Зевнула кошка. — А что такое существование? Когда я была живая, жила на помойке. Никому не было до меня дела. Я голодала. Меня кусали насекомые. На шее образовался лишай. В этом доме меня любят. Цените то, что имеете.

— Я теряю спокойствие. — Взгляд Супницы стал растерянным. — У меня перестала работать голова. — С трудом произнесла Супница.

Супница впала в ступор.

— Убери вредные мысли из головы, Супница, полегчает. Нет причин для беспокойств. Лучше займись работой. — Посоветовала кошка. — Моя хозяйка давно получила мировое признание. Вы нужны ей, Супница.

— Зачем?

— Когда миссис Синие Глаза возвращается, находит дом в порядке.

— Я узнала страшную тайну. Как мне мириться с этим? — Супница всхлипнула.

— Да. Любопытство — хуже смерти. — Вздохнула кошка. — Не стоило входить в запретную комнату. Не надо было её открывать. Вам это было строжайше запрещено. Так спокойно жили...

— Как я раньше не догадался. — Нахмурился господин Часы.

— Не волнуйтесь, господин Часы. Посмотрите на всё под другим углом, господин Часы. — Сказала кошка. — Да, у неё нет сердца. В прекрасных одеждах она входит в мир живых. Кто-то должен исполнять трудную работу.

— Всё было так очевидно.

— Хотите поговорить обо этом, господин Часы? — Спросила кошка.

— Да.

— Гордитесь тем, что работали на миссис Синие Глаза. Ухаживая за цветами, вы продлевали жизнь обреченным. Те, у кого дни сочтены, радуются каждому новому дню. Наш мир тесно связан с другим миром.

— Мы уходим. — Заявил господин Часы. — Все повернулось неожиданной стороной.

— Нам нужно найти крошку Джейн. — Вдруг вспомнила тетушка Супница.

— Я не боюсь выйти на улицу. — Маркиза направилась к двери.

— Вам нужно передумать. — Попросила кошка. — Кто же будет убирать дом, тетушка Супница? Кто будет меня купать? Вы были хорошей прислугой, тетушка Супница! — Кричала кошка в открытую дверь. — Вас погубит северный ветер! Неблагодарные! Она оживила вас. Теперь вы двигаетесь. Вы не совсем куклы.

Входная дверь с шумом захлопнулась.

Господин Часы, тетушка Супница и Маркиза стали отдаляться от дома, где жила госпожа Смерть и её кошка. Шли молча, не разговаривая.

Раздался скрежет металла.

— Кто здесь? — Нервно спросила Супница.

После пережитого в её теле остался страх.

— Это я. Сторож кладбища. — Отозвался голос из темноты. — Госпожа Синие Глаза говорила обо мне. Смерть меня знает.

Показалась тачка, а с ней и хозяин передвижного средства — толстый человек в шляпе. В руках у незнакомца был светильник. Человек

широко улыбался. Человек был похож на довольного фермера, который собрал богатый урожай и был весьма доволен собой.

— Господин Часы! — Обрадовался незнакомец.

— Мы встречались?

— Виделись пару раз. — Ответил незнакомец. — Я глядел на вас. Вы смотрели в сторону. Помнится, тогда умерла ваша первая хозяйка.

— В ваших руках лопата. — Сказала Супница. — Зачем она вам? Собрались высаживать семена?

— Не бойтесь, Супница. Не для вас я копал яму.

— Вы знаете нас, уважаемый?

— Кошка о вас рассказала. Кошка гуляет у кладбища. Меня зовут мистер Джон. Не страшитесь заблудиться в темноте? Всякие тут бродят. Можно получить эмоциональное потрясение.

— С чем мы можем столкнуться, мистер Джон?

— С кошмаром, господин Часы. Мертвые видят тревожные сны. Их субъективные восприятия материализуются. Образы их сновидений оживают. Выходят за рамки. Становятся осязаемыми. Чудовища могут нанести вам травму, господин Часы. Вы боитесь, господин Часы? Вам следует бояться, господин Часы.

Господин Часы гордо выпрямился. По какой-то причине у господина Часы отсутствовал страх перед мистером Джоном. Господин Часы понимал, что мистер Джон, не смотря на свою любезность, может нанести удар. Часы встанут. Положение было щекотливым, но господин Часы старался быть на высоте.

— Крошка Джейн у вас? Говорите!

— Что вы, господин, Часы. У меня её нет. Своих постояльцев я знаю в лицо. Среди них: погорельцы, утопленники, повешенные. От многих лиц не осталось. Тогда я распознаю их по запаху. — Мистер Джон улыбнулся фальшивой улыбкой.

— Вам нравится местный запах?

— Ко всему привыкаешь, милейший.

— Откуда вы идете, мистер Джон?

— Мистер Джон махнул рукой в сторону. В темноте прятался разрушенный город.

— Я часто посещаю развалины. Бесперывно тружусь, господин Часы. Только что оттуда, всматривался в темноту. Вдруг, кто-то лежит в овраге.

— Вам не страшно ходить в город, мистер Джон?

Супница поежилась.

— Эх, Супница. Что такое страх? Мыслеформа. У меня со страхом нет ничего общего. Я не конечен. Мое существование никогда не прервется, Супница. Неразорвавшиеся бомбы времен войны притягивают меня в город.

— В городе есть раненые? — Маркиза оживилась. Если кому-то нужна помощь, Маркиза была готова её оказать. У Маркизы была потребность быть нужной. Маркиза существовала в доброй атмосфере. Маркиза была милая девушка.

— Вы так неопытны, дорогая. Трупы я там ищу, девочка. Вот, собрал полную тачку.

Господин Часы заглянул в тачку.

— Тачка пустая.

— Ваши примитивные убеждения ложные. Сгустки в тачке.

Мистер Джон широко открыл рот. Из рта пошёл пар.

— Странный запах. Он исходит от вас, мистер Джон. — Обычно Супница не нарушала этических границ. Была вежливой и легко устанавливала контакт с незнакомцами. Тут же, когда речь шла о выживании в темном пространстве, нежданно потеряла бдительность. В кризисной ситуации сказала худшее, что могла.

К счастью, мистер Джон ничуть не обиделся.

— Вы правы, Супница. От меня несет мертвечиной. Нужно закопать этих, пока не поздно. Следуйте за мной, путники. — Приказал он. — В темноте можно пропасть. Этот мир беспокойный и жёсткий. В неодушевленной природе некоторые пребывают в состоянии непрерывной деятельности. Благодаря эфиру, освобождается энергия. Тела скачут. Могут напасть. Я проведу вас безопасной дорогой.

— Мы не пойдем с вами. — Воспротивилась Супница. — Мы вас не знаем. Мы с вами можем попасть в неприятности. С нами произойдет что-то плохое.

— Будьте благоразумны, Супница. — Прикрикнул на неё мистер Джон. — Без меня с вами произойдет точно плохое. Не сделаете так, как я говорю, пропадете. Мало того, что вы нарушили уговор и побывали в запретной комнате, Супница, вы еще и оказываете упорность. Здесь мертвое может оказаться живым. Увидите истлевших в оборванном, сойдете с ума. Вам это надо? Вам ещё топтать и топтать до замка.

— Замок далеко, мистер Джон? — Поинтересовался господин Часы. — Было бы неплохо нам знать, где он.

— Никогда не бывал в замке. Я служу кладбищу. Мне нет дела до замка. В замке обитает мистер Зло и его двойник. Лиц в зеркале всегда два. Нет нужды с ними встречаться. Я хожу только в мертвый город.

Показался ров. На краю, прижавшись друг к другу, свесив «ноги», сидели сущности. Выглядели они весьма удрученно. Напряженно всматривались вдаль с каменным и мрачным выражением лица.

— Они из плоти и крови?

— Что вы, господин Часы.

Над их «головами» парили несбывшиеся мечты. Мечты ускользали. У сущностей отваливались призрачные руки.

— Что происходит, мистер Джон? Вы знаете?

— Знаю ли я? Конечно, я в курсе, господин Часы. Пережив полное поражение в финале жизни, они теперь саморазрушаются. Обманутые надежды приносят им глубокие страдания.

— Их муки можно прекратить?

— Никак нельзя. Я хотел их закопать. Ничего не вышло. Сущности прилипли к одному месту.

— Несчастные. — Тихо обронила Супница и закрыла лицо руками.

— Они так реальны. Зачем им вечность быть тут?

Мистер Джон её услышал.

— У сущностей выработался автоматизм ожидания. Кто-то ждёт возлюбленную с желанием обнять её. Кто-то ждёт смерть дедушки, чтобы получить наследство. В нашем мире это не хорошо и не плохо. Но приятного мало. Пошли дальше. С этими можно сдохнуть от скуки. Пойдем туда, где некоторые умеют веселиться. Своими глазами увидите зрелище экстатического опьянения.

Появился костер. Громко звучала музыка. Сущности плясали у огня.

— Они живы? — Спросила Маркиза.

— Живы ли они? — Мистер Джон добродушно рассмеялся. — В каком-то смысле, да. Их невозможно уничтожить. Пред вами заключенные и надзиратели. У них были разные роли. Их личное пространство было сокращено до крайне необходимого. В атмосфере тюрьмы обе группы были подавлены и несчастны. Те, которые прожили тяжелую жизнь, теперь радуются. Их ноги танцуют сами по себе. Их души полны оптимизма. Их рты ревут во всё горло. У нас хорошее кладбище. Эти устроили вечеринку. А насильники и убийцы лежат тихо. Боятся даже пошевелиться, так им страшно. У нас элитный погост.

Мистер Джон принялся копать яму.

Послышалось хоровое пение.

— Мертвые поют?

— А вы хотите, чтобы они стонали, Супница?

Выкопав яму, мистер Джон наклонил тачку, и что-то выбросил из неё. Поднялась пыль.

— Готово. — Мистер Джон отряхнулся от пыли. — Я буду вас навещать. — Кому-то сказал мистер Джон и приложил руку к груди. — Пропущу ток через эфир и общество примет вас. Обещаю.

— С кем вы разговариваете, мистер Джон? — Господин Часы pokrutil головой. — Вы ведете себя бессмысленно. Никого ведь нет поблизости.

— С ними я разговариваю, господин Часы. — Мистер Джон указал в яму. — Был страшный бой. Никто не мог предсказать, на чьей стороне будет победа. Разве это имеет значение? В ходе борьбы погибли все. Думаете, им нравится лежать на земле пеплом? Никому не нравится. Вот я их и закопал. Какой же я плохой хозяин. — Встрепенулся мистер Джон. — Не предложил вам снять пыльную одежду.

Появились чистые одежды с капюшонами.

— Переоденьтесь. — Попросил мистер Джон. — Местные не должны понять, что вы повреждены. В состоянии эффекта могут на вас напасть. Местным не нравится находиться рядом с легко дышащими. В этом наряде, — мистер Джон хихикнул, — кладбищенские примут вас за своих.

— Колется костюмчик. — Пожаловался господин Часы. — Нет желания его носить.

— А придется, господин Часы. Ваш саван сделан из крапивы. — Ухмыльнулся мистер Джон. — Тут ничего не растет, кроме крапивы. Я использую её для изготовления ткани. Многие поступают к нам в чём придется. А это не положено. Я придерживаюсь правил и исполняю обрядовость. Пошли. Приглашаю вас в свою сторожку. Я вас угощу, чем придется. Вы мне расскажите, что попало. Ах! Нет же ничего к чаю! — Всполошился мистер Джон. — Ничего. Скоро поступит посылка. До меня тут работал один нытик. Плакал и причитал. Еле-еле справлялся с поставленной задачей. Всем надоел. Покойники написали на него жалобу. Вместо него прислали меня. Теперь все довольны. Посылки поступают регулярно. Топайте за мной, ряженные. Не вздумайте с кем-то заговорить.

— С кем мы можем заговорить?

— Супница! Держите рот на замке. В сторожку пожалуют покойники. Вернувшись из разрушенного города, всегда принимаю посетителей. При них, господа, ни слова.

Следуя за хозяином кладбища, господин Часы, тетушка Супница и Маркиза всё время смотрели под ноги. Боялись провалиться в открытые ямы. Их выкопали заранее.

Мистер Джон говорил и говорил.

— Моя задача: хоронить солдат. Я их нахожу. Своих. Чужих. Хорошие человеческие души тянутся ко мне.

— Вы жили среди людей?

— Никогда не жил. — Сказал мистер Джон. — Пришли.

Кладбищенская сторожка имела четыре кирпичные стены, пару окон и ровную брезентовую крышу.

В сторожке мистера Джона было много вещей. Господину Часы, тетушке Супнице и Маркизе показалось, что они попали на свалку. Повсюду находились кастрюли, чашки, подушки, полотенца.

— Зачем ему всё это? — Спросила тетушка Супница у господина Часы. А хозяина в комнате не было. Кого-то высматривая, он остался на пороге. — Какой в этом смысл, господин Часы? Вы знаете?

Господин Часы видел похороны.

— У живых странные представления о загробном мире. Им нужны ритуалы. — Ответил господин Часы.

На столе появилась курица.

— Еда для покойников. — Раздался голос мистера Джона. Сам он был за дверью.

— У покойников есть покровители? — Спросил у него господин Часы.

— Родственники. Друзья. — Ответил мистер Джон. — Когда зерно в земле, ему ничто не угрожает.

Появился кувшин с вином.

— В ямку по капельки. Довольный покойник лежит смирно. — Рассмеялся мистер Джон. В своем деле он знал толк.

— Где же вы, хозяин кладбища? — Спросила Супница.

— Везде. — Ответил мистер Джон.

— Этот мистер Джон немножко сумасшедший. — Шепнула Супница. — Чокнулся от такой жизни. Принимает. Закапывает. Поминает.

— Я всё слышу! — Сказал мистер Джон.

Возникнув в комнате, мистер Джон разулся. Когда он стянул с ног пыльные сапоги, все увидели культяпки.

— Вы потеряли ноги? — Спросил господин Часы.

— Я приобрел тело. — Сказал мистер Джон. — Расскажу вам историю. Когда-то я был деревом.

— Деревом? — Не поверила Супница.

— Именно. — Кивнул мистер Джон. — Будучи деревом, постоянно мечтал.

— О ком? — Спросила Маркиза.

— О ней. — Вздохнул мистер Джон. — Девушка-цветок жила неподалеку. Бессмертное существо с головой прекрасной нимфы. Лесные птицы пели ей песни о любви. Хранители пещер рассказывали ей сказки о любви. Странники припадали к её стеблям. Ангелы целовали её в уста. Она были из особой расы. Моя прекрасная Амелия. Я любил её. Я так и не открылся пред ней.

— Почему, мистер Джон? — Удивился господин Часы.

Господин Часы никогда не упустил бы возможность встречи с возлюбленной. Люди часто поступали иначе. Люди были обречены на одиночество.

— Не хватило мужества, господин Часы. Кем я был?.. Деревом. В своих мечтах я заходил слишком далеко. Видел себя на двух ногах. И однажды... Появились ноги. — Мистер Джон указал на культяпки.

— Вы подошли к ней?

— Ничего подобного, Супница. Кто я такой? Я был не достоин её. Амелии поклонялись. А у меня были только ноги. И я стал мечтать о теле. "Если бы у меня было тело. — Думал я. — И руки. Я бы подошел к ней и обнял ими прекрасную Амелию". И мне дали тело. — Сказал мистер Джон.

— И что вы сделали, мистер Джон?

— Приблизился к ней, Маркиза. Вблизи она была еще прекрасней. Я долго-долго смотрел в её глаза. И думал... Что я не достоин её. Вот если бы я сделал что-то значительно. Совершил подвиг! И мне дали эту работу. — Рассмеялся мистер Джон. — Всё кончено.

— Когда-то на это место пришлют другого работника. Вы вернётесь туда, откуда родом. Все образуется, мистер Джон.

Господин Часы сделал попытку приободрить мистера Джона.

— У меня бессрочный контракт, господин Часы. — Мистер Джон поднял с пола полотенце. — Я нашел работу по душе. На кладбище я обрел стабильное психологическое состояние. Никакой любви. Никаких терзаний. С головокружительной радостью принимаю предметы, посылаемые в мир мертвых из мира живых.

— Вы берете взятки, мистер Джон?

— Не отказываюсь от подношений, господин Часы. За кого дают, тем лучше, чем другим. У них всегда мягкая постель. Мягкое приятней твердого. Попробуйте, поспите на голых досках.

— Не хочу, мистер Джон.

— В нашем мире все ценят утраченное. Здесь может появиться то, к чему был привязан живой человек. Вот вы, тетушка Супница, пьете вкусный чай.

Появился чайный сервиз на шесть персон. Супница отхлебнула из чашки.

— Чудесный чай, мистер Джон.

— Даритель облегчил душу. Постоялец получил энергию. Все в порядке.

На пол посыпались карандаши и краски.

— Прибыл товар для художника. — Пояснил мистер Джон. — Знаете, какие тут субъекты! Знаменитости встречаются.

Внезапно предметы пропали. В доме стало пусто.

— Куда подевались вещи? — Спросила Супница.

— Всё раздал нуждающимся.

— Вы никуда не выходили, мистер Джон. Все время были с нами.

— Нас много. — Мистер Джон хитро улыбнулся. — Один мистер Джон катит тачку в сторону разрушенного города, чтобы найти там чьи-то останки. Другой мистер Джон везет груженную тачку обратно, чтобы закопать останки. Третий мистер Джон, раскрыв черный зонт, стоит в ожидании дождя. Напрасно ждет. Тут нет дождей. А я здесь, веду с вами задушевные беседы.

— Приятный вечер. — Подметила тетушка Супница.

— Никто не угрожает. — Кивнул мистер Джон.

— Вы в опасности, мистер Джон? — Спросил господин Часы.

— Вокруг — эфир. В эфире живут злобные сущности. Их глаза открыты. Я ни чем с ними не связан. Они сами по себе.

В дверь постучались.

— Войдите. — Сказал мистер Джон.

Появился субъект в черном костюме.

— Опять вы? Какой же вы неугомонный, Марсель. — Опечалился мистер Джон.

— Мне нужна ваша помощь, мистер Джон. — Голос был мужской и грубый. — Скоро я перестану вам доверять. Как можно существовать в загробном мире без взаимного доверия? Ах, мистер Джон. Вы находитесь в рискованном положении. — Всхлипнул женский голос. Субъект стал разыгрывать роль женщины. На прозрачной голове появилась кокетливая шляпка. В прозрачных руках возникла яркая сумка. — Вы разрушаете наши отношения. Прежде я восхищалась вами. На этом кладбище вы навели идеальный порядок. Никто не бродит после полуночи.

— Все спят. — Согласился мистер Джон. — Добровольно и вовремя.

— Мне не уснуть. Кто я? Не могу определить гендерный статус. Нахожусь в душевном смятении. Мысли терзают. Тревожные размышле-

ния порождают бессонницу. Поднимаюсь. Брожу среди могил. Заиграю с офицерами. Я совершенно не здоров.

— Вы совершенно мертвы, Марсель. — Сказал мистер Джон. — Не понятно, как быть дальше. — Вздохнул мистер Джон. — Пол, записанный в документах при рождении, не совпадает с посмертными документами.

— Нужно отправить наверх оба варианта. Кто я?

— Марсель, уходите. — Попросил мистер Джон. — Разве вы не видите, что у меня гости.

Субъект пропал.

— Спорные вопросы нужно решать на Земле, — заявил мистер Джон. — Тут нет возможности что-либо исправить. Проблема останется навсегда.

В дверь постучали. В сторожку мистера Джона проникли два силуэта. Прошли они сквозь стену. Силуэты были повернутые друг к другу спинами. Силуэты имели пол. Мужская сущность спиной прижималась к женской сущности.

— Здравствуете, госпожа Валерия. Добрый вечер, господин Марк. — Мистер Джон вежливо поздоровался с ними.

— Где моя жена, мистер Джон!? — Строго спросил господин Марк. — Что вы от меня скрываете, мистер Джон?

— Сколько раз я вам говорил, господин Марк. — Мистер Джон вздохнул. — Ваша жена покончила с собой. Самостоятельно прервав жизненный срок, обрекла вас на страдания. Вы ещё долго не сможете её увидеть. Боритесь с тоской, Марк. Выход есть. Все ни так безнадежно.

Сущности исчезли.

— Будут скитаться по кладбищу, не видя друг друга. — Пояснил мистер Джон. — Он ищет её... Главное, им не пропасть. Не упасть в бездну. Здесь и такое местечко имеется. Оттуда сквозит отчаяние. Бррр.

— Эти двое встретятся?

— Конечно, Супница. Погрузятся друг в друга. Станут единым. Проблему не решить, пока не пройдут тридцать земных лет. Ей суждено было прожить семьдесят лет. Она ушла в сорок. Я — хороший математик. — Похвастался мистер Джон и потер пухлые ладошки. — Теперь ваша очередь. Удивите меня.

— Хорошо. — Согласился господин Часы. — Вот история.

Девочка в саду нашла монету с изображением царя. Опустила монету в карман красного пальто. Была осень. Под её крошечными башмачками шуршала листва.

В доме девочка спрятала монету. Никому о ней не сказала. Даже бабушке.

Монете было много лет. Её отчеканил царь Аллиат, который жил между 660 и 600 годами до нашей эры. Среди необычных знаков, высеченных на тыльной стороне, был квадрат, в нём быстро менялись цифры. Маша любила смотреть на цифры.

Однажды цифры завертелись. После этого происшествия появились две Маши. У одной Маши в автокатастрофе погибла тетя. Состоялись страшные похороны с унылым завыванием родственников. А у другой — нет. Никто не погиб. Одна Маша стала математиком. Другая Маша научилась шить красивую одежду. Одна Маша попала под машину, но не умерла, а стала плоской и поселилась в двухмерном пространстве. Там она вышла замуж и родила плоских детей. А в возрасте семидесяти лет угодила в лечебницу. Я встретил её. Я тикал в лечебнице. Ей ставили диссоциативное расстройство личности. Маша часто видела себя со стороны. Маша ела таблетки горстями. Это её убило.

— На моём кладбище нет Маши. — Сказал мистер Джон. — А где монета, господин Часы?

— В саду. Под сливой.

— Вы воздействовали на мое воображение, — довольно кивнул мистер Джон. — Вручаю вам ценный подарок, господин Часы. — Мистер Джон разжал ладонь. Все увидели осколок зеркала. — Однажды миссис Синие Глаза поскользнулась. Зацепила зеркало. Её магическое зеркало упало и разбилось. Осколок влетел на кладбище. Сей предмет вам пригодится, господин Часы.

В дверь постучали.

— Я занят! — Кому-то выкрикнул мистер Джон. — У меня деловая встреча. Зайдите позже!

За дверью недовольно простонали.

— У вас трудная работа, мистер Джон. — Посочувствовала Супница.

— Да. — Согласился мистер Джон. — Вам пора, задержавшиеся на кладбище. Двигайте конечностями в сторону кованых ворот. Встретив говорящие головы, не вступайте в диалог. Они искусственные и ничего не стоят. О том, что вы носили саван, никому не рассказывайте. Это не понравится ни вашим, ни нашим. В моем доме вы были в безопасности. Теперь вы сами по себе и отвечаете за себя.

Ухмыльнувшись, мистер Джон вытолкнул гостей за дверь.

На кладбище было тихо. Ни шороха. Ни звука. Покойники спали. Прилег и мистер Джон. Ему снилась девушка-цветок с прекрасным лицом.

— Мистер Джон — трус. — Сказала Маркиза. — Он отказался от любви.

— Он не трус. — Возразил господин Часы. — Бывает так, что трудно открыться. Вот он и ушел, чтобы копать ямы.

— Тут повсюду отверстия в земле. — Маркиза заглянула в яму. — Из них выпрыгивают лягушки. Почему птицы не унесут их?

— Птицы не залетают на территорию кладбища. — Пояснил господин Часы. — Осторожно, Супница. Сморите под ноги. Вы чуть не провалились. Повсюду углубления. Не ясно, глубоки ли они. Следуйте за мной, Супница.

— Куда мы шагаем, господин Часы?

— Нужно посетить Предсказательницу. — Ответил господин Часы. — Колдовское стекло больно впилося в руку! Расцарапала линию жизни. Теперь я всё знаю! О золоте. О серебре. Свинце. Кислороде. Чертовые элементы оживили Предсказательницу.

— Туфли трут. У меня ухудшилось самочувствие. — Пожаловалась Маркиза и тотчас взлетела. — Я лечу, господин Часы! Я лечу головой вперед! Я разобьюсь?

Маркиза упала не на голову, а на живот. Все, что было внутри Маркизы, не пострадало.

— Где же я?

Вдали тусклым светом замерцало окошко строительного вагончика. Стены вагончика были тонкими, скорее всего они были сделаны из фанеры. При плохой изоляции стены пропускают любой звук днем и ночью. Из вагончика послышался жалкий смешок.

"Толстяк, с печки бряк".

— Я не толстая! У меня лишь незначительная прибавка в весе. — Возмутилась Маркиза. — Во всем виноваты антидепрессанты. Эй, вы! Выходите из вагончика! Познакомимся!

"Ага. — Донеслось из вагончика. — Не дождешься".

Те, которые были внутри, стали перешептываться.

"Надо её напугать". Предложил один из них. "Покажем ей голову!". Поддержал другой. "Получится ли?" Засомневался третий.

Что-то свалилось на Маркизу.

"Ой!" Крикнула Маркиза.

"Ага!" Обрадовались прятавшиеся в вагончике.

Взяв предмет в руки, Маркиза поняла, что это голова. Мраморная голова была холодной. Мраморные веки приподнялись. Мраморный рот искривился в саркастической улыбке.

— Приветствую тебя, заблудшая душа. — Произнес мраморный рот.

Страх ударил по спине. Тело приобрело рабское положение. Маркиза упала. Чтобы избавиться от головы, Маркиза приложила усилие, да не тут-то было. Голова прилипла к рукам.

Маркиза зажмурилась.

— Смотри на меня. — Произнес мраморный рот. — Открой глаза! — Приказал мраморный рот. — Прояви благодарность.

Разлепив веки, Маркиза увидела, как из глазниц мраморной головы посыпались цветы. Полностью они укрыли Маркизу.

— Хорошо тебе? — Спросила голова.

— Тепло. — Ответила Маркиза.

— Я всё отдал. — Сказала голова. — Ты прочно связана со мной.

Над цветами закружились птицы.

— Еще одна. Маркиза потеряла себя. — Распелись птицы. — Какая хитрая эта мраморная голова. Собирает только чистые души. Тяжелая голова никому не нужна.

— Новый день для Маркизы не начнется. — Сказала одна птица.

— Красивые цветы на тебе, Маркиза. — Сказала вторая птица.

— Чудесный финал. — Пропела третья птица.

Маркиза не слышала птиц. Маркиза спала. Казалось, что её невозможно было разбудить.

Пернатые не были безразличны к Маркизе. Они распелись громче.

— Увянувшие цветы опустятся под землю. Маркиза уйдет с ними. Маркиза станет частью земли. Весной цветы поднимутся над землей. Маркиза прорастет в них. Маркиза — дитя цветов. Много раз одни и те же циклы. — Пели птицы.

"Эй! — Раздалось из вагончика. — Рано улеглась, девчонка. — Послышался смешок. — Поднимайся, Маркиза!" Потребовали голоса. В голосах была сила.

"Заключи с головой договор". — Сказал первый голос.

"Голова ответит на любой твой вопрос". — Сказал второй голос.

"Ничего, что голова без тела". — Сказал третий голос.

Вздрыгнули веки. Тело забило в конвульсиях. Маркизу выбросило из мертвецкого сна.

На землю упали бумажные птицы. Образовалось озеро. В озере отразились облака.

Маркиза умыла лицо свежей водой. Прозрачные облака сложились в женскую фигуру. Розовое тело погрузилось в воду.

— Ты кто? — Спросила Маркиза.

— Отражение. Ничего нет. Жизни нет. Есть только отражение. — Прозрачная девушка развела руки в стороны. Из её ладоней проросли черные лилии.

"Разве лилии могут быть черного цвета?" Спросила Маркиза.

«Ты мало знаешь. Всё есть вибрации. Мир безличен. Нет подлинного существования».

Черные лилии плыли к берегу. Розовая девушка, перевернувшись на живот, изогнулась всем телом. Её мокрые желтые волосы сложились в венок.

— Ты много себе позволяешь! — Возмутилась Маркиза. — А если папа увидит?

— Я не люблю мужчин. — Призналось отражение. — Они бьют ногами в живот.

Розовая девушка показала розовый шрам.

— Солнце помогает. Шрам я лечу солнцем. Каждое утро я пою гимн солнцу. Мое утро начинается с пения. С чего начинается твой день, Маркиза?

— Варю кашу отцу.

— Брось этого алкоголика. Почему ты с ним возишься? Тебя преследует чувство вины?

— Он — мой отец.

Девушка подняла руки вверх и запела.

— Ты хорошо поёшь. — Похвалила Маркиза.

— Весна.

Запах свежей травы наполнил пространство.

— Нет земных событий. Есть только качественные вибрации. Избавься от вины, Маркиза.

Руки розовой девушки удлиннились настолько, что достали берега и схватили Маркизу.

— Пойдем со мной, Маркиза. — Красными ногтями розовая девушка впилась в плоть. Боль была сладкой. — Станем одним целым. Тени не нужны. Тени поглощают энергию и образуют препятствия для солнечных лучей.

— Отец будет сердиться. Он проклянет меня.

— Я спасу тебя, Маркиза. Вся гадость снаружи. Ты чистая изнутри. В эмпирическом мире работают символы. — Розовая девушка стала притягивать Маркизу к себе. — Я буду твоим защитником. Я буду твоим

наставником. Я стану твоим судьёй. Ты не виновата в том, что убила. И я бы убила его. Дыши со мной. Дыши ровно. Тебе было трудно. Никто бы не выдержал. Лучше убить, чем быть изнасилованной. Перед лицом угрозы раскрывается истинная суть человека.

— Я не хотела. — Всхлипнула Маркиза. — Я всё отрицаю.

— Ты ударила его в грудь двенадцать раз.

— То был несчастный случай.

— Я и не спорю. — Девушка поцеловала Маркизу в губы. Девушка была в воде. Маркиза находилась над водой. — Почему ты не брешь ноги? Сейчас я всё исправлю. — В руках призрачной девушки появился острый нож. Он был грубый. — Не тревожься. Ничего не бойся. Скоро всё закончится.

"Сопrotивляйся, Маркиза!" Потребовал голос из строительного вагончика. «Никто не должен прервать твоего существования».

"Сейчас эта девица утащит её за собой". Испугался другой голос.

"Обе пойдут ко дну!" Сказал третий голос и всхлипнул. «Это конец».

С трудом Маркиза освободилась от розовых рук. Когда их унес ветер, те стали облаками.

Исчезло озеро. Его стер ластик. Был он облезлый и лохматый.

Пропал свет. Маркиза погрузилась в темноту, где мерцал фонарь. В тусклом свете от фонаря Маркиза увидела голову с пустыми глазницами. Из них вылезли черви.

"Можно отделить голову от тела, но зачем тебе нужны были его глаза, Маркиза?" Спросили голоса из строительного вагончика. «Почему ты их часами выколупывала? Ты потратила слишком много времени».

Маркизе сделалось страшно. Ноги одеревенели. Мозг воспалился.

— Неблагодарная! — Возмутилась голова. — Ты опять испачкалась. — Произнес рот. — Я мог бы использовать тебя в магических ритуалах. — Сказала голова. — Теперь что? Твои волосы стали редкими. Ты беспомощна, Маркиза. Толку от тебя мало. Остаётся перевязать твои ноги нитками.

Тугой жгут опутал ноги Маркизы. Траурные банты впились в лодыжки. Ноги посинели.

"Я гибну. — Простонала Маркиза. — Мир рушится".

"К черту фобии! — Возмутились голоса. — Обруби корни из детства!" Приказали.

Заиграл духовой оркестр. Заскрежетали металлические звуки. Заложило уши.

«Музыка? — Спросила Маркиза. — Похоронная?»

«Дурочка! — Рассмеялись голоса. — Это шум дождя».

Прискакали мокрые клоуны. Они были в старых одеждах. На их плоских головах были треугольные колпаки. С колпаков стекала мутная жижа. Клоуны дули в свистульки.

«Вы кто? Откуда пришли, незнакомцы?» Спросила у них Маркиза.

«Живем в лесу. Кувыркаемся в грязи. Мы счастливы. Из-за кустов на нас набрасываются те, кто носит рога. Мы бьем их палками. Пойдем с нами, девочка. Мы любим пропащих».

Шершавые руки схватили Маркизу.

«Боишься неизвестности? — Рассмеялись клоуны. — Опасаешься жизни больше, чем смерти? Нужно познать мир. Без этого — никак. — Клоуны проявили инициативу. Принялись щипать Маркизу. — Какая ты замкнутая. Неуверенная в себе. — Клоуны рассматривали Маркизу. Со смыслом переворачивали её. — Полное отсутствие каких-либо талантов. Когда он будет трогать тебя, мы без движений замрем в углу тусклой комнаты. Зажмуримся. Так ведь поступают добрые соседи? Когда ты очнешься, мы споем тебе песенку. Помнишь бабушку Людку? Как она славно пела, разглядывая твои побои».

"У лесочка, у темного, живут надуманные страхи, — пели клоуны. — Смешно бояться надуманных картинок. Реальные призраки опасны".

Появился мужчина средних лет.

«Он сейчас овладеет ею». Испугались клоуны. «Она не может вести против него борьбу. Вялая. Совсем без энергии».

«Папа?» Спросила Маркиза.

Мужчина увеличивался в размере. Маркиза уменьшалась.

«Ты мне угрожаешь, папа?»

Маркиза стала маленькая, как бумажная птица, сделанная из тетрадного листа.

Бумажных птиц было много. Они появились внезапно. Их крылья не были твердыми.

Мужчина поддел носком туфли бумажную птицу.

— Что за глупые поделки? Кому нужны бумажные птицы? Так ты встречаешь папу!

Взмахнув крыльями, бумажные птицы, поднявшись с пола, устремились к закрытому окну. Долго бились о стекло. Помяли крылья. Досталось и Маркизе.

«Не надо, папа. — Пищала Маркиза тоненьким голосом. — Пожалуйста не делай так. Не бей, папа».

"Она пытается избежать наказания!" Вопила мраморная голова.

«Тебе придётся пережить эту ситуацию! — Орала голоса из строительного вагончика. — Став взрослой, будешь прокручивать сцену насилия в своей голове снова и снова! Тебя ждут невроты, Маркиза!»

«Где ты была? — Строго спросил мужчина. Крупными пальцами мужчина поднял Маркизу и поднес к глазам. Grimаса брезгливости появилась на его лице. — Шлюха! Грязная девка! В школе получаешь двойки! Дома получишь по морде! — С великим отвращением мужчина приказал: Раздевайся! На тебе потная футболка. Папа любит чистоту».

Маркиза расплакалась. "Я его боялась. Я не убивала его. Я бы не посмела".

«Мы бы убили». Донеслось из строительного вагончика.

"Событие разрастается в катастрофу». Мраморная голова шумно перекатывалась с места на место. «Неблагодарная! — Вопила голова. — Отец отдал тебе свою любовь! Ничего, что он пьёт! А ты поживи, как он! Без ласки. Без женского тела. Всего то он хотел прикоснуться к твоему пупку».

Мужчина плюнул на Маркизу.

«Я мог завести ещё детей! — Сказал. — Ты испортила мне жизнь. Снимай колготки. Почему ты носишь дырявое бельё? Дай сюда. Папа заштопает трусы».

Маркиза задрыгала ногами. Она предприняла значительные усилия, чтобы стать выше. Ей нужно было ступнями дотянуться до земли.

"Добро пожаловать в клинику невротозов!" Обрадовалась мраморная голова. «Такова реальность. Страдания и смерть рядом».

Поднялся ветер. Стал носить Маркизу из стороны в сторону. Кто-то пнул Маркизу в живот. Кто-то ударил кулаком в глаз. Ураганом её шмякнуло об асфальт.

"Накувыркалась? — Ехидно спросила мраморная голова. — Тебе нужно к специалисту. Он оценит твоё эмоциональное состояние".

"Подчини себе эту чертову голову". Кричали голоса из строительного вагончика.

«Спектакль только начинается. — Вопила голова. — Тебя ждут кошмары, Маркиза! Я лишаю тебя мороженого, дочка".

"Это он поджег дом». Возникшая фигура в черном заговорила загробным голосом. От черного платья стали отваливаться лоскуты ткани. Разлетаясь, становились пеплом. «Доченька, ты меня слышишь?»

«Мама? Ты пришла за мной? Мама, мне было так больно. Я была одна. Его лицо нависло надо мной. Всё вышло случайно. Прости меня, мама».

«Схоронимся в лесу. Там безопасно. — Пообещал загробный голос. — В лесу много тайн. В лесу легко спрятать труп. Где ты его закопала? Ты пахнешь тинной. Мне было всего сорок шесть. Он убил меня. Он поджег дом. Он долго планировал. Всё продумал. Убийство сошло ему с рук. Остерегайся мужчин, Маркиза. Мужчины убивают женщин».

С неба на землю стали падать гвозди. Сами легко забивались в крышку гроба.

"Специалисту трудно будет вытащить из подсознания полученный травматический опыт". Голоса из строительного вагончика стали тихими.

"Он заставлял её вести себя хорошо" ; "Он был склонен к насилию" ; «Сознайся, Маркиза. Ты убила его?»

«Бесполезно сопротивляться. Я нанесла удар ножом. Что я сделала!.. Кем я стала?»

Голоса шептали:

"Приготовь для головы стеклянную банку!" ; "Не нужно было хоронить голову вместе с телом»; «В большой банке у головы большие перспективы".

Поднявшись на ноги, Маркиза пошла на свет. Строительный вагончик, покрытый железными пластинами, был слегка набекрень.

"Дурочка. В сторону клиники движется дурочка! В глупой голове нет мозгов. В пустой голове можно вырастить элитные розы".

"Я умерла и провалилась в яму?" Громко спросила Маркиза.

Голоса ответили:

"Возможно. Хорошая мысль!"

Чьи-то руки стали рвать на Маркизе платье. Ко-то больно ущипнул Маркизу за ногу. Маркизу забросали гнилыми помидорами.

«Повариха добавляла в суп испорченные помидоры». Вспомнила Маркиза. «Став поварешкой, обеспечу себе безопасность».

"Она с приветом". Сказали голоса. "Поварешка. Поварешка". Зашипели. «Застряла в жиже».

Ноги Маркизы, и впрямь, во что-то погрузились.

"Влипла". Испугалась Маркиза.

"Не надо было хоронить его в лесу. Когда сошёл снег, труп нашли". Хором произнесли голоса.

"Её признали невменяемой». Сказал один голос.

"Жизнь кувырком». Сказал второй голос.

«В больничке спокойней, чем в тюрьме". Сказал третий голос.

"Люди не умеют любить. Тянутся к друг другу животами. Знакомься, ищут выгоду для себя. Чтобы поддержать функции своего орга-

низма, пойдут на всё. Мы не будем им больше помогать. Люди обречены. — Хор голосов вцепился в Маркизу. — Люди создали неправильное общество. В нем процветает насилие. Они изобрели оружие. Им они убивают друг друга". Голоса пробрались внутрь Маркизы. «Прими таблеточку, поварешка". Приказали голоса.

Кто-то насильно затолкал в рот Маркизы круглый предмет. Шершавые ладони похлопали её по спине. Прокатившись по сухому горлу, предмет упал в желудок.

"На мне испорченное платье. — Расплакалась Маркиза. — Волосы! Седые и грязные.»

Старая женщина выглядела неопрятно.

Маркиза споткнулась о железную кровать. Улеглась на мятую простынь.

"Где я?" Спросила Маркиза.

Отовсюду затараторили голоса:

"В больничке, дорогуша"; "Покойся с миром"; "Не блюй на одеяло".

На кладбище поступали доски. Некоторые никуда не годились. Из других можно было собрать дома и построить забор.

За кладбищенскими воротами находилось болото, покрытое мхом. Чтобы не угодить в зеленую трясику, мерзкая жижа может засосать и потянуть на дно, Супница и господин Часы сделали большой крюк.

Обойдя топь, путники добрались до древнего строения без крыши. Постройка имела жалкий вид. Неподалеку от строения на одинаковом расстоянии друг от друга находились круглые булыжники. Прислонившись к ним, сидели куклы.

— Потерянное место. — Произнес господин Часы. — Зброшенное и забытое.

— Куклы? — Удивилась Супница. — Кто их тут оставил?

Куклы оказались живыми.

— Здравствуйте, путники. — Произнесли куклы детскими голосами. — Нас не оставили. Мы пришли сами. Мы — живые сущности. Некогда мы были популярны в темном мире. Достигнув просветления, отказались от аплодисментов. Живем внутри строения. За каменными стенами находится наша деревня с кукольными домами, кукольным палисадником и кукольным театром. Кукла спят, едят и танцуют. Нам больше не нужны мамы.

— Кто из вас Прорицательница? — Поинтересовался господин Часы и с большим интересом уставился на важную персону.

На кукле был белоснежный чепец и совершенно немислимой красоты платье.

— Вы? — Спросил у неё господин Часы.

— Я. Изящная и совершенная. — Ответила кукла. — Почему вдвоём? С вами были еще две сущности. Куда они подевались?

— Вы нам ответьте! — С вызовом спросил господин Часы.

— Я скажу. Прямо сейчас. — Улыбнулась Прорицательница — Нужно бросить камень. Тогда увижу.

С большой легкостью Прорицательница подняла булыжник. Забросила его так далеко, что камень скрылся в темноте.

В темноте не было возможности различать объекты. Супница и господин Часы ничего не видели. У Прорицательницы был дар. Прорицательница много страдала. Её психика претерпела изменения. Её разум расширил угол зрения. К тому же, она была наделена любопытством.

Воображение Прорицательницы считывало информацию из пространства. Она видела объекты и различала цвета. Прорицательница заговорила:

— У девушки нелегкая судьба. Луиза влюбилась в солдата. Тот солдат не вернулся с боя. Для него война не закончилась. Двое преданы друг другу. Это поможет им пройти через «застрявший» день, который они будут проживать снова и снова. Им не будет страшно. Они не впадут в отчаяние. К счастью, новое утро не будет похоже на вчерашнее. Переживая один и тот же промежуток во времени, они будут встречать не только трудности, но и радости.

— Вы рассказали про Луизу. А другая? — Спросила Супница. — С нами была еще девушка. Что с ней? Куда подевалась? Провалилась в яму, которая была раскрыта? Её существование прервалось?

Маркиза исчезла. Супница и господин Часы долго кричали в яму. Маркиза не отзывалась. Супница и господин Часы продолжили шагать без неё.

Отдаляясь от кладбища, господин Часы и Супница знали, что это конец. Надежд, что Маркиза вернется к ним, не оставалось. Маркиза пропала навсегда.

— Хотите знать, что я вижу? — Спросила Прорицательница. — Ответ вам не понравится. Она прыгнула с крыши. К счастью, сохранились руки и ноги, но голова сильно пострадала. Трудно с такой головой. Хуже всего, что к дурной голове является призрак её отца. Большинство людей закапывают и забывают. Её мозг снова и снова прокручивает негативную историю. Это стало для нее большим испытанием. Вот потому она сиганула вниз.

— Вы из провинции? — Тут же поинтересовалась Супница.

Кукла нахмурилась.

— С чего вы взяли? — Взвизгнула кукла.

Кукле не нравилось, когда кому-то приходило на ум, что она не столичная штучка. Взяв себя в руки, ответила:

— Маркиза всё время твердит, что она поварешка. Когда вы вернетесь, она вас не узнает. Её закололи барбитуратами.

— Мы вернемся? — Удивилась Супница. — Не пропадем?

— Не тревожьтесь, Супница. Явитесь в больничку к полднику. Там вас наполнят компотом и положительными впечатлениями. Выдадут шашки и домино. Вам так мало надо, Супница. У вас нарушены причинно-следственные связи. Вас расплющило от таблеток. Обычное явление.

— А вас?

— Я их не принимаю. Прячу в саду. Я нормальная. Я наблюдаю за планетами, которые обращаются вокруг звезды. Умственный труд помогает. Разглядывая звезды, я не испытываю эмоциональных перегрузок. Вы же, Супница, не умеете не творить, не созидать.

— Нечего вам задаваться! — Огрызнулась Супница. — Между нами много общего. Как пить дать. Вы из крошечного поселения. Две улицы. Один кинотеатр. Хозмаг. Школа и баня, сколоченная наспех. Вы жили в социально неустроенной местности.

Прорицательница оскалилась. У куклы были зубы. Ровные. Белые. Хищные.

— В бане по пятницам устраивали женский день. Сальные тетки натирали себя мочалками, приобретенными у кассирши за гроши. Запльвшие тела бабы обливали теплой водой, набранной из крошечных краников в ржавые тазики. Я вижу вас среди них. Сидите на раскаленной лавке, выпав из реальности. Зачем вы все время пребывали в грезах, Супница? Мечтали, чтобы муж вернулся к вам. Какие глупости. Лучше бы вы правильно питались, Супница. От жирной пищи вы стали старой, как ржавая кастрюлька из пищеблока.

Супница смутилась.

— Что ж вы нападаете! — Возмутился господин Часы. — Пожалуйста, прекратите. Пользуетесь знакомым психологическим приемом. А еще — Прорицательница! Как же вы легко перешли на личности. Разве вы не знаете, что сердечная боль делает из людей немощных стариков.

— А что она? — Прорицательница тыкнула в Супницу. — Явилась без уважения, без подношения. Хоть бы шоколадку принесла, что ли.

— Вы из глуши, Прорицательница. Минуты общения с вами достаточно, чтобы это понять. Супница не ошиблась. — Господин Часы строго смотрел на Прорицательницу. Господин Часы видел все её промахи и ошибки. И не желал закрывать глаза на них. — Манера поведения и образ мыслей выдают в вас провинциалку. Вы легко обрабатываете информацию, но упрощенно. Опираетесь на устоявшиеся шаблоны.

— Да кто вы такой?

— Путник.

— Ко мне, чего пришли, путник? Зачем вторглись в мой мир? — Прорицательница нахмурилась. — Эта территория находится далеко от кладбища. Прогуляться вышли? Или нуждаетесь в совете?

— Мы хотим знать, где крошка Джейн. Подскажите? — Спросила Супница извиняющимся тоном.

— Не устали её искать, Супница? Вы двигаетесь по обоим путям одновременно. Не проще ли выбрать верную дорогу? Путь мрачный. В абсолютной тьме прячутся секреты. Тайны связаны между собой красной родовой лентой. Если к ленте подкрасться осторожно, можно разрезать её. Предки отпустят. Перестанут влиять на психическое здоровье и судьбу.

— Докажите. — Прохрипела Супница.

— Видишь избы? — Спросила Прорицательница.

— Без окон и дверей?

— Из труб валит дым.

— Ветер. — Супница поёжилась. — Тут холодно.

— Именно. Смертельный холод. — Голос Прорицательницы раздался издали. Прорицательница полностью контролировала Супницу и её поведение. Супница слышала Прорицательницу.

Реальность была искажена. Место, куда попала Супница, было удалено во времени и пространстве. Супница ждала указаний от Прорицательницы.

— Сконцентрируйся! Чего слышишь?

Супница прислушалась.

— Голоса. Доносятся из дома.

Супница не стала проверять, реальны ли голоса. Для неё они просто были.

— Из какого дома? Уточни. Не заблудилась ли ты?

— Стою у дома с подкопом.

— Подкоп большой?

— Маленький ребёнок пролезет в него. — Супница потрогала землю. — Земля сухая. Давно не было дождя. Что будет с урожаем? С людьми?

— Их ждет голод. Смерть от истощения.

Из дома раздался мужской голос: «Отвезем её в лес, мать. Одним ртом меньше. Так выживем».

«Не говори! Замолчи немедленно.» В доме расплакалась женщина.

«У тебя нет молока. Тебе нечем её кормить. И корова сдохла. Дитя все равно умрет. Не жилец».

«Прошу тебя. Оставим её. Я буду жевать отруби и кормить её ими».

«Лишний рот! Нахлебник!.. Подумай, жена, что говоришь. Она угаснет на наших глазах».

«Моя крошечка. Она не должна страдать. Не хочу, чтобы её съели волки. Я сама ударю её по темечку. Я стукну молотком».

«Как знаешь. Если не сделаешь так до утра, отвезу её в лес. Снег пошел. Дорогу замело. Оставлю у первого дерева».

На голову Супницы обрушились крупные снежинки. Быстро они сделали её волосы седыми.

«Не дотащу её до глубокого леса в такую погоду. Дотяну салазки до оврага. Там и выброшу. Будет ей не выбратся».

«Как тебя земля носит?»

«Оглянись. Кругом — пустые хаты с холодными печками. Все умерли. Соседей не осталось. Мы должны сохранить хоть кого-то из своих детей. Младенец и так умрет до весны. Духи примут её. Мы спасем других наших детей. Старшие все видят и слышат».

«Что мы им скажем?»

«Подавилась комком глины».

«Где мы её схороним?»

«Под домом. Подкоп готов. Хорошее место для перехода в мир мёртвых. Не плачь. Будешь плакать, дрогнет рука».

«Не дрогнет».

Раздался глухой стук.

— Она убила её мимоходом. — Хрипло произнесла Прорицательница. — Растопила печь. Сварила похлебку. Тело долго лежало на лавке. На рассвете, пока не проснулись старшие дети, вышла во двор.

Пред Супницей предстала фигура. Супница не стала проверять, реален ли человек.

В руках женщина держала сверток. Быстро женщина затолкала сверток в подкоп. Руками забросала подкоп землей. Прикрыла землю снегом.

Шел снег. Падал и падал. Снег укрыл избушки. Остались лишь крыши. Из труб валил дым.

— Грехи сжигают. — Пояснила Прорицательница. — Грехи будут тянуться до седьмого колена.

— Здесь много дыма и холодно. — Пожаловалась Супница.

— Из поколения в поколение в каждом доме будет пропадать ребенок. — Отчеканила Прорицательница. — Кто-то должен развязать кармический узел. — Ухмыльнулась. — Найди ключ! — Громко прокричала.

Господин Часы опустил на колени перед Прорицательницей. Посмотрел в её черные глаза.

— Верни её, Прорицательница. Когда-то случилась нежелательная ситуация. Жизненные обстоятельства толкнули людей на преступление. — Глухо произнес господин Часы. — Она ничего не сможет изменить. Зачем вы всё взвалили на неё?!

— Так надо. — Прорицательница ухмыльнулась.

— Вы злоупотребляете своими полномочиями, Прорицательница. — Возмутился господин Часы.

— В больнице все злоупотребляют. Нянечки пьют. Санитарки воруют. Медсестры предаются утехам, запираясь в сестринской с кочегаром. Тот и рад. В парне много мужицкой силы. Врачи ампутируют конечности. В адских лабораториях они подрывают волю человека.

— Прекратите, Прорицательница! Вы отделились от мира. Пользуетесь устаревшей информацией. Всё, о чем вы помните, осталось в прошлом. В клинике больше не пытаются. Не сажают на цепи пациентов. Не бьют больных палками. Нашли спонсоров. В больнице сделали ремонт. Покрыли стены. На этажах теперь есть удобства.

— Так ли всё хорошо, господин Часы? Не закрывайте глаза на правду. Будьте объективными. Карательная машина работает без устали. Неудобных людей до сих пор отправляют в психушечку. А что там с ними происходит, мне ли не знать!

— К чему эти разговоры сейчас, голубушка? Время идет. Супница покрылась коркой льда. Она замерзает.

— И что? Она привыкла. К ней уже применяли общую гипотермию. Вспомните, господин Часы, как она расшиблась. Какая хорошая была черепно-мозговая травма.

Кукла довольно потерла руки.

— Прорицательница, верните её. Она — слабая. Чем вы лучше психиатров?

Супница не слышала голос господина Часы, а только голос Прорицательницы.

«За всё отвечает женщина». Сказала Прорицательница и строго взглянула на господина Часы. «Вам не понять».

«Где искать ключ!?» Выкрикнула Супница.

«В подкопе». Ответила Прорицательница.

Подкоп удлинился. Не разгибая спины, Супница принялась разгребать землю.

— Найду ключ — исправлю прошлое. Крошка Джейн вернется ко мне. Перепишу судьбу. Все можно исправить с ключом в руках.

«Ты у цели. Копай! — Кричала Прорицательница, но предупредила: Ты будешь разочарована».

— Что может меня напугать? — Не оглядываясь, спросила Супница.

— То, что ты сейчас найдешь, изменит твою дальнейшую жизнь. — Ответила Прорицательница.

— Я обнаружила ключ! Дайте свет! В моих руках находится ключ. Палец?

— Палец и есть ключ. — Выдавила из себя Прорицательница. — Где ты хранишь палец? Помнишь? В коробке из-под обуви? В морозильной камере?

— Ничего не хочу знать! — Супница отшвырнула палец. Тот укатился далеко. — Не давите на меня.

Зрачки Прорицательницы расширились.

Возникло поле. Подсолнухи тянулись к солнцу. Когда их головы приобрели желтый цвет, зашевелились черные семечки. Напыжившись, треснули. Из них выпорхнули черные птицы.

«Вот откуда появляются черные птицы». Догадалась Супница.

Птицы кружились над подсолнухами. Безжалостно выклевывали семечки — своих братьев.

Подсолнухи низко наклонились к земле. Почернев от горя, безвольно опустили желтые лепестки, те быстро превратились в жухлые листья.

«Нужно было накрыть шляпки марлей». Вслух сказала Супница.

Показалась хата. На стуле, подпирая стену, сидела старуха. Дряблые руки лущили кукурузу. Разрезав початок на несколько частей, чтобы облегчить труд, старуха счищала зерна в ведро. Те падали на дно со звоном.

Цветастый платок покрывал голову старухи. Её лицо ухмылялось глубокими морщинами. Старуха прожила нелегкую жизнь.

Порывшись в кармане, достала замусоленный платок. Приложила платок к глазам. Поправила седые волосы. Схватила за новый желтый початок.

Ноги в калошах зло стукнули по ведру.

— Он выпил из меня всю кровь. — Сказала старуха.

— Кто, бабушка?

— Твой дед. Нелегкая жизнь была. Голод. Холод. Потом война. Мы справились со всем. Я была строгая и сильная. После войны сломалась. Кто выдержит такое?

— Что, бабушка?

— Ночами стала приходиться она. Видишь её?

— Никого не вижу, бабушка.

Из дома выскочили мыши. В лапках они держали трещотки. На головах у них были красные колпачки с бубенцами. Весело заплясали мыши.

"На деда мухи сели. Одна муха свалилась ему в рот". Радостно доложили мыши.

— Упился в смерть. — Вздохнула старуха.

"Смерть! Смерть!" Запищали мыши. "Мимо нашего дома пройдет. К Варьке зайдет".

— А Варька где? — Спросила старуха у мышей. Те всё знали.

"Хитрая Варька задержалась в огороде. — Расхохотались мыши. — Вместо себя Варька оставила цыпленка. Маленького. Желтого. Привязала его за лапку к забору. Цыпленка не жалко. У курицы много цыплят. Глупая курица не заметит пропажи".

— Обманула Варька смерть. Уцепилась за жизнь. — Ухмыльнулась старуха. — Поживет еще на белом свете старая карга. Будет шмякать беззубым ртом.

Из дома вышел дед. Седой, с бородой. К себе он прижимал огромный барабан. Задрал голову вверх, со всех сил грохнул по барабану.

— Слышишь меня! — Прокричал дед. — Отзовись!

— Кого дед зовет, бабушка?

— Её. Как напьется, француженку свою вспоминает. — Вздохнула старуха. — Столовался он у неё. Их часть заняла школу. Рядовые солдаты спали в школьных классах, разместили их прямо на голом полу. Вместо подушки — шинель. Взамен одеяла — сырой воздух. А тех, кто был в чинах, офицеров да прапорщиков, их распределили по теплым избам. У офицеров была постель и еда. Та француженка... Хозяйка дома. Была такая... Красивая. В воздушном платье. Ручки беленькие. Ножки маленькие.

— Откуда знаешь, бабушка?

— Дед рассказывал. Расстреляли её на рассвете. Вывели в поле. И... Очередью из автомата.

— За что, бабушка?

— В подполье она прятала мужа. Фрица, понимаешь? Её муж был ранен. Не мог уйти. Ноги не держали его. Дед, как вспоминает красивую француженку, горько плачет. Что делать? Война была лютая. Несправедливая. — Старуха указала на деда. — Мучается он. Страдает. Как-то вытащила его из петли. А когда пьёт, стучит в барабан. Привез барабан с войны. Этот барабан — дедовский военный трофей. Когда-то военный барабан поднимал боевой дух немчурам.

Барабан разбудил соседских собака. Те разлаялись.

Петух вскочил на жердочку. Раскричался.

— Зачем он стучит, бабушка?

— Верит, что так его слышат. Барабан — посредник между небом и землей. — Старуха задрала голову. — На её шее были бусы. Как изрешетили тело, бусы красными стекляшками покатались по полю. Через год там выросли красные маки.

— Откуда знаешь, бабушка?

— Дед рассказывал. Сон ему был. Идет он по полю, а под ногами красные маки. Это душа её. Он с душой разговаривает. Прощения просит. Этот мир придумали для любви. Явились бесы. Испортили чистую воду. Люди стали пить грязную воду. Пропал мир. Пропал... — Старуха сурово взглянула в сторону деда. — Чего плачешь? — Строго спросила она. — Ступай за козой. Ночь крадется. Ночью коза снимет с себя тулуп. Да в твою красавицу француженку превратится.

Старуха хрипло засмеялась.

— Дура ты. — Сказал дед и скрылся в доме.

Через время с другой стороны дома послышались его шаркающие шаги.

— Вышел через ту дверь, что ведет в сад. Оскорбился старый дурак. — Старуха ещё больше сгорбилась. — Пошёл за козой. Послушался. Он ведь послушный. Был бы другой, не стрелял бы. — Старуха зло пнула ведро. — Жизнь мне испортил. Она стоит между нами. — Старуха с початком в руках низко склонилась над ведром. — Детки. Детки. Падают в ведро. Желтые детки с бледными лицами. Проклятая война.

«Ты меня слышишь?» Издали раздался голос Прорицательницы.

«Слышу. Старуха — бабка моя?» Спросила Супница у Прорицательницы.

«Да».

«Эта старуха сумасшедшая?»

«Здесь все сумасшедшие. Возвращайся». Приказала Прорицательница.

«Не могу. Много света! Кто-то включил свет в комнате! Кто-то снял с окон шторы. Выдержу ли я этот ослепительно яркий свет?»

«Возвращайся! Много света перед тьмой. Сейчас ты забудешь всё, что увидела. Образы тускнеют. Все переживания в прошлом. Ты избавилась от тревог и страхов. Перед тобой инструкция на забывание. Читай. Вслух».

«Пять. Четыре. Три. Два. Один».

Супница смотрела на Прорицательницу во все глаза. Она ничего не помнила.

— Ты вернулась. Никаких негативных ощущений. Ты находишься в бодрствующем состоянии. Хорошо. — Сказала Прорицательница и добавила:

— Ребёнок в замке. Замок вас не подпустит.

— Почему? — Удивился господин Часы.

— Периметр надежно защищен от врагов. Вы — пришельцы. А значит, враги. — Ответила Прорицательница.

— Как же нам быть? — Спросил господин Часы.

Куклы стали играть мячом, перебрасывая его друг другу.

— Вижу райские кущи. Вам нужно будет войти туда, чтобы обрести силу. — Заговорила Прорицательница.

Прорицательница хорошо владела своим голосом. Внутри предложения, меняя интонацию, она создавала сообщение. Она умела представлять ударения на отдельных словах.

— Много там красивых птиц и дивных растений. Нет утренних обходов и психиатров. — Прорицательница сделала короткую паузу. Тем самым она намекнула путникам, что для них информация крайне важная. — Повсюду растянули разноцветные шатры. Они защищают от ветра и гадов. Санитары — гады. Гады. В шатрах не горит свет круглосуточно. Захотите спать, сможете уснуть. В райских куцах вас ждут угощения: сладкая вода и попкорн. Вам выдадут жидкое мыло. Вам будет разрешено мыться, господин Часы. — Последнее слово Прорицательница произнесла в низкой тональности. Господин Часы сразу зачесался. — Никто не будет ограничивать ваше перемещение по пространству. Там нет унижений. Санитары не станут проводить тщательный телесный осмотр и возможные насильственные действия. Вам выдадут чистое полотенце, господин Часы.

— А мне? Что будет со мной, Прорицательница? — Полюбопытствовала Супница.

— Все будет хорошо, Супница. — Уверенно произнесла Прорицательница. Супница сразу поверила ей. — Вас, Супница, не отправят к

гинекологу. Соседкой по жилищу будет смерть. На соседней койке умрет старуха. Вам нечего опасаться. Смерть не сможет приблизиться.

Прорицательница пришла в возбуждение, отняла мяч у подруг и сама громко застучала им.

— Что вы так шумите? — Тотчас возмутился господин Часы.

— Считаю ваши шаги. — Ответила Прорицательница. И посмотрела левым глазом в левый глаз господина Часы. — — Пятьсот шагов до райских куш. Кем придется вам эта Джейн, Супница? — Вдруг спросила Прорицательница.

Боковым зрением Прорицательница хорошо видела Супницу.

— Мне? — Испугалась Супница.

— Говорите. — Приказала Прорицательница.

«Я родила её поздно. Роды были трудными. Мой муж догадывался, что ребенок ни от него. Предатель». Супница расплакалась.

— Зачем вы так? Ваши техники её травмируют. — Господин Часы упрёком смотрел на Прорицательницу. — Мы все её щадим. — Господин Часы погладил тетушку Супницу по голове. — Ну-ну, — мягко произнес господин Часы. — Голубушка, нет причин для волнений. Успокойтесь, дорогая. Через час полдник. Я слышал, на полдник будет запеканка. Вы любите творожную запеканку?

— С клубничным вареньем? — Супница вытерла слезы.

«Хм». Хмыкнула Прорицательница. «Мои упражнения помогли ей увидеть себя со стороны».

— Оставьте своё тщеславие, Прорицательница. Не думайте, что ваша власть безгранична.

— На вас, господин Часы, гипноз не действует. — Согласилась Прорицательница. — Вы не слушаетесь моих команд.

— Именно. Лучше скажите, Прорицательница. Что находится по другую сторону от этого каменного строения? — Господин Часы тыкнул пальцем в пространство. — У вас есть информация на сей счет? Вы заглядывали в неизвестность?

— Никто не знает, что спрятано с другой стороны Луны. — Ответила Прорицательница. — Всё, что угодно может быть там. Цыгане. Мертвый цыганенок. Слезы матери. Безутешная скорбь. Ступайте туда, господин Часы. Там вас ждут ответы, господин Часы.

Они стояли друг против друга. Прорицательница смотрела на господина Часы, задрав голову. Расфокусировав зрение, глядела как бы сквозь него.

— Я еще не готов. — Смутился господин Часы.

— Все боятся. Никто не готов. — Согласилась Прорицательница.

— По ту сторону — жизнь? Или ничто?

— Что вы пристали, господин Часы? Идите и проверьте сами! Мы же исполняем то, что от нас требуют. Тревожно смотрим вниз.

— Что вы видите внизу, Прорицательница?

— Классическое зрелище. Мир людей, пригодный для жизни. В теплом доме проснулся мужчина. Прошел на кухню. Надкусил яблоко. Выплюнул косточку. Не включая свет, в стакан с водой подсыпал мышьяк. Когда его жена войдет на кухню, выпьет испорченную воду. Поправив трусы, мужчина вернулся в кровать.

Появились предметы: блокноты и карандаши. Куклы стали шумно чиркать карандашами.

— Чем занимаются ваши чертовы куклы? — Спросил господин Часы.

— Отправляют во Вселенную информацию. Сверхзадача продемонстрировать сверхвозможности. Потом он будет спрашивать, откуда чего взялось. — Прорицательница ухмыльнулась. Открыла рот. Показала жало. — Он пожнет то, что посеял. Никакого божественного возмездия. Сработает бумеранг. Ах, господин Часы. У нас трудная работа. — Пожаловалась Прорицательница. Меж белых зубов проросли желтые цветы. Передние зубы у Прорицательницы были неправильно расположены. Между зубами были дырки. Вселенная не терпит пустоты. — Куклы не тщеславны, господин Часы. — Прорицательница ласково взглянула на подруг.

На краю мира куклы поддерживали друг друга. Делились сокровенным. Обсуждали бытовые вопросы. Рассказывали друг другу о своих несчастных судьбах.

— Никто не стремится продвинуться по служебной лестнице, господин Часы. Мы не заигрываем с начальством. У нас нет любимчиков. Мы всего лишь фиксируем отвратительные события. Вы часто думаете о плохом, господин Часы?

— Совсем не думаю. При обнаружении продуктов с истекшим сроком годности, выбрасываю их.

— Люди постоянно крутят в голове негативные мысли. Потные от напряжения, ищут ответы. Хотят жить лучше. Проблемы не оставляют их. Виной всему — плохие поступки. Чтобы жизнь удалась, нужно совершать много хорошего. В пространстве находится полная информация о событиях, произошедших с человеком.

Появилась конструкция из мачт и полотна. Внутри шатра были размещены сидячие места для зрителей.

Шатер был яркий. Красный.

— Цирк!?

— Сплошной цирк. — Подтвердила Прорицательница. — Тут и палачи, и жертвы.

— А мишек нет? — Спросила Супница.

— В новой программе цирка только трупы. Мишек нет. На планете наступили мрачные времена. Из нор повылазили гордецы, убийцы и сластолюбцы. Хватают слабых. Утаскивают их на перекладину и сбрасывают вниз. Все происходит быстро. Невидимый жонглер придумывает новые убийственные номера.

— Кто он? Назовите имя! — Потребовал господин Часы.

— Тот, которому было скучно, не имеет имени. — Ответила Прорицательница. — Рыжий клоун. У него длинные руки.

Прорицательница знала клоуна в лицо. С гримасой отвращения, рыжий клоун совершал аморальные поступки и смешил людей.

Лечащий врач на отделении требовал для клоуна дальнейшего стационарного лечения. Психическое здоровье рыжего клоуна не улучшалось, но благодаря связям в организациях, он менял худшие условия жизни на лучшие. Исключительно для себя, разумеется.

— А зрители есть? — Спросил господин Часы.

— Полный зал. — Довольно кивнула Прорицательница. У нее не было чувства вины за происходящее. — Одни смотрят, как другие ползают на коленях. — Приспособившись к тяжелой ситуации, Прорицательница вещала весьма отстраненно. Ей давно не было больно. С тех самых времен, как она заступила на должность Прорицательницы. — Некоторые, от невозможности жить, попали в белые палаты. Больница для них стала вторым домом. Хлебная муниципальную баланду, можно не думать про завтрашний день. Лучше оказаться в психушке раньше, чем позже.

— А другой вариант существует? — Спросил господин Часы.

— Ситуацию не изменить. Проще умереть. Там уж обустроится какнибудь. — Сказала Прорицательница.

— Один вышел через окно. Другой упал на рельсы. — Шумно заходил господин Часы. Он много помнил. Проблемы пациентов мешали ему жить по схеме. — После недобровольной госпитализации, их признали недееспособными. Лишив собственности, назначили психотропные лекарства.

— Прошлое влияет на будущее. Нужно брать на себя ответственность за свои решения и поступки. Прорицательница взялась тыкать палкой в землю. Господин Часы сразу обратил внимание на её действия. Господин Часы остановился.

— Вы — Супница... — Прорицательница смотрела на остановившиеся часы.

— Что я?

— Совершили поступок, ледящий душу. — Прорицательница перевела взгляд на Супницу. — В библиотеке книгой разбили лицо молодой женщине. Изловчившись, отрезали её палец. И не благодарите за правду.

— Муж лишил меня благополучия. Забрал ребенка. Не давал видеться с малышкой. Джейн стала звать её мамой. Какая она ей — мама!?

— Вы способны ударить человека, Супница? — Удивился господин Часы.

— Могу и убить. — Призналась Супница. — Внутри ни только хорошее, но и плохое, господин Часы.

— Темно. — Выдавила из себя Прорицательница. — В специальном помещении для проведения гипносуггестии, всегда темно.

— Звезд нет. — Согласилась Супница. — Звезды мешают?

— Жизнь больше не принадлежит вам. Теперь ваша судьба в руках людей, которые ходят по отделению в уличной обуви. Впрочем, как и судьбы других пациентов. Этот путь может быть использован в корыстных целях. Раньше в мире были звезды. Светили ярко. Дарили счастье. Им дали новые имена. Звезды пропали. — Произнесла Предсказательница с легкой враждебностью. Прорицательница научилась контролировать свои эмоции. Помогли психотропные препараты. — Через телескоп я выглядываю их — исчезнувших. Вернутся звезды, появится небо. Нам всем здесь трудно. Мы в ловушке. Нас никогда не выпустят.

На кукольные головы упали мертвые бабочки. Куклы замерли. Прорицательница с трудом открыла рот, чтобы произнести последние слова: «Время пребывания в зачарованном месте вышло».

— Скоро полдник. — Сказал господин Часы. — Нам пора.

Наступила кромешная тьма.

— Мы умерли? — Спросила Супница. — Я ничего не вижу, господин Часы. Мне страшно, господин Часы. Те — жухлые бабочки. Разве это не знак, господин Часы?

— Я еще тикаю. Не слышно плача и скрежета зубов. Не о чем волноваться, голубушка. До райских куц пятьсот шагов. Там мы отбросим все страхи. Нахлынет волна счастья. Что случилось в библиотеке, Супница?

— Не понимаю, о чем вы, господин Часы? Мы выходим из темноты. Светлеет. Чужие земли, где нет звезд, остались где-то там, на крае. Чувствуете, господин Часы?

— Что я должен чувствовать, Супница?

— В пространстве чистой любви присутствуют чудесные ароматы. Волнительно пахнет абрикос. Ванильный запах неба щекочет нервы. О чем поют птицы, вы знаете?

— Нет.

— Птицы всегда поют любви, господин Часы. Любовь прекрасна. Мы выбрались из темной коробки, господин Часы. Деревья шумят. Кузнечики трещат. Живой мир с нами.

— Вы убили кого-то, Супница? Прибегли к изобретательности и изощренности?

— Какие глупости, господин Часы. Все было просто. Сейчас я вам всё объясню. Я нагнала её в холле. Прижала её к стене. В моих руках была старая книга. В библиотеке хорошо ухаживают за раритетными книгами. Книгой можно убить человека, господин Часы. Если корешком в висок, то сразу насмерть.

— Убить человека не просто, Супница.

— Бить надо аккуратно. Важно правильно выбрать направление.

— Вы знали, как бить? — Удивился господин Часы.

— Я подготовилась. Он украл моего ребенка. Он думал, что все сойдет с рук? Я его честно предупредила об опасности.

— Вы угрожали его молодой жене?

— Бывший муж проигнорировал анонимный телефонный звонок. Что поделать, господин Часы. Он сделал свой выбор. Не нужно было ей попадаться мне на глаза. Но я не убивала её. Отрезала палец и всё.

— И всё? Событие изменило ваше будущее.

— Конечно... Вы правы... Мне не пришлось праздновать... Он увёз семью за границу. Скрыл от меня дочь. Я никогда не увижу Джейн.

Тетушка Супница всхлипнула.

— Я раскаиваюсь, господин Часы. В то время я была другой. Импульсивной.

— Мужайтесь, Супница. В вашей жизни произошли перемены. Вы прошли трудный путь.

— Да. Перемены. Произошли. Вышла через окно. Сиганула вниз и быстро оказалась на асфальте.

— Все желают вам добра, Супница. Скоро полдник, Супница. Нам нужно идти вперёд.

— Господин Часы, взгляните на эти красивые цветы. Любая провинциальная женщина разбирается в растениях. Знает их магические свойства. Колдую на кухне, использует цветы для достижения своих целей.

Внезапно Супницу обступили люди. Женщины на массивных ногах возвышались над ней и над цветами.

— Чего уставилась, новенькая? — Спросили женщины. — Мы теперь такие. Раздулись от хлеба. В больничке много хлеба. А овощей мало. Приходится есть хлеб.

"Я дамочка, хоть куда". Сказала одна женщина и повторила фразу несколько раз.

— Что это с ней? — Удивилась Супница.

— Последствия электрошока. — Объяснила женщина в волосах которой копошились птицы. Ей было неловко за свой облик. Женщина пыталась избавиться от птиц и смущенно тупила глаза. — Не причесалась утром. — Шепнула. — Вы явились рано, уважаемая. Сейчас птицы разлетятся. Мои волосы — не гнездо. Птицы попали в ловушку. Запутались.

Супница рассматривала незнакомку. Та носила дневной макияж. Её ногти были покрыты черным лаком.

— Мы трудились всю ночь. — Женщина сделалась смелей. Теперь её голос звучал четко. — Намыли поселковый актовый зал. Внесли цветы. Украсили сцену. Мы ждали фокусников. Надеялись, что придёт иллюзионист. Так было заявлено в афише. Утром я купила два билета. Утром я разговаривала с кассиршей. Поля была в положении.

— Поля — это кто? — Спросила Супница.

— Поля — это я.

— У вас синяк по глазом.

— Я надеялась, что вы не заметите. Нанесла макияж. Не получилось... Он бил в живот. Он забрал два билета. Я не могла ему перечить. Его друг любил цирк. Они хорошо дружили. В школе. Школьный товарищ поселился через забор. От покойной хозяйки остался кот. Весной зацвела вишня. Муж приносил ему самогон. Они вместе пили. Они много пили.

— Тебе было больно?

— Я так и не родила...

«Скушай сухофрукты из компота и забудь». Приказали цветы.

Цветы были повсюду. Цветы защищали от чувства стыда.

Прилетели чайки. Запахло морем.

— Обман? — Супница покрутила головой.

— Нет. Всё взаправду. Залив рядом. — Расшумелись женщины. Сделали попытку перекричать чаек. Напрасно. Птицы раскрыли мощные желтые клювы. «Га-га-га. Обратной дороги нет». Устроили переполох.

— Слышу прибой. — Супница прислушалась. — Волны бьются о скалистый берег.

— Шипят, словно плачут. — Женщина на грубых ногах носила красивое платье. — Мы познакомились у воды. Он работал в цирке. Он был мотогонщиком. Сетчатый шар подвешивали под куполом цирка. Его мотоцикл рычал. Двигался по самому краю. Атракцион пользовался невероятной популярностью. Мы купили домик. Он разбился на машине. На тихой дороге въехал в столб. Уснул за рулем. Кругом росли маки. Я любила его.

Женщина всхлипнула. Она явно побывала на месте трагедии. На её ладонях были маковые семечки. Она употребляла семена мака в сыром виде. Она стала зависимой.

— Куда же я попала? — Спросила Супница. — Странное место. Мне не ловко за этих. Тетки ни на что не годятся. Стонут. Жалуются. Здесь все несчастные.

— Счастливые на другом этаже. К ним не пускают.

— С ними нельзя дружить?

— Постоянно выслушивать чьи-то жалобы, автоматически притягивать несчастья. — Женщина на высоких каблуках говорила с достоинством. Она была сильная и смелая. — Все боятся заражений. Несчастье — это вирус. Передается при сближении с объектом. Прилипает. Нельзя общаться с инфицированными. Это приводит к тяжелым последствиям. Можно попасть в новую матрицу и всё.

— Что — всё? — Супница округлила глаза.

— Ты уже не хозяин жизни. На другом этаже болеют счастьем. — Женщина отряхнулась от капель. На ней была удобная и свободная одежда. Где она ее взяла? В больничке действовал принцип: все одеты одинаково. Эта же демонстративно показывала всем свои красивые ноги. — Нравится тебе или нет, меня не волнует. Я всё равно расскажу. Погода была ужасная. Дождь лил, как из ведра. Я подожгла дом. Если бы ни дождь, они бы сгорели на хрен.

— Кто? — Супница вытянула вперед губы и пожала плечами.

— Муж и соседка. Потные, они прижимались друг к другу.

— Мне очень жаль...

Женщина, у которой были покрашены ногти, стала сдирать с них черный лак. Искусав подушечки пальцев, кровью заполнила рот. «Я могла родить». Из её рта стали вываливаться куски плоти.

Неожиданно возник господин в белом халате.

— Эффективная терапия не помогает? — Раздраженно спросил. — Желаете в кресло для сумасшедших? Больная, перестаньте отламывать ногти. Сплюньте кровь в стакан. Ваши страдания пригодятся другим. В крови — сила! Сотворив заклинание, обрету господство на отделении. У меня благие намерения. — Господин в белом халате зло хихикнул. Уголки рта поднялись вверх. Мышцы вокруг глаз остались неподвижными. Фальшивой улыбкой он одарил пациентов. Карими глазами-бусинками уставился на санитаря.

— Коллега, есть проблема? — Спросил у него.

— Прибыла группа волонтером.

— Выдайте им лопаты. Пусть эмоционально включаются в деятельность клиники. А я тут. У меня свой интерес. Буду контролировать чужие разумы.

— Это бесчеловечно. — Всхлипнула Супница.

— К недочеловекам применяют бесчеловечные методы. Бездомные лишены права распоряжаться имуществом. Бездомным лучше находиться в психиатрических учреждениях. Вы, Супница, никогда не получите выписку. Мы всегда будем хранить вашу тайну. Тайно мы наденем на вас смирительную рубашку.

— Вы — чудовище. — Сказала Супница.

— Фактически — да. — Согласился человек в белом халате. — Сответствую положению. Я лечу безумие. Кто поклоняется мне добровольно, получают правильное лечение в случаи необходимости. Капельницы — это хорошо. Вы живете благодаря моей заботе.

— В вашу смену мы не танцуем. — Пожаловались женщины.

— Танцевальную терапию придумал ни я. Танцевальную терапию практикуют с 22 года.

— Я слышу музыку, доктор. — Супница прислушалась. За окном играл оркестр. На городской площади танцевали старики. Шаркая штиблетами, вальсировали до упаду. Неподалеку стояла «скорая». В машине скорой помощи находился дефибриллятор. Старики чувствовали себя уверенно. Никто не умрет под музыку.

— Танцевальная терапия просачивается сквозь толстые стены из внешнего мира. — Вздохнул доктор. — Музыка слышно на отделение. Музыка порочна. Для большинства больных она вредна. Больные выздоровливают. Так мы не избавимся от проблем. Если прорвет трубу, кто будет платить? За чей счет будем чинить?

Чайки расправили крылья. Закружились. Взмыли к потолку. Прилипнув к потолку, замерли. Потолок прокрасили вчера. Краска не успела высохнуть.

— Сегодня я настроен дружелюбно. — Человек в белом халате довольно потер руки. — Позволяю вам процветать. Сегодня вы можете свободно пользоваться туалетом. Не плюйтесь. Ждите своего часа. Скоро явятся ваши успешные родственники.

— Мы не в тюрьме! — Обрадовались женщины.

— Вы — в волшебном мире. — Доктор открыл форточку. — Тут всем нельзя обходиться без лжи. — Потрогал решетку. Убедившись в её надежности, вышел из палаты.

— В палате приятней, чем лежать в мокром полотенце для гидротерапии.

— Я боюсь тока. Ток убивает. В моих волосах больше нет птиц. Педикулез мешает спать.

"Скоро полдник". Шепнули цветы.

Больные слышали их. Цветы дарили душевнобольным жизненную энергию. Цветы считали больных нормальными. Даже тех, у кого были фальшивые железные зубы.

Лучше иметь фальшивые зубы, чем быть лучшим из лгунов. Цветы недолюбливали лечащего врача.

— На кухне варят компот. — Санитар в желтом жилете вновь заглянул в палату. По-особенному посмотрел на Супницу. Его взгляд был теплый. — На отделении вам не дадут пропасть. — Мужчина был большой. Он говорил просто и ясно. В речи не использовал слишком много слов. Ему не нужно было прикрываться ложью. Он окончил три класса. Ему платили за усилие. Он перетаскивал больных. — Вы под защитой. — Санитар улыбнулся. — Ваша судьба под контролем. Вам разрешили выйти на прогулку без сопровождения.

— У меня есть одежда и постельное белье. — Проскулила Супница. — Я установила контакт с местными жителями.

К господину Часы подошли.

— Ни шагу вперед! — Предупредили.

Господина Часы взялись изучать издалика.

— Вы жили в вере? — Спросили у господина Часы.

— Ходил четко. Переживал за каждого пациента. Берег их жизненные силы. — Ответил господин Часы. — Не позволял им сбиться с режима. Режим — это главное для больного. Никто не должен нарушать

внутренний распорядок. Пробуждение, туалет, завтрак, обед, ужин, сон — всё по часам.

— Всегда предпринимали правильные действия, господин Часы?

— Тикал. Не спешил и не опаздывал. На моей территории душевнобольные процветали. Верили в волшебство. Не оскверняли палаты. Есть претензии?

— Соблюдали правила приёма посетителей?

— Допускал посещение больных родственниками в дни и часы, установленные главным врачом.

— Какой он?

— Кто?

— Главный врач.

— С перьями. Совершенно несчастный. Он был убежден, что может использовать силу крови. Он желал жить неестественно долго. Кровь таинственным образом пропадала из лаборатории. Главный зашел так далеко, что прибегал к услугам санитаров. Вместе они производило кровопускание местным кошкам. Кровь вливали пациентам. Психиатр знал, что это запрещено и страдал. Я страдал вместе с ним. Главный был в отчаяние. Жестокое обращение с пациентами сводило его с ума.

— Понятно. Доктор был поражен. Демоны овладели ими.

— Согласен. — Господин Часы кивнул. — Что происходило в психиатрической клинике, за гранью вымысла и реальности. Психиатры придумывали все более изощренные методы лечения.

— И что Главный?

— Плох Главный. Эксперименты в лечебных целях травмировали его психику. Мало кто мог выдержать акт созерцания жестокого насилия. Пациента опускали в воду с головой и ждали пока он не начнет захлебываться. Поведение у Главного изменилось. Он стал буйным. Теперь он находится на нижнем этаже. В особых условиях.

— Его заменили другим?

— Рекомендовали на его должность более устойчивого и талантливого врача. При нем появились гуманные методы лечения. Гипноз и душ Шарко.

— Все это интересно, но печально. Расскажите нам бравую историю, господин Часы. — Предложил один господин. — Таковую, которая сделала вас счастливым. В психиатрической клинике, где содержались безнадежные пациенты, было что-то хорошее?

— Жизнь не стоит на месте. — Монотонно произнес господин Часы.

— Не все злоупотребляли должностными полномочиями. Встречались и

неравнодушные врачи. Что говорить об этом? Что было, то прошло. Почему я должен рассказывать вам истории? Я спешу в замок.

Господин Часы возмутился. Мозг отреагировал на внешнее. Господин Часы стал считать ситуацию несправедливой. Для него создали некорректные условия.

Незнакомец снял с шеи платок. Был он синий, шёлковый. Господин Часы увидел углубление. Батарейка не может работать вечно. Её требуется периодически менять. Гарантия на прежнюю батарейку истекла. Незнакомец осторожно удалил просроченную батарейку. В процессе действия внутрь механизма не попала ни пылинка, ни волосок. Вставив новый источник энергии, довольно потер руки.

Тем самым, он показал господину Часы, что ему тикать и тикать, а господину Часы лучше быть сговорчивым. В противном случае, господин Часы переместится на свалку часов. И не поможет ему часовых дел мастер.

Свалка часов находилась рядом.

— Господин Часы, мы не настаиваем. Нет желания сплетничать про персонал, поведайте нам о пациентах, господин Часы. — Мягко предложил другой, более добродетельный господин. Он попробовал перевести ситуацию в мягкое русло. — Вы много увидели, господин Часы. Поделитесь с нами информацией. Нам тут очень скучно. Мы давно находимся в безопасности. Где отсутствует зло, нет места подвигу.

На лице господина Часы проступило добродушие.

— Готов рассмотреть ваше предложение.

— Нам интересны судьбы. — Господа заходили на месте. — Нас возбуждают непростые истории. Мы желаем понять человеческие проблемы.

— Старый сумасшедший дом хранит много темных историй. — Вздохнул господин Часы. — Наше заведение было изолировано. Стояло на отшибе. Позиционировало себя, как учреждение сострадательного ухода. Я тикал в нем двести лет.

— Мы знаем, господин Часы. Расскажите нам о новых пациентах старой больницы.

— Да содрогнутся ваши уши. Место действия — мир людей, кухня в многоквартирном доме.

Когда она вошла на кухню, голубь присел на карниз и попросил корм. То был знакомый голубь. "Гули-гули. Крошечку от Гули". Выпрашивал голубь.

Её звали Гуля. Она дружила с голубями. Носила мягкие шляпки и воздушные платья. Голубили принимали её за свою. Опускаясь к ней

на спину, искали её крылья. Голуби были уверены в том, что крылья она прячет под платьем.

Гуля покормила птицу. Улыбнулась солнцу. Помахала рукой соседу в трусах. Тот курил на балконе. Подумала о том, что кому-то надо ехать на дачу, чтобы там посадить картошку, снег давно сошел. И лучше бы дачу продать, потому что с ней много хлопот.

Не сразу она выпила воду из стакана.

Её муж стоял в дверном проеме и думал о том, что всё странно. Почему она сразу не умерла?

Гуля не умерла и в больнице. Мышьяк не убил её тело. Лишь крылья пострадали. Крылья усохли, а потом и отвалились. Без крыльев она прожила еще пятнадцать лет.

"Её крылья пропали". Печалились голуби.

Выписавшись из больницы, Гуля каждый день приходила в парк. В руках у неё был мешочек с хлебными крошками. Согнувшись, она сыпала хлебные крошки на беговую дорожку. Голуби прилетали. Смелые садились на её спину. Касаясь лапками мест, где когда-то были крылья, сильно печалились: «Одинокая. Еще и без крыльев».

Бегуны, а утром их было много, стороной обходили хлебные крошки и голубей, клевавших их.

"Чокнутая". Говорили бегуны.

Гуля смотрела вслед бегунам и кокетливо поправляла шляпку. На её руки садились голуби. Те, которые боялись людей и вели себя с ними осторожно.

Голуби говорили ей, как любят её. Уверяли, что когда-то у неё вырастут новые крылья. Нужно только подождать.

— Леденящая душу история. — Чужеземцы раскрыли глазницы. Пружины пришли в движение. Завертели зрачки. — А дальше? Что случилось с вашей Гулей, господин Часы?

— Каждой новой весной Гуля оказывалась в клинике. Приходила сама... Как только возникали приступы и депрессивное состояние, стучалась в дверь отделения. Двери всегда закрыты. В них надо стучать. В весенний период в клинику попадают чаще, чем в другой период года. Весной обостряются психические заболевания. Состояние больных ухудшается из-за увеличения светового дня. Нарушается ритм жизни. Что негативно сказывается на нервной системе. Бродя по коридору, Гуля размахивала руками, словно крыльями. И ворковала. Утверждала, что она — птица. Пятнадцать весен я разговаривал с ней. Гуля была на редкость приятной собеседницей. Ну, а потом. Когда наступила шестнадцатая весна, Гуля напала на старую санитарку... Санитарка с румян-

цем на щеках была совершенно безобидна, но не любила птиц. Особенно голубей. Гнала их мокрой тряпкой. Те, присаживаясь на карниз, высматривали Гулю и гадили. Гулю перевели на другое отделение, этажом ниже. Старуха теперь в полуподвальном помещении. Её судьба мне не известна.

— Почему муж хотел убить жену? Должен быть мотив. Он не хотел высаживать картошку? Её муж не любил дачу? — Хором и наперебой спрашивали господа.

Господин Часы улыбнулся им. В светлом пространстве, где всё предопределено, мало знали о беспокойной жизни на Земле.

— Мужчина встретил женщину. Ей понравилась дача. Весной у забора появлялись синие подснежники. В случае смерти супруги, дача досталась бы мужу. Наследников больше не было. Он хотел, чтобы она умерла. В целом он был неплохим человеком, не был предрасположен к преступному поведению. Так уж случилось...

— Мы удивлены и недовольны. Вы оправдываете преступление, господин Часы?

— Я долго жил среди людей. В сообществе людей много потенциальных убийц и насильников. Он был "случайным" преступником. Жертва обстоятельств.

— Как же? — Господа насупились. Они ждали объяснений.

— Скажу, как думаю. — Господин Часы медленно пошел. — Насколько могу понять, человек не получил должного воспитания. В процессе его существования произошло нравственное разложение. Плюс половая распущенность.

— Эта ваша счастливая история, господин Часы? — Гневаясь, незнакомцы приподняли цилиндры. На их головах ничего не росло. Их лысые головы заблестели всеми цветами, кроме синего.

Господа напыжились. Покраснели от гнева. Пружины внутри стали закручиваться и раскручиваться.

— Хорошо. Дурная история. — Согласился господин Часы. — Будет другая.

Деревья готовились к зиме. Мысли замерли. Сердца, находящиеся в центре древесины, перестали активно биться. В большей части ствола замедлилась жизнь.

В примерзшей траве схоронились яблоки. Мороз их не тронул. Яблоки были крепкими.

Девушка согнулась за яблоком. Ветер раздул пальто. Белое пальто сложилось в белые крылья.

— Их можно есть? Возьмем с собой? — Спросила. Улыбнулась. Тепло посмотрела.

— В карманы брюк уместятся с десяток. — Олег похлопал широкими ладонями по мешковатым брюкам.

— Как ты будешь жить без меня? — От её исхудавшего лица шёл ясный свет.

— Вначале будет трудно. Потом привыкну. Тебе не холодно? — Спросил.

— Будешь счастлив?

— Без тебя?

Она пряталась за деревьями. Шерстяные белые крылья трепетали на ветру. На днях он купил ей белое пальто.

«Я лечу! Я лечу!»

«Пора домой, Оля! Вот-вот дождь пойдет».

Она вернулась.

— Собрал яблок?

Она оставила его зимой. Каждое утро он отправлялся в лес. Топча снег, искал белок и птиц. Ему надо было кого-то кормить. В лесу Олег был ни один.

Шли годы... Пришла новая зима.

Одинокий старик прильнул к окну. Кого-то позвал. С кем-то поговорил.

Стекло запотело. Длинной косматой бородой старик протер окно.

В дверь постучали.

На пороге стоял незнакомец. «Можно к тебе?» Спросил. «Я заблудился. Шел на поминки. Друг умер. Свернул ни на ту тропу. На оставке холодно. Автобус будет только утром».

Человек прошел в дом.

— С кем разговаривал, Олег?

— С женой.

— Где же она?

— Умерла.

— Ты портной?

В закутке лежали обрезки ткани.

— Был им. Теперь... Шью вечерами. Платье для неё. Для Ольги.

Хозяин дома достал из печки чугунок с картошкой. После ужина помыл в тазу посуду. Предложил гостю одеяло и подушку.

— Всегда разговариваешь с ней?

— Тяжело без неё.

— Хочешь её увидеть?

— Да.

— Это будет всего лишь раз.

Старик согласительно кивнул.

— Надень платье на молодое деревце. Мертвая явится к тебе.

— А вы кто?

В комнате никого не было. Подушка и одеяло лежали нетронутыми.

Старик горько заплакал. Олег плакал каждую ночь. Олег не знал, как ему жить дальше...

Платье получилось красивым.

Весной старик посадил вишню. Заморозки не обещали. По небу плыли облака. Когда дерево подрастет, ветками будет стучаться в окно.

Старик надел на дерево платье. Мимо забора шли соседи. Спешили. Желали с первым автобусом уехать в город.

Когда-то Олег работал на швейной фабрике. У него была хорошая репутация. Олег рисовал красивые платья. Он находил эскизы в своих фантазиях. Он мог достичь больших успехов. Заболела Оля. Он уволился. В деревне перебивался чем придется. Брался за любую деятельность. Работал до изнеможения. С каждым годом работы становилось меньше. Деревня умирала. Школу закрыли. Баню заколотили досками.

Старик стоял у саженца и думал о том, что через несколько лет вишня обязательно даст плоды. Наденет красные серьги. Кто будет срывать спелую вишню? Ни он.

Она возникла неожиданно.

— Ты обещал не грустить, Олег. — Её глаза были ясные. На ней было новое платье. То платье, которое сшил он.

— Оля. Ты пришла?

— Тебе нужно было жениться, Олег. Я ждала твоих детей. Твоя жизнь прошла в одиночестве. Мне жаль, милый.

Возник ветер. Деревце качнулось. Платье на нем затрепетало. "Нужно укрепить тебя". Сказал Олег. Ушел в сарай. Вернулся с веревкой и палкой. Трудился до глубокой ночи. «Расти большая». Улыбнулся.

Летом вишня нарядными ветками застучалась в окно. "Смотрите, какая я красивая". Дом был пуст.

«Как вам эта история?» Спросил господин Часы.

«Старик умер?» Спросили господа в цилиндрах.

«Он достиг желаемого».

В замке было много дневного света. По замку летали счастливые птицы. Взмахи крыльев рождали добрые слова. Ветер разносил их.

— В нашем замке большие сквозняки, господин Часы. — Господин, возникший неожиданно носил красную мантию. — Вы всё таки дошли. — Хитро улыбнулся незнакомец.

У говорящего не было рук. Из рукавов мании торчали ветки. На них взбухли почки. Вот-вот почки пробудятся ото сна и на свет явится молодая листва.

— Вы дерево?

— Вы пришли за Джейн? Она в детской группе.

— Можно забрать её домой?

— Зачем? Это лишнее. Нельзя ругаться при детях. Вы разве не согласны, господин Часы?

— Полностью поддерживаю. Слышать, как родители кричат и оскорбляют друг друга, не выносимо для детской психики.

— Вот именно, господин Часы. — Собеседник чихнул. — Его макушка покрылась алыми маками. — Никак не привыкну. — Сказал.

— К цветам?

— Стоит о них подумать, возникают. У меня аллергия на цветы.

— Нужно забыть.

— Согласен.

Черная пыльца припудрила нос господина Часы. Господин Часы размазал пыльцу по лицу. Собеседник достал чистый носовой платок.

— Оботритесь. Прошу вас. Неловко как все вышло.

Господин Часы послушно обтер лицо. Пыльца осталась на платке. Платок превратился в маковое поле.

— Вы выращиваете маки?

— В замке все любят булочки с маком. Постояльцы. Гости. Обслуживающий персонал.

— И гости? — Удивился господин Часы.

Собеседник заговорщицки шепнул:

— Иногда мы собираем маки в букет. Кладем их под подушку. Детям снятся дивные сны. Русалки. Лебеди.

— А вам?

— Страны. Города. Люблю путешествовать. В путешествиях собираю краски. Яркие видения приводят меня в возбуждение. Для вас, господин Часы, маки опасны. Уснув, вы ничего хорошего не увидите, но не проснетесь. Навсегда останетесь в маковой стране. А там... — Вздохнул собеседник. — Нет сегодня. Нет завтра. — Собеседник радостно похло-

пал господина Часы по плечу и ласково взглянул на него. — Детство, прошедшее между криками родителей, негативно влияет на взрослую жизнь. Ступайте назад, господин Часы. Мы не хотели допустить страдающий крошки Джейн. Понимаете, господин Часы?

— Ничего не понимаю. Над вашими маками кружит шмель. Жужжит и жужжит.

Собеседник прихлопнул шмеля.

— Вы его убили?

— В замке Джен окутана любовью. Став взрослой женщиной, вступит в здоровые романтические отношения. — Собеседник широко раскрыл рот. Оттуда вылетел шмель. — Жизнь — смерть. Одни двери закрываются. Другие открываются. Раньше всё было иначе. Все знали, где добро, а где зло. Люди отдалились от центра и всё перемешалось. В мир людей пришла смерть.

— Можно взглянуть на Джейн?

— В детской группе тихий час. Джейн спит.

— В каком часу я смогу увидеть крошку Джейн?

— Времени нет. Есть лишь конструкция.

— Я существую!

— Я вас наблюдаю, но не мните о себе много, господин Часы.

Прервав задушевную беседу, объект стал улепетывать с большой скоростью. Пространство искривилось. В какую сторону шагать, чтобы найти детскую группу, господин Часы не понимал. Повсюду были разбросаны детские игрушки. Плюшевые звери сбивали господина Часы с мыслей. Путали сознание.

Откуда-то явились грудастые дамы в черном. Собрали в красный мешок детские игрушки.

— Когда мужчины пьют, большой беспорядок. Меня зовут Юля. Мой муж — алкоголик.

— Меня зовут Настя. Мой муж пил три дня. Блевал на ковер и гадил в ванную. У нас есть ванная.

— Меня зовут Лика. Мой муж в пьяном угаре надел целлофановый пакет себе на голову. Чуть не задохнулся. Бедняга. Посинел. И вот я тут. Под социальной защитой.

— Нам всем нужна психологическая помощь, господин Часы. Жены алкоголиков очень страдают. В домах нечем дышать. Нас преследует вонь.

— Он бьёт меня. — Сказала Настя. — Это такое унижение, господин Часы, быть битой. — Главное, господин Часы, не верьте роковым брюнеткам. Отравят.

— И блондинкам. Предадут, как пить дать. — Сказала Юля.

— У нас группа. Мы хорошие. Мы люди, как люди. — Потянула грудастая Лика. Её грудь шевелилась под платьем. Грудь была живая.

Господин Часы представил себе, как грудь живет своей жизнью. Ходит в магазин за покупками. Соблазнительно улыбается мяснику.

Настя, Лика и Юля, помахав господину Часы, прошли в картину. Та висела на стене. Неизвестный художник изобразил поле. Желтая пшеница тонкими колосками тянулась к синему небу. По небу плыли облака. Под облаками парили птицы. Их клювы были раскрыты.

Женщины скрылись. Их голоса остались:

— Прощайте, господин Часы. Вы немного повреждены.

— Ваша жизнь катится в тартар. У вас еще есть шанс. Вас могут починить. Завтра придет мастер.

— Детская группа в другой стороне. В детской группе тщательно убирают помещение. Детям на полдник приносят свежие овощи. Появился собственный огород. Санитары разбили грядки.

Не успел господин Часы обработать информацию, как рядом встали девушки. Все они были в белых платьях. Их красные рты разомкнулись.

— Невесты? — Спросил господин Часы.

Девушки перед носом господина Часы потрясли свадебными пригласительными билетами. Заботливо расправились складки на платьях. Их платья немного примялись. Видимо, были куплены несколько месяцев назад.

— Свадьба — это большое испытание, господин Часы. Не веселый период. Мой жених изменил мне во время свадьбы. — Сказала одна невеста. Её платье было испачкано косметикой. На белом платье были черные разводы. — Та ещё ситуация. Я застала его в дамской комнате с тетушкой. Тетушка не была мне родной. Но я выросла на её руках. Много времени проводила в её доме. Её фиолетовая помада была на его белой рубашке. Фиолетовая помада повредила его рубашку. Фиолетовый цвет трудно отстирывается. Я терла. Терла. Фиолетовая помада повредила мой рассудок. Я попала сюда.

— Мне жаль. — Тихо скрипнул господин Часы.

— Счастливой женой пришлось быть недолго, господин Часы. — Девушка вышла на открытый солнечный свет. Господин Часы увидел все её морщины. — После полуночи гости разошлись. Мы потушили свечи. Доели торт. Я сама оставила подругу в нашем доме. Они занимались сексом в соседней комнате. Я все слышала. Слышала. Я до сих пор их слышу, господин Часы. Мне не избавиться от этого. И вот, я тут.

— Мне жаль. — Господин Часы с большим сочувствием разглядывал её губные складки. Ей было двадцать. Она выглядела на сорок.

— К нему приехал друг. Красивый мальчик. Его переполнили эмоции. — Невеста стала смеяться сквозь слезы. — Никогда бы не подумала. У них был контакт. Я стараюсь очистить свое белое платье. На нем остались рвотные массы. Меня так рвало, господин Часы.

— Хватит! — Взвизгнул господин Часы. — Я больше не могу это слышать! Я лучше займусь делом. В этой ситуации стану громко тикать.

У господина Часы закружилась голова. Господин Часы закрыл глаза. А голоса затараторили. Невесты желали выговориться. Девушки хотели быть услышанными. Они не пошли к священнику. Они изловили господина Часы. Невестам нужно было хоть немного сбросить свой груз.

— Посмотрите на нас, господин Часы!

— Что вы прячетесь от действительности?

— Нам всем нужна ваша психологическая помощь, господин Часы.

— У вас большие проблемы. Я не могу вас вылечить. — Господин Часы пытался выбраться из круга, но невесты непустили его.

— Можно ли простить любимого, господин Часы?

— Можно ли верить обещаниям изменщика?

— Как выйти из беды, господин Часы? Шагнуть через окно? Выпить яд?

— Только специалист сможет удержать вас от необдуманного поступка. — Проскрипел господин Часы. Он был в замешательстве. Все эти женщины! Сводили господина Часы с ума. — Уходите! Я не смогу вам помочь. — Наконец, господин Часы отстранился от невест. — Вас спасет отечественная психиатрия. В восемь утра вам нужно будет выстроиться в очередь за таблетками.

"Во всем виноват алкоголь и доступные дамы!" Вслед господину Часы кричали невесты. «У нас нездоровая психика. Мы нуждаемся в лечении».

Господин Часы улепетывал. Пробежав много метров, уткнулся в могучую спину.

«Вам нельзя было бродить по улицам. У вас косоглазие. Зачем вы сорвались со стены? Кто вас теперь починит? Придет мастер, но он безрукий». Обернувшись, чужак исчез. С ним и его спина.

«Сумасшедший дом». Выдохнул господин Часы.

Рядом с ним тотчас встал господин Зло. На нем был парадный пиджак безумно желтого цвета.

Мистер Зло был еще тот тип! Мистер Зло подвергся изменению. На уровне ворота пиджака, с шеей случилось расщепление. Из шеи проросли три головы, совершенно не похожие одна на другую.

— Вы все же пришли. — Сказала одна голова. Форма головы была квадратной. Но сама она была вполне адекватная. Разумно распоряжалась своим лицом. Нос не шмыгал. Глаз не дергался.

— Явился. — Подтвердил господин Часы. — Привык ходить. Призраки сумасшедшего дома встали на моем пути. Они толкались и кусались. Я наблюдал их.

— Мы все друг друга наблюдаем. — Сказала вторая голова. — Меня раздражает соседка, эта первая голова. — Пожаловалась голова. — Она ненастоящая. А считает себя особенной. Постоянно прощается с прошлой жизнью. Слово у нее была жизнь. — Вторая голова немного бредила.

— Прекратите болтать! Вы мешаете смотреть фильм! — Недовольно произнесла третья голова. — Психи! Чокнутые!

У третьей головы был эмоциональный дефект. Часто она вела себя неадекватно. Высказывала свою точку зрения в крайне возбужденном состоянии.

Возник экран. На экране появилось изображение, которое было разбито на маленькие квадратики, одинаковой формы.

— У любой измены есть причина, лежащая в отношениях пары. — Произнесла третья голова. — Смотрите внимательно на экран, господин Часы. Мы приготовили для вас важную информацию. Она будет безрадостной.

Марго в старой футболке ёжилась. В доме было холодно. Отопление обещали включить ещё вчера. Волосы на ногах встали дыбом.

— Что мы наблюдаем? — Спросила вторая голова.

— Что? — Поинтересовался господин Часы.

Господин Часы всегда проявлял интерес к Марго. Если бы он был мужчиной, наладил бы ее жизнь. Удовлетворил бы её потребности. Он сам бы готовил еду. Не допускал бы в доме громких ссор. Следил бы за её психическим здоровьем. Вернул бы ей оргазм.

— Что за вопрос, господин Часы! Перед вами повод для возникновения супружеской измены. — Сказала третья голова. — Посмотрите на ноги этой женщины. Это уже не совсем ноги. А трубы, покрытые шерстью животного. — Третья голова часто была настроена враждебно по отношению к окружающим.

— Я с вами не согласен. — Сдержанно произнес господин Часы. — Послушайте, мистер Зло. Не морочьте мне голову. Я пришел по делу.

— Пришли за Джейн, господин Часы? — Мягко спросила первая голова. — Не дождавшись ответа, скомандовала в сторону: вам следует немедленно подготовить платья. — Развернувшись к господину Часы, пояснила: возникла внештатная ситуация, господин Часы. В замок прибыли три девочки, а одежды для них нет. Мы не ждали новых пациентов. На детском отделении мало коек. Все дети хорошие.

В зале неприятно запахло.

— Следует немедленно уничтожить трупный запах. — Попросила третья голова. — В помещении должно пахнуть хлоркой.

— Спермидин и кадаверин — токсичные вещества. Пациенты мрут, господин Часы. Хорошо, что на территории находится кладбище и морг.

— Кладбище закрыли сто лет назад. — Вспомнил господин Часы. — Работники кладбища, соблюдая санитарные нормы, ухаживают за старинными памятниками. С некоторых пор самоубийц стали хоронить между другими.

— Бедняги. На обочине дорог их никто не охранял. На них мочились бродячие собаки. — Третья голова покраснела. Из глаз полились слезы. Слезные железы стали вырабатывать избыточное количество слезной жидкости. Господин Часы допустил, что у головы имеется заболевание со странным названием «ксероз роговицы». — Душевно больные, наложившие на себя руки, ни в чем не виноваты. — Кивнула третья голова. — Их подвело психическое здоровье. Депрессия и шизофрения увеличивают риск суицида. Им вовремя не оказали помощь и финиш. Они покончили с собой. А почему? У них отсутствовал инстинкт самосохранения. Больные не могут сами бороться с суицидальными идеями.

— Тсс. С одним пациентом вчера случилась неприятность. Он умер не понарошку. — Заговорщицки шепнула первая голова. — Санитар забыл в палате пояс. Мы не успели сделать пациенту лоботомию. Пропал пациент. Придется искать для него место в огороде.

— Что вы говорите? В психиатрии давно не практикуют лоботомию. — Возмутился господин Часы. — Вы пользуетесь устаревшей информацией.

— Загляните в палаты, господин Часы. — Расхохоталась первая голова. — Всё ни так, как кажется. Старые методы еще популярны. Ш-ш-ш. Это тайна. Вы плохо видите, господин Часы. Нужны очки?

— В жизни всегда присутствует тайна. — Сказала третья голова.

— Правды нет, господин Часы. И не ищите. — Сказала первая голова и отдала распоряжение в сторону:

— Пусть садовник пересчитает деревья в саду. — Голова развернулась в сторону господина Часы. — Времени нет. Вы — всего лишь часы, фиксирующие события трёхмерного измерения.

— Мертвое дерево распилите на части. — Приказала вторая голова. — Пень не выкорчевывайте. Оставьте в саду.

— Позвольте! Зачем нам старый пень? — Возмутилась первая голова.

— Следующей весной на старом пне появятся молодые побеги. — Ответила вторая голова. Наклонившись к господину Часы, заговорщицки шепнула:

— Джейн в третьей палате. Сегодня посетителей не пускают. Приходите завтра. Мы вызвали мастера. Завтра он вас вскрыет. Проверит механизм. У вас есть шанс, господин Часы. Некоторые пациенты, которых не заколют до беспамятства, будут слышать ваш ход. Тик-так. Потом вы исчезните.

У ворот замка росли столетние тополя. Голые ветки ждали весны. В психиатрической клинике сохранились надежды. На территории располагался винный погребок. В целом это было благополучное место. Местные жители не помнили ужасов, происходящие некогда в психиатрической клинике. Больнице было много лет... Все, кто прежде жил и работал в клинике, давно обосновались на старом кладбище.

Внутри замка царил порядок.

Буйные находились отдельно. Со стороны буйных доносили громкие крики, мольбы о помощи и горестные всхлипывания. Это было днем. В восемь вечера буйных закалывали препаратами так, что те не могли пошевелиться. Впадая в глубокий сон, они видели кошмары.

Замок стоял на возвышенности. Находился далеко от города. Весной и летом строение утопало в пышной зелени.

В старинном замке окна были защищены кованными решетками. Издали замок казался опасным.

В замке было много коридоров. От каменных стен веяло холодом. Доктора, ежась, перемещались в зад и вперед мимо узких и маленьких помещений, где хранился инвентарь.

В просторных комнатах, там некогда жила прислуга, разместили врачебные кабинеты.

В центре замка находилась зала. Прежде в замке устраивали пиршества и роскошные балы. В замке любили танцевать. Приглашали в замок лучших музыкантов и балетмейстеров. Знать превратила свою

жизнь в нескончаемый праздник. Никто не желал тратить время на военные походы. Придворные соревновались в богатстве нарядов и украшений. В многочисленных зеркалах отражались дамы и кавалеры.

Это было задолго до того, как замок стал клиникой. Обиталищем для душевнобольных. Пристанищем для преступников.

В огромном зале устроили столовую. Внесли столы. Укрепили стулья.

Условия содержания больных были приемлемые. Больных кормили хорошо. Раздатчица раскладывала еду в железные миски. Больные любили котлеты. От таблеток возникал неконтролируемый жор.

Пациентам были запрещены любые виды шумных развлечений. Большая часть публики резко теряла контроль при возникновении громки звуков. Одни становились беспокойными. Другие — потерянными.

В психиатрической клинике сохранилась старинная библиотека. Старые книги были пригодны для чтения. Ходячие больные могли их листать в определенные часы.

В комнате досуга стояли кадучки с растениями. Кадучки крепились к полу болтами. Даже маскулиный пациент не сможет перевернуть их.

От препаратов пациенты становились вялыми.

Комнату украшали картины с изображением бабочек. Оптимистичные картины принадлежали кисти художника, забывшему своё имя. На отделение он поступил без документов. Пациента нашли в городском парке. Там он жадно щипал траву.

В большом аквариуме плескались золотые рыбки. Больные под воздействием сильных препаратов, любили проводить время у аквариума. Маленькие рыбки лечили пробоины в душах.

Медицинский персонал через мониторы круглосуточно наблюдал за пациентами.

На стене висели часы. Под часами на полу стоял стул. На стул любили присаживаться люди с задумчивыми лицами. Пребывая в своём мире, смотрели в никуда. Депрессивные проваливались в черные дыры. До них трудно было достучаться. Некоторые загадочно улыбались.

Некоторые пациенты клиники предпочитали эпатажно выглядеть. Им не запрещали.

Иван Иванович носил красную мантию, расшитую золотыми нитями. На его голове находилась аккуратная желтая шапочка. Под ней Иван Иванович прятал шрам от трепанации. Шрам был красный. Иван Иванович стеснялся его. Шутил и говорил, что скоро под шапочкой за-

алеют красные маки. Иногда шапочкой он ловил мух. Весной мух было много.

К Ивану Ивановичу приезжал внук. Звали его Николас. Внук привозил Ивану Ивановичу новости. Симфонический оркестр гастролировал по стране. Иван Иванович мечтал вернуться в оркестр, приступить к работе. Иван Иванович был музыкант.

Господин Часы помнил каждого пациента. Господин Часы справлялся с потоком пациентов. Наблюдать за душевнобольными стало его смыслом.

Некоторые пациенты оставались в клинике навсегда. На всё проведение Господа...

Господина Часы забавлял пациент, возомнивший себя мистером Зло. Пациент утверждал, что времени нет. Господин Часы хохотал, когда мистера Зло в шестнадцать часов уводили на капельницу. Лечащий врач надеялся, что шизофрения отступит. Память вернется и пациент вспомнит, что он служил при собесе. Холодной зимой кувалдой сбивал лёд с асфальта.

Труднее всего было солдату на культьяпках. Солдат не вернулся с войны. Во сне он кричал. Барбитураты не помогали. Страдая, солдат горько плакал.

Днем солдат мечтал о любви. О милой девушке, которая танцевала бы за двоих. Господин Часы просил Провидение за солдата. Одним теплым утром к солдату пришла Луиза. Девушка в ситцевом платье. Вместе они учились в школе.

Августа была старым пациентом. Прижилась в замке. Считала себя прорицательницей. Августа всегда знала точную дату поступления в клинику нового пациента.

Августа любила играть в куклы. В выходные дни Августе разрешали стучать мячом. В выходные дни Августа мешала господину Часы.

Психическое заболевание у Джейн диагностировали рано. Родители отказались от неё. Забыли о её существовании. В замке её считали трудным пациентом. В заторможенном состоянии Джейн принимала позу ленивой кошки и тихо мяукала.

Господину Часы нравились кошки.

Однажды... Господин Часы чуть не влюбился. Пациентка нуждалась в сочувствии. Потеряв ребенка, муж увез малышку за границу, осталась совсем одна. Набрал лишний вес, дала себе новое имя. Пациенты к ней обращались «Супница».

Лечащий врач ничего не мог с этим поделать. Имя «приросло» к пациентке. Супницу лечили гипнозом. После очередного сеанса она

возвращалась счастливая. Присаживаясь на стул, тихо пела колыбельную.

Да, господин Часы чуть не влюбился...

Иногда... Господину Часы снились странные сны. Надев красные штаны, он куда-то шел... Шел...

ТЕАТР

Роберт Геттих

Калужская область

МЕСТЬ ЗА ЛЮБОВЬ

драма

место действия: Россия

время действия: наши дни

действующие лица:

БЕЛИКОВА Людмила Викторовна, 37 лет, учительница младших классов

ТАРХАН Дмитрий Алексеевич, 45 лет, капиталист

МАРЬЯШИН Глеб Андреевич, 41 год, преподаватель физкультуры

ДВОР — ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА. На бортике песочницы сидит Тархан, выглядывая прохожих. Со стороны проспекта, под аркой между домами, идёт Беликова, с набитым портфелем и сумочкой.

ТАРХАН. Женщина, не проходите мимо интересного мужчины.

БЕЛИКОВА. Что?

ТАРХАН. В октябре такое поведение тем более опасно, что дальше в одиночку только холоднее.

БЕЛИКОВА. Вы в уме?

ТАРХАН. Нет, в песочнице.

БЕЛИКОВА (на ходу). С ума сойти.

ТАРХАН. Постойте.

БЕЛИКОВА (не останавливаясь). Гражданин, идите вы отсюда... мимо!

ТАРХАН (достаёт из кармана мягкую игрушку-медвежонка). Тогда не получите приз, Людмила Викторовна.

БЕЛИКОВА (остановившись). Ваш ребёнок учится в моём классе? Фамилия?

ТАРХАН. Тархан.

БЕЛИКОВА. Нет у меня такого... Как? (Оборачивается к Тархану.)

ТАРХАН. Вы впервые взглянули на собеседника. И так со всеми?

БЕЛИКОВА. Мой Тихон!

ТАРХАН. Можно подумать, вам совестно за что-то, причём, глобально, если прячете глаза от безобидного никчёмного прохожего.

БЕЛИКОВА. Верните Тишу.

ТАРХАН. Он к вам силой не пойдёт, только по доброму согласованию между двумя противодействующими сторонами.

БЕЛИКОВА. Чёрт возьми... как же вы изменились... Зачем вы здесь? Я вас забыла! Зачем, зачем, зачем! Провались совсем, Дмитрий Алексеевич, не надо вас. Уйдите, уйдите!

ТАРХАН. «Снова осень случилась, как фокус, Ухмыляются люди, не веря, Быть не может, что год на исходе, Если осень, то, значит, потерея».

БЕЛИКОВА. Старый репертуар.

ТАРХАН. Вы меня боитесь?

БЕЛИКОВА. Нет. Я никого не боюсь, я учительница младших классов, меня атомной войной не испугать, водородной бомбой не закидать и новейшим гиперзвуковым оружием не оглушить, я неприступный блиндаж. Просто исчезните.

ТАРХАН. Путь был неблизким...

БЕЛИКОВА. Вам нос сломали на производстве или вы, как всегда, напились и сверзились в сточную канаву?

ТАРХАН. Медвежонка называют Мишей, все. Ну, Потапчиком, ну, Топтыжкой. А этот — Тиша. Пятнадцать лет мучаюсь вопросом, почему?

БЕЛИКОВА. Приехали за ответом?

ТАРХАН. Да!

БЕЛИКОВА. Тогда не сказала и сейчас не скажу.

ТАРХАН. Мила... Милая Людмила...

БЕЛИКОВА. Верните мою игрушку, Тархан, и уносите ноги на вокзал, пока вам всю вашу костную структуру тела не переломали вслед

за носом. Поверьте, я мигом найду заступника, и не одного. Отдайте Тихона!

ТАРХАН. На вас образовался спрос? С вашим норовом? Я — в шоке, поздравляю, но не верю.

БЕЛИКОВА. Тишку верните. Понятно!?

ТАРХАН (напевает). «Какие старые слова, а как кружится голова»...

БЕЛИКОВА. И петь вы не умеете, блеете, как баран. И песни дедовские, дурацкие, никто уже не вспоминает. Да нет, не «как баран», а баран и есть.

ТАРХАН. Сегодня ровно пятнадцать лет вашему последнему роковому психу.

БЕЛИКОВА. Нет, вы — не баран, вы — козёл.

ТАРХАН. Пятнадцать лет с моего отъезда. Нашему расставанию пятнадцать лет.

БЕЛИКОВА. Я подозревала, что Тишка не потерялся. Да очень-то и не искала. Ох, да видела я, как вы его умыкнули на вокзале. Такой смешной были, когда воровали, как малыш. Вы — вор, грабитель. Если честно, я хотела, чтобы у вас осталось на память обо мне хорошее что-то.

ТАРХАН. Людмила Викторовна, мы не виделись полтора десятка лет, пятнадцать процентов века. Мы расстались как-то коряво, даже не попрощались.

БЕЛИКОВА. Вы, пожалуйста, уйдите. Откуда взялись, туда и уйдите. В туман. Да-да, свалите в туман. Я ничего не помню, никого не хочу вспоминать. Ни о чём не страдаю, не сожалею. Таскайте свой багаж сами, это ваш горб, я мой срезала.

ТАРХАН. Пластическая операция или любимая художественная гимнастика?

БЕЛИКОВА. Или я заявлю в полицию, что вы меня преследуете. Вы — не местный, одеты богато, поверьте, наша полиция радушно раскроет вам свои объятия.

ТАРХАН. И вы изменились. Разговорчивая, продвинутая, социализированная. Тогда я не смогу уехать, и вам придётся встречаться со мной чуть ли не ежедневно. Сначала следствие, потом суд. Не говоря о лагере, где вы меня будете навещать. А вы себе хоть чуток представляете зоновские гостиницы, где нам с вами придётся проводить свидания? Прохудившаяся крыша, застиранное постельное бельё, пошарпанная посуда, тазик под прорехами прохудившейся крыши

БЕЛИКОВА. Больной вы, Тархан, на всю голову. Вон. (Уходит в подъезд.)

ТАРХАН (голосит вослед). «И всё золото часа осеннего Не заменит того, что потеряно, Не заменит кипенья весеннего, В октябре всё так мёртво, размеренно!» Ишь, как спинку выпрямила, голову подняла... Аккуратнее, красавица, не споткнись. Для начала сойдёт. Тишку, однако, не потребовала. (Уходит со двора.)

ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА 9 ЭТАЖА. Марьяшин сидит на подоконнике. Из лифта выходит Беликова, не обращает внимания на Марьяшина, идёт к запертой двери общего коридора, возится с ключами.

МАРЬЯШИН. Ау?

БЕЛИКОВА. Этот тут ещё толчётся.

МАРЬЯШИН. Людмила...

БЕЛИКОВА. Достача. (Уходит в коридор.)

МАРЬЯШИН. Опять — двадцать пять. Сегодня-то чего.

БЕЛИКОВА (в дверях). Не сердись, Глеб, проходи. Не забудь захлопнуть дверь. (Уходит в квартиру.)

МАРЬЯШИН (бормочет). А если я не пойду за тобой. Вот, возьму, и не пойду. Что я тебе, пёсик. (Уходит в коридор.)

КВАРТИРА БЕЛИКОВОЙ. Беликова моет руки в ванной. Входит Марьяшин.

БЕЛИКОВА. Есть хочу, как слон, только овощи, фрукты и траву, много.

МАРЬЯШИН. Плащ тебе к лицу, особенно в ванной.

БЕЛИКОВА. Да? Пусть висит. Зато в тапочках. Вешалка в тапочках! Слышишь? Я — вешалка в тапочках!

МАРЬЯШИН. Не кричи, не в школе.

БЕЛИКОВА. Что? Двери запри. Я никогда не повышаю голоса на учеников, тем более на коллег. Просто ты психованный сегодня. Запри на все замки.

МАРЬЯШИН. Давай плащ.

БЕЛИКОВА. Сам-то. Кто вчера хлеб в холодильник поставил, масло — в хлебницу, а нож бросил в мусорное ведро?

МАРЬЯШИН. Но молча. Я-то ладно, мне простительно: на тебя засмотрелся. Ты-то же на меня не засматриваешься, чтоб забыть перед ванной снять плащ с улицы и орать, как на прогульщика.

БЕЛИКОВА. Мой руки, я сейчас обед организую.

МАРЬЯШИН. Хочешь, я займусь едой?

БЕЛИКОВА. Хочу, займись. А руки, что, не будешь мыть?

МАРЬЯШИН (голосит). Ямщик, не гони лошадей...

БЕЛИКОВА. И этот заблеял.

МАРЬЯШИН. И этот? А кто — тот?

БЕЛИКОВА. Чем занят вечером? Поужинаешь со мной? А утром? Утром, спрашиваю, со мной позавтракаешь? Чтобы не мотаться по городу, из конца в конец, туда-сюда, всё равно же заявишься.

МАРЬЯШИН. Мила, ты слышишь себя?

БЕЛИКОВА. Да, чёрт побери, слышу! И хочу, чтоб все слышали. Останься, Глеб, сегодня не уходи. Завтра тоже. Побудь со мной. Нет, не так. Не побудь, а будь. Всегда.

МАРЬЯШИН. Тебе дурно?

БЕЛИКОВА. Переезжай ко мне. Хватит женихаться, пора и честь знать.

МАРЬЯШИН. Переезжать как — с потрохами?

БЕЛИКОВА. Помоги с замком.

МАРЬЯШИН. Я же только на прошлой неделе новый врезал...

БЕЛИКОВА. Да не дверной замок, на платье замок расстегни. Ну же!

МАРЬЯШИН. Ох, мамочка-на-саночках... Надеюсь, не шутишь...

БЕЛИКОВА. И с потрохами, и с вещами переезжай. И с фамилией. Была Беликова, стану Марьяшина. Не может быть. Вся школа приколется... А мне нравится: Людмила Викторовна Марьяшина. Очень нравится. В этом есть какой-то сексапил, а, Марьяшин?

МАРЬЯШИН. Ненаглядная моя.

БЕЛИКОВА. Глеб, я так хочу кушать.

МАРЬЯШИН. Ладушка...

БЕЛИКОВА. У тебя глаза вспотели, богатырь. И не надо сюсюкать! И трогать меня сейчас не надо. (Падает на кровать.)

МАРЬЯШИН. Заплакал, что ли? Офонареть... Я так счастлив. Солнышко, я пошёл в кухню. (Уходит в кухню.)

Долгие, требовательные звонки в дверь.

МАРЬЯШИН. Открываем?

БЕЛИКОВА. Нет.

МАРЬЯШИН. Небось, картошку, предлагают. На ужин продуктов нет, одни крупы остались. Взять мешок?

БЕЛИКОВА. Ещё отчёты писать.

МАРЬЯШИН. Может, тогда открыть дверь и честно послать, куда по-дальше или повыше?

БЕЛИКОВА. Не смей.

МАРЬЯШИН. Завтра воскресенье, рванём за город?

Звонки в дверь не смолкают.

БЕЛИКОВА. Чёртов звонок. Занимайся питанием, мужчина, а женщина сейчас выйдет и кому-то хвоста накрутит за наглость.

МАРЬЯШИН. Я же спец по физкультуре.

БЕЛИКОВА. А я — разъярённая тётка, фурия я. Кто страшнее? Тот.

МАРЬЯШИН. Я так люблю глядеть на тебя со сна...

БЕЛИКОВА. Я — не сосна, я — ива, вишь, каков изгиб?

МАРЬЯШИН. Да что мне до твоих изгибов-выгибов, мне вся ты прекрасна...

БЕЛИКОВА. Иди уже, кормилец, живот к спине липнет с голодухи...

МАРЬЯШИН. А может, по маленькой, за переезд?

БЕЛИКОВА. Оставь меня!

МАРЬЯШИН. Всё, меня здесь нет. Но я-то знаю, что я здесь есть. Офонареть! (Уходит в кухню.)

БЕЛИКОВА (негромко). Начинается развесёлая жизнь. Точнее, возвращается. Какой же вы доставучий, Тархан. (Замечает на комодe пластмассовую расчёску.) О, пластмасса, какая прелесть. Ну, вы у меня сейчас наплачетесь, господин из прошлого. (Отламывает часть расчёски.) Глеб, где в нашем доме спички?

МАРЬЯШИН. В нашем!

БЕЛИКОВА (замечает спичечный коробок на комодe). Всё, нашла, около свечи, не суетись. (Берёт спички, уходит в коридор)

ЭТАЖНЫЙ КОРИДОР. Беликова выходит из квартиры, на цыпочках подходит к двери на лестничную площадку, смотрит в глазок.

БЕЛИКОВА. Тархан... собственной злобной персоной. Негодяй, паршивец, проходимец, зараза, стервец...

Беликова достаёт из кармана часть расчёски, спички, поджигает и просовывает дымящуюся от плавления пластмассу под дверь, на ле-

стничную площадку. Беликова на цыпочках возвращается в квартиру, закрывает за собой дверь.

ДВОР. Из подъезда выбегает Тархан, морщится, сплёвывает.

ТАРХАН. Ну, Людка! Вот училка. Дымовухой решила меня известить? Ага, сейчас. (По телефону.) Гостиница? Я — Тархан Дмитрий Алексеевич, ваш постоялец. Вы предлагали заказ такси на весь день. Да, беру. Мой номер шестнадцатый. Срочно. Я на улице Мира... (Уходит со двора.)

КВАРТИРА БЕЛИКОВОЙ. Горит ночник. В наполовину разобранной постели, под одеялом лежит Марьяшин. Входит Беликова, снимает халат, ложится под одеяло.

БЕЛИКОВА. Спишь?

МАРЬЯШИН. Ни разу.

БЕЛИКОВА. Ещё бы, ждал, конечно. Мы же впервые в постели, под одним одеялом, раздетые...

МАРЬЯШИН. Счастливые.

БЕЛИКОВА. Осторожно.

МАРЬЯШИН. Осторожные...

БЕЛИКОВА. Не торопи меня.

МАРЬЯШИН. Неторопливые...

БЕЛИКОВА. Нет. (Уходит.)

МАРЬЯШИН. Ох, мамочка-на-саночках, взрослые же люди...

БЕЛИКОВА (на пороге). Прости, Глебушка. Я не могу пока. Понимаешь? Привыкла спать одна. Не сердись, пожалуйста. Просто не сегодня. Потом — всегда. А сейчас лягу в той комнате. Прости. (Уходит.)

МАРЬЯШИН. Да куда я денусь. (Поднимается, одевается, уходит в прихожую)

В гостиной Беликова застилает диван. На порог входит Марьяшин.

МАРЬЯШИН. Я — домой.

БЕЛИКОВА. Всё-таки.

МАРЬЯШИН. Сегодня — да. А завтра, Мила, завтра мне переезжать? Или будет такая же эротическая комедия.

БЕЛИКОВА. Всё, давай, прощаться. Поцелуй меня в щёчку и езжай.

МАРЬЯШИН. Что ты со мной творишь.

БЕЛИКОВА. Конечно, переезжай, о чём речь. Всё будет хорошо. И запомни, я — не комедиантка. Тем более эротическая. Я, может, сексуальный бомбардировщик, откуда ты знаешь.

МАРЬЯШИН. А ты знаешь?

БЕЛИКОВА. Откуда, чёрт побери!

МАРЬЯШИН. Может, поговорим, обсудим, слово за слово, ниточка потянется, клубочек раскатается...

БЕЛИКОВА. Дурак какой-то, я тебе, что ли, ткацкий станок?

МАРЬЯШИН. Я бы не возражал.

БЕЛИКОВА. Хам. Можешь не целовать на дорожку, не обижусь. Иди же...

МАРЬЯШИН. До завтра. (Уходит.)

БЕЛИКОВА. Вот дура неотёсанная. Полено. Вешалка в тапочках.

ОКРАИНА КРЕМНЕГОРСКА. Из подъезда обшарпанного двухэтажного многоквартирного дома выходит Марьяшин, с большой, набитой вещами, спортивной сумкой на плече. Навстречу идёт Тархан, разговаривая по телефону.

ТАРХАН (по мобильному). Всё, Свиридов, мне некогда, потом договорим. (Убирая мобильный, Марьяшину.) Ради бога, извините, заплатал. Можно к вам обратиться?

МАРЬЯШИН. Слушаю вас.

ТАРХАН. Я — приезжий. Мне нужна улица Мира, дом двенадцать.

МАРЬЯШИН. Однако, занесло вас. Это ж в Центре почти, даже прямой маршрутки отсюда нет, только на перекладных.

ТАРХАН. Объясните?

МАРЬЯШИН. Легко. Будете смеяться, но нам по пути. Провожу до самых, что ни на есть, дверей. Просто мне надо в тот же дом.

ТАРХАН. Удача. Давайте, помогу поднести.

МАРЬЯШИН. Перестаньте, для меня это отличная тренировка, приятное с полезным. (На ходу.) Идёмте.

ТАРХАН (на ходу). Спортсмен?

МАРЬЯШИН. Местами.

ТАРХАН. Не, я себя так неудобно чувствую. Давайте, я возьму такси, и мы доберёмся со всеми удобствами.

МАРЬЯШИН. Что ж вам сразу было не взять такси?

ТАРХАН. Не люблю автомобили, органически ненавижу. Я в вашем городе бывал пятнадцать лет назад, дай, думаю, пройдусь по памя-

ным местам. А память-то подвела. И вообще, ходьба здоровее езды в консервной банке, но не с таким грузом.

МАРЬЯШИН. В нашем районе поймать такси почти нереально, только по телефону, но это дорого и долго. Частников полиция затрамбовала. Есть, правда, одна стоянка такси, в светлое время машины бывают, надо дойти до торгового центра.

ТАРХАН. Так идёте.

Звонит мобильный телефон Марьяшина.

МАРЬЯШИН (по телефону). Да, Мила? Я с вещами. Что купила? Да без проблем, возьму такси и заскочу на минутку. Да, помню там кирпич, проезда нет. Нет-нет, не носи книги, это тяжело, я с удовольствием пройду от такси до школьных ворот. Целую. До встречи. (Убирает телефон.)

ТАРХАН. Проблемы? У вас озабоченное выражение...

МАРЬЯШИН. Да вот позвонили, надо на работу к жене зайти, купила там книги.

ТАРХАН. Без вопросов, заедем.

МАРЬЯШИН. Отлично. За мой счёт.

ТАРХАН. Ещё чего. Я приехал с Крайнего Севера и мне в радость сделать приятное проводнику по городу моей молодости. Финансовый вопрос закрыт.

МАРЬЯШИН. Как вам наш Кремнегорск, спустя пятнадцать лет?

ТАРХАН. Странное впечатление, невнятное. Потому и хочу снять квартиру, пожить, так сказать, в гуще народной, чтоб лучше понять. Давайте, поднесу.

МАРЬЯШИН. Даже не мечтайте. Переезжать, что ли, собрались?

ТАРХАН. Кто знает. А тут еду в электричке, гляжу — объявление в газете о сдаче квартиры. Улица Мира, дом двенадцать. И телефон. Я звоню, там не отвечают. А по этому адресу когда-то моя жена проживала.

МАРЬЯШИН. Да ну. Надо же.

ТАРХАН. Я-то много лет живу на Северах, пора уже, как говорится, и честь знать. Вот и решил перебраться на родину жены. Вернее, приглядеться, а там уж решить, переезжать ли.

МАРЬЯШИН. Может, я её знаю?

ТАРХАН. Мою Людмилу Викторовну? Запросто. Она девушка общительная.

МАРЬЯШИН. А номер квартиры в объявлении указан?

ТАРХАН. Кто ж такое в газете публикует. Что-то вы помрачнели?

МАРЬЯШИН. А фамилия вашей жены как?

ТАРХАН. Тархан, как моя.

МАРЬЯШИН. Не знаю.

ТАРХАН. А девичья — Беликова.

МАРЬЯШИН. Покажи газету. Объявление, говорю, покажи.

ТАРХАН. Зачем мне таскаться с бесплатным изданием, оно руки пачкает и толстое. Но адрес переписал. (Достаёт мобильный телефон, листает) Вот. Кремнегорск, улица Мира, дом двенадцать «а».

МАРЬЯШИН. А?

ТАРХАН. Ааа... Точно — «а».

МАРЬЯШИН. А!.. А у нас дом просто номер двенадцать.

ТАРХАН. Только я не понял, чего это вы на меня чуть с кулаками не кинулись, слюной обрызгали...

МАРЬЯШИН. Мою жену зовут Людмила Викторовна Беликова.

ТАРХАН. Беликова — не Телешева.

МАРЬЯШИН. В смысле?

ТАРХАН. Разве я сказал, что моя — Беликова? Да нет же, вам слышалось, моя — Телешева. Людмила Викторовна — это да, но не ваша, а моя.

МАРЬЯШИН. Чёрт. Извините, слышалось.

ТАРХАН. Любовь?

МАРЬЯШИН. Сумасшествие какое-то, наваждение. Ну, вот, как я мог подумать, что моя Мила может быть вашей женой, если вы живёте на Крайнем Севере, а она здесь. Совсем у меня уже ум за разум...

ТАРХАН. Любовь. Дмитрий. Можно: Дима, Митя, или как там пойдёт.

МАРЬЯШИН. Глеб. Глеб Андреевич Марьяшин. Надо как-то это дело замывать. С меня причитается.

ТАРХАН. И заполируем. Не возражаю.

ПЕРЕКРЁСТОК. Беликова стоит со стопкой учебников, перевязанных лентой. Быстро входит Марьяшин, за ним идёт Тархан.

МАРЬЯШИН. Дмитрий, не стоит беспокоиться.

ТАРХАН. Да мне размяться после сидения в такси. Я здесь подожду. (Останавливается поодаль.)

БЕЛИКОВА. Ты не один?

МАРЬЯШИН. Случайный знакомый, не местный, заплутал.

БЕЛИКОВА. Не важно. Я побежала, мне срочно надо в поликлинику, что-то там с диспансеризацией не то...

МАРЬЯШИН. Постой, мы — на такси.

БЕЛИКОВА. Ты же не любишь тратиться.

МАРЬЯШИН. Не я тачку снял, спутник.

БЕЛИКОВА. Неловко...

МАРЬЯШИН. Нормально. (Тархану.) Дмитрий! Не возражаешь, если мы мою жену до поликлиники подбросим, это по пути?

ТАРХАН. Конечно. Перегруза не будет.

МАРЬЯШИН. Мила, сядешь вперёд, книги я возьму. Пойдём, пойдём-пойдём.

ТАРХАН. Какая красивая у тебя жена, Глеб, поздравляю.

МАРЬЯШИН. Спасибо. Вот, это Дмитрий, знакомься. А это моя Людмила Викторовна. Слышь, Мила, оказывается у Дмитрия Алексеевича жена тоже Людмила Викторовна, и тоже почти Беликова. Но всё-таки Телешева. И живёт, представь, чуть не в одном с нами доме.

ТАРХАН. И такая же красивая. Точь-в-точь. Только посвежее. В смысле, моложе. Лет на пятнадцать, навскидку.

БЕЛИКОВА. Мне надо вернуться, я забыла паспорт. Езжайте без меня. (Убегает.)

МАРЬЯШИН. Извини, Дмитрий, она у меня девушка непростая, мало предсказуемая.

ТАРХАН. У меня — то же самое.

МАРЬЯШИН. Зря ты, конечно. Про возраст завернул, что твоя моложе.

ТАРХАН. Виноват, с меня ещё полбанки. Едем.

Тархан и Марьяшин уходят. Из-за угла дома выглядывает Беликова.

БЕЛИКОВА. Тархан... кривляка. Злобный чёрный клоун. Ну, зачем он так!

КВАРТИРА БЕЛИКОВОЙ. За столом сидит Тархан. Из коридора входит пьяный Марьяшин, с телефоном.

МАРЬЯШИН. Сейчас моя женщина где-то в это время звонить мне будет. (Кладёт на стол телефон.) Средство связи не кантовать, в принципе, руками не трогать.

ТАРХАН. Любовь у вас — на зависть.

МАРЬЯШИН. Пьём?

ТАРХАН. А как же. Жизнь прекрасна, но без горечи сладости не почувствовать. Глеб, ты чего завис?

МАРЬЯШИН. Думаю, что ты сейчас сказал.

ТАРХАН. Может, смажем мозги, легче шурупить?

МАРЬЯШИН. Может. Пьём. (Пьёт)

ТАРХАН. Однозначно. (Незаметно выплёскивает водку в цветочный горшок.)

МАРЬЯШИН. Главное, Димон, хоть тресни, это дети.

ТАРХАН. Закусывай.

МАРЬЯШИН. Обидеть хочешь, думаешь, я без закуски с водкой не справлюсь?

ТАРХАН. А я не справляюсь.

МАРЬЯШИН. Сравнил, ты старше меня на пять лет, а я ещё и учитель физкультуры. Нет, тебе со мной равняться не надо. Так вот, дети...

ТАРХАН. Поэтому под закуску я приму ещё, вне очереди, дополнительно.

МАРЬЯШИН. Не бухти. Новые дети — страшная обуза в сорок лет. И мне налей.

ТАРХАН. Что означает выражение "новые дети"?

МАРЬЯШИН. У вас там, на Северах, всё население такое несообразительно примороженное?

ТАРХАН. Ну, нищих там нет, значит, дураков немного, а если такие есть, то это просто родственники человека разумного. Обидеть хочешь?

МАРЬЯШИН. Вот-вот, только и думаете, как бы капусту срубить, а подумать про философию бытия некогда. Обидеть? Я? Товарища? Да на всём Урале нет человека гуманнее учителя физкультуры Глеба Андреевича Марьяшина. У меня первых разрядов только по пяти видам, и два кмс. Если высказалось обидно, выскажись, но я заранее извиняюсь.

ТАРХАН. КМС?

МАРЬЯШИН. Кандидат в мастера спорта. Выпьём?

ТАРХАН. Вздрогнем.

МАРЬЯШИН. Почему «вздрогнем»?

ТАРХАН. У нас там холодно.

МАРЬЯШИН. Странные у вас там люди, не совсем адекватные. Что значит "вздрогнем"? Вздрогнуть от выпивки может даже тот, кто не выпивает, например, бабушка. Видит, как мужики мучительно вливают в себя эту магазинную гадость, и вздрагивает. В нормальной России сна-

чала пьют, а потом, конечно, могут и вздрогнуть. Вот так. (Вздрагивая.) Брр.

ТАРХАН. Хватит пороть чушь.

МАРЬЯШИН. Ты сейчас про что?

ТАРХАН. Про "новых" детей.

МАРЬЯШИН. Что за чушь?

ТАРХАН. Вот и я так подумал.

МАРЬЯШИН. Вспомнил! Нет, товарищ дорогой, ты кэ мэ эса на про-стака не свалишь. Так вот. Если бы, скажем, родить, как обычно, до двадцати там лет, до двадцати пяти, это нормально, к сорока у тебя как раз уже здоровые взрослые лбы, пусть себе дорастают, куда надо. Только помогаешь и всё, а так они сами. Эту породу можно назвать старыми детьми.

ТАРХАН. Ты уже падаешь, Глеб, ложись, поспи, а я посторожу.

МАРЬЯШИН. А тут вдруг ба-бах: у тебя под ногами писи-каки шебуют, спать не дают, призывают к домашнему образу жизни, а тебе ещё только-только сороковник... и получаются сороковины по собственной жизни...

ТАРХАН. Ещё по стопке?

МАРЬЯШИН. Всенепременнейше.

ТАРХАН. О, уже нолито.

МАРЬЯШИН. Я вообще водку ненавижу, такая, сволочь, тяжёлая и глупая жидкость, что хоть плачь. И, главное, подлая какая-то, обязательно что-нибудь вытворит. Человек-то не при делах, согласись.

ТАРХАН. Соглашаюсь.

МАРЬЯШИН. Будь здоров, товарищ. Наливай.

ТАРХАН. Справедливое замечание, когда посуда порожняя, но она полна.

МАРЬЯШИН (голосит). «Ой, полным-полна моя коробочка»... Мужчи-на, обождите, я — сейчас. (Засыпает.)

ТАРХАН. Здоров баклан пить. Заснул, таки. (Напевая, берёт телефон Марьяшина, листает.) Вечерний звон... вечерний звон... вот телефон... вот телефон... Адресная книга. Бом, бом, бом, бом. Беликова, конечно, первая в списке. Качаем...

В прихожую с улицы входит Беликова, ставит сумки. Видит на вешалке мужской плащ. Не разуваясь, проходит в кухню.

БЕЛИКОВА. Тархан... вы — монстр.

ТАРХАН. Не злитесь на Глеба. Ну, пал парень на поле брани с зелёным змием, с кем не бывает, зато смертью храбрых.

БЕЛИКОВА. Вы нарочно это всё.

ТАРХАН. Всё, ухожу. Ретировался бы раньше, да никак не вписывался в расклад вашего сожителя. Очень уж он хотел нас познакомить. Как говорится: пост сдал — пост принял. Да, детей он, похоже, не хочет. Поздно, говорит, заводите. Как собаку или морских свинок... Детей не заводят, их рожают. Да ведь и поздно-то ничего не бывает, бывает только никогда. (Уходит в прихожую, обувается, одевает плащ.)

Из кухни выходит Беликова.

БЕЛИКОВА. Вы теперь друзья?

ТАРХАН. С кем — с этим? Да бог с вами, Людмила Викторовна, у меня есть мой круг общения, вашему избраннику там просто нечего делать. Как вы там говорили? Типа «он тебя одним махом расплющит»? На вашего, извините за выражение, избранника даже махать не пришлось, сам расплющился.

БЕЛИКОВА. Какой же вы, всё-таки, страшный человек, Тархан.

ТАРХАН. Зато я не пил. Дыхнуть? Я, кстати, бросил.

БЕЛИКОВА. То-то, я смотрю, кожа гладкая. Тархан — трезвенник, обалдеть. С какого перепугу?

ТАРХАН. Просто мне стало невыносимо интересно, могу ли я чего-то добиться. Подумал, спиться-то я всегда успею, ежели приспичит, встал, сходил в магазин и все дела, и жизнь прекрасна до ужаса.

БЕЛИКОВА. Добились?

ТАРХАН. Да. Чёткого осознания, что жить трезвым тоскливо. Когда пьянствуешь, имеешь всего одну мысль, где похмелиться, а когда трезв, имеешь много мыслей и много печалей. А самое главное, что осознаёшь, лучше бы ты пил, чтоб не видеть всю эту окружающую действительность.

БЕЛИКОВА. Не забыть, как вы завалились ко мне на день рождения. Вся родня собралась, моя сестричка извелась, как хотела увидеть моего мужчину.

ТАРХАН. Такая маленькая и такая озабоченная.

БЕЛИКОВА. А он пьяный. Да ещё с другом.

ТАРХАН. Саня. Покойный теперь.

БЕЛИКОВА. Добрый парень. Ну, вы дали тогда концерт не по заявкам. Меня потом долго отговаривали от вас.

ТАРХАН. Похоже, небезуспешно?

БЕЛИКОВА. Не без того. Было стыдно, неловко, но так весело.

ТАРХАН. Почему опять не запил? Мелко. Не люблю быть, как все. А потом вернулась мечта поглазеть, как же вы живёте без меня.

БЕЛИКОВА. Поглазели?

ТАРХАН. Я счастлив, что увидел вас. Теперь можно и на кладбище. Впрочем, физически я здоров, а души не хоронятся, они отлетают.

БЕЛИКОВА. Когда вы уедете?

ТАРХАН. Я приехал за вами. Простите, Людмила Викторовна, за любовь. Ну, не проходит никак, хоть ты что тут. Ни время, ни разлука, ни прочие разные всяческие потуги, ничто не лечит. Я — в гостинце «Малахит», мой номер шестнадцатый.

БЕЛИКОВА. Не надейтесь.

ТАРХАН. Да я и не надеюсь. Я просто верю в любовь.

БЕЛИКОВА. Лучше бы вы пили, Тархан!

ТАРХАН. Согласен. До встречи. (Уходит.)

БЕЛИКОВА. Какой кошмар. Ужас... (Идёт в кухню, принимается за уборку, бросает.) Да что я, нанималась, что ли. (На Марьяшина.) Расплющился. (Уходит в прихожую, звонит.) Фаина Владимировна, привет. Да, я. Прими меня, пожалуйста, на ночь. Одну. Можно? Спасибо. С дороги позвоню. (Кладёт трубку, подхватывает портфель, сумочку, выключает электричество, уходит.)

Марьяшин просыпается на полу.

МАРЬЯШИН. Ох, мамочка-на-саночках... каталась я весь день. Мила? (Обходит квартиру.) Людмила? Радость моя, прости. Нету, что ли? (По телефону) Мила... Ты где? Радость моя, прости, я сволочь, больше не буду. Возвращайся!

ГОСТИНИЧНЫЙ НОМЕР ТАРХАНА. Беликова сидит за столом, проверяет ученические тетрадки. Входит Тархан, в руках — корзина с едой.

БЕЛИКОВА (не оборачиваясь). В ресторане зависли, Дмитрий Алексеевич?

ТАРХАН. К слову, о неприкосновенности жилища.

БЕЛИКОВА. Вы мне мешаете.

ТАРХАН. Подхожу к отелю, ба: свет в моём окошке, думаю, взломщик проголодался, заскочил в буфет.

БЕЛИКОВА. Тиша встретил, на видном месте. Будто знал, что я приду.

ТАРХАН. Вы проверяете ученические тетрадки? Дома места не нашлось?

БЕЛИКОВА. Последняя тетрадка.

ТАРХАН. Здравствуйте, Людмила Викторовна.

Звонит мобильный телефон Беликовой.

БЕЛИКОВА. Телефон на тумбочке, гляньте, пожалуйста, кто звонит.

ТАРХАН. На дисплее: Глеб.

БЕЛИКОВА. Сбросьте.

ТАРХАН. Отлично, уже вношу Глеба в чёрный список.

БЕЛИКОВА (складывая тетрадки в портфель). С приездом.

ТАРХАН. Наконец-то. Ужин принёс, а завтрак входит в оплату номера, поделюсь, не сомневайтесь. Не уходите.

БЕЛИКОВА. Нравлюсь?

ТАРХАН. Ну, за исключением, может быть, некоторой излишней сексапильной стройности, но в целом — охи да ахи. Простите, я всерьёз.

БЕЛИКОВА. Сегодня полнолуние. Знобит. Мне страшно...

ТАРХАН. Я не оборотень, не вампир, не бойтесь.

БЕЛИКОВА. Зато я превращаюсь в монстра.

ТАРХАН. Хочу монстра...

БЕЛИКОВА. Хотите. (Бьёт портфелем по голове Тархана.)

ТАРХАН. Больно! Уй, мамочки мои!.. В портфеле кирпичи, что ли!?

БЕЛИКОВА. Не надо было приезжать.

ТАРХАН. Но бить-то зачем...

БЕЛИКОВА. В портфеле — знания, а в вашей черепушке — пустота и злоба. Вас убить мало. (Берёт корзину с едой.) Ужин забираю, в качестве компенсации. Обожаю покупные сэндвичи, особенно с голоду. (Ест сэндвич.) Уходя, гасите свет. (Выключает свет.)

ТАРХАН. Я вас люблю! Сколько еды... кушай, Митенька, не обляпайся. (Включает свет.)

На полу, Беликова поедает содержимое корзинки.

БЕЛИКОВА. Заголодала.

ТАРХАН. Монстры ужинают на полу?

БЕЛИКОВА. Они просто кушают.

ТАРХАН. Людмила Викторовна, оставьте мне мою порцию холестерина.

БЕЛИКОВА. В холодильнике фрукты.

ТАРХАН. Я на одной траве долго не протяну, мне нужно мясо.

БЕЛИКОВА. Без проблем, поем и пользуетесь.

ТАРХАН. Вы для меня не мясо.

БЕЛИКОВА. А вы для меня всё.

ТАРХАН. Как вы?

БЕЛИКОВА. Никогда... никогда не была я так счастлива. Сказала любовница, поедая сэндвичи.

ТАРХАН. Почему же вы не захотели этого пятнадцать лет назад? Я, сломя голову, мчусь через всю Россию, как же, ведь она позвала. В моём кармане лежит ключ от её квартиры — она сама его вручила. Взлетаю на девятый этаж, деликатно, с великим нетерпением, звоню. Дверь открывается, на пороге — она. И тут я замечаю, что она глядит на меня, как на досадливую муху. Я — ей: Людмила Викторовна, вот он я, ваш Тархан. А она как расхохочется. И саркастически так, причём подчеркнуто саркастически, с выражением. И захлопывает дверь. Помните, ваш смех? А я его вызубрил, натренировал. Вы смеялись вот так. (Смеется.) Похоже? Не то слово, один в один.

БЕЛИКОВА. Не смейтесь надо мной.

ТАРХАН. Я опять звоню-звоню, звоню-звоню. Нет, не реагирует. Звонок, скорее всего, отключила. Весь день я поджидаю во дворе, должна же она выйти. И она выходит на утро следующего дня. Я — к ней, а она на меня — глядь, как в пустоту, и быстро-быстро уходит, уходит. Я — за ней. Она уходит, уходит. И ушла дворами, огородами, где я, конечно, заплутал. Я, конечно, мужчина гордый: ключ от квартиры бросил в почтовый ящик, парой бутылок водки залил горящее сердце. Затем электричка. Потом самолёт. Обратно. Через всю Россию. Затем бесконечные телефонные звонки с бешеными счетами и всё в никуда. Без объяснений. То ли нескладуха какая-то, то ли чья-то подлость. Что?

БЕЛИКОВА. Вы тогда многого от меня хотели. Столько ждали от меня. Мне было чуть больше двадцати. Вы — красивый, тридцатилетний, настоящий мужик из дальнего загадочного края, где балом правит длинный рубль вперемешку с оголтелой романтикой. А я обыкновенная, шуршавая серая мышь. Была уверена, что мы не пара. Разговаривать с вами не могла, высота не та. У меня слов не хватало. Я репетировала, правда-правда. Если честно, слов у меня просто не было. Словари не помогли. Любовные романы не читала. Да нет же. Я была пустая девчонка, которая пыжилась понять, зачем ей такой многоумный муж. У которого руки — крюки.

ТАРХАН. Да понял я, вы нарочно тогда окно на двери в кухню разбили, чтобы проверить, смогу ли вставить. Не умею я окна вставлять.

БЕЛИКОВА. А как вы пили. Ни дня без водки. Разве что-то разумное можно втолковать самцу во время гона? Согласитесь, я нормальная разумная девушка. Была.

ТАРХАН. Ваша правота кончила мне мою прежнюю жизнь. Нет, я не жалею. Благодаря вам, у меня теперь есть всё, в отличие от миллионов наших сограждан, миллионы денег, недвижимость по миру. А любви не было. Точнее, не стало. Вернее, осталась с вами. Но теперь у меня вы есть. Самое главное, ради чего я становился другим. Но мне до слёз жалко чувака, который жил на белом свете тогда, до сегодняшнего меня, которому так и не довелось полюбоваться с вами на полнолуние тогда, пятнадцать лет назад.

БЕЛИКОВА. Я вас люблю.

ТАРХАН. Полнолуние. Хотите на выходные слетаем в Иерусалим? Я покажу вам самый эпохальный город планеты, столица мира. Поплачем у стены, попросим сокровенного... и вернёмся друг к другу навсегда. Сергиев Посад, Париж, Вена, Акапулько, Токио — это потом. Молчание — знак согласия? Отлично, утром заказываю билеты. Как?

БЕЛИКОВА. В школе на выходные я подменюсь. И делайте со мной, что хотите. Я готова. Пожалуйста, погасите свет. Я стесняюсь.

ТАРХАН (выключая свет). Теперь понял, как это — уйти насовсем, чтобы остаться навсегда.

ШКОЛЬНЫЙ ДВОР. У крыльца стоит Марьяшин, с секундомером в руке, свистком на «ошейнике» и классным журналом подмышкой. Из-за угла входит Беликова.

МАРЬЯШИН. Мила... Мила!

БЕЛИКОВА. Марьяшин... Некогда, на урок опаздываю.

Входит Тархан.

ТАРХАН. Людмила Викторовна, обождите!

БЕЛИКОВА. Дмитрий Алексеевич, ну, я же просила, не приходите в школу.

ТАРХАН. А чего ж вы тогда такая радостная? Мне обрадовались.

БЕЛИКОВА. Вредный вы, Дмитрий Алексеевич. Все окна забиты зрителями.

ТАРХАН (приветственно машет в сторону школы). Приветствую всех любопытствующих учеников и их завидующих учителей. Ура, товарищи! Ура и вы, господа! Да здравствует свет знаний и солнце любви!

БЕЛИКОВА. Хулиган вы, Тархан! Прекратите.

МАРЬЯШИН. А вот это я!

БЕЛИКОВА. Чёрт возьми, забыла.

ТАРХАН. Здорово, друг.

БЕЛИКОВА. Глеб, пожалуйста, не надо спектаклей и дуэлей.

МАРЬЯШИН. Здоровее видали... Димон.

ТАРХАН. Я же предупреждал, мою жену зовут Людмила Викторовна, и даже точный адрес называл, с фамилией.

МАРЬЯШИН. Сволота...

БЕЛИКОВА. Не смей, Глеб!

ТАРХАН. Согласен, Людмила Викторовна.

МАРЬЯШИН. Слабак, за бабу прячешься!

ТАРХАН. Она — не баба. Просто, давай, не здесь я тебе шею намылю, в другое время, в другом месте.

БЕЛИКОВА. Какая прелесть. (Смеётся.)

МАРЬЯШИН. Беликова! Ты зачем смеёшься?

ТАРХАН. Солидарен, обидно.

БЕЛИКОВА. Эту хохму вся школа будет обсуждать, куда сама от старости не развалится. Хотите, чтобы директора сюда вызвали? Или вас — к директору? Перестань, Глеб Андреевич, мне-то теперь есть, куда деваться, я уволюсь, если муж захочет. А ты все мосты сожжёшь, работу потеряешь. И не становись посмешищем. Сделаем вид, что трое добрых знакомых радуются долгожданной встрече. Мужчины, пожмите друг другу руки. Я прошу! Если вы меня любите. Или вы не джентльмены?

ТАРХАН (подавая руку). Держи краба, Марьяшин.

МАРЬЯШИН (пожимая руку Тархана). Я крабов не ем, я их кошкам скармливаю.

БЕЛИКОВА. Ребята, перестаньте пререкаться, и разойдитесь уже!

ТАРХАН. А ты — не хлюпик, молодца тебе за это.

МАРЬЯШИН. Малыш, мы тут вам не такие кости в порошок стирали.

БЕЛИКОВА. Хватит. Разнимите руки немедленно.

ТАРХАН. Пожалуйста.

МАРЬЯШИН. Ты — первый.

ТАРХАН. Нет, на "три-четыре".

БЕЛИКОВА. По моей команде.

МАРЬЯШИН И ТАРХАН (хором) Идёт.

БЕЛИКОВА. Приготовились? Три... четыре.

Тархан и Марьяшин расцепляют руки.

МАРЬЯШИН. Тархан, ты должен со мной встретиться. Один на один. Клянись.

ТАРХАН. Аминь, Марьяшин, аминь. До скорой встречи. Сегодня же. А теперь пыли отсюда на стадион и дуй в свисток, звонок на урок уже прозвенел.

МАРЬЯШИН. Повезло тебе, Димон, я не злопамятный. Память у меня плохая, поэтому я всё записываю. (Уходит.)

БЕЛИКОВА. Ну, зачем же вы явились, Дмитрий Алексеевич?

ТАРХАН. Нужны данные вашего паспорта, без них авиабилеты не оформляют.

БЕЛИКОВА. А спросить по телефону — не судьба? Я не помню наизусть.

ТАРХАН. Судьба-то судьба, да мозги отключились, так захотелось вас увидеть.

БЕЛИКОВА. Мне пора к детям. Из класса позвоню, продиктую. Иерусалим так Иерусалим, какая разница, где сходить с ума. До встречи, родной. Если честно, я счастлива вас видеть.

ТАРХАН. Дети — святое дело. Поужинаем сегодня в ресторане? Не хочется в номере, под столом, староват я для такой гимнастики. А ещё, я читал, что ваш драмтеатр вдруг интересно заработал, может, сходим?

БЕЛИКОВА. Я не одета для ресторана, придётся домой заехать. И для театра специально у меня вообще ничего нет.

ТАРХАН. У вас нет, зато есть у нас, с вами. Оденем, обуем и украсимся, как пожелаете.

БЕЛИКОВА. Вы мне не муж, а я вам не наложница, Дмитрий Алексеевич.

ТАРХАН. Людмила Викторовна, давайте сосуществовать по-взрослому, без ложной скромности, пожалуйста. Я вас очень прошу.

БЕЛИКОВА. Тогда съездим на Коммунистическую, шесть. Знаете, как называется магазин, куда мы едем, Дмитрий Алексеевич? «Смерть мужьям».

ТАРХАН. Ничего, я живучий. Рулите, Людмила Викторовна, рулите. (Уходит.)

БЕЛИКОВА. Ну, что, детки, сегодня на уроке все получают по конфетке. (Уходит.)

ДВОР. Ночь. Марьяшин сидит на бортике песочницы. Звонит мобильный телефон.

МАРЬЯШИН (по мобильному) Да, мама? А что, уже ночь? Не заметил. Скоро буду. Нет, сегодня не было времени, заберу вещи завтра. Уже еду, жди.

КВАРТИРА БЕЛИКОВОЙ. В прихожей, у входной двери, стоит большой чемодан на колёсиках. В дверь входит Тархан, видит игрушку-медвежонка, берёт.

ТАРХАН. Людмила Викторовна?

БЕЛИКОВА. Я — в кухне, Дмитрий Алексеевич, готовлю нам кофе.

ТАРХАН (входя в кухню). Аромат. (Вешает связку ключей на стену).

БЕЛИКОВА. Вы себе не представляете, какой скандал вчера с директрисой пришлось пережить, чтобы дали три выходных. Кончилось тем, что я плюнула, написала заявление об уходе и — вся любовь.

ТАРХАН. Тишка решил вернуться ко мне.

БЕЛИКОВА. Опять крадёте.

ТАРХАН. Это уже не воровство, это грабёж. (Смеётся.)

БЕЛИКОВА. Теперь-то зачем, мы же вместе... Ключи повесили... Что? Что-то произошло? Зачем вы смеётесь.

ТАРХАН (смеясь). Смешно. (Идёт в прихожую.)

БЕЛИКОВА. Куда вы? (Бежит в прихожую.) Дмитрий Алексеевич, перестаньте. Вы меня пугаете.

ТАРХАН. Так в этом-то всё и дело. В глаза! Смотрите мне в глаза. Что там? А, вижу, разглядели. Так-то. Прощай, Беликова. Как там: и вся любовь? Точно. Точнее не бывает. (Смеётся, уходит, захлопнув дверь.)

БЕЛИКОВА. Что... что... что... что за смех... Чёрт побери, это ж был мой смех!.. тот самый, из прошлого... Он меня бросил!? Так же, как я его тогда? Отомстил... Нет, нет, не может взрослый человек бросить всё, чтобы так гадко поступить... Мужчина не мстит женщине! Это не солидно. Господи, как же плохо, как плохо я тогда поступила... я — плохая... плохая... Догнать. Догнать. (Убегает.)

ДВОР. Марьяшин сидит на бортике песочницы. Из подъезда выбегает Беликова.

МАРЬЯШИН. Мила!

БЕЛИКОВА. Не видел Дмитрия Алексеевича?

МАРЬЯШИН. Люда, уже поздно, на улице темно, холодно, а ты в фартуке. Не бегай за ним.

БЕЛИКОВА. Не тронь! Исчезни!

МАРЬЯШИН. Его ждало такси.

БЕЛИКОВА. Ждало?

МАРЬЯШИН. Мимо меня он не прошёл бы.

БЕЛИКОВА. Глеб. Глеб Андреевич... Глебушка. Марьяшин... Глеб. Глееб...

МАРЬЯШИН. Я здесь, Мила. Здесь...

БЕЛИКОВА. Глеб... меня бросили... Глеб. Я — дрянь, я — вещь, я — ничто.

МАРЬЯШИН. Ну, что ты, что ты, что ты... Я с тобой.

БЕЛИКОВА. Почему ты? Ну, почему ты... ты.? Ты мой враг, ты... Не смей... не смей любить меня... не смей. Господи, не надо меня любить. Пусть меня никто не любит, ради бога... Зябко.

МАРЬЯШИН (надевает свой плащ на Беликову). Мой плащ надень. Иди домой, там тепло, уют...

БЕЛИКОВА. Не ври.

МАРЬЯШИН. Хорошо бы тебе отдохнуть на море. Слышал, директор к тебе домой приходила?

БЕЛИКОВА. Да. Заявление порвала. Директриса сказала, чтобы раньше понедельника в школу ни ногой. Но к детям допущена.

МАРЬЯШИН. Здорово, когда у руководителя не только правовое сознание, но и человеческое. Получается, у нас три дня выходных?

БЕЛИКОВА. Помнится, завтра у тебя уроков нет. Так что, предлагаю посетить какой-нибудь ночной клуб. Сейчас же!

МАРЬЯШИН. Фартук хотя бы снимешь?

БЕЛИКОВА. Только не в квартиру.

МАРЬЯШИН. У мамы есть сад с домиком, а у меня есть ключи.

БЕЛИКОВА. А завтра в ЗАГС.

МАРЬЯШИН. Утром решим.

БЕЛИКОВА. Бежим отсюда, бежим!

БАЗА ОТДЫХА. В комнате деревянного гостиничного домика у окна стоит Тархан.

ТАРХАН. Морозец, однако. Дорогие синоптики, что помешало вам в этот раз исполнить обещанную красавицу-зиму. А вот и радость моя скачет. В городских сапожках сегодня много не нагуляешь...

Входит Беликова.

БЕЛИКОВА (в прихожей). Фаина Владимировна, вы здесь? Это уже даже не мороз, это настоящая стужа! Фаина Владимировна, мне дали колбочку чистейшего медицинского спирта, ура, мы не заболеем!

ТАРХАН. Я уже дважды чайник ставил, пока вы там спирт добывали.

БЕЛИКОВА. Нет!!!

ТАРХАН. Да что ж вы такая нервная, Людмила Викторовна, так и до психушки можно испугаться.

БЕЛИКОВА. Вас нет! Нет, нет, нет! Как так? Откуда!? Нееет! Помогите! Спасите!

ТАРХАН. Не поможет. Семинар, на который вы приехали, оплатил я. Формально, моя фирма. Только ради нашей встречи. Иначе нужна мне эта ваша школьная педагогика. Даже не ради встречи, а ради одного разговора. Простой беседы. А подружку вашу, Фаину Владимировну, перевели в соседний домик.

БЕЛИКОВА. Уйдите, уйдите, уйдите...

ТАРХАН. Конечно. У меня и самолёт стоит под парами, много времени не займу. Можете потом и подружку вернуть, не станете же глушить в одиночку спиртягу. Кстати, вы умеете пить спирт? Хотя, конечно, вы же дипломированный специалист и в общежитии жили. Мне надо выговориться. Вернее, объяснить, в связи с нашим последним расставанием.

БЕЛИКОВА. Не надо. Не надо. Пожалуйста, не надо.

ТАРХАН. Одна чрезвычайно авторитетная девушка сделала мне предложение руки и сердца.

БЕЛИКОВА. Ура. Ура-ура.

ТАРХАН. Она девушка красивая, состоятельная, с перспективой немалого наследства. Реально молодая. Влюблённая. Так вышло, я не виноват. Конечно, я её не люблю. В прошлую нашу встречу, я уже говорил вам, что моя любовь кончилась на вас. Не знаю, как точнее сформулировать...

БЕЛИКОВА. Не надо! Меня нет. Забудьте. Навсегда! Женитесь, женитесь-женитесь, немедленно. (Снимает пальто.)

ТАРХАН. Я помогу.

БЕЛИКОВА. Не смей! Не смей меня касаться.

ТАРХАН. Да я же не вас, пальто...

БЕЛИКОВА. Руки прочь.

ТАРХАН. Так-то бы всё — ничего, почему бы нет. Но её папа... Как бы это элегантнее выразиться...Если скажу «да», он тоже обрадуется, ведь доченька будет счастлива. По крайней мере, какое-то время. Но я уже буду повязан с ним до гробовой доски. И двигаться мне придётся под лупой, а дышать-не дышать под рентгеном.

БЕЛИКОВА. А если скажете «нет»?

ТАРХАН. Ежели откажу, то папа меня ещё и на руках поднесёт на радостях, куда скажу. Ну, потреплет для виду за холку на глазах ненаглядного отпрыска, а потом ещё и оплатит мне морально-физические издержки. У него свои виды на будущее, как дочери, так и капитала.

БЕЛИКОВА (переобувается). Как в пошлом сериале.

ТАРХАН (подаёт тапочки). Я сейчас, тапочки...

БЕЛИКОВА. Обойдусь. Отойдите, я сказала.

ТАРХАН. Пошлость, знаете ли, как, впрочем, и глупость, никак не отменяет нравов и обычаев того круга, в который меня угораздило.

БЕЛИКОВА. И вы приехали меня убить, считая, будто я виновата, что вы из алкаша превратились в олигарха?

ТАРХАН. Ну, я, положим, не олигарх. И убивать вас не собираюсь. И не считаю вас виновной. Я просто люблю вас.

БЕЛИКОВА. Не врите!

ТАРХАН. Я сдурил. Поверьте. Когда я пришёл тогда к вам, у меня и в мыслях не было устраивать что-то. И такси ждало нас, чтобы отвезти в аэропорт. Чёрт дёрнул! Сам сатана вмешался. Просто вдруг я оказался в такой ситуации, о которой мечтал! Обстоятельства сработали автоматически! Я сам был в шоке от того, что творил. Понимаете? Я же много лет сочинял сцену, как я вам отомщу. И приехал, чтобы проверить это мерзкое желание. Но увидел и осознал, что во мне ничего нет к вам, только любовь, любовь... любовь!.. И ничего кроме. Людмила Викторовна, простите. Просто простите и я уеду.

БЕЛИКОВА. Жениться?

ТАРХАН. Вот уж нет.

БЕЛИКОВА. Конечно, личный самолёт под парами.

ТАРХАН. Уеду, чтобы придумать план, как вернуть вас.

БЕЛИКОВА. Не врите.

ТАРХАН. Зачем? Мы же с вами друг от друга не зависим. Согласитесь, я мог бы продолжать существование, если бы врал. Зачем мне

тратиться на сборище школьных преподавателей, тем более, гонять служебный самолёт через всю страну на какую-то базу отдыха в дикий мороз.

БЕЛИКОВА. Я вам не верю. И вообще, мне это напоминает балаган. Просто оставьте меня, раз уж бросили. И не надо сочинять дурацкие небыллицы о невестах с папеньками.

ТАРХАН. Могу доказать.

БЕЛИКОВА. Не надо! Я не нуждаюсь! Мне доказательства ни к чему и вы лично мне никоим образом не интересны. Нам не о чем более говорить, нам дышать одной атмосферой и то незачем. Оставьте меня, Тархан! Ради всего хорошего и доброго, ради всего чистого и светлого, оставьте.

ТАРХАН. Куда вы?

БЕЛИКОВА (идёт в спальню). Я устала, замёрзла, прилягу. Уходите, Дмитрий Алексеевич, уходите. (Уходит.)

ТАРХАН (достав из кармана игрушку-медвежонка). Я Тихона принёс. Оставлю на столе. Простите.

БЕЛИКОВА (показавшись в дверном проёме). Вы ещё здесь? Замок заело.

ТАРХАН. Замок... Вы же знаете, у меня руки — крюки. Я пришлю слесаря...

БЕЛИКОВА. Слесарь? Болван, замок — на платье. Впрочем, можете прислать слесаря. (Уходит.)

ТАРХАН. Замок на платье... На платье — замок? Болван! Болван... Слесарь не нужен. Я сам справлюсь. (Уходит в спальню.)

Затемнение. Следующее утро. Тархан, подсвечивая фонариком телефона, выходит из спальни, пишет записку, оставив на столе, одевается.

ТАРХАН (взяв игрушку-медвежонка). Поехали, Тихон, и впредь не компостируй мне мозги... не-то сожгу к чертям собачьим. (Засунув игрушку в карман, уходит.)

БЕЛИКОВА (из спальни). Доброе светлое утро! Я проснулась. Дмитрий Алексеевич, где наш кофе, я готова. (После паузы, выходит на порог, включает освещение.) Дмитрий Алексеевич... Ау? С пирожными сегодня, вы обещали. (Замечает записку.) Да ладно... Не может быть. (Просматривает текст.) И всё? Детский сад какой-то. (Читает.) «Прощайте». Ну, хорошо, прощаю. И что? Что дальше-то? Беликова, дура,

зачем ты повелась... За что!? Конечно, я не юна, не красива, не стройна, не элегантна, но, сукин сын, ты же меня любишь. Любишь, я знаю. Изверг. Маньяк. Палач. Дело во мне. Я тупо не стою его, я тряпка, дешёвая ветошь. Господи, сделай же что-нибудь со мной... порази меня... солнцем... восторгом... смехом. Смех! Смеха не было. Он ушёл не так, по-другому, по-мужски. Он меня не оскорбил, не унизил. Нет-нет, Беликова, всё в порядке. Он вернётся. Может быть, даже сейчас. Или через час. Не вернётся... никогда он не вернётся. Да-да, никогда. Но обождать стоит. Недолго. Для приличия, чтоб собственная совесть была покойна. А потом... потом..? Потом-то что?.. Будь ты проклят, Тархан. И я, вместе с тобой!.. И я, и я... с тобой.

ДВОР — ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА. На бортике песочницы сидит Тархан, выглядывая прохожих. Со стороны проспекта, под аркой между домами, идут под руку Беликова и Марьяшин.

БЕЛИКОВА. Надо будет поискать знакомых, не хочу я так долго ждать росписи.

МАРЬЯШИН. Всё хочу спросить по поводу Тархана.

БЕЛИКОВА. Я спокойна, как удав. Спрашивай.

МАРЬЯШИН. Почему вы обращаетесь друг к другу «на вы», если между вами было всё?

БЕЛИКОВА. Семнадцать лет назад он привёз в наш детский летний лагерь группу детей нефтяников. Из посёлка под названием Харп, что под Салехардом. Дмитрий Алексеевич не был педагогом, просто был командирован сопровождающим от какого-то предприятия на все два месяца пребывания. Как бы всевидящее око профсоюза.

МАРЬЯШИН. Ничего себе командировочка. Дополнительный сверхотпуск.

БЕЛИКОВА. Бог их знает, этих северян. Я работала в лагере воспитательницей. А там, ты знаешь, среди взрослых, принято обращаться друг к другу по имени-отчеству. Так повелось, так и закрепилось. И чтоб ты знал, ни тогда, ни пятнадцать лет назад между нами было не всё.

МАРЬЯШИН. Не может быть.

БЕЛИКОВА. Я с детства слышала, что так бывает, когда любовь больше жизни. Вернее, чувство сильнее похоти. Со мной и с ним так и случилось. До самой последней минуты его последнего отъезда так всё и сохранилось — «на вы».

МАРЬЯШИН. Почти всё. Ниже пояса вы, таки, перешли «на ты».

БЕЛИКОВА. А ты свечку держал? Да, перешли, но уже сейчас, в этот приезд. Кто-то из родителей моего прошлого выпуска работал в ЗАГСЕ. Может, получится договориться ускорить роспись. Или ты уже против?

МАРЬЯШИН. А там, в песочнице, не он?

БЕЛИКОВА. Где? Да нет... О, боже...

ТАРХАН. Весна в этом году, хоть и поздняя, но замечательная! Добрый день, соседи! Узнали? Я теперь с вами живу, на одной лестничной площадке.

МАРЬЯШИН. Ты, Тархан, вообще одурел? Бога не боишься!

ТАРХАН. Нет, Марьяшин, не боюсь, у нас с ним любовь и всё ровно.

МАРЬЯШИН. Трындец тебе, скотина!

БЕЛИКОВА. Глеб! Не смей. Идём домой.

МАРЬЯШИН. Растопчу!

БЕЛИКОВА. Не смей! Плевать на него и растереть! За мной. Или, клянусь, у нас не будет ничего. Идём! (Ведёт за руку Марьяшина.)

ТАРХАН. Обувь купи, топталыщик, ходишь в кроссовках, в спортивных шароварах, взрослый мужик. (Уходит со двора.)

БЕЛИКОВА (вослед). Дмитрий Алексеевич, вы — гад! А ты — марш домой. (Уводит Марьяшина к подъезду.)

МАРЬЯШИН. Убью.

БЕЛИКОВА. Ну, уж нет, этот труп — мой. (Уходит с Марьяшиным в подъезд.)

СЪЁМНАЯ КВАРТИРА. Тархан сидит за ноутбуком, рядом — игрушка-медвежонок. Звонок в дверь.

ТАРХАН. Открыто. Не слышит. Ладно, сам, значит, сам. (Отпирает дверь.)

Дверь распахивается, в проёме — Беликова.

БЕЛИКОВА. Зачем вы здесь?

ТАРХАН. Не за Чем, а за Кем.

БЕЛИКОВА. Мы это уже проходили, нет?

ТАРХАН. Проходили, но так и не прошли.

БЕЛИКОВА. Уточните.

ТАРХАН. Я — за вами.

БЕЛИКОВА. Я наладила мою жизнь, Дмитрий Алексеевич. Поверьте, на вас свет клином не сошёлся, я ваш клин выбила. Навсегда. Оставьте меня и просто пойдите вон.

ТАРХАН. В вашем возрасте, Людмила Викторовна, рано задумываться о покое. Я вот к вашему приходу просматривал проспекты курортов Адриатики. Подойдите к ноуту. Остановился на трёх, тут закладки, выбирайте.

БЕЛИКОВА. Это что-то вроде покупки? Я — проститутка?

ТАРХАН. Ну, не проститутки же, а просто женщины. Если и покупка, то не вас, а вашего свободного времени. Адриатика — изумительный антураж для выяснения любых отношений, лучше вашего Кремнегорска или моего Харпа, согласитесь.

БЕЛИКОВА. А что же Иерусалим?

ТАРХАН. Проехали.

БЕЛИКОВА. И вы нагло полагаете, что я снова вам поверю?

ТАРХАН. Почему нет. Я же вам поверил после того, как вы поступили со мной пятнадцать лет назад. Аж дважды. И оказался прав. Что вам мешает сделать то же?

БЕЛИКОВА. Влюблённый не может мстить любимому. Вы мелочный бес. Спустя годы заявиться, чтобы свести детские счёты.

ТАРХАН. Мы не были детьми.

БЕЛИКОВА. Кровь за кровь? Я — в крови, а вы — в шоколаде. Мне некуда деваться из этой квартиры, из этого города, а в ваших возможностях весь мир. В конце концов, будьте просто милосердны, отпустите меня.

ТАРХАН. Вы пришли не просить, вы пришли ко мне. Людмила Викторовна, оставайтесь. Дайте мне новый срок, отслужу...

БЕЛИКОВА. Дмитрий Алексеевич, я от вас устала. Исчезните. (Уходит.)

ТАРХАН. Не более получаса на то, что вернётся. Время пошло.

КВАРТИРА БЕЛИКОВОЙ — КУХНЯ. Марьяшин выпивает. Входит Беликова.

БЕЛИКОВА. Это что такое?

МАРЬЯШИН. Пареная репа. Мама принесла сегодня в школу. Мы с ней теперь видимся редко. А сюда не ходит, тебя боится. Почему-то. Вот я, к примеру, тебя не боюсь.

БЕЛИКОВА. Почему ты в верхней одежде?

МАРЬЯШИН. Не поверишь, настоящая пареная репа.

БЕЛИКОВА. Ты обещал при мне не пить. Я её вылью в раковину.

МАРЬЯШИН. Кто ж тебе даст, чужая женщина. Не поверишь, пареная репа сложнее, чем наша с тобой совместная жизнь. Понимаешь? Мы проще пареной репы.

БЕЛИКОВА. Немедленно прекрати выпивку в моём присутствии. Иди на улицу, проветришь.

МАРЬЯШИН. Да, я уже всё понял. Я даже эту противную тёплую водку сосу, чтобы у тебя был повод вышвырнуть меня за порог.

БЕЛИКОВА. Глеб...

МАРЬЯШИН. Ты хочешь быть с ним. Хоти. И будь. Без проблем с моей стороны, без препятствий. Пёс нас всех задери!

БЕЛИКОВА. Остановись, я сказала.

МАРЬЯШИН. Ни за что.

БЕЛИКОВА. В котором часу вернёшься?

МАРЬЯШИН. Я только водку допью. (Пьёт из горлышка.) Вот. Здесь ещё сорок капель, на, выливай в свою раковину. Кстати, я заменил шланг, течь устранена. Вот все твои ключи, возвращаю. На моих часах, Мила, наше время вышло. Спи спокойно, дорогой товарищ любимая женщина с другим... или не спи, всё одно. (Уходит.)

БЕЛИКОВА. Чёрт возьми... Чёрт возьми!!! Чёрт возьми.

СЪЁМНАЯ КВАРТИРА. Тархан сидит в прихожей, одет на выход, с чемоданом. Звонит мобильный.

ТАРХАН (по телефону). Свиридов? Да, я уже на чемодане, утром буду в Москве. У меня всё по плану. Хорошо, встретимся в нашей кофейне. Пока. (Убирает мобильный)

Звонок в дверь. Тархан, открывает дверь, в проёме — Беликова.

БЕЛИКОВА. Да, я пришла. Я пришла к вам.

ТАРХАН. Что-то я хотел вам сказать... очень важное, от всей души. Ах, да. Людмила Викторовна, не мешайте мне жить. (Смеется, захлопывает дверь перед носом Беликовой.) Да. Я сделал это по полной программе. Теперь всё. Всё... всё.

ЭТАЖНЫЙ КОРИДОР. Беликова стоит перед дверью в съёмную квартиру.

БЕЛИКОВА. Враг мой, враг...

Дверь открывается, выходит Тархан, с чемоданом, запирает замки.

ТАРХАН. Съехал ваш Дмитрий Алексеевич. Теперь точно насовсем.

БЕЛИКОВА. Что, уже восвояси? Даже без секса? За просто так смотались или по пути!

ТАРХАН. И, кстати, Тархан просил вам передать, когда придёте в себя, игрушку по имени Тихон. (Бросает игрушку-медвежонка к ногам Беликовой) Сказал, на долгую добрую память. Всё же медведя должны звать Михаилом. (Смеется, уходит.)

БЕЛИКОВА. Тиша мой... Тихон. (Падает в обморок.)

УЛИЦА КРЕМНЕГОРСКА. Марьяшин достаёт мобильный.

МАРЬЯШИН (по телефону). Тархан? Алё...

УЛИЦА ХАРПА. Тархан, во фрачной паре, отвечает на звонок мобильного.

ТАРХАН (по телефону). Кто?

МАРЬЯШИН. Кремнегорск на связи. Марьяшин говорит.

ТАРХАН. Ух, ты! Ничего себе свадебный подарок! Харп слушает вас, Кремнегорск, привет вам с макушки мира!

МАРЬЯШИН. Не до смеха.

ТАРХАН. Излагай.

МАРЬЯШИН. Ты сказал «свадебный подарок»?

ТАРХАН. Не суть. Слушаю.

МАРЬЯШИН. Доктор... доктор. Что вы такое говорите! (Изображает доктора.) Ситуация с вашей женой совершенно непонятная. Анализы показывают, что нет ни одной причины, которая могла бы привести её в реанимацию. А я не понимаю. (Изображает доктора.) Проще говоря, все органы у неё в порядке, и мы её переводим отсюда в неврологическое отделение. Она хоть пришла в сознание? (Изображает доктора.) Нет. Но она не в коме. Мы лечим органы, а не сознание. Что с ней, вы можете объяснить!? (Изображает доктора.) Я — нет. Психика — не мой профиль. Всё, мне пора. Приходите утром, в невралгию, это на третьем этаже, спрашивайте там. Тархан, слушаешь?

ТАРХАН. Да.

МАРЬЯШИН. Доктор, ну, хоть какой-то просвет дайте. (Изображает доктора.) Ну, мы тут пообщались с коллегами, кое-кого пригласили. Са-

мый пожилой из врачей сказал, что пару раз встречался с подобной ситуацией. Грубо говоря — мягко выражаясь, ваша жена не хочет жить. Организм с ней почему-то соглашается. В общем, ей, по всему, нужен мозгоправ, а не мы, в крайнем случае — мозгоклой. Медики в этом месте обычно смеются, а вам не до смеха, виноват. Спустя неделю, другой эскулап. (Изображает врача.) Беликову надо бы выписывать. Мы ведь ей даже вменяемого диагноза поставить не можем. Потому что по медицинским показателям она здорова. Места нужны действительно больным людям. Я — ему: но она же больна, вы знаете. (Изображает врача.) Давайте, без истерик. Нам лучше знать, кого лечить, а кого выписывать. Заберёте, или нам её без сопровождающих выпроводить? Я — ему, конечно, хорошо, говорю, как скажете. (Изображает врача.) Да, мы приглашали на консультацию гастроэнтеролога к соседке по палате. Так вот, Беликова довольно активно отреагировала, знаете на что? Она даже в постели приподнялась самостоятельно. На имя-отчество специалиста: Дмитрий Алексеевич. Может, вам это что-то говорит? Говорит. Ещё как говорит. А тебе, Тархан?

ТАРХАН. Нужен доктор, лечение? Я обеспечу.

МАРЬЯШИН. Нужен ты. Лично.

ТАРХАН. Невозможно, сегодня моя свадьба, и обратной дороги нет.

МАРЬЯШИН. Спаси Милу, Дима!

ТАРХАН. Да на кой чёрт вы мне сдались.

МАРЬЯШИН. Всех благ. Убийца... убийца ты, Тархан, убийца.

КВАРТИРА БЕЛИКОВОЙ

В спальне Беликова лежит в постели. Звонок в дверь. Из комнаты выходит Марьяшин отпирает, в дверном проёме — Тархан.

ТАРХАН. Жива?

МАРЬЯШИН. Чёрт вас обоих разберёт, что вы творите друг с другом. Мила, к тебе приехал Дмитрий Алексеевич. Я вас оставлю, на связи. (Уходит из квартиры.)

БЕЛИКОВА. Дмитрий Алексеевич...

ТАРХАН. Людмила Викторовна...

БЕЛИКОВА. Свет... включите свет... Вы? Вы...

ТАРХАН. Как вы?

БЕЛИКОВА. Лучше, чем вчера, и прекраснее, чем позавчера.

ТАРХАН. В таком случае, вам хватит сил выслушать моё предложение.

БЕЛИКОВА. Я согласна.

ТАРХАН. Вы не поверите, но у здоровых адекватных людей принято озвучивать предложение раньше ответа.

БЕЛИКОВА. Извините.

ТАРХАН. Людмила Викторовна, я прошу вас стать моей женой.

БЕЛИКОВА. Нет. То есть, да. Нет, подождите... в смысле, да. Ну, так нельзя же сразу... ни с того, ни с сего.

ТАРХАН. Ни с того, ни с сего?

БЕЛИКОВА. Ой, вы отлично понимаете, что я имею ввиду. Не то, что сказала, а совсем другое.

ТАРХАН. Успокойтесь, нам нельзя волноваться.

БЕЛИКОВА. Да я давно согласна. Наверное, всегда.

ТАРХАН. А сейчас поедем на свежий воздух, за город. Там такой август, просто с ума сойти от красоты. Кольца купим на обратном пути.

БЕЛИКОВА. Кошмар... То есть, хорошо.

ТАРХАН. Встаём и — на волю.

БЕЛИКОВА (поднимаясь). Вы во фраке?

ТАРХАН. Да.

БЕЛИКОВА. Свадьба?

ТАРХАН. Да.

БЕЛИКОВА. Та самая?

ТАРХАН. Знаете, чего мне теперь больше хочется?

БЕЛИКОВА. Чего?

ТАРХАН. Того, чего пятнадцать лет хотелось меньше всего.

БЕЛИКОВА. Жить?

ТАРХАН. Аминь.

БЕЛИКОВА. Вы не могли мне простить своей новой жизни, на которую я вас обрекла, да?

ТАРХАН. Верно.

БЕЛИКОВА. Но ведь не из-за того, что жили без меня?

ТАРХАН. Ну, да, из-за того, что жил. Не моей жизнью. Обождать на улице?

БЕЛИКОВА. Нет! Мне нужно одеться, там, в гостиной. А вы... Будьте, где хотите. Только не уходите!

ТАРХАН. Здесь я, здесь, рядом. Вместе.

БЕЛИКОВА. Вместе.

ЦВЕТОЧНЫЙ ПАВИЛЬОН. Из павильона выходит Тархан, в праздничном костюме, с охапкой цветов. Достает из кармана игрушку — медвежонка.

ТАРХАН (устраивая игрушку в цветах). Тихон, сиди тихо, идём в ЗАГС. Понял? Будешь самым главным свидетелем...

Входит Марьяшин.

МАРЬЯШИН. Эй.

ТАРХАН. Марьяшин, ты мазохист?

МАРЬЯШИН. Я тут присмотрел местечко. Шагай вперёд и направо. В сквер.

ТАРХАН. Станешь бить?

МАРЬЯШИН. Убивать.

ТАРХАН. А можно мне отбиваться?

МАРЬЯШИН. Нужно.

ТАРХАН. Всерьёз?

МАРЬЯШИН. Насмерть.

ТАРХАН. Меня Мила ждёт, может, после?

МАРЬЯШИН. Нет.

ТАРХАН. Ты же сам меня зазвал.

МАРЬЯШИН. Дурак потому что. Не могу видеть её счастливой не со мной.

ТАРХАН. Что ж, поторопимся, надо успеть к росписи.

МАРЬЯШИН. Эй. Победи меня, пожалуйста.

ТАРХАН. Легко, если поддашься.

МАРЬЯШИН. Нет.

ТАРХАН. Тогда прыгни с крыши, влезь в петлю.

МАРЬЯШИН. Нет.

ТАРХАН. Значит, будем побеждать в честном бою.

МАРЬЯШИН. Я наводил о тебе справки, ты справишься.

ТАРХАН. Аминь.

ЗАГС — ВХОД. На крыльце, в праздничном платье и украшениях, стоит Беликова.

БЕЛИКОВА. Он придёт, придёт...

Входит помятый Марьяшин.

МАРЬЯШИН. Вам просили передать цветы. (Подаёт букет.) Он лежит там, в сквере, ждёт вас, за кирпичным домом.

БЕЛИКОВА. В сквере? Зачем? Там нет ЗАГСа. Он должен быть здесь, где я. (Роняет букет, из которого вываливается игрушка — медвежонок.)

Входит едва живой Тархан.

ТАРХАН. Я здесь!

МАРЬЯШИН. Во даёт!.. Людмила Викторовна, из букета медведь выпал. Мне так жаль. (Уходит.)

БЕЛИКОВА. Ой, Тиша... вернулся (Подбирает игрушку.)

ТАРХАН. Людмила Викторовна,

БЕЛИКОВА. Мы опоздали на роспись.

ТАРХАН. Поздно не бывает, бывает никогда. На ЗАГС жизни моей уже не хватит, так что, пусть Тихон нас соединяет. (Вынимает из кармана кольца.) Держите кольца, любимая. Вы согласны стать моей женой?

БЕЛИКОВА. Да. А вы согласны стать моим мужем?

ТАРХАН. О, да, ещё как согласен.

БЕЛИКОВА. Давайте, обменяемся поскорее кольцами, а-то вы падаете.

ТАРХАН (падает). Уже. Лёжа тоже можно. Платье красивое, не жалейте, ещё пошьём. Скорее... помогите мне.

БЕЛИКОВА (помогает надеть кольца себе и Тархану). Хорошо надеюсь.

ТАРХАН. Дивно. Вот и вся любовь.

БЕЛИКОВА. Тиша, объяви нас мужем и женой. (Общается с игрушкой.) Что ты там шепчешь? А, да-да-да, спасибо. Всё, Дмитрий Алексеевич, нас объявили мужем и женой. А я так и знала, что вы придёте и останетесь со мной. Я всегда это знала. Слышь, Тихон? И он пришёл, и остался. Мы вместе.

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Толкачев ОРДЕР НА УНИЧТОЖЕНИЕ	3
Андрей Мансуров БЕРСЕРК	14
Пелагея Преловская ЛЕНКИНА РАБОТА	27
Юрий Табашников КОШЕЧКИ И СОБАЧКИ ДВЕРЬ К ТЕБЕ ГОРОД	33 36 49
Дмитрий Аникин КРЫСОЛОВ. СТИХИ	63
Сергей Калабухин НЮАНСЫ ЛЮБВИ. СТИХИ	69
Валентина Карпушина СТИХИ	80
Денис Делендик ЗАПРЕТНАЯ СТОРОНА	84
Салтанат Рахимбекова ИСТОРИЯ О ЗВЕРЕ	120
Евгений Константинов ВЕРЛИБРЫ	142
Гай Север КУРСОВАЯ РАБОТА МЕСТО С КОТОРОГО ТАК ВИДНО ЛУНУ	147 166

Анжелика Стынка

ГОСПОДИН ЧАСЫ

184

Роберт Геттих

МЕСТЬ ЗА ЛЮБОВЬ

286